

ЕВРОПЕЙСКИЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**Олег Бреский
Ольга Бреская**

**ОТ ТРАНЗИТОЛОГИИ
К ТЕОРИИ ПОГРАНИЧЬЯ**

**Очерки деконструкции концепта
«Восточная Европа»**

ВИЛЬНЮС
ЕГУ
2008

УДК 070(476)
ББК 76.01(4Бен)
Б87

Рецензенты:

Минюшев Ф.И., доктор философских наук, профессор
социологического факультета МГУ им. Ломоносова;
Миненков Г.Я., кандидат философских наук, профессор
Европейского гуманитарного университета (г. Вильнюс)

Бреский О., Бреская О.
Б87 **От транзитологии к теории Пограничья.** Очерки деконструкции концепта «Восточная Европа». – Вильнюс : ЕГУ, 2008. – 336 с.

ISBN 978-9955-773-08-5.

Книга представляет анализ тезисов о социальных трансформациях Восточной Европы, которые не могут более развиваться только на платформе транзитологии, являющейся стратегией практического преодоления политической и экономической отсталости региона. Данное исследование выявляет неиспользованный потенциал транзитологии, позволяя преодолеть холистическое представление о пространстве Восточной Европы и составить перспективу обнаружения социального субъекта в трансформационных процессах. Настоящие очерки переоткрывают Восточную Европу – как многообразную социальную систему, создаваемую не анонимными силами и законами, но конкретными субъектами и их практиками.

Для социологов, юристов, философов, и всех, интересующихся социальными процессами в Восточной Европе.

УДК 070(476)
ББК 76.01(4Бен)

Издание осуществлено в рамках проекта
«Социальные трансформации в Пограничье – Беларусь, Украина, Молдова»
при поддержке Корпорации Карнеги (Нью-Йорк)

ISBN 978-9955-773-08-5

© Бреский О., Бреская О., 2008
© Европейский гуманитарный университет, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА I	
Триумф, пределы и перспективы транзитологии.....	19
ГЛАВА II	
Дискурс Пограничья	43
ГЛАВА III	
Границы и Пограничье Восточной Европы	62
ГЛАВА IV	
Нация интеллектуалов	79
ГЛАВА V	
Мультиграничность и субъектность.....	108
ГЛАВА VI	
2b-модель Пограничья	146
ГЛАВА VII	
Морфология Пограничья	166
ГЛАВА VIII	
Стратегии презентации субъектов Пограничья	182
ГЛАВА IX	
Встроенные механизмы Пограничья.....	211
ГЛАВА X	
Восточноевропейский конституционализм	248
ГЛАВА XI	
Свобода как предпосылка и назначение Пограничья	275
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	322

Эту книгу мы смогли написать во многом благодаря возможности участия в семинаре HESP «Социальные трансформации в Пограничье Центрально-Восточной Европы: Беларусь, Украина, Молдова». Семинар проходил на протяжении трех лет с 2004 по 2006 г. в Минске и Вильно, которые на несколько месяцев становились нам домом. Мы благодарны организаторам семинара – Светлане Наумовой, Павлу Терешковичу, Игорю Бобкову, – которые смогли создать атмосферу научной открытой дискуссии и способствовали обмену идеями между исследователями из разных стран и университетов. Наша признательность также всем участникам семинара, с которыми мы провели немало приятных и плодотворных дней.

ВВЕДЕНИЕ

*Каменищик был и Король я – и, знание свое ценя,
Как Мастер, решил построить Дворец,
достойный меня.
Когда разрыли поверхность, то под землей нашли
Дворец, как умеют строить только одни Короли.
Он был безобразно сделан, не стоил план ничего,
Туда и сюда, бесцельно, разбежался
фундамент его.
Кладка была неумелой,
но на каждом я камне читал:
«Вслед за мною идет Строитель.
Скажите ему – я знал».*

Р. Киплинг «Дворец»

Исходные положения

Большинство работ, написанных за последние пятнадцать лет по исследованию процессов, происходящих в восточно-европейских обществах, содержат в себе фразу «современное общество находится в процессе системной трансформации». Эта фраза принадлежит словарю транзитологии, язык которой, без сомнения, стал преобладающим в социальной теории. Транзитология разработала ряд инструментов и механизмов, являющихся статичными, вневременными, универсальными и потому, теоретически, позволяющих с большей долей вероятности достичь определенных целей способом внедрения этих механизмов или точного копирования их.

Впрочем, о транзитологии как о «чистой науке» или теории говорить некорректно, поскольку транзитология была из-

начально тесно связана с практикой и отвечала на вопросы не типа «почему», а типа «как». Транзитология представляет собой деятельность международных институтов и деятельность в рамках международных институтов, таких как Группы Всемирного банка или Freedom House. Транзитологические исследования – это не кабинетные, а институционализированные исследования, проводимые как изучение эффектов проводимой политики перехода.

Однако, как оказалось, к середине первой декады XXI в., словарь транзитологии оказался неспособным адекватно описывать и улавливать некоторые реальные особенности социальных трансформаций в реформирующихся обществах в случае дисфункций транзитивных процессов. Т. Карозерс в своей критике парадигмы транзитологии указывает на неоспоримый факт появления на месте таких обществ «серой зоны стабильности», недемократической, но не вполне тоталитарной, которая характеризуется сочетанием самых разных и на первый взгляд несочетаемых вещей, зоны, в которой уже не наблюдается движения и быстрых перемен. С точки зрения классической транзитологии мы имеем дело с «неправильными» формами перехода, с заблуждениями¹, ответственность за которые несут сами же сообщества Перехода в солидарном порядке². Также причиной неадекватности языка транзитологии реальным процессам является его размывание со стороны самых разных течений мысли. Транзитология выполняла изначально положительную функцию обозначения и задавания социальных целей и ценностей не в качестве идеологических, но именно практических принципов, на основании которых можно было бы выстраивать социальные отношения в меру человека. Основные категории транзитологии, такие как «право», «рынок», «демократия», «плюрализм», «конституционализм», «свобода», получают новые значения, будучи изымаемы из контекста и подвергаясь идеологизации, получая оценочный характер. Когда же происходит придание таким категориям оценочного характера, общество оказывается в ситуации отсутствия языка для обозначения и решения тех проблем, с которыми оно сталкивается. И тогда возникает опасность стигматизации восточноевропейских сообществ, легитимизируемой отчасти и самими этими сообществами.

Транзитология задействует в основном макроуровень социального и умалчивает относительно судьбы субъектов, пребывающих на микроуровнях социального, теряющихся на фоне задаваемых целей транзита и мер по обеспечению достижения этих целей. На месте субъектов, находящихся на микроуровне, в транзитологии существует белое пятно, что дает основания П. Штомпке считать «цивилизационную некомпетентность» основной угрозой для успешного процесса перехода. В «цивилизационной некомпетентности» обвиняются отдельные субъекты на микроуровне, о которых транзитология умалчивает и которые не вмещаются в ее схемы. Некомпетентность таких субъектов обусловлена ценностями, мотивами и привычками, возникшими в обществах советского типа с авторитарными моделями социального развития, сохранением традиционных

характеристик и препятствованием развитию современной культуры. Создание цивилизационной компетентности, которая содержит такие аспекты, как культура предприятия, городская культура, дискурсивная культура и повседневная культура, является предпосылкой развития реального современного общества. С точки зрения Штомпки, культура является сферой, которая отображает, какими должны быть вещи и во что нужно верить. В данном смысле культура создает нормальное состояние, справедливость и власть традиции, что снова же выводит на первый план фактор действия субъекта. И проблема выглядит на самом деле намного серьезнее, чем даже построение институтов гражданского общества, перспективы которой обозначает Штомпка: «Задача по созданию и продвижению цивилизационной компетентности, прежде всего, должна решаться институтами гражданского общества. Вся инфраструктура гражданского общества (как следствие авторитаризма коммунистического режима) разрушена и нуждается в полной реконструкции. Эта задача отведена неправительственным организациям, которые финансируются и подготавливаются западными организациями и институтами»³.

Однако необходимо отметить, что сама по себе цивилизационная компетентность является не чем иным, как результатом определенного процесса, т.е. не условием, а, на самом деле, целью перехода. Это существеннейший изъян теории транзита, который должен быть скорректирован. Мы полагаем, что наличие на месте стран транзита «серой зоны стабильности» указывает лишь на то, что генеральная линия транзитологии – переноса инструментов рынка и демократии – сама по себе не приводит к желательному результату, не осуществляет перехода, что на самом деле механизмы транзита много более сложные, что существует целая область для исследования, которая не покрывается первоначальной проблематикой транзита.

В названии нашей книги наряду с категорией «транзитология» присутствует концепция «теория пограничья». Как и транзитология, теория пограничья представляет собой социальную трансдисциплинарную теорию, позволяющую анализировать состояние различных социальных сфер и задавать цели их развития. Формула «от – к» в нашей работе используется не для противопоставления этих двух течений мысли, но, напротив, для обоснования их органической связи и направления эволюции социальной теории.

В названии книги присутствует также понятие «Восточная Европа». Этот концепт представляет собой необходимый для нас контекст исследования и является также самостоятельным объектом изучения. Было бы очень хорошо, если бы понятие «Восточная Европа» можно было интерпретировать только в географическом значении. Но это понятие слишком идеологизировано и политизировано, потому нашей целью было «открыть границы», избавиться от холистического представления об этом пространстве. Сама идея Пограничья заключается в раскрытии границ Восточной Европы, представлении этих границ не только

как политических, но и как репрезентаций разнообразных социальных субъектов, пребывающих в данном пространстве. Мы ставили задачу показать, что не только политической границей определяется состояние этого пространства.

Ни транзитология, ни теория Пограничья не являются теориями, предназначенными для анализа одного какого-либо региона, и относятся к универсальным социальным теориям. Однако в данной книге мы применяем данные теории для анализа процессов в Восточноевропейском регионе, локализованном границами Беларуси, Украины и Молдовы. Поскольку всякий переход динамичен и изменчив, имеет множество измерений, – он трудно поддается изучению. Эта трудность связана в первую очередь с позицией наблюдателя за переходом. Наблюдатель не может быть нейтральным по отношению к наблюдаемым им явлениям; наблюдатель так или иначе избирает определенную позицию – смотрит вслед, бежит со всех ног, догоняет, обгоняет, пересекает, идет прочь и пр. Попытка определить и систематически обозначить существование перехода всегда граничит с возможностью запутаться в сплетении обстоятельств и случайностей, образующих сам процесс⁴, случай принять за закономерность, выделить одно обстоятельство как исключительное, в то время как оно является рядовым. Впрочем, транзитологией и не ставилась общая задача по нахождению существа перехода и фиксации состояний, связанных с освоением новых границ субъектами перехода; транзитология ставила целью нахождение инструментов для успешного достижения одной цели, обозначаемой ею как консолидированная демократия и рыночная экономика, допуская, в общем, универсальную природу субъектов (*homo economicus*) такого действия. На примере Беларуси, Украины и Молдовы, представляющих один из самых важных регионов Восточной Европы, как нельзя лучше можно проследить и действие теории транзита, и практики субъектов, находящихся в процессе перехода. Механизмы транзита не переносят границы западного мира на Восток, но внедряют в транзитивные сообщества совершенно особенные границы, ставящие задачи, определяющие цели и предоставляющие субъектам – каждому в отдельности – определенную свободу действия. В начале 1990-х гг. может быть, казалось, что сообществам Восточной Европы достаточно только перейти границы – экономические, политические, социальные, – удерживавшие их, но к концу десятилетия оказалось, что необходимо осуществить взаимодействие с этими границами, причем по всей глубине социальной структуры сообществ Восточной Европы. Применение транзитивной теории в 1990-х гг. XX в., хотя и не обеспечило перехода и достижения выставляемых целей, тем не менее совершило движение в некоторых пространствах, осуществило перенос внешних для этих сообществ границ внутрь, создало сообщества, построенные на новой конфигурации границ и новом составе субъектов, создала основы для их взаимодействия.

Также это должно означать, что необходимо изменение самих критериев успешного транзита. К примеру, этот успех, скорее всего, не должен измеряться

формальным усвоением механизмов демократии. Для подобной оценки необходимо исследовать реальную включенность субъектов политики в публичную сферу и стратегии их презентации, наличие такого пограничного взаимодействия, а также его перспективы и формы социальной жизни, к которым такое взаимодействие приводит.

Контексты развития транзитологии

Не будет верным рассматривать транзитологию как направление мысли, ограниченное лишь последними десятилетиями XX в. Транзитология явилась определенным этапом в сложном движении мысли и дискуссии, а также в непрерывном обмене между теорией и практикой трансформации. Один из наиболее авторитетных американских социальных философов Дж. Александер⁵ определяет особенности контекста, в котором оказалась транзитология в конце XX в., как сформированного четырьмя этапами в развитии социальной теории после Второй мировой войны:

1. Период *модернизационных* теорий, 1950–1960-е гг., охватывает как модернизацию стран, проигравших Вторую мировую войну, так и стран, охваченных процессом деколонизации. И в первом, и во втором случае модернизация происходила форсированными темпами, поскольку реформаторы руководствовались не опытом, но существующими моделями. Эта схема применялась в глобальном масштабе, и модернизация этого времени изменила мир. Не стали исключением и страны коммунистического блока, в основном сталкивающихся в процессе индустриализации, роста городов и усложнения управленческих решений с теми же вызовами, что и прочие модернизовавшиеся сообщества. Именно к этому периоду относятся процессы, во многом определившие облик современных Украины, Молдовы и Беларуси. Модернизация выступала главным направлением мысли и практики, представляя собой универсалию глобального масштаба. Как известно, процессы этого периода С. Хантингтон называет «второй волной демократизации». Без сомнения, они коснулись и Восточной Европы; именно на этот период приходятся наивысшие достижения стран Восточной Европы, именно в это время конкуренция между Востоком и Западом выглядела действительной.

2. Осмысление итогов модернизации 1950–1960-х гг., которая не закончилась успехом для многих стран третьего мира, но оказалась успешной для коммунистической части Европы. Объяснение неудачи для стран третьего мира искалось в недостатках той системы, которая предлагалась этим странам. И поскольку в это время коммунистический блок демонстрировал успехи в модернизации, в своей динамике сравнимые с западными, исправить неудачи пытались через смену направления модернизации с капиталистической на социалисти-

ческую. Более того, на Западе левые взгляды распространялись через университеты, интеллектуалов, элиты. Именно этому периоду принадлежит открытие коммунистического мира как второго мира, хотя и отличающегося от первого, но не относящегося и к третьему миру. В это время теоретически существовала альтернатива выбора пути, существовала некая историческая развилка.

3. 1970–1980-е гг., которые ознаменовались кризисом коммунистической системы, а также очевидной невозможностью произвести в странах третьего мира социалистическую модернизацию. Более того, даже внутри СССР было очевидно, что модернизация, к примеру, Средней Азии не осуществляется так, как того хотелось бы руководству страны. В это время в интеллектуальной среде возникают теории антимодернизационные, вернее постмодернизационные, отталкивающиеся от проекта Просвещения. Главное направление мысли сосредоточивается на обосновании возможности незападного пути. Лиотар, Фуко, Хайсен, Рорти являются идейными вождями этого направления. Хелпер, Шейдман, Харвей, Лодж, Валигорский, Этциони показывают неединственность западного пути, неединственность социалистической альтернативы, возможность развития на основе традиции, даже возможность не развиваться. Но при этом критики модернизма сохраняют присущую модернизму нормативность. Р. Скрутон замечает в одной своей книге, «левацкий интеллектуалист является типичным якобинцем. Он верит, что миру не достает мудрости и справедливости, а вина находится не в человеческой природе, а в господствующей системе власти. Такой интеллектуал становится в оппозицию к существующей системе власти, он – “борец за социальную справедливость”, который исправит извечные обиды находящихся во мраке»⁶.

Вместе с тем именно в это время происходит открытие Другого, открытие локальности, множественности и особая актуализация неопределенности в социальном развитии. Эти открытия позволили поставить вопрос о том, как именно осуществляется модернизация и как участвуют в модернизационных процессах различные субъекты, т.е. как модернизация протекает на локальном уровне, с участием повседневных практик субъектов повседневности.

4. Четвертый этап начинается «аутентичными» постмодернизационными теориями. В посткоммунистических странах интеллектуалы, переняв моду на риторику постмодернизма, а также войдя в декларируемое социальными теориями постмодернизации «право на собственное развитие», обратились к строительству собственных постмодернизационных концепций. Критика в основном сосредоточивается на проекте модерна и ценностях Просвещения. Одновременно Просвещение оказывается той точкой, от которой не может оторваться современная теория и вокруг которой она выстраивается. Просвещение оказывается в Восточной Европе, действительно, незавершенным проектом. Этому периоду принадлежат концепция догоняющего развития или неомодернизации, реванша, национально-этнические теории, темные традиционные конспиро-

логические теории и пр. Вместе с тем социальные и политические практики в Восточной Европе оказываются не вполне объясненными. Ситуация отсутствия пересечения между мыслью интеллектуалов и политическими и социальными практиками провоцирует интеллектуалов на возвращение к проблемам Просвещения и необходимости «воспитания масс». Теоретически это выразилось в обсуждении проблем совмещения универсального и локального, всемирно-исторического и локально-исторического, в попытке найти единство в многообразии⁷. Важной особенностью этого периода в странах Восточной Европы является взаимодействие модернизационных теорий с национальной идеей.

В 1990-е гг. транзитология развивалась во всех четырех контекстах. Транзитология претендовала на способность сочетать самые передовые теории и методы социальной науки с универсальными западными ценностями, сформулировать ясные и недвусмысленные рекомендации политикам. Будущее «самоорганизующееся» и универсальное демократическое рыночное общество реформаторам посткоммунизма казалась неоспоримым. «Сегодня либеральная демократия – единственно “правильная” игра в городе», – так Дж. Сартори⁸ вместе с Ф. Фукуямой поддерживал дискурс неолибералов, основанный на этом видении теории демократии⁹.

Однако выхлопным клапаном для транзитологии выступило то, что она не была свободна от интеллектуального контекста и потому взаимодействовала с ним, никогда не становясь догматическим учением. В эксперименте по осуществлению транзита главным приобретением были сделанные открытия новых вещей, которые невозможно было учесть, создавая этот проект, которые возникают как реакция на этот проект и вызывают транзитологов и транзитологию на диалог, в котором в качестве включенных участников выступают восточноевропейские сообщества.

Направления исследования

Транзитология выражает суть задач, стоящих перед восточноевропейскими сообществами, но сосредоточивается главным образом на целях и на привнесении институтов, которые являются целями в социальную систему. Выделение значения цели затеняет другую особенность транзитологии, а именно – предложение ею некоторых новых границ, которые формируют новое социальное пространство и определяют позиции в нем социальных субъектов. Транзитология предлагает границы и настаивает на такой картине мира, которая задается этими границами: географическими, институциональными, культурными, политическими. Концепт «Восточная Европа» в таком контексте обозначает состояние региона, интересующего транзитологию как состояние до перехода, исходная точка. Такой подход скрывает еще одну неявную проблему, а именно – принятие

границы. Это принятие и взаимодействие с границей возможно только со стороны социального субъекта, способного к социальному действию, свободному и ответственному. Присутствие субъекта лишает границы, которые вводятся транзитологией, статичности; напротив, исполняет их динамикой; такие границы представляют собой результат каждодневной деятельности и разнообразных реакций социального субъекта. И поскольку транзитология как наука пришла к обозначенным выше пределам, обусловленным специфически понимаемым ею субъектом перехода, проблемой становятся не цели, априорно определенные в транзитологии, а социальный субъект, а также пространство «перехода» или социальной трансформации. Именно в перспективе обнаружения социального субъекта в трансформационных процессах построены настоящие очерки.

В 1-й и 2-й главах настоящей работы мы рассматриваем историю развития транзитологии и теории пограничья. 3-я глава посвящена вопросам восприятия восточноевропейского социального пространства, выступающим как предпосылки его гипостазирования. Индикаторами здесь являются границы разной природы, не только выполняющие дифференциацию пространства, но и указывающие на присутствие субъекта. В 4-й главе мы исследуем особенности восприятия социального пространства Восточной Европы интеллектуалами, которые формируют субстанциальную модель социального пространства стран региона. Р. Рорти говорит, что «интеллектуал – это такой человек, который стремится к личной автономии и который имеет достаточно денег и досуга, чтобы осуществлять это свое стремление: посещать различные церкви или различных гурӯ, ходить в разные театры и музеи и, главное, читать много разных книг»¹⁰. В этом замечании нас привлекает указание на то, что интеллектуалы вообще стремятся к автономии. А это поднимает вопрос каждый раз о форме солидарности, которая является приемлемой для общества, к которому эти интеллектуалы принадлежат. Именно интеллектуалы в Восточной Европе оказываются причастными к постановке вопроса о новых формах солидарности, часто совершенно не соответствующих существующим формам солидарности. Иногда это стремление к личной автономии может иметь – и имеет – политические последствия, к примеру, может порождать государственность. Также нами определяются возможности перехода к структурному описанию Восточной Европы.

В 5-й главе мы намечаем основания несубстанциального описания Восточной Европы и обращаем внимание на соприсутствие в восточно-европейском пространстве трех видов границ: цивилизационных, культурных и политических, не совпадающих друг с другом, но способных к взаимодействию. Граница выступает индикатором движения, а также любого рода развития. Существует два рода контактов границ: контакты границ одной природы и контакты границ разной природы. Границы одной природы выполняют функции разделения и индивидуализации. Зона контактов границ разной природы представляет собой пространство Пограничья, основанного на интрасубъектных процессах

согласования таких границ. Часто такие границы требуют активной работы по их согласованию отдельного субъекта. Здесь же мы описываем связь, которая может существовать между социальным субъектом и границами разной природы. В этой же главе мы обращаем внимание на такое качество границы, как равновесие. Граница является выражением равновесия, достигаемого в процессе социального взаимодействия. В этой главе мы указываем на существование негеографических границ Восточной Европы, что дает возможность нехолистического описания этого пространства, образуемого не только национальными государствами, но также иными многочисленными субъектами. В главе ставится вопрос о первичном субъекте Восточной Европы, о первичном элементе ее пространства, о первичном мире человека. В качестве такового используется концепт «тутэйшыя». Географически – это микрорегион, локальное сообщество, объединенное рынком и локальной администрацией¹¹. Обычно такое сообщество складывается на территории диаметром 10–15 км. В нем можно наблюдать максимальное совпадение цивилизационных, культурных и политических границ. Именно потому такое сообщество оказывается предельно неподвижным и практически не поддающимся транзиту. Такие сообщества могут исчезнуть, но пока они существуют, они сохраняют свои основные структуры. Социальное движение обеспечивается не внутри таких сообществ, а в области Пограничья, в которой разные типы границ растождествляются, образуя зону для перехода и трансформации. Первичные сообщества¹² сами не изменяются, но на их границах возможно возникновение «социальных лифтов»; конфигурации таких сообществ, снабженные «лифтами», могут создавать макросообщества второго, третьего и прочих уровней, включающих не сами первичные сообщества, а отдельные их элементы. Сообщества отделены друг от друга границами одного рода, а потому невозможно принадлежать одновременно нескольким сообществам. Такого рода структуры претендуют на всего человека. Таков, к примеру, процесс урбанизации. Невозможно быть крестьянином и горожанином одновременно. Так, в процессе индустриализации город вбирал в себя деревни – посредством определенных социальных лифтов – учебных заведений, армии, заводов. Сообщества второго и третьего уровней имеют свою идентичность. Если для субъекта первичного сообщества вполне допустимо и нормально определение «Я – местный», то для попавших на иные уровни социальной организации знание о своей принадлежности, не столько географической, сколько социальной, – обязательно. Это означает, что только реальная включенность в организацию иного порядка, чем первичная, производит новое общество.

Но какие именно условия должны выполняться для возможности существования таких макросообществ? Этот вопрос разбирается нами в 6-й и 7-й главах. В 6-й главе мы проводим еще одну классификацию границ: сначала мы выделяем границы, принадлежащие публичным структурам того или иного уровня. Им мы присваиваем наименование «border». Особенности второго типа

границы, который мы обозначаем термином «boundary»¹³, определяются тем, что они указывают на субъекта, участвующего в социальных процессах, но не детерминированного *border*-границей. *Boundary*-граница также появляется как эффект дифференциации общества и становления субъектов, обладающих публичным статусом, но также сохраняющих иные идентичности. *Border*-граница формирует пространство, *boundary*-граница не оказывает такого воздействия на социальное пространство, поскольку всегда является результатом становления субъекта социального пространства, является не причиной, а следствием существования субъекта. Теория Пограничья рассматривает модели восточноевропейских обществ не только в рамках взаимодействия *border*-границ, но, главным образом, в рамках взаимодействия, с одной стороны, *border*- и *boundary*-границ, с другой стороны – *boundary*-границ между собой.

В 6-й главе нами поднимается вопрос о «субъектоспособности» как комплексе параметров, необходимых для возникновения социальной организации второго и последующих уровней. К таким параметрам мы относим:

- 1) формирование стратегии презентации субъектов, создающих *boundary*-границы в *border*-пространстве;
- 2) легитимизацию автономного статуса субъектов, создающих *boundary*-границы;
- 3) институционализацию субъектов, создающих *boundary*-границы;
- 4) создание механизма взаимодействия нормативных систем *border*-пространства и субъектов, создающих *boundary*-границы.

Концепт «субъектоспособность» позволяет избежать политизации анализа социального пространства, при котором все социальные взаимодействия рассматриваются с позиции влияния *border*; а также бессубъектности социальных процессов, которая возникает в силу подмены субъекта его статусом.

В 7-й главе нами рассматривается модель *border*-пространства. Д. Раistou, которого принято считать родоначальником транзитологии¹⁴. Он указывал на то, что переход от авторитаризма к демократии, соотношение общественного согласия и общественного противостояния на момент перехода к демократии – вещь весьма тонкая. Для обеспечения такого перехода необходимо абсолютное согласие в сообществе по одному-единственному вопросу – о единстве. Сообщество, расколотое по разного рода принципам, – классовому, этнонациональному, расовому, религиозному, лингвистическому – для демократизации непригодно: нужно сперва либо достичь глубинного (не поверхностно декларируемого) единства, либо разделить¹⁵. Этот подход углубляет понимание демократии, она оказывается формой единства дифференцированного общества, и, кроме того, так сформулированные условия транзита на самом деле образуют для стран перехода совершенно самостоятельную группу целей, составляющих предмет изучения Пограничья. Такими целями является укрепление новой субъектности, а также создание условий для системного единства данных субъектов.

В этом случае мы полагаем, что такие сообщества необходимо называть сообществами Пограничья, что означает приведение их в динамическое состояние при сохранении системной целостности.

8-я глава посвящена описанию механизмов Пограничья, таких как словарь, фронтир, нормативная система, позволяющих осуществляться контактам границ различной природы, существовать границам в состоянии открытости и обмена. Нами используется понятие «фрейм» для обозначения механизмов, влияющих на включение субъекта в различные институты, а также на функционирование институтов. Социальный фрейм является в этом случае схемой интерпретации, фоновым пониманием событий, в котором участвует воля, целесообразность и разумность, иными словами, живая деятельность субъекта¹⁶. Данный подход позволяет нам предложить несубстанциальное описание процессов, происходящих в Восточной Европе, выделяя отношения между субъектами не в контексте тех или иных субстанциальных структур (народа, наций, этносов, языков и пр.), но в рамках тех или иных фреймов, определяющих границы и структуру сообществ Восточной Европы.

В 9-й главе разбираются вопросы, связанные с институционализацией Пограничья в Восточной Европе на примере конституционных практик и идентификационных практик в Пограничье.

Мы также находим необходимым описать механизмы усвоения новых ценностей и навыков. Очевидно, что они только теоретически «копируются» в результате планомерной политики. На практике обычно культурные революции не удаются. Однако мы считаем, что наиболее важными аспектами в современных теориях, изучающих трансформации в Восточной Европе, являются культурные, нормативные, ценностные основания поведения людей. Мы возражаем против концепции ценностных пустот и предлагаем исследование взаимодействия нормативных систем разной природы, оказывая влияние на действия людей, обращаясь непосредственно к самым основам поведения субъекта. Транзит 1990-х гг. обеспечил легитимацию действительного субъектного разнообразия в посткоммунистических странах, а также приблизил социальную мысль к открытию феномена дефицита нормативных систем, способных регулировать отношения между субъектами. Разработка теории взаимодействия нормативных систем разной природы представляется нам одним из самых важных направлений в развитии теории Пограничья. Если возможен «импорт» законодательства, то существует очевидная невозможность переноса принудительными методами моральных ценностей и норм, что ставит проблему свободы как основания социальных отношений.

Развитие нормативных систем и возможность их согласования связываются в работе с проблемой субъектности, которая является принципом нормативных оснований социального, политического и экономического порядка, устойчивых социальных конфигураций и структур в Пограничье. Также необходимо

задаваться вопросом об ограничениях, связанных с действием множества иррациональных и случайных факторов и выяснять пределы таких ограничений, за которыми теория теряет свое объяснительное значение.

Идея свободы является единственно приемлемой для такого типа пространства, основанного на взаимодействии границ разной природы. Идея свободы преодолевает асубъектность транзитологии, не выстраивающей модели личности и останавливающейся в развитии постольку, поскольку подлинные трансформации невозможны только как инструментальное копирование. Свобода как основание транзита и механизмов Пограничья рассматривается нами в заключении. В этой же части работы мы попытались определить источники свободы в Восточной Европе. Наша заинтересованность свободой – не совсем политического толка. Свобода является одной из важнейших проблем в формировании той или иной модели солидарности в обществе, в данном случае – обществе посткоммунистических стран Восточной Европы. Свобода – это атрибут субъекта. Если она реализуется через субъектные практики, то требует вполне определенных форм публичных отношений. В главе о свободе мы снова же хотели показать и актуализировать связь, которая существует между способностью субъекта к самостоятельному публичному действию и публичными институтами. Такой подход позволяет «изнутри» посмотреть на транзитологические схемы институциональных трансформаций.

Примечания

- ¹ Возникающие сложности с операционализацией понятия «демократия» многие политологи пытаются решить путем использования различных сложносмысловых категорий, например «демократура», «псевдodemократия», «делегативная демократия» и др., в отношении политических режимов, не соответствующих по своим основным институциональным и функциональным параметрам так называемым либеральным демократическим системам. Иначе говоря, взору исследователей, работающих в русле транзитологической парадигмы, предстает не объект исследования (скажем, система институтов или функционирование элиты какой-либо страны) сам по себе, а обязательно в сравнении с аналогичными феноменами (даже хотя бы по внешним типологическим моментам) существующих демократических систем. Таким образом фиксируется наличие определенного «извращения» или отклонения от западных «рамки» либеральной демократии, констатируется состояние несоответствия. Собственно «переходность» как неопределенная типологическая характеристика чаще всего фигурирует именно в таких случаях, и в этой связи намечаются необходимые и возможные перемены для возвращения на исходный путь предполагаемого транзита к либеральной демократии. См.: Мюллер, К. Смена парадигм посткоммунистической трансформации / К. Мюллер, А. Пикель // Социологические исследования. 2002. № 9.

- ² Существует общий принцип, сформулированный Дж. Стиглицем: «Мы живем в сообществах, и то, как эти сообщества функционируют, оказывает сильнейшее влияние на благополучие каждого из нас. Современный “идеал” консерватизма исповедует некоторую разновидность грубого индивидуализма, где успех каждого индивидуума есть результат его собственных и только его усилий. Реальность, разумеется, от этого сильно отличается. Государство, как тем, что оно делает, так и тем, чего оно не делает, играет ключевую роль в успехе большинства индивидуумов» (гл. 12) (Stiglitz, J.E. *The Roaring Nineties: seeds of destruction* / J.E. Stiglitz. London, 2003.
- ³ Sztompka, P. *Civilizational Incompetence: The trap of post-communist Societies* / P. Sztompka // *Zeitschrift für Soziologie*. 1993. № 22. P. 2.
- ⁴ Пол Крагмен в публикации 2000 г. Королевского Института иностранных дел в Лондоне с обзорными статьями по важнейшим вопросам и направлениям политики указывает, что на самом деле знания об экономическом развитии весьма ограничены. Для США, например, две трети роста дохода на душу населения остаются необъясненными. Аналогичным образом, как указывает Крагмен, успешное развитие азиатских стран следовало путями, которые, разумеется, не соответствуют тому, что «современная ортодоксия считает ключами к экономическому росту». Он рекомендует «смирение» при формировании политики и осторожность относительно «огульных обобщений». Цит. по: Хомский, Н. Неолиберализм и глобальный порядок / Н. Хомский. [Электронный ресурс] http://www.old.russ.ru/politics/econom/20010326_naim
- ⁵ Alexander, J.C. *Modern, Anti, Post and Neo: How Social Theories Have Tried to Understand the «New World» of «Our Time»* / J.C. Alexander // *Zeitschrift für Soziologie*. 1994. Jg. 23. Heft 3. S. 165.
- ⁶ Scruton, R. *Intelektualiści nowej lewicy* / R. Scruton. Poznań, 1999. S. 16–17.
- ⁷ См.: Федотова, В.Г. Модернизация Другой Европы / В.Г. Федотова. М., 1997.
- ⁸ Sartori, G. *Rethinking Democracy: Bad Polity and Bad Politics* / G. Sartori // *International Social Science Journal*. 1991. V. 129. P. 437–450.
- ⁹ Самые упорные сторонники теории транзита до сего дня убеждены в универсальности рецепта: быстрая стабилизация, либерализация и приватизация как сущность политики реформ, обеспечивающая их успех или неудачу, создание коалиций реформаторов, консолидация демократии. См.: Самуэльсон, П.А. Экономика / П.А. Самуэльсон, В.Д. Нордхаус. М., 2000. С. 7, 25, 38, 81; Mussa, M. *The IMF Approach to Economic Stabilization*, IMF Working Paper WP/99/104 / M. Mussa, M.A. Savastano // Wash., 1999; Aslund, A. *How to Stabilize: Lessons from Post-communist Countries* / A. Aslund [et al.] *Brooking Papers on Economic Activity*. 1996. No.1. P. 217–313; Fischer, S. *The Transition Economies After Ten Years*. IMF, Working Paper WP/00/30 / S. Fischer, R. Sahay. Wash., 2000.
- ¹⁰ Rorty, R. *Postmodernist bourgeois liberalism* / R. Rorty / *Journal of Philosophy*. Vol. 80 (Oct. 1983). P. 583–589.
- ¹¹ Носевич, В. Традиционная белорусская деревня в европейской перспективе / В. Носевич. Минск, 2004. С. 19.

- ¹² Таким сообществом не обязательно должна быть территориально организованная сельская община. В более сложно организованных обществах меняется и характер таких первичных сообществ. К. Воннегут в «Колыбели для кошки» воображает такое первичное сообщество в индивидуализированном обществе: «Мы, боконисты, верим в то, что человечество разбито на группы, предназначенные исполнять Божью волю... Бокон называет такие группы “каррас”» (Воннегут, К. Колыбель для кошки / К. Воннегут. М., 1963).
- ¹³ В процессе работы над текстом мы думали о русскоязычных аналогах терминов «border» и «boundary». Наиболее адекватным было бы такое сопоставление: *border* – «межа» (но это слово не менее экзотично в современном русском, что и само *border*); *boundary* – граница. Понятие же фронта, также употребляемое нами, может быть выражено через «рубеж». Но эти понятия нуждаются в укоренении, сами по себе они лишены четкого смысла, они достаточно расплывчаты и обладают собственной историей, смысловой нагрузкой. Потому мы решили оставить наименование границ в английской версии.
- ¹⁴ Rustow, D. Transitions to Democracy / D. Rustow. Comparative Politics, 1970. № 2.
- ¹⁵ «Динамический процесс демократизации в собственном смысле слова... запущается посредством длительной и безрезультатной политической борьбы. ...Ее основные участники должны представлять прочно укоренившиеся в обществе силы (как правило, социальные классы), а спорные вопросы, вокруг которых она ведется, должны иметь для сторон первостепенное значение». Если же демократизация устанавливается по добровольному решению самих «верхов», – она не слишком надежна. Здесь Раствоу ссылается на опыт Турции, где демократия была введена в начале 1950-х гг. по инициативе самих правителей – без открытого конфликта между основными социальными группами или их элитами. Не прошло и десяти лет, как правящая партия начала скатываться к авторитарным методам, и в 1960–1961 гг. демократический эксперимент был прерван военным переворотом. Это было расплатой за то, что страна получила демократический режим в качестве добровольного дара из рук диктатора. Однако кризис 1960–1961 гг. породил социальный и политический конфликт, и в 1965 г. компромисс между военными и аграрным большинством позволил возобновить демократический эксперимент уже на более прочном фундаменте (Rustow, D. *Ibid.*).
- ¹⁶ Гофман, И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта / И. Гофман; под. ред. Г.С. Батыгина, Л.А. Козловой. М., 2003. С. 5.

ТРИУМФ, ПРЕДЕЛЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ТРАНЗИТОЛОГИИ

Какая медлительная страна, – сказала Королева. – Ну а здесь, знаешь ли, приходится бежать со всех ног, чтобы только остаться на том же месте! Если же хочешь попасть в другое место, тогда нужно бежать, по меньшей мере, вдвое быстрее!

Л. Кэрролл «Алиса в Зазеркалье»

Идея Иного места связана с идеей пути. Попасть в Иное место – значит проделать путь. И достаточно просто обстоит дело, если это путь человека из дома на ближайший рынок или же на работу.

Но в иное место попадают также, меняя свой социальный статус. Молодожены находятся в ином месте, чем вчерашние холостяки, хотя ничего видимо не изменилось в общих обстоятельствах их жизни.

Поппадают в иное место также, делая реконструкцию и ремонт. К примеру, дом остается стоять на своем фундаменте, комната сохраняет свои стены, но они уже – другое место, в них все новое и переживаются они как новое.

В иное место попадают, воспринимая новые смыслы и значения и входя в общение с Другим.

Может показаться, что количество таких перемещений бесконечно, однако все они могут быть сведены к четырем типам, представленным в следующей таблице:

От транзитологии к теории Пограничья

	Виды пространств			
	Физическое пространство	Статусное пространство	Пространство репрезентаций (R)	Пространство Другого (S2)
Характер перемещений S (субъекта)	S1 (пункт A) → S1 (пункт B)	S1 (статус B) ↑ S1 (статус A)	S1 (R1) → S1 (R2)	S1 Ч S2 → S1 (S1*)
Что происходит с субъектом	Субъект не меняется, меняется его окружение	Субъект не меняется, но меняются его отношения с социальным окружением	Субъект не меняется, но меняется характер его восприятия социальным окружением	Субъект может меняться, вступая в общение с Другим субъектом

Важно также представлять, что данных четыре вида перемещений проявляются не только в чистом виде, но и в различного рода сочетаниях друг с другом.

В схемах, приведенных в таблице, отчетливо представлены прежнее и новое состояние субъекта; таковы особенности нашего восприятия, ищущего начал и целей, внимание главным образом сосредоточивается на элементах схем – субъекте, его статусе, репрезентации, Другом, – в то время как переход, обозначенный знаком «→», оказывается затемненным, смазанным, а при обращении на него внимания – таинственным. Именно переход наиболее скрыт от нас и потому труден для объективного описания. В переходе заключены тайны образования эпох, культурных стилей, цивилизаций и всякого рода человеческих подвигов и падений. В переходе максимально проявляются способности человека и его индивидуальность, которой осеняется все последующее время. И существует еще один элемент схем, еще более скрытый, чем сам переход. Это границы. В схемах они не отображаются, но подразумеваются. Всякий переход связан с обнаружением разного рода границ – физических, смысловых, символических, правовых, личностных, культурных и пр., – которые необходимо пересечь для достижения определенной цели, для чего могут понадобиться различного рода инструменты, ресурсы и механизмы. В модели перехода границе принадлежит выдающаяся роль, хотя часто она не замечается.

Переход является лучшим опытом свободы субъекта. Обнаружение субъектом границы в переходе позволяет обнаружить и цель пути, потому что такая граница и есть начало цели. Игнорирование границ может обернуться тем, что путешествие окончится с нулевым результатом, оказавшись только скольжением мимо¹.

Для чего попасть в Другое место?

Существует множество на то причин, положительных и негативных. Нас в данной работе будет интересовать опыт транзита посткоммунистических стран Восточной Европы². Попасть в Другое место для этих стран в 1990-е гг. XX в. означало повысить собственную организованность и эффективность экономической деятельности. Других причин осуществления перехода не было³. Советские профессионалы в области экономики и права занимались в 1960–1980 гг. поисками оптимизации советской системы, повышения эффективности хозяйства путем расширения сферы действия рыночных отношений (к этому времени относится концепция «рыночного социализма», признающая возможность конвергенции капитализма и социализма⁴). По сути, эти планы были попыткой градуированного переструктурирования границ системы. Именно концепции конвергенции легитимировали реформистские правительства, а также составили теоретическую основу первых шагов этих правительств по направлению к демократии и рыночной экономике. Сами стратегии перехода разрабатывались с привлечением западных специалистов по экономике развивающихся стран, по макроэкономике, по институциональной экономике, а также специалистов по региональным исследованиям, имевших статус трансдисциплинарных⁵, что также указывало на смещение границ. Граница, ранее отделявшая социалистическую систему от капиталистического мира, в это время изменяет свой характер и становится внутренней границей восточноевропейских сообществ, отделяя в них области и элементы, способные к движению и переходу, и области и элементы, к такому переходу не способные. Граница выполняет в таком случае функцию мембраны, через которую необходимо пройти, чтобы оказаться в Другом месте. «Другое место» же могли образовывать модели более успешных систем.

Совершать переход в Другое место можно было, конечно, в индивидуальном порядке, – уехав из Восточной Европы на Запад. Однако для обществ такой вариант был невозможен, и потому Другое место создавалось внутри самой Восточной Европы в виде различных экономических, политических и социальных институтов. Очевидно, это был только один из теоретических вариантов направления движения, однако оказалось, что на практике ему не было альтернативы. «Другим» для позднего СССР мог быть только Запад, только враг и соперник. Это парадокс, который сопровождает общества все историю человечества: именно враг оказывается наиболее близким и наиболее понятным. Имея такого врага, коммунистические страны изначально находились в дискурсе перехода, который мог представляться в более или менее радикальных вариантах.

В коммунистических обществах Европы восприятие Другого, присутствовавшего за железным занавесом, формировалось не столько советской пропагандой, сколько самим железным занавесом. Именно из-за этой Стены иногда

появлялись волшебные, фантастические товары, звучала музыка, доносились благовонные ароматы, приходили фильмы, книги, строились предприятия, появлялись изобретения, формировались угрозы и пр., отчего возникало ощущение, что там – праздник жизни, куда нас не пускают, и этот праздник стоит на прочном основании очень эффективной, гибкой и сильной системы⁶. Железный занавес сформировал в коммунистической части Европы автаркическое пространство, странное и противоречивое. В этом пространстве существовало изначальное противоречие: в частных стратегиях оно организовывалось к налаживанию повседневной личной, семейной жизни, требующей достатка, собственности, преодолевая постоянный дефицит необходимых для семей ресурсов; в публичных стратегиях оно организовывалось в соответствии с догмой коммунистической кровавой романтики мировой революции и космополитического мирового пролетарского братства, а также экономической доктриной социализма, отрицавшей значение частной собственности и находившейся в полном противоречии с частными стратегиями. Также коммунистическая модель вставала в противоречие с общей риторикой прогресса, улучшения и овладения пространством, воспевавшимися в СССР, не располагавшем инструментами эффективного и конкурентного достижения этих целей по сравнению с Западом.

Железный занавес представлял собой непреодолимый предел, настоящий «край земли» и утверждал бессилие советских обывателей в расширении собственного мира. К примеру, гордый и бесстрашный геолог или маститый профессор превращался в просителя и несвободное существо, как только речь заходила о заграничной поездке. Падение Берлинской стены потому стало символом свободы, дало возможность пересечения границ и освоения нового пространства, прежде всего для обывателей, принадлежащих к Восточноевропейскому региону⁷. Исчезновение Занавеса дало возможность существованию свободы и переструктурированию социального ландшафта в коммунистической части Европы.

Подобные занавесу границы быстро не исчезают, но становятся внутренним фактором развития сообщества. Даже вступление в чужое физическое пространство, пребывание в непосредственной близости от другого человека создает предпосылки для изменения субъекта. Коммунистические страны же испытывали в течение своей новейшей истории пребывание во всех типах чужого пространства, – физического, статусного, символического и пространства «Другого», – что побуждало их к изменению. Движение восточноевропейских сообществ в Другое место осуществлялось во всех типах пространств, захватывая практически всех субъектов, столкнувшихся с необходимостью распознавания и внутреннего преодоления границ. Данная проблема является наиболее важной для понимания процессов трансформации Восточной Европы. Стремление к преодолению таких невидимых, но очень жестких и закрытых догматических

границ в экономике и политике привело к изменению характера самих границ: обнаружилось, что они обусловлены не только внешними силами, но и внутренне. Именно это открытие имело для стран Восточной Европы не меньшее значение, чем формирование в данном регионе новых независимых государств после распада СССР. Произошло оно незаметно и не отрефлексировано должным образом, но имеет самое непосредственное влияние на практики субъектов, составляющих социальное пространство этой части Европы.

Поле транзитологии

Контекстом изучения границы и ее значения в Восточной Европе является исследовательское поле транзитологии. Это поле сформировалось в Восточно-европейском регионе вокруг нескольких четко выделенных проблем:

1) переход плановой экономики к рыночной, предполагавший структурную перестройку с применением ряда инструментов (стабилизация, либерализация, приватизация);

2) политическая реформа, целью которой выступает формирование консолидированной демократии.

В области экономики предлагалось решить проблемы либерализации и макроэкономической стабилизации, институциональные экономические проблемы, предполагавшие формирование отношений частной собственности и преодоление государственного монополизма, а также обеспечить экономический рост. К политическим проблемам относились обеспечение управляемости и целостности новых государств, построение новых политических институтов, а также создание новой системы легитимации власти.

За исключением проблемы макроэкономической стабилизации, являвшейся универсальной и детально разработанной экономической наукой на тот момент и уже апробированной на странах третьего мира в 70–80 гг. XX в.⁸, остальные проблемы были абсолютно новыми и в своем содержании, и в масштабах, и в контексте, в котором должны были решаться. Предполагалось, что страны транзита должны были догнать страны первого мира и в структуре экономики, и по экономическим показателям, и по уровню доходов населения. Цели казались настолько ясными, что в начале 90-х гг. XX в. в Восточной Европе не было иной парадигмы социального, политического и экономического развития, кроме рынка и демократии. Более того, в восточноевропейских странах парадоксальным образом именно дискурс транзита легитимировал происходящие перемены. Фраза «в этот переходный период...» прочно и надолго обосновалась в речах политиков, научных трудах и повседневности, объясняя любое неудобное и труднообъяснимое или попросту возмутительное явление. Данный дискурс произвел также необходимое и радикальное разделение в восточноев-

ропейских сообществах на «друзей» и «врагов»⁹, тех, кто отправился в путь, и тех, «с кем нам не по пути», что являлось необходимым ресурсом проводимой политики.

Морфология транзитологии

Транзитология является трансдисциплинарной наукой, охватывая экономические, социальные, региональные, правовые, политические исследования. Наибольшее количество работ в поле транзитологии посвящены экономическим и политическим трансформациям.

В транзитологии присутствует два уровня исследований, обусловленных сложным предметом: первый, который изучает собственно «transition», т.е. направленный переход, и второй, который рассматривает модель переходного периода, или «transformation»¹⁰. «Transition» задает общие рамки для исследования и программирования «transformation». Трансформации приобретают тем самым нормативность, появляется база для критики трансформаций и основания для их корректировки. Вместе с тем сама модель трансформации получает условный характер, потому что с точки зрения транзита она оказывается или «правильной», или «неправильной».

Так, транзитология предприняла попытку найти способы управления процессом перехода, т.е. формирования не произвольной, а определенной модели «transformation». В транзитологии изначально присутствовало стремление определить общий вектор движения политического и экономического процесса в мировом масштабе как переход от авторитаризма или коммунизма к демократическим и рыночным формам. Телеологическая заданность такой парадигмы определяется позитивной ценностью демократии, преимуществами ее перед другими формами политических режимов. Эта ценность рассматривается как абсолютная и вневременная, универсальная для всех стран и народов. Демократия становится своеобразным мерилom цивилизованности и прогрессивности социально-политического строя, основой общественных отношений и их регулятором. Повышается и значимость парадигмы транзитологии для современных социальных наук, политической практики и ее идеологического обеспечения.

По этой причине в транзитологии парадоксальным образом менее всего оказалось развито учение о «transformation», будучи замещаемым нормативностью «transition». Когда Томас Каросерс, вице-президент Фонда Карнеги, в своей статье, опубликованной в одном из номеров «Journal of Democracy» за 2002 г., объявил о том, что парадигма «транзита» изжила себя, речь шла об очевидной ошибке отождествления двух понятий¹¹, совершенной в 1990-е гг. Т. Карозерс указывал на общую телеологичность теории транзита и о явном ее расхождении с действительностью, как она сложилась в начале XXI в. Очевидно, что со-

хранение парадигмы в том виде, в котором она существовала в 90-х гг. XX в., превращает транзитологию в набор идеологических лозунгов, ничего общего не имеющих с реальностью¹². Транзитология в таком контексте представляет собой разновидность колониализма и не учитывает самостоятельного значения субъекта, совершающего переход.

Транзитология как продолжение традиции модерна

В обоснование необходимости перехода транзитология использовала модерна модель проекта, выбирая при этом ограниченный набор инструментов и программируя движение в ограниченном количестве областей, манипулируя субъектами такого движения. Транзитология игнорировала проблематику механизмов пересечения границ субъектами перехода в своем движении и эффектов такого пересечения. И если существо транзитологии в 90-е гг. XX в. можно обозначить формулой $[S^1] \rightarrow [S^2]$, то перспективы ее развития связаны с выделением в отдельное исследование сегмента « $\leftrightarrow$ », что позволяет модифицировать формулу транзита, представив ее следующим образом: $S^1 [\rightarrow] S^2$, где само движение, связанное с обнаружением границ и их использованием, является самостоятельным элементом и предметом изучения. Поэтому значение и перспективы транзитологии связаны именно с той напряженностью, которая создается самой методологией, предполагающей различие между «transition» и «transformation».

Сосредоточение транзитологии в 1990-е гг. на схеме $S^1 \rightarrow S^2$ позволяет определить ее как модификацию теории модернизации. Транзитология была связана с традицией Просвещения и основана на ее предпосылках: универсальном характере человеческой природы, идее прогресса, линейной модели времени и пр. Потому транзитология изначально представляла собой определенный «Проект», она была одновременно и толчком для реальных процессов, и рефлексией на эти процессы. Потому в ней особое значение имеет проблема соотношения знания и практики, основанной на знании¹³. Мысль и политическая воля проводят социальный эксперимент, который в свою очередь корректирует мысль¹⁴.

В транзитологии надо видеть новый вариант европейской проблемы современности и методологию попадания в современность. Безусловно, своим положительным значением «Transition» создает пространство смысла современности – смысла преобразований, реформ, движения, указывая на то, что цели есть, что пункт назначения достижим, и называет эти цели. В этом идея «transition» – настолько же древняя, как сама европейская цивилизация, вдохновляющаяся примером Авраама и Моисея. Вся европейская история – это история такого похода с четко обозначенными целями. Важно, что слово «modernus» было впервые употреблено в конце V в. для разграничения только что признанной

христианской современности от языческого прошлого. По замечанию Ю. Хабермаса, содержание этого понятия меняется, но «*moderņnitas*» всякий раз выражает сознание эпох, соотносящих себя с прошлым и древностью и понимающих себя как результат перехода от «старого» к «новому»¹⁵.

При этом необходимо уточнить, что транзитология, вписываясь в эту парадигму и оставаясь в основе верной древнему спору между старым и новым, тем не менее решает вопросы более сложные, поскольку находится в среде, лишенной признанного авторитета, каковым до эпохи модерна был «*antiquitas*», нейтральный, внеполитический, нормативный и рекомендованный для подражания и воспроизведения образец. И если с незапамятных времен классическим считалось то, что переживает разные эпохи, то «современное свидетельство черпает такую силу уже не из авторитета какой-либо прошлой эпохи, но исключительно из подлинности прошедшей актуальности»¹⁶.

Такой актуальностью в 80–90-е гг. XX в. стал успех – экономический и политический, – одних обществ и неуспех других, явившийся основанием для планов повторения успеха по существующим образцам¹⁷. Так, транзитология оказалась в самом центре международной и внутренней политики, отчего ее метод, ее суждения и рекомендации стали политизированными.

Транзитология изначально практически была лишена нейтральности, называя в качестве образца и пункта назначения демократию и рынок, впрочем, продолжая этим традицию нормативности западной социальной науки, в том числе и в ее постмодернистской части¹⁸. Вместе с тем в самом времени ее появления и логике развития была заложена необходимость эволюции от политизации к поиску нейтральной основы. Такая основа должна возникать, иначе ошибкой являются не только определенные рецепты и способы достижения целей, но сама идея о возможности трансформации и совершенствования.

Транзитология ставит проблему не только образца и реальности, но приводит к взаимодействию различные сообщества и системы, создавая возможность их взаимодействия. При этом внутренняя проблематика трансформации таких обществ становится фактором их внешнего взаимодействия.

Потому постановка проблемы цели влечет за собой неизбежно постановку проблемы субъекта реформ, не предусмотренную транзитологическими концепциями.

Неопределенность в транзитологии

Транзитология в своем методе и телеологичности является условно универсальной. Ограничения накладываются необходимостью практического применения знания, получаемого в рамках транзитологических исследований. Транзитология создает такую систему взаимодействия, при которой универсальное

сталкивается с локальным, и при этом универсальное на национальном уровне может выглядеть как иное национальное. Универсальное репрезентируется национальным, имеет своего национального носителя. Потому оно может восприниматься как иное национальное. Как всякий современный проект, транзитология использовала определенную историческую модель для достижения поставленных целей. Так, в рамках самой транзитологии возникает напряженность между целями-ценностями и средствами их достижения. Максимально широкие цели транзитология планировала достичь ограниченными средствами, применяемыми к тому же в достаточно узкой сфере экономики и политики. Как всякий современный проект транзитология не оставляла места для случайности и неопределенности.

Между тем случайностью может рассматриваться факт того, что транзитология в 90-е гг. XX в. отождествилась с инструментальной теорией распространения демократии в области политики и «Вашингтонским консенсусом» в экономике. Ни инструментальная теория распространения демократии, ни Вашингтонский консенсус не являются обязательным и исчерпывающим условием транзита. И хотя трансформации в посткоммунистических странах осуществлялись с помощью механизмов, предлагавшихся данными теориями, однако при их смене проблематика «transition» не исчезает, возникает лишь вопрос о новых механизмах трансформации. На случайность сочетания транзитологии с «Вашингтонским консенсусом» указывает и то, что транзитология открыта для дискуссии, происходящей непрерывно все время ее развития и применения, а также для критики своих основных постулатов. По сути, наличие такой дискуссии и критики выявляет нетождественность транзитологии с применяемыми ею экономическими политическими стратегиями достижения цели.

Новые элементы

М. Наим, редактор «Foreign Policy», отмечает, что в ходе реализации неолиберальной политики в посткоммунистических странах их эволюция протекала по определенному шаблону: «Обычно она начиналась с роста популярности некоего общего набора политических рекомендаций. На какое-то время вокруг них возникал если не консенсус, то, по крайней мере, некоторое сближение взглядов влиятельного большинства ученых и представителей высшего руководства МВФ, Всемирного банка, Министерства финансов США, а также сотрудников исследовательских центров и журналистов. Очень скоро – иногда всего лишь через несколько месяцев после того, как достигалась определенная степень комфортности в использовании новых идей, – некое неожиданное событие могло породить сомнения в их адекватности. Новые данные обычно демонстрировали, что основные “уроки”, извлеченные из прежних кризисов, упускали

из виду какой-то важный элемент (зачастую суммируемый одним общим понятием, к примеру, “слабые институты” или “коррупция”), критическое значение которого со всей очевидностью обнаруживалось в свете нового кризиса. И эти данные свидетельствовали также о том, что нужно еще больше реформ»¹⁹.

Очевидно, что в процессе реализации реформ цель подчиняла собой все остальные аспекты перемен. В какой-то степени если и можно было в чем-то сомневаться, то только в средствах достижения целей, но не в самих целях. В такой ситуации сама реформа могла становиться самоценной, самодостаточной и бесконечной. Когда цель ясна и представляет собой большую ценность, можно не обращать внимания ни на какие иные обстоятельства. И если цель не достигается быстро и гарантированно, это является только поводом для самообвинения, к примеру, в отсутствии политической воли, невежества, популизма, отступления от целей реформы. Однако обмен между теорией и практикой осуществился, и в процессе такого обмена произошло открытие вещей, которые явились действительно новыми для транзитологии, оснащенной теорией инструментально расширяющейся волны демократии и методикой «Вашингтонского консенсуса». М. Наим называет в качестве таких открытий: 1) открытие экономической ортодоксии; 2) открытие значения институтов; 3) открытие глобализации; 4) повторное открытие экономической отсталости. Мы добавим сюда еще два: 1) открытие субъекта; 2) открытие значения нормативных систем, вытекающих из названных М. Наимом новых обстоятельств.

Открытия макроэкономики, институтов, глобализации и отсталости

«Вашингтонский консенсус» преодолел противопоставление обычной экономики и экономики развивающихся и постсоциалистических стран, применяя к ним одинаковый комплекс мер и критериев оценки функционирования экономических институтов. Это позволило абстрагироваться от чисто идеологических утверждений о структурных причинах бедности и отсталости, но вместе с тем предельно материализовало образец для подражания, политизировав ход реформ. Кроме того, «Вашингтонский консенсус» открыл национальные экономики, устранив протекционистские барьеры, открыв их для зарубежных инвестиций и валютных операций, что также поставило вопрос о субъектах экономической деятельности, о новой роли правительства таких государств. М. Наим отмечает, что «во многих странах рыночные реформы принесли быстрые и щедрые плоды в виде стабильности цен и, в некоторых случаях, экономического роста»²⁰. Однако макроэкономические реформы в течение 1990-х гг. достигли своих пределов, где обнаружилось, что они не могут исчерпывать всего комплекса мер по трансформации. Сегодня можно совершенно определенно

утверждать, что пределом макроэкономического и макрополитического воздействия является наличие или отсутствие определенных институтов, образующих необходимые предпосылки для макрорегулирования²¹.

Глобализация, которая была открыта в 90-е гг. XX в. как фактор транзита и трансформации, возникла как эффект тех же транзитивных реформ, основанных на «Вашингтонском консенсусе», устранивших препятствия для международной торговли и инвестиций. Существует также и политический глобальный контекст, основанный на международно-правовой доктрине прав человека и вытекающих отсюда обязанностях государства. Однако в самом «Вашингтонском консенсусе» не было политических механизмов, которые бы помогли национальным экономикам справляться с последствиями глобализации. Для посткоммунистических стран Восточной Европы такое положение было сугубо сложным, поскольку они сталкивались с трудностями формирования эффективного государства²². Финансовые кризисы 1990-х гг., вошедшие и в XXI в., лишившие ряд стран тех экономических приобретений, которые были накоплены за годы болезненных реформ, породили также потребность в реформировании институтов, управляющих международной финансовой системой, и значительно ослабили их авторитет. «Вашингтонский консенсус» превратился в предмет очень широких и иногда весьма неприятных споров среди экспертов по поводу того, как осуществлять и укреплять рыночные реформы в условиях глобальной экономики. Кризисы еще раз поставили вопрос о функциях и возможностях национального государства, а также о функционировании международных финансовых институтов. В результате если в течение 1990-х гг. основной заботой была устойчивость рыночных реформ, то в XXI в. в центре внимания находится устойчивость демократии во многих реформирующихся странах – от России до Перу и от Индонезии до Венесуэлы, и в ряде случаев правительства избрали стратегию на устойчивость системы власти, в том числе и за счет подавления институтов демократии. В это время был поставлен вопрос о том, возможно ли сочетание эффективного государства, справляющегося с вызовами современности, функционирующего в виде демократического режима, и возможно ли универсальное понимание демократии в этих разнообразных культурах. Так корректировалась программа реформы, расширяясь и усложняясь. Президент Всемирного банка Джеймс Вулфенсон отметил: «Мы не можем согласиться с системой, в которой макроэкономические и финансовые аспекты рассматриваются отдельно от структурных, социальных и гуманитарных, и наоборот...»²³. Примечательно, что озабоченность, отразившаяся в словах Вулфенсона, имеет общее звучание со сформулированными в 1940–1950-х гг. концепциями «экономики развития», опиравшимися на активное участие национального государства в проведении экономической политики. С экономической отсталостью, утверждалось тогда, нельзя справиться без широкого, всеобъемлющего подхода, учитывающего значение институтов, неравенства, «структурных факторов»,

культурных особенностей и противоречий, порождаемых международной экономической обстановкой.

Отличительной особенностью сегодняшнего времени является то, что так или иначе программы экономического развития локального и национального уровня вынуждены учитывать макроэкономические обстоятельства и, очевидно, и не могут быть свободными от них. Вместе с тем даже если макроэкономика смиряется с необходимостью наличия предпосылок для осуществления мер оздоровления экономики, таких как некоррупцированное правительство и гражданская служба, слаженная правовая система, транспарентные системы регуляции и т.д., – то такие предпосылки образуют второй список задач трансформации, поскольку требуют обеспечения мер по своему созданию. Так создается замкнутый круг, когда для достижения целей предлагаются меры, сами являющиеся целями. Такая ситуация указывает на то, что ответ на проблему транзита лежит в иной плоскости, чем экстенсивное расширение реформ по копированию или имитации новых институтов.

Вызов, стоящий перед политиками, заключается в том, чтобы на основе многих уроков, полученных за десятилетия, усилий, предпринимавшихся ради развития, создать программы, которые ставят более выполнимые цели и намечают промежуточные средства для их достижения в контексте практик и возможностей субъектов, составляющих то или иное сообщество. Также необходимо принимать во внимание, что от этих процессов, определяемых макроэкономическими трансформациями, глобализацией, невозможно укрыться в границах национального государства. Если не искать ответы на существующие вызовы, эти процессы настигают в виде бедности, отсталости и деградации. Вместе с тем равно опасным является и полное некритичное открытие навстречу им, оно ни в коем случае не означает гарантированного успеха.

Открытие субъекта перехода и значения нормативных систем

Принципиально важным является осознание того, что политика трансформаций проводилась исходя из априорной предпосылки того, что страны Восточной Европы являются консолидированными сообществами, обладающими институтами, необходимыми для обеспечения такого консолидированного состояния (пусть сначала и не демократического). Можно утверждать, что риторика равенства в политической сфере и универалистский подход Вашингтонского консенсуса к экономикам разного типа создавали уверенность, что сообщества также являются равными и действуют на основе универсальных законов. По мнению Голдмана, главной причиной неудач программ приватизации в посткоммунистической Восточной Европе стал постулат, согласно которому

граждане будут реагировать на стимулы рынка так же, как homo economicus во всем мире, ибо не существует уникального, отличающегося от всех других русского, украинского, белорусского «экономического человека»²⁴. Однако данный подход можно было использовать только в том случае, если бы в странах Восточной Европы существовали и работали институты и инфраструктура, подобные тем, что действуют в «остальном мире». М. Голдман отмечает, что «слишком часто книжные законы оказываются неработающими. За 70 лет коммунизма в СССР было уничтожено большинство таких институтов, стерто все, что хотя бы напоминало коммерческое законодательство, и разрушена рыночная инфраструктура. Одновременно были ликвидированы неписаные и неформальные, но играющие значимую роль коды делового поведения. В крайнем выражении это привело к тому, что, согласно руководящему моральному коду, который стал доминирующим в особенности в последние коммунистические годы, обман и воровство у государства, а следовательно, и у государственных предприятий, признавались действиями честными и даже стали общепринятой нормой»²⁵.

Транзитология в качестве субъекта перехода рассматривала не реальные структуры и сообщества, а стандартизированные сообщества, управляемые дееспособным и эффективным правительством. Предполагалось, что меры по переходу к демократическому режиму и к рынку синхронно и последовательно охватывают все элементы таких систем. Между тем эти сообщества являлись такими субстанциональными общностями только в предельном макрообобщении, годящемся только для макротеорий; в действительности их морфология была намного сложнее и не могла описываться с помощью субстанциональных терминов. Общества Восточной Европы скреплялись многообразными связями, среди которых власть партии и плановой экономики была если и очень важной и неслучайной, то, во всяком случае, не исчерпывающей.

В течение первых постсоветских лет (или трансформации) анализ причин необходимости перехода и его процессов опирался исключительно на экономические предпосылки: неэффективность экономики, монополистическая структура производства, недостаток капитала, низкая производительность, низкий уровень рабочей этики и т.д. Сходные взгляды преобладали и в политическом анализе: не хватало зрелой демократической системы с партиями, гражданским обществом, разграничением между законодательной и исполнительной властями и т.д. То есть анализу в рамках инструментальной теории подвергались обстоятельства недолжного функционирования инструментов. За пределами анализа долгое время находились сами субъекты перехода. Только когда стало очевидно, что переход затягивается и что формирующийся на месте посткоммунистических стран мир все более расходится с демократическими рыночными моделями, стали выяснять – почему? Другой причиной было упрощенное понимание природы социализма, рассматриваемого сквозь призму концепций тоталитаризма, дефицита и т.д. Эти концепции не учитывали, что

многие социалистические страны были индустриальными обществами с высоким уровнем образования, что в их экономиках существовали комплексы сетей и что многие субъекты периода транзита возникли в самой структуре социалистических сообществ.

Так, фактически игнорировался субъектный состав этих сообществ. Кроме того, согласно логике транзитологии, логике ее мер и методов, не допускалось, что переход может быть осуществлен силами и средствами транзитивных сообществ, т.е. фактически отвергались возможности внутреннего процесса нахождения «общественного контракта» и градуированного приспособления к применению демократических инструментов. Таким образом, происходило игнорирование разнообразных нормативных систем на индивидуальном и публичном уровнях, взаимодействие которых было необходимо для поддержания целостности и успеха начатых реформ в данных странах.

Как результат, переход от плановой экономики расценивался, главным образом, как замена политических и экономических инструментов, преодоление командно-административной экономики и тоталитаризма. Для стран Восточной Европы это был в основном уход государства из экономической и социальной сферы. И в 1980–1990 гг. считалось бесспорным, что государство утратило свое значение в модернизационных процессах, что модернизация посткоммунистических стран, собственно, и предполагает «state desertion», в связи с чем государство должно прекратить всяческую промышленную, и торговую, и социальную политику, перестать заниматься развитием и консолидацией сообщества. Более того, ограничение роста государства, происходившее все послевоенные годы, объявили водоразделом в экономической теории. Консенсус, составлявший главный рецепт, определявший инструменты транзита, был господствующим и окончательно отвергал возможность государственной модернизации, общественную собственность, планирование, государственный протекционизм и экономику развития. То есть определенные направления политики объявлялись закрытыми и невозможными. При этом считалось, что место прежних административных структур должна занять «самоорганизация», спонтанно возникающий порядок. И совершенно не была разработана теория о том, что должны представлять собой новые государства в Восточной Европе, образовавшиеся на месте СССР, а также каковы принципы взаимодействия этих новых государств с иными субъектами, вошедшими в их юрисдикцию. Так, утверждение стратегии транзита, основанной на «Вашингтонском консенсусе» и инструментальном расширении демократии, имея своей целью достижение рынка и демократии в долгосрочной перспективе, в среднесрочной и краткосрочной наносило ущерб консолидации транзитивных сообществ, поскольку не учитывался мезо- и микроуровень их устройства и не прогнозировалась реакция этих уровней на проводимые реформы.

Процессы на микро- и мезоуровнях, не будучи объясняемы и не регулируясь, происходили спонтанно, вызывая озадаченность реформаторов. Именно эти процессы не встраивались в парадигму транзита. Проведение экономических и политических реформ поставило очень остро вопрос о новых консолидирующих институтах, которые формировались с большим опозданием вслед за рыночными реформами. В таком контексте оказалось возможным все – от усиления государственного регулирования до феодализации целых секторов в социальной жизни, подверженной дерегуляции.

Транзит переносил в страны Восточной Европы инструменты и механизмы рынка и демократии, но не мог переносить институты²⁶. И если приватизация, реконструкция или деволуция государства в экономической сфере происходили достаточно быстро, одновременно и широко, то в социальной и политической сфере прорывов в демократической консолидации не происходило. Правительство большинства постсоциалистических стран уделяли особое внимание правам собственности, рыночной либерализации, жесткой финансовой политике и другим макроэкономическим вопросам. Меньшее внимание уделялось роли государства, его способности действовать как нейтральная и независимая «третья сторона», а также вопросам общественной солидарности и общественного договора. Это породило огромное число проблем, относящихся как к экономической сфере, так и к политической, испытывающей проблемы с системой легитимизации власти, к фактическому распаду системы консолидации сложноорганизованного дифференцированного общества и к возникновению лишь условно стабильных систем.

Условной такую стабильность делают в первую очередь несостоявшиеся в данных сообществах общественные договоры, а также и нахождение в парадигме транзита, обеспечивающей оценку их сегодняшнего состояния именно как переходного и несовершенного. Во вторую очередь на положение систем как условно-стабильных влияет упрощение их социальной структуры даже по сравнению с советской. Эту структуру некоторые исследователи предпочитают называть неофеодальной²⁷, подразумевая, что она устроена на личных отношениях²⁸. Это упрощение социальной структуры и социальных процессов, несомненно, связано с блокированием возможностей целых контингентов субъектов к социальному действию и блокированию ряда нормативных систем. К примеру, Ч. Фэрбэнкс под «феодализацией» понимает передачу официальному лицу в распоряжение определенных ресурсов в обмен на поддержку или несение какого-либо вида службы. Так происходит разрыв общего социального и политического пространства и его фрагментация, когда связи между уровнями власти и субъектами власти переводятся в область личной преданности. При сохранении формальной структуры современного государства логика поведения отдельных элементов в таком приватизированном государстве меняется кардинальным образом. «Мы видели нашу стратегию экономических реформ,

с ее упором на необходимость приватизации государственной собственности, как необходимое средство модернизации. Но в данных условиях она усиливала феодальные тенденции, присущие советской системе в то самое время, когда они высвобождались из-под развалов этой системы»²⁹.

Только учитывая эти неформальные и нелегитимные связи и цепочки, можно составить представление о том, чем был СССР и чем являются сегодняшние государства и общества Восточной Европы – не в их субстанции, а в подлинной социальной структуре. Они обладают одним общим для них качеством – намного большей степенью *фрагментации* социального, политического, нормативного, экономического пространства. Именно эта фрагментация является на сегодняшний день реальным результатом транзита, что не было, впрочем, предвидено транзитологией. Сообщества Восточной Европы представляют собой фрагментированную структуру³⁰, в которой актуальным является определение границ каждого элемента, а также стратегию определения общей для всех фрагментов такой системы границ. Такой структуре в нашей работе мы присваиваем имя Пограничье. Оно представляет собой процесс взаимодействия границ, являющихся репрезентациями субъектов разной природы и разного уровня организации. Пограничьем является дискурсивное пространство, определяемое динамикой согласования и организации взаимодействия границ, выстраиваемых субъектами Пограничья. Мы полагаем, что проблематика Пограничья включает в себя вопросы внутрисистемного взаимодействия в процессе перехода, которое бы учитывало свойства субъектов перехода, и не только крупных субъектов, представленных правительствами, но и локальных субъектов, а также основания поведения и стратегии таких субъектов и такой сферы, в которой происходит оформление отношений в рамках новой конфигурации.

Теория зависимости от траектории развития

Мы уже отмечали, что очевидные недостатки чисто экономических и классических теорий модернизации и их неспособность к анализу противоречивых результатов транзита привели к новым теоретическим открытиям в данной области. Существует возможность конфигурации этих открытий в новые теории, к примеру, в теорию зависимости от траектории развития (Path Dependence Theory), находящуюся в парадигме транзитологии, но учитывающую значение институтов. Первоначально эта теория сформировалась в рамках институциональной экономики, и затем распространилась на область политики³¹.

Теория зависимости от траектории развития сосредоточивается не на самом транзите, а на трансформации, переводя поле исследований с макро- на мезо- и микроуровни. Эта теория производит корректировку идей неоллиберализма и модернизации, указывая на то, что они рассматривают транзит как процесс со-

циальной имитации и копирования. Вместо этого теория зависимости от траектории развития утверждает, что будущее не предопределено и прошлое не имеет прямого воздействия на будущее стран перехода, но предоставляет субъектам в постсоциалистических странах институциональные ресурсы для настоящего. Теория зависимости от траектории развития показала, как транзит сталкивается с неопределенностью огромной степени в процессе трансформаций. Д. Старк и Л. Брюжт, одни из основателей теории зависимости от траектории развития, писали: «Стараясь справиться с чрезвычайной неопределенностью трансформирующейся экономики, акторы обнаруживают и преобразовывают ресурсы. Не обращая внимания на вынужденную дихотомию “рынок – иерархия”, они создают новые формы собственности, которые размывают границу между государственной и частной собственностью; размывают границы между фирмами, а также границы легитимных принципов»³².

Введение в исследование принципа неопределенности, отсутствовавшего в теории транзита, позволяет совершить переход к проблематике субъектности в трансформационных процессах³³. Именно благодаря действию субъекта в процессе трансформации существует неограниченное число сопутствующих факторов, которые приводят к непредусмотренным результатам. Главным объектом таких исследований может становиться субъект, а также производимые его действиями разнообразные реорганизации, рекомбинации, реконфигурации и т.д. в экономических, культурных и политических системах.

Примечания

- ¹ В качестве примера можно вспомнить «экзотичность» Р. Барта. Иное рассматривается лишь как экзотика, признаваемая, узнаваемая, но начисто лишенная практического значения. Например, как лишены в США или в Австралии политического значения резервации, в которых сохраняется почти уничтоженное ранее коренное население. Сохраняется, как экзотика, вместе с их обычаями, верованиями, культурой и т.п. Ассимиляция иного – характернейшая черта такого сознания и мировосприятия. Р. Барт, обозначая такой тип сознания как мелкобуржуазный, замечает: «Мелкий буржуа – это такой человек, который не в состоянии вообразить себе другого. Если перед ним возникает другой, буржуа словно слепнет, не замечает его или же уподобляет его себе. В буржуазном универсуме всякое сопоставление носит характер реверберации, все другое объясняется тем же самым. Театры, суды, все места, где есть опасность столкнуться с Другим, становятся зеркалами. Ведь Другой – это скандал, угрожающий нашей сущности. Существование таких людей, как Доминичи или Жерар Дюпрне, может получить социальное оправдание лишь в случае, когда они приведены к состоянию миниатюрных копий председателя Суда присяжных или генерального прокурора; такова цена, которую им приходится платить, чтобы быть осужденными по всем прави-

лам, ибо правосудие заключается в операции взвешивания, но на чаши весов можно класть лишь то, что подобно друг другу. Иногда, хотя и редко, оказывается, что Другого нельзя подвести ни под какую аналогию, и не потому, что нас неожиданно начинает мучить совесть, а потому, что здравый смысл противится этому: у одного кожа черная, а не белая, другой пьет грушевый сок, а не перно. А как ассимилировать негра, русского? Здесь-то и приходит на помощь еще одна фигура: экзотичность. Другой становится лишь вещью, зрелищем. Гиньолем; его отодвигают на периферию человечества, и он уже не может представлять опасности для нашего домашнего очага» (Барт, Р. Избранные работы / Р. Барт. М., 1994. С. 121–122).

- ² Восточная Европа в настоящей работе определяется в основном как регион, очерченный границей бывшей социалистической системы, внутри себя имеющий внутренние границы, отделяющие, к примеру, страны-сателлиты СССР от республик бывшего Советского Союза. Мы не задаемся в настоящей работе проблемами нахождения границ Восточной Европы, происхождения концепции Восточной Европы, политического, культурного, идеологического значения этого термина. Мы принимаем практически все, сказанное Л. Вульфом, о приключениях концепта «Восточная Европа», и самое важное – что Восточная Европа все-таки была изобретена и что это повлекло определенные последствия, хотя Лари Вульф замечает: «...я также понимаю скептическое отношение Дидро и его признание, что дистрибутирование хороших и плохих качеств “по частям света” – это своего рода интеллектуальная уловка. Именно поэтому я думаю, что “Восточная Европа” является выдумкой» (см.: Вульф, Л. Переписка / Л. Вульф, А. Янов // Неприкосновенный запас. 2002. № 6(26)). Здесь и далее мы употребляем понятие Восточной Европы в его обычном значении: восток Европы, определяемый границей между Западом и европейской территорией, подконтрольной СССР после Второй мировой войны. Поскольку наше исследование касается Беларуси, Украины и Молдовы, то мы отождествляем в данной работе регион «Беларусь – Украина – Молдова» и понятие «восточноевропейские страны» или «Восточноевропейский регион».

- ³ Д. Стиглиц это описывает так: «...политический курс, выбранный нами сегодня, формирует наше завтрашнее общество. Это есть курс отражения наших ценностей, и, принимая его, мы передаем важное сообщение нашему молодому поколению о том, что мы признаем за ценности. Экономика и общество неразрывно переплетены между собой. Общество крайней поляризации будет с неизбежностью принципиально отличным от общества, где неравенство ограничено. Общество с высоким уровнем безработицы будет принципиально отличным от общества, где каждый желающий может найти себе рабочее место». И еще: «Новая экономика – это инновации, технологические нововведения, непосредственно питающие рост производительности и формирующие мощь нашей страны на долгие годы вперед. Она зависит от научных открытий, от университетских ученых и исследовательских лабораторий, в которых работают по шестнадцати и более часов в день в неустан-

ных поисках и попытках понять мир, в котором мы живем. Вот они – те люди, которых надо было бы вознаграждать и поощрять. Они платили высокие налоги, в то время как игравшие на бирже и спекулировавшие недвижимостью облагались более мягко. Мы говорили об экономических стимулах, но большая часть налоговых “подарков” вообще не дала никакого стимулирующего эффекта» (гл. 7). / Stiglitz, J.E. The Roaring Nineties: seeds of destruction / J.E. Stiglitz. London, 2003.

- ⁴ См. работы А. Аганбегяна, Н. Петракова, Н. Федоренко, С. Шаталина, В. Брюса (V. Brus), О. Ланге (O. Lange), Л. Самуэли (L. Samueli), О. Шика (O. Sik).
- ⁵ Р. Дорнбуш (R. Dornbusch), Дж. Сакс (J. Sachs), М. Оулсон (M. Olson), Дж. Стиглиц (J. Stiglitz), М. Бруно (M. Bruno), С. Фишер (S. Fisher). Надо отметить среди стратегов транзита большой удельный вес Нобелевских лауреатов в области экономики.
- ⁶ Это переживание было одним из самых сильных для советского человека. В белорусской газете «Свобода» в 1991 г. была напечатана статья, в которой объяснялось, что такое свобода и независимость. В статье перечислялись многие достоинства и критерии свободы, но среди прочего – возможность выпить чашечку кофе где-нибудь в Вене или Праге. Или еще один пример. В 1987 г. в одной из средних школ г. Бреста происходила очень странная воспитательно-патриотическая беседа, проводившаяся для старшеклассников работниками таможи. Они рассказывали о подрывной деятельности Запада в отношении Советского Союза и в качестве примера показывали виниловые пластинки рок-групп, превозносившиеся туристами и конфискованные бдительными таможенниками как предметы опасные и чуждые. Беседа вызвала только стеснения и вздохи зависти у большинства слушателей, поскольку школьникам демонстрировались оригинальные альбомы их кумиров, которые они слушали в не очень качественной перезаписи у себя дома на катушечных магнитофонах.
- ⁷ За время существования ГДР эта страна потеряла 3 000 000 человек, любыми способами достигавшими цели уехать на Запад. Обратных потоков практически не было. А если и были – они заканчивались трагично для эмигрантов. Советская система осваивалась туристами. Ни один из западных поклонников СССР так и не стал гражданином этого государства. (<http://www.zagran.kiev.ua/article.php?new=356&idart=3568>); В ГДР существовала «вечерняя» телевизионная эмиграция» большинства граждан ГДР, которые смотрели западногерманские телепередачи. Она облегчала «существование как будто бы» (als-ob-Existenz), которое заключалось в разрыве между общественной и частной жизнью (Бетмакаев, А.М. Идентичность за Берлинской стеной: восточные немцы и «режим СЕПГ» в 1961–1989 гг. / А.М. Бетмакаев // http://www.auditorium.ru/v/index.php?a=vconf&c=getForm&r=thesisDesc&CounterThesis=1&id_thesis=4426&PHPSESSID=e3ff21375bd937f37).
- ⁸ Долговой кризис Латинской Америки 1980-х гг. породил стратегию экономических реформ, известную как «Вашингтонский консенсус», поскольку

ее решительно поддержали правительства Запада и международные финансовые институты. Автором концепта «Вашингтонский консенсус» является Д. Уильямс. Его применяют к группе якобы бесспорных теоретических и политических посылок о содержании и этапах рыночных реформ во имя роста экономики. Страны Восточной Европы автоматически попали в его контекст. На протяжении 1990-х гг. этот консенсус если и подвергался сомнению, то очень робко. Вашингтонский консенсус был представлен в виде десяти тезисов: 1) бюджетная дисциплина (крупный и устойчивый бюджетный дефицит способствует инфляции и бегству капитала; следовательно, правительства должны удерживать его на минимальном уровне); 2) приоритеты общественным расходам (субсидии должны быть сокращены или отменены вовсе; правительственные затраты должны быть перенаправлены на образование, здравоохранение и развитие инфраструктуры); 3) налоговая реформа (база налогообложения «должна быть широкой» и предельные ставки налогов «должны быть умеренными»); 4) процентные ставки (внутренние финансовые рынки должны определять размеры процентных ставок данной страны; позитивные реальные ставки процента препятствуют бегству капитала и увеличивают накопления); 5) обменные курсы валют (развивающиеся страны должны принять «конкурентные» обменные курсы, которые будут стимулировать экспорт); 6) либерализация торговли (тарифы должны быть минимизированы и никогда не должны применяться по отношению к промежуточным товарам, необходимым для производства экспорта); 7) прямые иностранные инвестиции (зарубежные капиталовложения могут принести необходимый капитал и квалификацию и потому должны поощряться); 8) приватизация (частная промышленность функционирует более эффективно, поскольку управляющие или «имеют прямую личную долю в прибылях предприятия», или «подотчетны тем, кто ее имеет»; государственные предприятия следует приватизировать); 9) дерегулирование (избыточное правительственное регулирование может способствовать коррупции и дискриминации более мелких предприятий, не располагающих широким доступом к высшим эшелонам бюрократии; правительства должны дерегулировать экономику); 10) права собственности (права собственности должны быть укреплены; слабые законы и плохая правовая система снижают стимулы к накоплению и аккумуляции богатства). (What Washington Means by Policy Reform / J. Williamson, ed. // Latin American Adjustment: How Much Has Happened? Washington, 1990.

⁹ В понимании К. Шмитта: «При самостоятельном значении решения субъект решения имеет самостоятельное значение наряду с содержанием решения. Для реальности правовой жизни важно то, кто решает» (Шмитт, К. Политическая теология / К. Шмитт. М., 2000. С. 56).

¹⁰ В русскоязычной литературе понятия «transition» и «transformation» употребляются как синонимы (См.: Гельман, В.Я. Трансформация в России: политический режим и демократическая оппозиция / В.Я. Гельман. М., 1999. С. 16.

¹¹ Carothers, Th. The End of the Transition Paradigm / Th. Carothers // Journal of Democracy. Vol.1. No.1. 2002.

- ¹² Карозерс цитирует список соответствующих эпитетов, к которым прибегают политологи: в разных трудах встречаются полудемократия, формальная, электоральная, фасадная, псевдodemократия, слабая, частичная, нелиберальная и виртуальная демократия, указывая тем самым на то, как негативно телеология теории транзита влияет на состояние самой теории, которая оказывается привязанной к одному понятию, через которое фактически пытается объяснить все. (Carothers, Th. Op. cit.)
- ¹³ Ср.: Широкомасштабные социологические эксперименты нельзя считать экспериментами в физическом смысле слова. Их целью является не увеличение знания, а достижения политического успеха. И выполняются они не в лаборатории, отгороженной от внешнего мира; напротив, само их проведение влияет на состояние общества. Их никогда нельзя повторит в точности, поскольку предыдущий эксперимент уже изменил начальные условия (Поппер, К.Р. Ницета историзма / К.Р. Поппер; пер. с англ. М., 1993. С. 16).
- ¹⁴ См.: Мюллер, К. Смена парадигм посткоммунистической трансформации / К. Мюллер, К. Пикель // Социологические исследования. 2002. № 9.
- ¹⁵ Хабермас, Ю. Политические работы / Ю. Хабермас. М., 2005. С. 8.
- ¹⁶ Там же. С. 8.
- ¹⁷ В классификации культур М. Мид такому типу повторения по образцу соответствует постфигуративный тип (см.: Мид, М. Мир культуры и мир детей / М. Мид. М., 1983).
- ¹⁸ Так, с позиций постмодернистского текстуального анализа не существует только одного объективно заданного смысла, поскольку текстовая среда имманентно нестабильна и постоянно порождает новые смыслы. Такой постулат отражается и на положении субъекта, превращая его также в текст, и тем самым не допуская субъекта низводить до положения объекта. Субъект становится самоинтерпретируемым текстом, способным к дискурсивному действию.
- ¹⁹ Наим, М. Вашингтонский консенсус или вашингтонское замешательство? // [Электронный ресурс] <http://old.russ.ru/politics/econom/20010326naim.html> <http://www.foreignpolicy.com/> Spring, 2000.
- ²⁰ Наим, М. Указ. соч.
- ²¹ Ср.: 1 января 1994 г. можно условно назвать временной границей макрорегулирования. В этот день официально вступило в силу Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА). Но этот день оказался также и днем, когда Запатистская армия национального освобождения начала в провинции Чиапа восстание против мексиканского правительства, заставшее врасплох как администрацию президента Карлоса Салиноса де Гортари, так и мир, изумлявшийся успехам рыночных реформ Мексики. Прочитируем М. Наима: «Сторонники Вашингтонского консенсуса широко использовали пример Мексики для обоснования своей правоты. Они рассматривали НАФТА как решающее подтверждение тому, что рыночные реформы работают, позволив бедной стране добиться успеха в присоединении к богатейшим странам планеты. Вооруженное восстание крестьян провинции Чиапа

разрушило этот тезис. Реформирующиеся страны стали обнаруживать, что экономический рост мало что дает людям, если в больницах нет лекарств, и что бум на рынке ценных бумаг может быть очень опасен, если национальные аналоги американской Комиссии по ценным бумагам и биржам действуют плохо. Валютный курс, удешевляющий национальные продукты на мировых рынках, недостаточен для поддержания ориентированной на экспорт стратегии экономического роста, если порты парализованы неэффективностью и коррупцией, а значение фискальных реформ невелико, если налоги не могут быть собраны. Устранение ограничений на иностранные капиталовложения, хотя и необходимо для привлечения зарубежного капитала, еще не делает страну конкурентоспособной в международном соперничестве за привлечение долгосрочных внешних инвестиций. Надежная правовая система, хорошо образованная рабочая сила и эффективная телекоммуникационная инфраструктура являются некоторыми из дополнительных факторов, которые могут помочь стране в ее усилиях привлечь иностранных инвесторов. Короче говоря, стала очевидной настоятельная необходимость более сильных, более эффективных институтов в дополнение к изменениям в макроэкономической политике» (Наим, М. Указ. соч.).

²² См.: Migdal, J.S. State Building and the Non-Nation-State. Contributors / J.S. Migdal // Journal of International Affairs. Vol. 58. 2004.

²³ Wolfensohn, J.D. A Proposal for a Comprehensive Development Framework, Mimeo / J.D. Wolfensohn. Wash., DC, 1999.

²⁴ Если «у экономистов нет еще теории поведения лиц, принимающих решения в условиях равновесия» (К. Ланкастер) и «описание действия «невидимой руки» пока вне нашего понимания» (Ф. Хан), то мы, в сущности, не имеем соответствующей теории. Прочитирую М. Морисиму: «В рамках новой теории общего экономического равновесия... и предпринимателю, и банкиру, в сущности, нет места... Как только существование равновесия в их фантастическом мире доказано, сторонники ТОР словно лишаются разума. В своих модельных иллюзорных построениях они заходят слишком далеко и считают, что, оптимизировав свои теоретические разработки, они расчистили путь к достижению оптимальности в современной капиталистической экономике» (Ноув, А. Какой должна быть экономическая теория переходного периода? Критический обзор *Revue europeenne des sciences sociales*. Т. XXXI. 1993. № 96. Р. 133–141. 16 / А. Ноув // Вопросы экономики. 1993. № 11.

²⁵ Goldman, M. The Pitfalls of Russian Privatization / M. Goldman. Challenge, 1997. May–June. P. 36. Цит. по: Лукин, А.В. Демократизация или кланизация? Эволюция взглядов западных исследователей на перемены в России / А.В. Лукин // Полис. 2000. № 3.

²⁶ Институты в понимании Д. Норта. См.: Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. М., 1997.

²⁷ См.: Зиновьев, А. Постсоветизм. Лекция, прочитанная 16 сентября 2005 года в клубе «Улица ОГИ» в рамках проекта «Публичные лекции “Полит.ру”». [Электронный ресурс] // <http://www.polit.ru>

- ²⁸ Именно с этим связаны трудности действия права на территории бывшего СССР. Право – абстрактно, в то время как личные отношения – конкретны и не нуждаются в дополнительных механизмах реализации.
- ²⁹ Лидером такой приватизации в постсоветском пространстве является, безусловно, Россия, но многие признаки именно такой системы можно наблюдать и в Беларуси, Украине и Молдове. Такая приватизация, по мнению американского исследователя, наблюдается во многих сферах. Например, воинские части приватизируются командирами, а силы Министерства внутренних дел занимаются охраной частных лиц и имущества. Господство неформальных и нелегитимных структур было заложено еще в советское время. Отсутствие борьбы с «дедовщиной в армии», присутствие развитого черного рынка, система всепроникающего блага, формирование нелегитимных клик. Хорошо исследован вопрос о влиянии клик на формирование эшелонов власти в СССР. Согласно Фэрбэнксу, феодальные взаимоотношения использовались для управления государством, по меньшей мере, со сталинских времен (Fairbanks, Ch.H. The Feudalization of the State / Ch.H. Fairbanks. Journal of Democracy. 1999. Vol. 10. 2 April. P. 50–52).
- ³⁰ Фрагмент – это что-то негативное. Нам важно задаваться вопросом также и о субъектах, которые производят эффект таковых границ. Фрагменты – это не границы субъекта. Фрагменты – это элементы *border*-пространства. С ними также имеют дело субъекты в своих практиках.
- ³¹ См.: Alanen, I. Ristiriitainen Transition (Contradictory Transition) / J. Alanen // Plussat ja Miinukset – Yhteiskuntatutkimuksen Arviointia (Plusses and Minuses – Evaluations on Social Research) / R. Blom, J. Nikula. Tampere, 2004; Eslund, A. How Russia Became a Market Economy / A. Eslund. Washington DC, 1995; Eslund, A. Post-Communist Economic Revolutions: How Big the Bang? / A. Eslund // CSIS/Westview, 1992; Burawoy, M. The Economic Basis of Russia's Political Crisis / M. Burawoy, P. Krotov // New Left Review. 1993. 198: 49–70; Burawoy, M. Transition without Transformation: Russia's Involuntary Road to Capitalism / M. Burawoy // East European Politics and Societies. 2001. 15 (2). P. 269–290; Eyal, G. Making Capitalism Without Capitalists. Class Formation and Elite Struggles in Post-Communist Central Europe / G. Eyal [et al.]. London, 1998; Kay, A. Path Dependency and System Memory / A. Kay // Paper to Policy and Politics Conference «Policy and Politics in a Globalising World». Bristol, England, 24–26 July, 2003; North, D. Understanding Economic Change. 1999 / D. North // www.nap.edu/readingroom/books/transform/sec-1.htm; Rona-Tas, A. Path-Dependence and Capital Theory: Sociology of the Post-Communist Economic Transformation. 2002 / A. Rona-Tas // www.hi.rutgers.edu/szelenyi60/rona-tas.html; Sachs, J. Poland's Jump to the Market Economy / J. Sachs. Cambridge, 1993.; Stark, D. Postsocialist Pathways. Transforming Politics and Property in East Central Europe / D. Stark, L. Bruszt. New York, 1998.
- ³² Stark, D. Postsocialist Pathways. Transforming Politics and Property in East Central Europe / D. Stark, L. Bruszt. New York, 1998.

³³ Согласно Д. Норту, начиная от нашего понимания экономики вплоть до возведения нами каких-либо конструктов, введения политических мер по изменению экономических характеристик, существует бесчисленное количество ситуаций, когда мы можем сделать что-либо неправильно и делаем это. К примеру, социальные инновации не могут быть импортированы, а также не могут быть созданы с помощью административного ресурса, а если они все же импортируются, то не обязательно приносят ожидаемые результаты. Распространение социальной инновации является долгим и постепенным процессом. Для введения инновации нужны давление и возможность. Инновация должна преодолеть сопротивление неформальных институтов – или ограничений систем убеждения. Все это создает новое законодательство и другие формы политической поддержки, которые являются предпосылкой для более широкого распространения и принятия инновации. Это также побуждает субъектов к поиску новых оснований для социального действия или же влечет за собой социальную апатию (Норт, Д. Указ. соч.).

ДИСКУРС ПОГРАНИЧЬЯ

*І недарма ж на Палессі
Чуў ад сталых я галоў,
Што ў жыцці мы, як у лесе, –
Пад уладай нейкіх слоў.
Якуб Колас «Сымон-Музыка»*

*Чем больше мы используем язык
для взаимодействия с Другими,
тем больше мы понимаем, что
язык сам может быть пластичным,
изменчивым и многомерным инструментом.
Томас Лунден «На границе:
о людях на краю территории»*

Точка отсчета

Проблема Пограничья была поставлена в 2003 г. в рамках семинара CASE¹ для возможного измерения и исследования социального пространства региона Восточной Европы, локализованного Беларусью, Украиной и Молдовой. Концепт Пограничья² был предложен исследователям как нулевая отметка, точка с пустым содержанием, что позволяло бы без ограничений выделять новые объекты и проводить их максимально широкую интерпретацию в рамках трансдисциплинарных исследований новой гуманистики.

По большей части Пограничье воспринималось нами в начале Семинара либо как пространство географическое (Беларусь, Украина, Молдова), которое оказалось между центрами сил и поэтому в силу исторических особенностей региона носило черты колониальности и незавершенности (нереализо-

ванности)³, либо как пространство, где взаимодействуют различные культуры, истории, религии, языки⁴. Во втором значении Пограничье было сложно концептуализировать и понять, в чем его отличие и где его место в традиционных гуманитарных направлениях – социологии, культурологии, истории и др.

Теория Пограничья в самом общем виде может быть классифицирована на два вида теорий: 1) те, что представляют собой аналитические модели, связанные с географическим пространством – и тогда в их разработке главное значение имеют историки, политологи, антропологи, географы, археологи; 2) теории, рассматривающие «а-территориальные» границы; будь то границы воображаемые, социальные, культурные; изучать такие границы в рамках определенной дисциплины невозможно. Конечно, если мы говорим о границах социальных организаций, статусов, символических полей, они тоже оказываются привязанными к определенной территории, но методологический подход исследователя будет иным, чем в первом варианте. В первую очередь социального исследователя может интересовать сам субъект – коллективный (групповой) или индивидуальный и его способность выстраивать границы своего присутствия в публичном пространстве.

Ларец Пандоры

Дискуссия о понятиях – одна из важнейших задач гуманитарной науки. От того, как определяются те или иные базовые категории, зависит содержание любой теории. От того, как задаются категории, зависит и анализ эмпирических данных. Эти базовые понятия – своеобразная «таблица умножения» в социогуманитарной науке, без которой невозможно проводить анализ социальных процессов. Все же в отличие от математики, которая, безусловно, также является гуманитарной наукой, в истории, политологии, культурологии, социологии существует большая вариативность в создании таких «таблиц умножения». Если в математике она одна, то в социологии их значительно больше, а в теории Пограничья, которая сама по себе трансдисциплинарна – их количество умножается еще в несколько раз.

Дискуссия о понятиях «пограничье», «граница», «рубеж», «фронтир», «приграничье», «окраина» ведется в интеллектуальной среде Беларуси, России, Украины, Молдовы всего несколько лет. Но уже за эти несколько лет в рамках формирующегося дискурса теории Пограничья указанные категории стали использоваться исследователями в самом разном контексте и смысле⁵. Такая неоднозначность в употреблении указанных концептов не является только свидетельством различия позиций авторов, нежеланием работать в общей терминологии, но, скорее, следствием интеллектуальной работы, в ситуации, когда новая терминология попадает в дискурсивное пространство и начинает рассматриваться исследова-

телями «с той» или «с другой стороны», получая все более глубокое осмысление, а также – умножение значений смыслов понятий. Однако сложность дискуссии относительно теории Пограничья и ее концептуализации в белорусском* научном сообществе усугубляется еще и фактом трудности, несовпадения переводов многих понятий с иностранных языков на белорусский, украинский и русский, а также неоднозначностью употребления терминов и в аналогичных западноевропейской и американской теориях.

Вернуться к вопросу происхождения основных категорий теории Пограничья – очень важно. Это не означает, что, разобравшись с иностранной терминологией, нам станет легче пользоваться русскоязычными переводами западных категорий, но, по крайней мере, можно будет определиться с соотношением базовых понятий. Возможно, такая работа также позволит проследить причины роста интереса к пограничной тематике и обнаружить в Пограничье ранее не запланированные смыслы и перспективы научного поиска в этой области для исследователей.

Сам по себе термин «Пограничье», ставший русскоязычной калькой английского термина «Borderland», многозначен. Его использование в европейской и американской научной традиции в начале XXI в. актуально для археологии, истории, социологии, политической науки, гуманитарной географии (human geography), религиоведения, философии. В рамках теории Пограничья возникают исследования разного рода границ – «frontier studies», «border studies» и «boundary studies». Каждая категория переводится как «граница», но при этом имеет разный смысловой оттенок. Именно по этой причине в англоязычном гуманитарном пространстве существует несколько Пограничных теорий, которые, постоянно взаимодействуя друг с другом, постепенно стирают собственные границы, превращаясь в одну сложноорганизованную область научных исследований.

Border studies

Прикладная теория, связанная с изучением *border*-границ, зародилась в 50-е гг. XX в. в США как область исследований приграничных проблем. С 1976 г. в Америке была основана Ассоциация исследования Приграничья (Association of Borderland Studies – ABS)⁶, которая стала лидирующей академической ассоциацией североамериканских исследователей, занимающихся постоянным исследованием приграничных зон. Первоначальный интерес ABS фокусировался на изучении процессов приграничного региона США – Мексики: проблемах миграции, здоровья, образования, положения женщин. Центральной категорией Borderland theory выступает понятие «*border-граница*», которая концептуали-

* Здесь и далее данное слово в авторской транскрипции.

зируется не только как физическая линия, но и как «демаркационная линия, символизирующая власть включать и исключать субъектов из определенных отношений»⁷.

К примеру, географическая граница Болонского процесса включает и исключает страны, которые граничат с ним, на основании определенного типа договоренностей. Те, кто находится в более привилегированном положении относительно границы, всегда следят, чтобы она не нарушалась. Примером может быть также система охраны границы США с Мексикой, которая ведется в первую очередь по инициативе Соединенных Штатов. Таким образом, *border-граница* акцентирует внимание на политическом и социальном характере данного типа демаркации⁸.

Со временем тематика и регион приграничных исследований значительно расширились. Однако «Borderland» по-прежнему остается категорией, которая описывает преимущественно процессы приграничных регионов⁹, а Borderland theory, которую на русский язык лучше было бы все-таки переводить как «теория Приграничья», пытается осмысливать проблемы, так или иначе привязанные к территориальным и географическим локальностям. Культурные антропологи фокусируют свое внимание на Приграничье как месте, где образовались или формируются новые локальные сообщества¹⁰.

Тщательный исторический анализ развития теории Приграничья как области *border-исследований*, предпринятый В. Колосовым, профессором, руководителем Центра геополитических исследований Института географии РАН¹¹, помогает увидеть, как теория Приграничья взаимодействует с теорией Пограничья, какие аспекты территориальных исследований могут быть перенесены на атерриториальный анализ границ:

История развития теории Приграничья

Этап/ период	Доминирующие подходы и методы	Особенности данного периода	Основные концепции	Основные представители	Практическое применение теории
1. С конца XIX в.	Историко-географический подход	Накопление эмпирических данных, детальное картографирование экономической и социальной структур в приграничных регионах, большое количество проводимых кейс-стадий	Появление представлений об эволюции границ и приграничных территорий в пространстве и времени; объяснение свойств и конфигурации границ соотношением сил между государствами; разработка и переоценка теории естественных <i>border</i> -границ	Ж. Ансель (Франция), И. Боуман (США), Р. Хартшорн (США), Э. Бансе (Германия)	Разграничение, делимитация и демаркация послевоенных границ в Европе; разграничение между колониальными державами в Азии и Африке
	Типология <i>border</i> -границы	Разработка типологий и классификаций границ; изменение взаимосвязей между барьерной и контактной функциями	Концепции границы и фронта; разработка теорий, объясняющих их эволюцию и морфологию	Лорд Керзон, Т. Холдрих (Великобритания), К. Фоусетт (Великобритания), С. Богтс (США)	Разработка геополитических стратегий, раздел мира на сферы влияния ведущих держав, повсеместное применение европейской концепции политической границы как жестко фиксированной на местности линии

От транзитологии к теории Пограничья

<p align="center">2.</p> <p>С начала 1950-х гг.</p>	<p>Функциональный подход</p>	<p>Исследования трансграничных потоков людей, товаров, информации, взаимовлияния границ и элементов природного и социального ландшафта</p>	<p>Модели трансграничных взаимодействий на разных пространственных уровнях и типология трансграничных потоков; изучение границ как многомерного и динамичного социального явления; разработка концепции пограничного ландшафта и стадий эволюции приграничных территорий</p>	<p>Дж. Прескотт (Австралия), Дж. Хауз (Великобритания), Дж. Минги (США) М. Фуше (Франция), Дж. Блейк (Великобритания), О. Мартинес (США)</p>	<p>Переговоры по пограничным вопросам, практика трансграничного сотрудничества и регулирование социальных процессов на приграничных территориях, демаркация и делимитация новых политических границ</p>
<p align="center">3.</p> <p>С 1970-х гг.</p>	<p>Политологический подход</p>	<p>Изучение роли границ в международных конфликтах</p>	<p>Взаимосвязь между особенностями границ и их ролью в инициировании, эволюции и разрешении конфликтов; границы как данность</p>	<p>Дж. Герц, П. Диль, Т. Гарр, Х. Старр, Э. Кирби, М. Уорд (все – США) и др.</p>	<p>Урегулирование и разрешение пограничных конфликтов, восстановление и поддержание мира</p>

**Постмодернистский период развития
теории Приграничья**

<p>4. С 1980-х гг.</p>	<p>А. Мировые системы и территориальные идентичности</p>	<p><i>Border-</i> исследования на различных взаимосвязанных уровнях в зависимости от развития территориальных идентичностей и роли <i>border-</i>границы в иерархии политических границ в целом</p>	<p>Моделирование отношений между границами и иерархией территориальных идентичностей</p>	<p>А. Пааси (Финляндия), Д. Ньюмен (Израиль), Дж. О'Локлин (США), П. Тейлор (Великобритания), Т. Лунден (Швеция), Дж. Уотерберри и Дж. Экклсон (Великобритания) и др.</p>	<p>Использование проблемы границ пограничных конфликтов в национальном и государственном строительстве</p>
	<p>Б. Геополитические подходы</p>	<p>В1. Воздействие глобализации и интеграции на политические <i>border-</i>границы</p>	<p>Представления о процессах «де-территориальности» и «ре-территориализация» (перераспределение функций между границами различных уровней и типов) и о развитии системы политических и административных границ</p>		

От транзитологии к теории Пограничья

		В2. Границы с перспективы военной, политической и другой безопасности	Роль границ в охране стран и регионов; различие в традиционных и постмодернистских представлениях об этой роли; изучение влияния геополитической культуры на функции <i>border</i> -границ в сфере безопасности		
	В. <i>Border</i> -границы как социальные репрезентации	<i>Border</i> -граница как социальный конструкт и зеркало социальных отношений в прошлом и настоящем; роль <i>border</i> -границ как социальных символов и их важность в политическом дискурсе	Подходы к изучению <i>border</i> -границ как важного элемента этнических, национальных и других привязанных к территории идентичностей		Разработка принципов пограничной политики и пограничного сотрудничества, создание еврорегионов и других трансграничных регионов
	Г. Практика – политика – восприятие	Отношения между политикой, определяющей прозрачность <i>border</i> -границы, ее восприятие людьми и практики действий, связанные с этой <i>border</i> -границей	Влияние политики <i>border</i> -границ, практики и восприятия на процессы управления приграничными районами и приграничным сотрудничеством	Х. ван Хотум и О. Крамш (Нидерланды), Дж. Скотт (Германия)	Управление приграничными районами и приграничным сотрудничеством; регулирование международной миграцией и другими трансграничными перемещениями; региональная политика

Д. Экополитика	Взаимодействие между естественной и политической <i>border</i> -границами	Функция естественных и политических <i>border</i> -границ как интегративных систем и управление трансграничными социоэкологическими системами	О. Янг; А. Уэстинг; Г. Уайт (США), Н. Клиот (Израиль), С. Долби (Канада), Дж. Блейк (Великобритания), Н.Ф. Глазовский, С.П. Горшков, Л.М. Корытный (Россия) и др.	Решение глобальных и региональных/экологических проблем; управление международными речными бассейнами
----------------	---	---	---	---

Теория Приграничья подчеркивает, что наряду с тем, что *border*-граница может сама по себе выступать предметом изучения (политические, административные, военные разделения), она обуславливает разнообразие всех других типов границ. Исследователю часто представляется, что граница является чем-то вторичным по отношению к самому пространству. Однако именно граница (*border*-граница) в теории Приграничья определяет все другие типы границ (*boundary*-границ) и тип социального пространства.

Boundary-теория и фронтирные исследования

Вторым типом теории Пограничья является теория, которая в английском варианте получила название «Boundary theory». Ее основным операциональным понятием является «*boundary*-граница», а предмет Boundary theory определяется через такие категории, как «предел», «ограничение», «грань» не только между физическими характеристиками, но и воображаемыми, ментальными, ценностными категориями. Понятие *boundary*-границы прижилось в западных культурологических исследованиях (cultural studies), поскольку с ее помощью удобно описывать процессы культурной диверсификации. По этой же причине Boundary theory граничит с теориями мультикультурализма, постколониальными исследованиями, гендерными и др., где поднимается вопрос культурных, гендерных различий. Культурная *boundary*-граница, как пишет Ф. Эриксон, «отсылает нас к присутствию определенного типа культурного различия... Культурные *boundary*-границы – это характеристика всех типов человеческих обществ, традиционных, так же как и современных. *Boundary*-граница – это социальный конструкт, политический в своем происхождении»¹².

Таким образом, *border*-граница указывает на властный порядок, а *boundary*-граница указывает на существование социокультурных различий. Категория *boundary*-границы (*boundary*) также достаточно часто используется в западной социологии организаций при описании «организационных границ» фирмы или корпорации.

Для социальных исследователей, как справедливо подчеркивают Michele Lamont и Virag Molnar в статье «Изучение Boundary-границ в социальных науках», называя категорию *boundary*-границы «близнецом концепта *border*-граница», – возобновление интереса к пограничным состояниям является продолжением классических подходов Дюркгейма, выделившего категории «профанного» и сакрального, К. Маркса, разделившего общество на антагонистические классы, М. Вебера, рассматривавшего этические ценности во взаимосвязи с экономическим. *Boundary*-граница в социологии переходит в границу не только между культурами, историями, но и границами символического характера (П. Бурдьё). «Одна общая тема, которая проходит через литературу о *boundary*-границах – это поиск понимания роли символических источников (концептуальных различий, интерпретативных стратегий, культурных традиций) в создании, поддержании, оспаривании и распаде институционализированных социальных различий (классовых, гендерных, расовых, территориальных неравенствах). Чтобы прояснить для себя этот процесс, полезно будет прояснить различие между символическими и социальными *boundary*-границами. Символические границы – это концептуальные различия, производимые социальными акторами для определения целей, практик, людей и даже времени и пространства. Это инструменты, благодаря которым индивиды и группы борются и приходят к определениям реальности. Исследование их позволяет нам определять динамическое измерение социальных отношений, поскольку группы соревнуются в производстве, распределении и институционализации альтернативных систем и принципов классификаций. Символические границы также разделяют людей и производят чувства идентичности и группового членства (Epstein, 1992. P. 232). Они – сущностные медиаторы, благодаря которым люди приобретают статусы и монополизируют ресурсы»¹³.

Еще один вариант Пограничья, который активно используется в истории, археологии, этнографии, антропологии, основан на анализе границ-фронтиров. Как пишет Брайли Паркер, профессор Ближневосточной истории и археологии, работающий на факультете истории университета штата Юта¹⁴, для которого Пограничье стало рабочим концептом в археологии, вопросы изучения границ (*frontier*) в современной гуманитарной науке приобретают всеобъемлющий характер, но одновременно с этим Пограничье как теория ставит ряд сложных и трудноразрешимых вопросов для исследователей: «Несколько недавних попыток дать анализ состояния направления, которое чаще всего называется “*frontier studies*”, акцентируют внимание на необходимости использования данной теории в рамках многих академических дисциплин, одновременно, преднамеренно или нет, иллюстрируя интеллектуальные дебаты, разделяющие ученых внутри антропологии и между антропологией, историей и археологией (Anderson, 1996; Donnan and Wilson, 1994; Green and Perlman, 1985; Kopytoff, 1987; Lightfoot and Martinez, 1995; Parker, 2002; Parker and Rodseth, 2005; Rice, 1998;

Rosler and Wendl, 1999; Wilson and Donnan, 1998). Несмотря на тот факт, что *frontier studies* – это фундаментальная область для множества академических направлений (географии, политической науки, истории, антропологии и археологии, например), каждая создает свой собственный дискурс Пограничья, и только изредка имеются исследования междисциплинарного характера, представляющие интерес для многих областей или исследования сравнительного характера. Хотя исследование границ – это уникальная кросс-дисциплинарная и межрегиональная возможность, только некоторые исследователи явно применяли такой анализ, предлагая теоретические модели Пограничья, которые могут быть использованы вопреки пространственному, временному и дисциплинарному делению. Одна из причин этому – множество проблем, которые влечет за собой такой многофакторный анализ. Разнообразные источники, методологии, цели и теоретические построения – это только начало сложности, заключаемых в междисциплинарном характере Пограничья. Эти же сложности актуальны и для археологии.

Один из эффектов постлинейной теории – стигматизировать моделирование и дискредитировать широкое сравнение. Однако если мы пытаемся понять механизмы культурных процессов, мы должны вернуться к сравнительному исследованию внутри археологии и между археологией и другими дисциплинами. По этой причине мы должны задаться двумя вопросами. Первый – что даст междисциплинарное изучение границ и Пограничья и второе – как мы справимся с методологическими сложностями, которые в этом случае мы будем иметь при сравнительном исследовании?»¹⁵

Б. Паркер опубликовал ряд книг и статей, связанных с Пограничьем как теорией исследования фронта. Среди них: «На краю империи: концептуализируя границу Ассирийской Анатолии» (2002), «Механика империи» (2001), введение к книге «Неприручение границы в антропологии, археологии и истории» (совместно с Родсетом, 2005)¹⁶. Причем Паркер использует в названиях своих книг термин «фронт». Задача его работы, как считает он сам, – сравнение различных видов фронтов. Свою сравнительную модель Паркер называет «Континуум динамики границ» (Continuum of Boundary Dynamics). Паркер подчеркивает, что соотношение таких типов границ, как фронт и *boundary*-граница, можно рассматривать как соотношение частного понятия с родовым.

Frontier studies

Концептуализируя свою модель «Континуум динамики границ», Паркер определяет «фронт» как тип *boundary*-границы. Фронт – это территория на краю культурного образования и место, где взаимодействует одна культура с другой. Фронты (*frontiers*) – это «области между». Фронт – результат осо-

рых исторических обстоятельств или процессов, и поэтому он является уникальным социальным феноменом. Более того, поскольку природа взаимодействия, которая происходит на фронтире, может быть объяснена влиянием различных факторов – географических, политических, демографических, культурных и экономических, фронтир – это максимально динамическая и часто нестабильная зона, которая представляет определенную степень различия во времени и пространстве. По мнению Паркера, «исследование фронтиров» («*frontier studies*») может заключаться в сравнении различных специфических фронтирных ситуаций, благодаря чему «мы сможем определить общее и особенное, а также мы сможем построить модели, с помощью которых можно понять природу *boundary*-процессов».

Б. Паркер в статье «К пониманию приграничных процессов»¹⁷ подробно останавливается на терминологии специально для того, чтобы не путаться с категориями границ в дальнейшем¹⁸. Самым общим понятием для всех видов границ, согласно Паркеру, является категория *boundary*-границы. Оксфордский словарь определяет термин «*boundary*» как «то, что служит указанию границ и пределов чего-либо». Таким образом, *boundary* – общее понятие, обозначающее пределы различного рода¹⁹.

Наряду с общим понятием *boundary*-границы Паркер предлагает определения двух специальных типов границ – фронтира и *border*-границы (*frontier and border*). Понятие *border*-границы в работах Паркера – это «разделительные линии, установленные в определенном месте для обозначения границ между политическими или административными образованиями. Чтобы пересечь *border*-границу, нужно выехать из одной страны и въехать в другую. Такое пересечение не вызывает особой сложности, поскольку является механическим движением. Однако в некоторых случаях такая *border*-граница является реальным препятствием для жителей соседних государств. Например, пересечение границы между белорусским Брестом и польским Тересполем, расположенными на расстоянии 1 км один от другого, может занять почти сутки. Таким образом, свобода перемещений человека определяется открытостью/закрытостью этих границ. Акцентируя внимание на состоянии *border*-границ и их создании, теория Приграничья тесно переплетается с теорией Пограничья, поскольку, исходя из данного примера, границы свободы и несвободы не являются привязанными исключительно к *border*-границам одного государства с другим, но могут носить характер разделения и колонизации внутри страны. Так, например, в советский период такие *border*-границы существовали для колхозников с 1932 г. внутри страны (в связи с созданием паспортной системы в СССР) – как невозможность перемещений в отсутствие паспортов. В Северной Корее перемещение внутри страны до недавнего времени требовало разрешений от местных властей. Так, историк А. Ланьков о *border*-границах в Северной Корее пишет: «...Жесткий контроль за передвижением населения. Для поездки за пределы родного уезда, т.е.

района, требовалось специальное... Разрешение оформлялось примерно так же, как в советские времена оформлялась поездка в Болгарию. Нужно было получить заверенное приглашение: у тебя дядюшка, и ты хочешь к нему съездить. Там сложная система, я опишу типичную ситуацию: в не совсем соседнем районе (нет общих границ) есть дядюшка, который хочет увидеть вас, любимого племянника. Он посылает приглашение, заверенное в местном Управлении внутренних дел. Вы идете по треугольнику администрация-профком-партком. С этой бумагой вы идете во второй отдел местного муниципального совета. Они примерно неделю обсуждают, можете ли вы поехать к дядюшке, выдают вам бумажечку со штампом. И только с этой бумажечкой вы можете получить билеты и поехать в соседний район. Но это хороший случай. Потому что если вам хочется поехать в столицу революции – в город Пхеньян – или в приграничные районы, то там нужны более серьезные разрешения, которые утверждаются Пхеньяном, и ждать их нужно около месяца. Причем на протяжении большей части истории Кореи частным лицам эти разрешения не выдавались»²⁰.

Через изучение *border*-границ можно изучать политические системы, образовательное пространство, миграцию, мобильность. Такое направление может быть очень интересным для историка, юриста, социолога, политолога. Причем очевидной становится связь теории Приграничья с теорией Пограничья.

Томпсон и Ховард определяют фронтир как «зону глубокого проникновения между двумя ранее различными народами»²¹. Причем, как отмечает Хью Элтон, фронтiry состоят из различных типов *boundary*-границ. На примере изучения границ фронтиров Римской империи в книге «Фронтiry Римской империи»²² Элтон определяет фронтир как «зону наложения (но не совпадения) различного рода политических, экономических, культурных *boundary*-границ». Сутью фронтиров выступает сложная матрица накладывающихся *boundary*-границ.

Паркер, отталкиваясь от определения Приграничья как географического пространства, в котором существуют фронтiry и *border*-границы, приходит к собственному определению: «Приграничье – это регион вокруг или между политическими и культурными целостностями, где географические, политические, демографические, культурные и экономические обстоятельства или процессы могут взаимодействовать, создавая *border*-границы и фронтiry».

«Континуум *boundary*-динамики»

Конструируя такое определение, Паркер говорит, что *border* и фронтир состоят из различного типа *boundary*-границ (географических, политических, демографических, культурных и экономических). Он называет все виды *boundary*-границ *boundary*-набором или матрицей. В его концепции *border* и фронтир – два противоположных типа границ: первая (*border*-граница) –

жесткая, статичная, линейная; вторая (фронтир) – мягкая, меняющаяся и зональная. Паркер, выстраивая модель под названием «континуум *boundary*-динамики», указывает на основную сложность анализа модели взаимодействия границ: «Разнообразие границ, измеряемое в континууме, слишком общее, и таким образом модель может не улавливать всех нюансов приграничья. ...Я думаю, что важно не перегружать, не усложнять модель, добавляя слишком много категорий к континууму».

Паркер выделяет пять типов границ (*boundary*-границ):

1) географическую (климат, природные особенности, экология, окружающая среда, природные границы – реки, горы);

2) политическую (административное деление, военная власть, политическая динамика, политическое доминирование, колонизация пограничья, «закрытие»/«открытие» фронта, перемещение фронта²³);

3) демографическую в широком смысле (взаимодействие этнических групп, численность населения, здоровье, гендерная классификация населения, демографические сдвиги, скрытая миграция, характер поселений, характер этногенеза: слияние или фрагментация²⁴);

4) культурную (лингвистическая, религиозная, артефактная, культурные практики);

5) экономическую (производство, экосистема, вовлеченность мигрантов, транспорт, приграничная торговля, контроль).

Такая матрица *boundary*-границ постоянно изменяется и во времени так, что один набор *boundary* накладывается на другой. Таким образом, приграничный процесс определяется как динамика взаимодействий внутри и между наборами *boundary*-границ и их характеристиками (статической, ограничивающей, пористой, жидкой).

«...Колонизация региона может менять этнический ландшафт, лингвистический в приграничье. Изменения в демографической динамике могут влиять на экономическую границу... следующий шаг – увидеть такое взаимодействие во времени... и придать ему систематический характер...»²⁵

Паркер пытается произвести операционализацию Приграничья, зоны, которая находится возле политической границы. Как историка его интересуют культурные границы цивилизаций и их движения во времени. Как археолог он операционализирует фронтиры как границы артефактов. Несмотря на тот факт, что фронтир противопоставляется *border*-границе, он выступает как объективная категория исторического процесса. Фронтир в понимании Паркера – это по большей части зона транзита, зона контактов, локального обмена между разными народами.

Таким образом, исходя из того факта, что области «frontier studies», «border studies» и «boundary studies» имеют свое собственное дискурсивное поле в каждой отдельной области знания, можно сказать, что целостной теории Пограничья

не существует и ситуация в этом исследовательском направлении напоминает, скорее, ситуацию в современной культурологии или этнографии, где общая теория складывается преимущественно из отдельных «case-study». Хотя термины Приграничье и Пограничье часто меняются местами в употреблении, многие элементы Приграничья могут быть использованы в Пограничье, которое может не иметь четкой привязки к географическому пространству возле физической границы. Пограничье в отличие от Приграничья больше носит воображаемое, символическое, социальное измерение и скорее привязывается к социальному месту. Поскольку сам по себе любой тип границы все больше трансформируется от внешнего типа, географически привязанного к территории, жестко охраняемого ко всё больше внутренней границе, проходящей через пространство мысли, ценности, свободы, коммуникации, образования, постольку теория Приграничья все чаще начинает взаимодействовать с теорией Пограничья.

Метафора «поселения» и «пограничного столба»

Пограничье в любом типе исследований – будь то изучение *border*-границ, фронтиров или *boundary*-границ, всегда связано с идеей «окончания», «предела» (end, edge, limit). Этот предел может быть физическим, территориальным, а может быть воображаемым, мыслимым, ценностным, историческим, социальным, культурным. Варианты совпадения и наложения различного *border* и *boundary*-границ нами описаны в «2-Б Модели Пограничья», речь о которой пойдет чуть позже.

Томас Лунден, профессор гуманитарной географии, директор шведского Центра балтийских и восточноевропейских исследований, указывает на тот факт, что романское *frontier* (от лат. *frons, forehead*) используется в английском языке для указания передовой, края или места конфронтации. «В романских языках одно и то же слово, французское *frontiere*, приравнивается по значению к английскому *boundary* (*boundary*-граница) и немецкому *grens*. Причем в немецком языке этот термин имеет славянское происхождение. Становится этот термин известным из приграничья германского и славянского языков в юго-восточном Балтийском регионе. А слово *granizza* появляется в немецких текстах от Торна, современное Торун (Польша) с 1262 г. В одном и том же приблизительном смысле употребляется в чешском, польском и русском языках»²⁶.

Интересный подход к определению фронта дает исследователь Чарльз Майер. Он указывает, что именно в Северной Америке фронтир описывался как «место, где заканчивается поселение белых и начинается поселение коренных местных жителей». Такой фронтир означал окончание культуры, цивилизации, социума, он выступал одновременно и передовой, на которой велась война за освоение большего пространства для жизни. Этот фронтир отделял цивилиза-

цию от природы, более низкий уровень социального развития людей от более высокого. В 1890 г. американские власти объявили о прекращении существования такого рода фронта, поскольку переселенцы заселили все континентальное пространство Соединенных Штатов. «Американский фронт означает окончание поселения. Обычный европейский фронт разделяет народы. Когда европейцы пишут о фронте, они подразумевают линию, где территория, населенная одним народом, урегулировала или урегулирует свои территориальные претензии с другим соседним народом. Таким образом, метафорой американского фронта могут выступать лес и прерия, а европейского – пограничный столб. Римляне оставили нам идею фронта, которая подразумевает одновременно два элемента – фронт как конец их мира, империи, и в то же время фронт, который надо оборонять от чужаков, варваров. Это так называемые буферные зоны, колонии, жестко охраняемые на *border*-границах. Результатом деятельности таких зон стал обмен. ...Римский термин *limes* означал окончание действия юрисдикции более прогрессивной цивилизации»²⁷.

Фронт как «окончание поселения» может быть окончанием цивилизации, скорее больше походящий на устанавливаемую *border*-границу. Такой фронт указывает на отсутствие единых механизмов равноправного обмена, односторонний характер его продвижения. Он может описываться через категории империя/колония.

Фронт может быть разделительным столбом – буферной зоной, отделяющей взаимно признающие друг друга национальные государства. Тогда такой фронт становится открытым коммуникативным пространством, в котором могут обмениваться различными ценностями субъекты. Такая система построена на урегулировании правовыми средствами различных процессов и конфликтов в зоне фронтов.

Итак, фронт является скорее механизмом Пограничья, приобретающим в зависимости от характера границ разные формы – равноправного обмена, основанного на правовых нормах, или форму колониального завоевания, или смешанные варианты.

Примечания

¹ Региональный семинар «Социальные трансформации в Пограничье (Беларусь, Украина, Молдова)» (2004–2006). Проект «Восточно-Центральное Пограничье в контексте новой гуманистики» – первое событие такого рода на постсоветском пространстве. Среди «школьников» были историки, политологи, социологи, культурологи, философы, экономисты и юристы, все – молодые университетские преподаватели. Имена лекторов (здесь приводится неполный список) говорят сами за себя: Игорь Бобков (философ, Беларусь), Владимир Абушенко (социолог культуры, Беларусь), Дипеш Чакробарти

- (постколониальный исследователь, США), С.А. Наумова (политолог, Беларусь), С. Хоревский (культуролог, историк, Беларусь), Ядвига Станишкис (социолог, Польша), Г.Я. Миненков (философ, Беларусь), Вальтер Миньоло (постколониальный исследователь, США), Альмира Усманова (философ, Беларусь), Гжегож Гожеляк (регионалист, Польша), Михал Буховски (историк, Польша), Елена Гапова (гендерная исследовательница, Беларусь).
- ² Бобков, И. Вместо предисловия / И. Бобков, П. Терешкович // *Перекрестки. Журнал исследований восточноевропейского пограничья*. 2004. № 1–2.
- ³ «Беларусь уже второе столетие борется за свою долю и поэтому никак не может встретить свою судьбу» (см.: Бобков, И. *Этика Пограничья*).
- ⁴ «Как цельная и полная, беларуская культура может состояться – в сегодняшних условиях как культура пограничья, как культура внутренней разграниченности, встречи и перехода отличных (разнонаправленных, конфликтных) культурных частей» (там же).
- ⁵ Наиболее яркая полемика к настоящему времени в Беларуси разворачивалась на страницах журнала «Перекрестки», в сборнике статей «После империи: исследования Восточноевропейского Пограничья».
- ⁶ В рамках ассоциации ABS выпускается научный журнал «*Journal of Borderland Studies*» и газета «*La Frontera*» на английском языке.
- ⁷ Heewon, C. Re-examining the Rhetoric of the «Cultural Border» *Electronic Magazine of Multicultural Education*. 1999. Vol. 1. No. 1 (<http://www.eastern.edu/publications/emme/1999winter/chang.html>).
- ⁸ Erickson, F. Culture in society and in educational practice / F. Erickson // J.A. Banks, C.A.M. Banks (eds.). *Multicultural education: Issues and perspectives* / P. 32–60. Boston, 1997.
- ⁹ Приграничье (Borderland) определяется в Оксфордском словаре как «земля или район на или около Border-границы двух стран».
- ¹⁰ См. работы:
Alvarez, R. The Mexican-US Border: The Making of an Anthropology of Borderlands / R. Alvarez // *Annual Review of Anthropology*. 1995. № 24. P. 447–470.
Alvarez, R. Toward an Anthropology of Borderlands: The Mexican-U.S. Border and the Crossing of the 21st Century / R. Alvarez // *Frontiers and Borderlands: Anthropological Perspectives* / ed. by M. Rosler and T. Wendl. Frankfurt, 1999. P. 225–238.
Hastings, D. *Border Approaches: Anthropological Perspectives on Frontiers* / D. Hastings, Th. Wilson (ed.). University of America Press, 1994.
Flynn, D. «We Are the Border»: Identity, Exchange, and the State along the Benin-Nigeria Border / D. Flynn // *American Ethnologist*. 1997. № 24. P. 311–330.
Hansen, N. *The Border Economy: Regional Development in the Southwest* / N. Hansen. University of Texas Press, 1981.
Martinez, O. *Border People: Life and Society in the U.S.-Mexico Borderlands* / O. Martinez. University of Arizona Press, 1994.
Rosler, M. *Frontiers and Borderlands: Anthropological Perspectives* / M. Rosler, T. Wendl. 1999.

- Wilson, T. *Border Identities: Nation and State at International Frontiers* / Th. Wilson, D. Hastings. Cambridge University Press, 1998.
- ¹¹ Колосов, В. Теоретическая лимология: новые подходы [Электронный ресурс] / В. Колосов. Международные процессы. Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/three/004.htm>
- ¹² Erickson, F. *Culture in society and in educational practice*. P. 42.
- ¹³ Lamont, M. *The Study of Boundaries in the Social Sciences* / M. Lamont, V. Molnar // *Annual Review of Sociology*. 2002. P. 167.
- ¹⁴ С 1990-х гг. Б. Паркер занимается археологическими раскопками в устье Верхнего Тигра южно-восточной Турции.
- ¹⁵ Parker, B. *Toward an Understanding of Borderland Processes* / B. Parker // *American Antiquity*. Vol. 71. № 1, 2006.
- ¹⁶ «At the Edge of Empire: Conceptualizing Assyria's Anatolian Frontier» (Parker, 2002), *The Mechanics of Empire* (Parker, 2001) and the introduction to *Untaming the Frontier in Anthropology, Archaeology, and History*.
- ¹⁷ Parker, B. *Toward an Understanding of Borderland Processes*.
- ¹⁸ Несмотря на тот факт, что тематика пограничных исследований появилась еще в 50-е гг. XX в. в США, наиболее активное применение категорий теории Пограничья и расширение дисциплинарного поля стали осуществляться с 1990-х гг. По этой причине работа с основными понятиями остается актуальной до сегодняшнего дня в Западной Европе и США.
- ¹⁹ Такую терминологию Паркер предлагает, основываясь на взглядах (Anderson, 1996; Jones, 1959; Barth, 1969, 1994; Cohen, 1985, 1994; Rosler и Wendl, 1999).
- ²⁰ Публичная лекция А. Ланькова «Естественная смерть корейского сталинизма» [Электронный ресурс] / Полит.ру. Режим доступа: <http://www.polit.ru/lectures/2007/02/22/lankov.html>
- ²¹ Thompson, L. *Comparative Frontier History* / L. Thompson, L. Howard // *The Frontier in History: North America and Southern Africa Compared* / ed. H. Lamar and L. Thompson. Yale University Press, New Haven, 1981. P. 3–13.
- ²² Elton, H. *Frontiers of the Roman Empire* / H. Elton. Bloomington, 1996.
- ²³ Aron, S. *The Meetings of Peoples and Empires at the Confluence of the Missouri, Ohio, and Mississippi Rivers* / A. Aron // *Untaming the Frontier in Anthropology, Archaeology and History* / ed. by B.J. Parker and L. Rodseth. Tucson, 2005. P. 174–202.
- ²⁴ См.: Матусевич, Е.В. Плюралистические модели сосуществования этнических групп в пространстве пограничья: методологический статус / Е.В. Матусевич // *После империи: исследование восточно-европейского пограничья: сб. статей* / под ред. И. Бобкова, С. Наумовой, П. Терешковича. Вильнюс, 2005. С.54–62.
- ²⁵ См.: Parker, B. *Toward an Understanding of Borderland Processes*. P. 10.
- ²⁶ Lunden, Th. *On the Boundary: About humans on the end of territory* / Th. Lunden. Stockholm, 2004.

Дискурс Пограничья

- ²⁷ Maier, Ch. Does Europe need a frontier? From territorial to redistributive community / Ch. Maier // Jan Zielonka. Europe Unbound: Enlarging and Reshaping the Boundaries of the European Union. Routledge, 2002.

ГРАНИЦЫ И ПОГРАНИЧЬЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

*Но плоть – ужели с ней разлад?
Откуда к плоти безразличие?
Тела – не мы, но наш наряд,
Мы – дух, они – его обличья.
Нам должно их благодарить –
Они движеньем, силой, страстью
Смогли друг дружке нас открыть
И сами стали нашей частью.
Как небо нам вельня шлет,
Сходя к воздушному пределу,
Так и душа к душе плывет,
Сначала приобщаясь к телу.*

Д. Донн «Экстаз»

Чтобы нарисовать лицо, необходимо увидеть в нем некоторые характерные черты, которые и придают ему неповторимость. Это почти неуловимые линии, оттенки очертаний, но они вполне могут обрести плоть, будучи нанесенными, к примеру, грифелем на бумагу. Они очень разнообразны – тонкие, толстые, темные и светлые – и ложатся как будто бы хаотично; очень трудно распознать в их беспорядке какую-то логику, пока однажды вдруг первобытный вихрь этих странных хаотичных росчерков не становится узнаваемым лицом.

Чтобы составить представление о социальном пространстве, необходимо увидеть не только отдельные границы, составляющие его контурную схему, надо увидеть, как они соотносятся одна с другой, открыть эти линии именно как линии рисунка, тонко и четко обозначающего суть лица, – иногда как контур, а иногда и как морщинку у глаз, или линию улыбки, готовые меняться ежесекундно и менять лицо, – но так, что

оно в своих эмоциях и переживаниях останется собой, даже если исказится безобразной гримасой.

Вряд ли социальное пространство более уловимо, чем лицо. Для его обозначения и передачи необходимо фиксировать ряд индикаторов. Социальное пространство само создает такие индикаторы в виде разнообразных границ. Так, есть границы – формы культур¹ и цивилизаций². Меняются поколения, сменяются политики и полити-

ческие формы, но такие границы – это то, что оставляет в наследство после себя человеческое сообщество. Границы, воздвигаемые культурами и цивилизациями, – крепче самих сообществ и переживают свои сообщества³. И когда на смену уходящим приходят новые сообщества, они имеют дело не столько с предшествующими народами и нациями, сколько с границами, которые те воздвигли⁴. Чаще всего такие границы являются артефактами, они – память о самом себе, ты сам в разное время и в разном состоянии, в том числе – твой проект о самом себе в будущем. Такие границы – условие взаимодействия культур и традиций, а их верная интерпретация – условие исторического процесса, неразрывности времени. Границы являют уникальное содержание культуры и цивилизации, дают возможность новым и новым поколениям и народам решать все те же задачи, которые так и не были разрешены в прошлом. Границы иных или ушедших помещают эти проблемы в самую середину новых сообществ, потому что рассекают эти сообщества, не могут не взаимодействовать с ними. Но и восприятие таких границ новыми народами и поколениями возможно только в процессе построения собственного проекта будущего и настоящего и взаимодействия с прежними границами через свои собственные.

Происхождение культурных границ естественного порядка; они существуют, поскольку существует на то тысяча причин – географических, языковых, психологических, генетических и поэтических. Цивилизационные границы существуют, пока существует не просто общество, а общество, сознательно и целенаправленно создающее себя и ценящее свои основания. Но есть также и политические границы, выражающие суть власти. Границы, воздвигаемые властью, не всегда совпадают с границами цивилизационными⁵.

Цивилизационные границы не являются прямым условием существования политических границ, равно как политические границы не обязательно создают определенную цивилизацию. Политические границы могут быть частью цивилизационной границы, но не обязательно⁶. Это же утверждение относится и к соотношению границ политических и культурных. Эта неправильность, несоответствие границ является условием социальной динамики и развития человечества. Если бы было по-иному и культурные границы совпадали бы с границами политическими и цивилизационными, человеческий мир представлял бы собой конгломерат замкнутых и время от времени воюющих на уничтожение общин самого примитивного, недифференцированного социального устройства⁷.

Всякая социальная дифференциация означает смещение границ, социальное движение и необходимость в создании механизма согласования границ.

Политические границы, как правило, объединяют в одно пространство различные культуры и традиции, даже если политическая сила выбирает определенную культуру в качестве ведущей и использует ее в качестве средства коммуникации в мультикультурном пространстве. Примером обусловленности политической границы культурным фактором является Израиль. Израиль в своих политических границах никогда не был монокультурным и всю историю находился во взаимодействии с окружающими его иными культурами и традициями⁸. В истории евреев большего внимания заслуживает даже не то, как они жили, окруженные сильными и многочисленными язычниками, а то, как они справлялись с собственным язычеством, как они были способны поддерживать эффект собственной границы⁹. Это схема подобного плана: «...пришел царь Иудеи X и иссек дубраву...»¹⁰. Поразительно то, что дубрава же была насаждена самими евреями. Граница между язычниками и евреями не была внешней границей Израиля, но всегда проходила по самому Израилю, это был именно рубеж, выполнявший функцию охраны и означавший предел и основания идентичности. Другим примером является Англия эпохи модерна. Культура и собственная традиция обусловили в какой-то момент существование Англии в пределах совпадающих цивилизационных и политических границ. Но это состояние было очень непродолжительным, поскольку Англия торговала со всем миром и, превратившись очень рано в торговую колониальную державу, а затем – в империю, стала зависеть не только от собственной культурной традиции, но и от форм ее взаимодействия с иными традициями и построения эффективной системы коммуникаций с ними¹¹. В результате формы социальной коммуникации, которые были характерны для Англии, приживались только в колониях, где англичане не составляли такого большинства. Тем не менее народы, вошедшие в политическую и цивилизационную сферу влияния Британии, оказались включенными в ее цивилизационную инфраструктуру¹². Эта структура в отличие, к примеру, от закрытой

иудейской может характеризоваться именно как пограничная, использующая границу как инструмент для взаимодействия и контакта.

Два приведенных примера позволяют утверждать, что существует два вида контактов границ: первый – когда во взаимодействие приходят границы одной природы (политическая с политической, культурная с культурной), и второй, когда встречаются границы разной природы (цивилизационная и политическая и т.д.) Встреча границ одной природы производит различие и разъединение. Это означает, что одному и тому же субъекту невозможно принадлежать одновременно к двум порядкам одной и той же природы. Нельзя быть одновременно иудеем и мусульманином, нельзя быть одновременно мужем в двух семьях, чаще всего нельзя быть и гражданином одновременно двух государств (чаще всего государства очень неохотно допускают двойное гражданство). Этот закон не снимает и личная свобода. Человек может попытаться почувствовать себя одновременно по крайней мере со стороны Церкви; также человек может попытаться завести себе параллельно две семьи, но реакция самих семей нетрудно предсказуема. Вместе с тем ничто не мешает взаимодействовать границам разной природы. Можно быть мужем и христианином, можно быть электриком и при этом – гражданином государства N и т.д. Но при этом всегда возникает вопрос о механизмах согласования таких границ, их сосуществования.

Каждый тип границы имеет разное значение. Политические границы дают контур, производят идентификацию и не более того, культурные и цивилизационные границы сообщают этому контуру жизнь, делают политические границы условными и прозрачными, создают возможность существования политических границ не как пределов, но как линий взаимодействия и контактов.

Почти всю историю человечества политические границы обеспечивали доминирование культуры тех, кто обладал властью. Это достаточно простой порядок, в котором политические границы представляют собой пространственные пределы достижения власти и, соответственно, – пределы достижения определенной культуры. Столкновение властных порядков было тождественным столкновению культур¹³. Более высокая культура, правда, могла оказаться победительницей, как случилось в столкновении Рима и Греции, но могла и быть уничтоженной, на что указывает пример столкновения ислама и Византии. В принципе, это не так важно, потому что в процессе таких столкновений невозможно говорить о полной трансляции даже победившей культуры. Европа после наполеоновских войн – это уже иная Европа. Испания после нашествия мавров – иная Испания. Египет после римлян – иной Египет. Вступая в область политических границ, оказываешься в сфере непрестанно изменяющейся, проходящей в состояние покоя только для того, чтобы снова изменяться с еще большей интенсивностью. Вступая в область культурных границ, попадаешь в неутомный поток, и его вечное движение захватывает все и изменяет всех.

Можно утверждать, что до недавнего времени политическая система также являлась продуктом определенной культуры. Противостояние культуре потому могло рассматриваться как сопротивление власти, как выражение нелояльности¹⁴. Однако надо отметить, что «правило лояльности» работает только в том случае, если действительно существует прямая связь между культурой и властью, если действительно культура призвана легитимировать власть, а власть – опираться на определенную культуру. Граница в этом случае выступает в качестве рубежа, ее преодоление возможно только путем транзита. «Варвар» – понятие, обозначающее суть транзитологии. Варвар может, наверное, стать цивилизованным человеком, но только через транзит, только через практики инициации в иную культуру. Такой транзит может быть достаточно легко осуществлен отдельным варваром. Но как транзит возможен для общества варваров? Только как уничтожение или завоевание.

Римляне выпадают из этого общего правила¹⁵. Римляне с большой степенью эффективности разделили сферы культуры и политики, создав цивилизацию, основанную на политико-правовых универсальных началах, позволивших Риму оставаться собой на протяжении 1000 лет¹⁶. Рим научился создавать контекст Пограничья между культурами, научился создавать систему толерантную, допускающую возможность существования иных идентичностей, предложив им культурно-нейтральную платформу – государственную и правовую – для взаимодействия и контактов. Но в самой Римской империи случились также иные события, которые проблему транзита и Пограничья углубили и довели до крайних пределов.

Римская система, при ее универсальности и отделении культуры от политики, была основана на одном допущении – существовании абсолютно лояльного Риму гражданина. Рим допускал культурное многообразие, поскольку был не просто культурой, а цивилизацией. Рим не проводил культурной политики, потому что проводил политику цивилизационную при соблюдении принципа культурной лояльности и религиозного синкретизма. Эту политику можно назвать политикой Пограничья. Римляне умели согласовывать культурные и политические границы в рамках цивилизационных границ. Но это правило перестает работать, когда появляется лицо, отказывающееся подчиняться цивилизационным практикам. В этом случае рушится порядок как таковой, потому что механизмов по социализации лица, не подчиняющегося известным практикам, попросту нет. Такое лицо как будто бы разрушает систему коммуникаций и пограничий, потому что утверждает новую границу между собой и цивилизацией. Римляне знали, что делать с иными культурами и народами, но не знали, что делать с отдельным человеком, отказывавшимся от процедур и техник, выработанных Римом для поддержания собственной стабильности. Такими людьми были отчасти евреи, но полностью обозначили такого рода проблемы христиане. Римляне негодовали по поводу христиан, искреннее не по-

нимая, для чего те так упорствуют, отказываясь приносить жертву императору и римским богам. Но христиане упорствовали, и Риму ничего не оставалось делать, кроме как измениться. Рим изменился, поскольку признал наличие новой границы – между цивилизацией и личностью, и выработал практики нового Пограничья. На выработку таких механизмов ушли столетия. По существу, весь период постантичности можно рассматривать как время становления механизмов взаимодействия между цивилизацией и личностью.

Христиане первыми представили миру совершенно новую модель взаимодействия политических систем, культур и цивилизаций: не через противопоставление мощи и силы одной системы мощи и силе другой системы, а через противопоставление этой мощи всего лишь человеческой верности. И после этого в мире изменяется практически все¹⁷. Меняется характер границ, они становятся настолько же внутренними, насколько внешними, поскольку определяются не только сообществами и социальными практиками, но и личностью. Любое общество с этого времени стоит перед вопросом поддержания своей идентичности, включая в эти вопросы и обустройство отношений между публичными институтами и личностью, а также вопросы становления самой личности, идентичности личности не только определенной культуре или цивилизации, роду или семье, но и самой себе.

Эпоха модерна распространила опыт христиан на обычного обывателя, объявив, что обыватель также является суверенной личностью, что обыватель также производит эффект границы, а потому необходимы практики Пограничья, делающие возможными контакты и взаимодействие обывателей и состоящих из таких обывателей обществ. Это, наверное, самое важное новшество, внесенное в мир Новым временем. Человек и его статус отныне не подлежат полной детерминации со стороны любых общественных институтов. Статус человека перестает быть заранее абсолютно заданным – фактом рождения, социальным происхождением, физическими задатками. Вместе с тем эпоха модерна должна была решить задачу нахождения механизмов интеграции этого нового, невиданного никогда ранее сообщества, состоящего из бесчисленного множества свободных личностей¹⁸. Любое модерновое общество в этой связи представляется испещренным многочисленными границами. Свободная личность усиливает многократно любые неровности культурного и политического пространства. Трансформация обществ Нового времени может быть описана метафорой прибора – бесконечного числа новых и новых волн, накатывающих, продвигающихся и заполняющих постепенно собою все пространство. Каждая из этих волн имеет свою причину в свободе личности¹⁹.

Эти волны должны быть интегрированы. Эпоха модерна создала свои интеграционные решения как определенные пограничные практики. К таким практикам необходимо отнести западную правовую систему, основанную на понятии суверенной корпорации и личности, национального и правового госу-

дарства, на учении о свободе личности, государстве всеобщего благоденствия, на национальном языке и национальной системе образования. Иные механизмы, связанные с функционированием гражданского общества, такие как локальное самоуправление, региональная субъектность, корпоративная автономия или пределы личных свобод, до сих пор являются темой дискуссий, что указывает на продолжающийся процесс выработки таких практик²⁰.

Очевидно, что обозначенный подход образует перспективу Пограничья – от взаимодействия между политическими и культурными границами – к взаимодействию цивилизационных и, наконец, личностных границ, в том числе и таких, которые обладают интраперсональным характером и способны рассекать личность.

Представление Пограничья как пространства, определяемого соотношением границ разной природы, позволяет преодолеть слишком примитивный геополитический подход в исследовании Восточной Европы, объясняющий характер региона местом стран, расположенных в нем, между центрами сил. Также представление Пограничья как пространства, определяемого соотношением границ разной природы, позволяет исправить существенную ошибку в теории транзита, которая делает основной акцент на создании механизмов Пограничья, не уточняя субъектный состав Пограничья, не учитывая, для кого должны работать такие механизмы. Потому что может статься, что механизмы будут созданы, но не найдется никого, кто мог бы ими воспользоваться или по причине того, что попросту не умеет, или по причине отсутствия субъекта, нуждающегося в такого рода механизмах²¹. Это также означает, что нет универсального набора механизмов Пограничья, они всегда индивидуальны, поскольку должны быть применимы в конкретных субъектных практиках. Кроме того, некоторые механизмы образуются именно из конкретных практик конкретных субъектов²².

Само становление Пограничья является достаточно болезненным, поскольку заставляет полностью пересматривать самые основания социальной системы, взламывает порядок существования границ и обусловленный ими миропорядок²³. Сугубое значение это имеет по отношению к советской системе, в контексте кризиса которой развивается Восточная Европа. Советская система особенно сопротивлялась приобретению значения границами, воевала против всего частного и выдавливала на периферию все, что сама не могла включить в себя в качестве простого элемента. Однако проблемой таких сложных систем является не сам взлом, а реакция системы на взлом²⁴. Открывается ли эта система к изменениям, эволюционирует ли она, либо замыкается и подавляет новое Пограничье, либо распадается²⁵. Очевидно, что возможность подобных изменений обусловлена наличием определенных предпосылок Пограничья. В целом такие предпосылки можно обозначить понятием «субъектоспособность» – способность лица или сообщества производить эффект границы, служащей основа-

нием и механизмом для взаимодействия с внешним миром, обозначать себя для мира самостоятельно, предлагать миру собственное имя.

География Восточной Европы

Но что позволяет объединять Украину, Беларусь и Молдову в единый регион, называемый «Восточная Европа», и есть ли у этого географического имени шансы избавиться от негативной оценочности, присутствующей в нем²⁶?

На первую часть вопроса приходится отвечать так: ничего географического. Потому что география дает для того не слишком много оснований. Физическая карта не указывает нам ни на четкие границы между Восточной и Западной Европой²⁷, более того, не существует и четких границ между Молдовой и Румынией, между Украиной и Словакией, между Украиной, Беларусью и Польшей. Точно так же мы не находим такого рода границ на востоке этих стран, где Молдова мягко – через Приднестровье – перетекает в Украину, где Беларусь и Украина почти незаметно сменяются Россией. С точки зрения географии нет оснований выделять данную территорию как один регион. На его границах нет ни высоких гор, ни широких рек, ни пустынь, выступающих естественными преградами. Только странный «железный занавес», несколько проржавевший, все еще рассекает это пространство, и его значение еще не преодолено²⁸, и не осмыслено его присутствие здесь в полной мере. Как эта граница делит однотипное пространство? Потому объединяют эти страны те задачи и проблемы, которые идентичны для них и которые они преодолевать могут в определенной последовательности, хотя демонстрируют значительные различия в выборе стратегий. Но даже это разнообразие способов разрешения проблем и различие судеб этих стран больше говорят о том, что они составляют единое пространство, которое мы обозначили как Пограничье.

Первым основанием для такого утверждения является то, что попытки описать страны, лежащие в этом регионе, как социальный монолит, как целостность – искусственны²⁹. Восточная Европа не является монолитом, описать который возможно через одну или даже несколько параметров и переменных. Не делает ее монолитом даже политическая власть, скрепляющая это пространство и позволяющая игнорировать реальное разнообразие.

Вторым основанием является то, что и попытки описать каждую из этих стран как завершенное целое также обречены на неуспех. Беларусь, Украина, Молдова ускользают от взгляда, взгляд ищет и не находит конкретного образа для них. И не могут этот пробел восполнить даже мифы³⁰. Потому что традиция представлять себе что-то требует начинать сначала. И вот именно это начало ускользает. Потому что, например, четкой связи современной Беларуси с тем, что было на ее территории два, три, пять веков назад, – не существует, за не-

которыми лишь исключениями. Изменилось все: язык, политические границы, социальный состав, нравы, обычаи. Возникает желание описать Беларусь как нечто, что «осталось». Осталось также немного: древние предрассудки, Церковь (с оговорками), деревня (тоже сильно измененная). Такая попытка писать портрет ведет либо к фундаментализму, элементарному отрицанию реальных произошедших перемен, либо к нежизненной маргинальности. Очевидно, что нельзя применять принцип остатка для такого описания³¹. Присутствует не то, что осталось, а то, что есть, лишенное негативной оценки. Восточная Европа представляет собой конфигурацию разнообразных субъектов, которые не могут быть рассмотрены как монолит, и потому к ним невозможно применять методы описания, годящиеся для описания целостных и монолитных явлений. Отдельные страны Восточной Европы представляют собой такое же разнообразие, что и Восточная Европа в целом. И это разнообразие также нуждается в обустройстве.

Потому нельзя искусственно не замечать различий и выстраивать ложные образы. Именно попытка холистического описания стран, географически лежащих в Восточной Европе, всегда оказываются связаны с описанием раскола³². Можно предположить, что речь идет, конечно, об определенном холистическом подходе к восприятию восточноевропейского цивилизационного пространства, которое на самом деле определяется внутренним разнообразием, которое, к ужасу наблюдателя, то и дело грозит распасться на отдельные свои составляющие. Это может производить впечатление катастрофы. Но катастрофой на самом деле является ошибка восприятия наблюдателем. Холистические неудачи в описании Восточной Европы указывают нам на одну большую удачу – Восточная Европа может быть описана как пространство Пограничья, т.е. как бесконечное разнообразие, являющееся на самом деле шансом для нее, поскольку лишь оно требует выстраивания механизмов согласования и упорядочения, основывающихся не на внешнем принципе, а на поддержании практик субъектов и одновременного их включения в большее пространство. Однако это фактическое разнообразие может свидетельствовать как о дифференцированности этого пространства, о том, что существует значительное разнообразие вариантов развития этой части Европы, так и о предельной атомизированности и фрагментированности социального пространства Восточной Европы.

Восточная Европа не связана одним планом, не связана одной парадигмой, кроме парадигмы поиска практик согласования интересов разнообразных субъектов, присутствующих в ней. Очевидно, что планы и парадигмы, не учитывающие субъектные практики, обречены на провал, равно как на провал обречено и преждевременное внедрение практик Пограничья, применяемых в отсутствие самих субъектов или в слабодифференцированном пространстве.

Но в целом попытки модернизации Восточной Европы подобны прогам и ошибкам европейской модернизации и составляют часть одного процесса³³. По-

тому правильным было бы говорить не о Восточной Европе как некой цивилизационной целостности, а о Восточной Европе как Пограничье, характеризующемся мультисубъектностью и продолжающимся строительством механизмов, обеспечивающих совместное существование этих разнообразных субъектов при максимальной защите и охране их интересов и сферы компетенции. Это оптимистический взгляд на Восточную Европу.

Итак, Восточная Европа – это не целостность, она не представляет некой самостоятельной цивилизации, отличной от европейской, она не репрезентируется только национальными государствами, наряду с национальными государствами она состоит и репрезентируется множеством иных субъектов, которые и образуют контекст Пограничья.

Мультисубъектность и субъектоспособность

Границы культурные, цивилизационные, политические, личностные (и можно, конечно, продолжить перечень существующих границ) в Восточной Европе находятся в непрестанном взаимодействии. Интенсивность их взаимодействия определяет состояние организаций и личности, вынужденных находить баланс в этом взаимодействии. В любом случае перед всеми элементами социального пространства – от первичных до сложнодифференцированных систем стоит вопрос об организации определенного порядка. Общества, состояние которых определяется взаимодействием своих внутренних границ, образумых различного рода субъектами, очевидно, принадлежат к обществам Пограничья. Другой моделью являются общества, закрытые по разным причинам от межсубъектного взаимодействия. В этом случае граница выступает крайним рубежом, невозможным для пересечения и воздействия на него. Именно отступление от монолитной гомогенизированной модели и знаменует собой процессы, протекающие в Восточной Европе, что позволяет отнести эти общества к обществам Пограничья. По нашему мнению, второстепенными по отношению к проблеме Пограничья являются проблемы внешних границ и внешняя политика государств Восточной Европы, поскольку они зависят от того, как организовано само социальное пространство Восточной Европы и как осуществлено взаимодействие границ разной природы внутри этого пространства.

В этой связи необходимо отметить, что общества Пограничья необходимо отличать от транзитивных сообществ. Первые находятся в состоянии нахождения баланса собственных многообразных границ, создаваемых на собственных основах субъектами таких сообществ. Для них наличие границ, подлежащих осмыслению и освоению, жизненно важно и служит основой для механизмов социальных коммуникаций. В то же время транзитивные общества обладают границей как рубежом. Граница выполняет в них интегрирующую функцию,

но не выполняет функцию коммуникативную. Транзитивные общества – подвижны, но их движение – интегративно, их движение – единое иерархизированное социальное движение. Общества же Пограничья не перемещаются, но могут изменять состав и назначение своих границ³⁴. Общества Пограничья не обладают одной специфической целью, общей для всех субъектов, цель у них заключается в нахождении и поддержании коммуникации сложной системы. Транзитивные общества обладают определенной целью, часто не запланированной их собственным развитием. Транзитивные общества могут сталкиваться и сталкиваются с проблемами Пограничных обществ, но как следствие собственного выбора транзита, как изменение собственных оснований, как вхождение в иную среду, в иную цивилизацию³⁵.

Для Восточной Европы крайне важно представление о составе своих границ, своего субъектного состава, видение своих цивилизационных, культурных, корпоративных, национальных, персональных границ, которые стали намного более явственными после изменения роли и функций политических границ после 1989 г.³⁶ Такой процесс возможен только как открытие множеством субъектов той социальной реальности, к которой они относятся и с которой они вынуждены соотноситься. То, что происходит в Восточной Европе после 1989 г., является процессом по стабилизации взаимодействия границ ее субъектов и нахождение новых форм социальной коммуникации, процесс более широкий, нежели построение национального государства, собственно, и придающий националостроительству специфику и вводящий Восточную Европу в современность. Такой процесс предусматривает наличие субъектов, формирующих свои границы и разрешающих вопросы Пограничья – своеобразного пространства рефлексии, коммуникации и интрасубъектного взаимодействия.

Примечания

- ¹ Под понятием «культура» будем понимать обычную повседневную практику группы людей, имеющую постоянный характер и основанную на доступных для этой группы людей технологиях. Так, можно различать культуру семьи, культуру народа, культуру деревни, культуру города. Культура является «второй природой» человека и представляет собой семиотическую систему.
- ² Цивилизация понимается в этой работе как сплошной поток рефлексии человека в сообществе над процессом культуры. Процесс цивилизации имеет четкий личностный нарратив. Цивилизация оценивает, цивилизация хранит и цивилизация защищается. Культура, пришедшая в соприкосновение с иной культурой и начавшая с ней полемику, культура, занимающаяся саморефлексией, культура, защищающаяся или закрывающаяся от чужого влияния, становится цивилизацией. Если культура может воздействовать на человека бессознательно, то цивилизация обращена всегда к сознанию, к участию.

- См.: Элиас, Н. Процесс цивилизации / Н. Элиас. М.; СПб., 2001; Лотман, Ю. Культура и взрыв / Ю. Лотман. М., 1991.
- ³ См. об этом прекрасные заметки Ф. Броделя (Бродель, Ф. Что такое Франция? Книга первая. Пространство и история / Ф. Бродель; пер. с фр. М., 1994).
- ⁴ Так, Рима нет уже более 1500 лет, но Римские стены стоят, как прежде, и, более того, видимо, Римские стены все еще оберегают Европейскую цивилизацию.
- ⁵ Так, монголы создали политическую организацию, но не создали собственной цивилизации. Россия создала собственную политическую форму, но не создала четкого цивилизационного проекта (см.: http://www.hrono.ru/libris/lib_we/mongol_igo.html).
- ⁶ Примером цивилизации, создающей политическую границу, являются Римская империя, современные США, в какой-то степени ЕС.
- ⁷ В XX в. Х. Арндт доказывала с большой убедительностью, что попытка соединить цивилизационные, политические и культурные границы в сложно-дифференцированном обществе приводит к тоталитаризму (см.: Арндт, Х. Истоки тоталитаризма / Х. Арндт; пер. с англ. И. Борисовой, Ю. Кимелева, А. Ковалева, Л. Седова, Ю. Мишкенене. М., 1996).
- ⁸ Здесь возникает удивительный парадокс: чтобы остаться собой и быть верным своим принципам, Израилю необходимо замыкаться от окружающих народов. Но характер этого замыкания может быть различным, и разные подходы к нему образуют разные традиции. Одна раскрывает Израиль навстречу всему миру, но совершенно в неожиданном виде христианской проповеди, другая образует талмудический иудаизм, рафинированным выражением которого является еврейское гетто. Совершенно неожиданно с подобной проблемой сталкивается современная Европа, или, вернее, Север, когда перед ним встают вопросы ассимиляции «мигрантов», не являющихся европейцами. Поскольку готовых ответов на такие вопросы нет, мы можем наблюдать их поиск и испытание разнообразных вариантов разрешения проблемы – от попыток полной изоляции с помощью стен до абсолютного плюрализма и открытости.
- ⁹ Ветхий Завет уделяет теме верности Израиля огромное место. Метафора верности – это воздержание Израиля от общения с иными народами, населяющими Палестину. Ветхий Завет обозначает невозможность транзита как такового. Ветхий Завет воздвигает границу и создает совершенно особую цивилизацию, главное назначение которой – оставаться самой собой. Ср.: у Ибсена в «Пер Гюнте» об этом замечательный диалог Пера Гюнта с Пуговичником (Ибсен, Г. Избранное. Библиотека мировой литературы / Г. Ибсен. М., 1972):

Пер Гюнт:

Ответь сперва,

Что означает – собой быть всецело?

Пуговичный мастер:

Быть собой – значит с жизнью проститься!

Хочешь, чтоб я точнее объяснил?

Быть собой – это значит явиться

Тем, что хозяин в тебе явил.

- ¹⁰ Ср.: «В третий год Осии, сына Илы, царя Израильского, воцарился Езекия, сын Ахаза, царя Иудейского... И делал он угодное в очах Господних во всем так, как делал Давид, отец его; он отменил высоты, разбил статуи, срубил дубраву и истребил медного змея, которого сделал Моисей, потому что до самых тех дней сыны Израилевы кадили ему и называли его Нехуштан» (4 Цар.18:1-4).
- ¹¹ Исключением является сэттльмент (англ. *settlement*) – специальные кварталы в некоторых крупных городах в Азии, которые брались в аренду и представляли собой отделенные поселения англичан. Сэттльменты пользовались экстерриториальностью, охранялись вооруженными силами Империи, фактически на них не распространялась юрисдикция государств, на территории которых они создавались. Местные жители не имели права приобретать недвижимую собственность, расположенную на территории сэттльмента, на них распространялась юрисдикция так называемых смешанных судов, где решающую роль играли иностранцы.
- ¹² Вестминстерский акт 1931 г. являет резюме таких форм, утверждая универсальное значение их и на будущее. Дж. Сили и Дж. Крэмб в книге «Британская империя» говорят впервые о либеральной империи именно как о транзитологии создания такого порядка (Сили, Дж. Британская империя / Дж. Сили, Дж. Крэмб. М., 2000).
- ¹³ Может быть, исключением является античная Греция, вернее, конгломерат античных элладских полисов, враждовавших между собой, но объединившихся в войне с Персией на общих цивилизационных основаниях (см.: Геродот. История. [Электронный ресурс] <http://ancientrome.ru/antlittr/herodot/herodot6.htm>).
- ¹⁴ Это также совершенно обычная практика тоталитарных государств, создающих исключительно монолитную, гомогенную социальную систему.
- ¹⁵ Римский обряд «эвокации» – переманивания чужих богов, принятия их в качестве своих – представляет собой возможность нахождения в чужой культуре предпосылок для слияния с римской, возможности иной культуры воздействия на римскую культуру. Об этом впервые написал Г.К. Честертон (Вечный человек. М., 1993). См. также размышления Л. Сумм (Римский стык // Новый мир. 2000. № 11) о гибкости и способности к трансформации римской культуры, лежащей в основе европейской. Римляне создали общество, способное к диалогу, внутреннему и внешнему, создали модель не транзитивного, а пограничного порядка.
- ¹⁶ И еще 1000 лет – в византийской форме. Ср.: «Византийцы верили, что они обязаны сохранить (консервировать) великие культуры прошлого, Греции и Рима, которым они наследовали, напитавши их духом христианства, так, чтобы цивилизация не погибла в темном и неверном мире... В Византии искренне пытались создать христианскую человеческую общность, которая

была бы созвучна небесной. ...Простые люди империи верили, что Византия – это священная империя и ее благочестивый император представляет Бога перед людьми и людей – перед Богом. В течение одиннадцати веков – от первого Константина до одиннадцатого – конституция христианской Римской империи была, по сути, неизменна. Никакая другая конституция в христианскую эпоху не продержалась так долго (Рансимен, С. Восточная схизма. Византийская теократия / С. Рансимен. М., 1998. С. 226–227).

- ¹⁷ Например, в таком мире возможной оказывается икона, устремленная на видение личности в ее максимальном проявлении, в таком мире возможным оказывается искусство портрета, увидевшее человека как бесконечную вселенную, возможным становится публичное право, занимающееся вопросами согласования публичной политики с правами отдельной личности, возможным становится состязательный процесс, философское учение о личности и т.д.
- ¹⁸ З. Бауман показывает достаточно трагичный диапазон понимания свободы личности, когда свобода вместо божественного дара быть собой и быть верным себе, а также раскрываться в общении с другим, становится всего лишь индивидуальностью, одиночеством, непреодолимым в обществе, все более приватизирующемся. Индивидуализация рассматривается З. Бауманом в первую очередь как отрицание форм социальности, известных из прошлого как нечто, выступающее в одно и то же время причиной и следствием фрагментации и социальной действительности, и жизни каждого конкретного человека; в новых условиях не только масштабные социальные задачи подменяются личными желаниями и стремлениями, но и сами люди все чаще и охотнее отказываются от «долгосрочной» ментальности в пользу «краткосрочной». // (Бауман, З. Индивидуализированное общество / З. Бауман. М., 2006. С. 25).
- ¹⁹ Это тот случай, когда в истории отсутствует «факт» как нечто самопроизходящее, и мы можем авторизировать происходящее, поскольку за ним скрывается определенная личность и определенная воля.
- ²⁰ Джон Кин, директор Центра изучения демократии, к таким проблемам относит проблемы определения границ между гражданским обществом и государством, идеологизации понятия гражданского общества, проблему политического суверенитета, проблемы неидеологического обоснования демократии (Кин, Д. Демократия и гражданское общество / Д. Кин. М., 2001).
- ²¹ Существование границы указывает на существование определенной индивидуальности. Граница является крайним пределом идентичности такой индивидуальности. Граница дает повод для осмысления себя. Границы выводят нас к тем, кто не-мы, или к тем, кто уже не мы (как часто мы говорим: неужели это я сделал, или – нет, я такого бы сейчас не сделал!). Граница являет собой напряженность и определенное равновесие, она никогда не является узкой линией, она всегда – фронтир, где даже тыл несет в себе отпечаток границы. Чаще всего границы проходят по сердцу. Границы – это вызов, это испытание и жизненная задача для каждого поколения. За границей – не обязательно враг, и причиной границы не всегда является война. Не всегда граница раз-

делает действительно различное. Пример – граница между домами соседей. Можно утверждать, что граница – достояние мирного существования и условие диалога. Чего больше всего не любят крестьяне или дачники? Общей собственности, – что, впрочем, не мешает им дарить друг друга и устраивать веселые праздники.

- 22 Таковы обычаи традиционного общества, которые совершенно невозможно оторвать от субъектов, которые руководствуются обычаями, и, к примеру, перенести на новое место (См.: Рулан, Н. Юридическая антропология / Н. Рулан. М., 2000).
- 23 Процесс глобализации в этом контексте представляет собой не что иное, как создание глобального Пограничья, в котором многочисленные субъекты оказываются непосредственными участниками коммуникационных практик, основанием для чего служит их статус. Такие контакты не освобождают субъектов от их культурной или цивилизационной идентичности, если таковыми эти субъекты обладают, но помещают их в особое пространство, нейтральное по отношению к их культурным и цивилизационным идентичностям, позволяющее создавать и поддерживать коммуникации, опираясь при этом только на свой статус.
- 24 См. один из лучших анализов советской системы, принадлежащий А. Зиновьеву: Зиновьев, А. Зияющие высоты / А. Зиновьев. М., 1992.
- 25 Возможность распада или возможность подавления практик Пограничья только подчеркивает объективность этой проблемы. Потому что даже система, подавляющая Пограничье, не сможет оставаться самой собой. Рим, уничтожающий христиан, – это уже не прежний Рим. Пограничье подчиняет его даже в его восстании и бешеном стремлении остаться таким, каким он есть. Франция с политизированным третьим сословием, – это не Франция Людовика Четырнадцатого. И Россия начала XX века с раскольниками, иноверцами и капитализмом – вовсе не лубочная славянофильская Россия. И СССР с самиздатом, церковью, пластинками Битлз – это не сталинский единоликий СССР. И хотя возникновение субъектов, детерминирующих свои границы на основе принципов свободы личности и персонализма, не вызывает непременно и автоматически к жизни механизмы Пограничья, тем не менее оно делает возможным надлом традиционных систем и их пограничные трансформации, что по сути является становлением Пограничья, поскольку подчинено его логике.
- 26 «Восточная Европа была плодом философского и географического синтеза; ее изобрели люди Просвещения... В основание культурной схемы, на которой построена Восточная Европа, легли парные аналитические противопоставления, придававшие однородность этому региону и его разнообразным землям. Если географическое представление о Восточной Европе было основано на противопоставлении Европы и Азии, то ее насущная философская важность... вытекала из противопоставления цивилизации и варварства» (Вульф, Л. Изобретая Восточную Европу / Л. Вульф. М., С. 309).

- ²⁷ Э. Гидденс, уделяя значительное место проблеме времени, считает пространство, «место» современности «качественно отличным от средневековья». «Место» олицетворяет идею расположения социальной активности в географическом пространстве. В предсовременности идея пространства и место совпадают. В современности пространство становится много больше места пребывания. Здесь разделяются пространство и время как символы нелинейного развития, возможности жить в разных временах. Постмодернизм считает, что великим наваждением XIX века была история, теперь таковым становится география. География эта трактуется специфически: «Место Лос-Анджелес здесь и везде». Но можно отложить Лос-Анджелес в сторону. Эти два тезиса составляют суть антиномии и деконструкции, позволяющей ощущать себя в городе и в мире. Тот, кто имеет опыт путешествий, знает насколько это верно, насколько по-разному выглядят разные точки пространства из различных мест и насколько по-разному ощущается свой собственный город из иных мест. Однако здесь речь идет уже не столько о географии, сколько о сознании, как, впрочем, и об истории речь шла всегда в том же смысле (Giddens, A. *Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age* / A. Giddens. California, 1991).
- ²⁸ Об этом свидетельствует и то, что самой распространенной ассоциацией понятия «граница» в Беларуси является слово «замók» (граница на замке).
- ²⁹ Какие бы основания для этого ни избирались: славянство, православие, католицизм, общая история и т.д. Все эти основания служат лишь для построения утопической картины Восточной Европы как социального монолита, объединенного политически и идейно. Такой подход нейтрализует практически полностью проблему пограничного состояния этих обществ, т.е. действительные основания их тождественности.
- ³⁰ Сербский писатель Драгаш Калайич о таком эффекте пишет: «Славянин чувствует себя звеном в цепи Традиции, наследником целого состояния мысли и обычаев, обязанностей и ответственности всех поколений предков. Сознание этого означает, что на поле битвы стоит не только один человек, но вместе с ним – целый народ» (цит. по: Colović, I. *Polityka symboli* / I. Colović. Kraków, 2001. S. 26).
- ³¹ То же относится и к другим странам, расположенным в данном регионе: Австрии, Польше, – они не могут рассматриваться просто как «остаток» былых империй и республик. Необходимо начинать с начала, которое – актуально. Польша продолжалась искусственно как проект XIX в. до конца XX, а в XX веке очутилась совсем в новой реальности: социальной, культурной, политической. Попытки описать Польшу «объективно» и «преемственно» всегда связаны с необходимостью помещения на этот рисунок, по крайней мере, Беларуси и Украины. Но одновременно, нет ничего более бесперспективного, чем такое историческое моделирование.
- ³² Не углубляясь в библиографию, можно указать только на факт того, что в Интернете существует более 5000 ссылок на тему «Раскол белорусского общества».

- ³³ Западную Европу также необходимо рассматривать дифференцированно, особенно в плане выделения ее исторически и культурно различных территорий, а также различия ее многообразия. Эти различия особенно заметны шведам, норвежцам, грекам. Норвежский исследователь С. Роккан разделяет Западную Европу по двум осям: Север – Юг, Восток – Запад. Именно по осям Север – Юг, Восток – Запад складывается исторически переменчивая картина. Среди факторов, которые создают многомерный характер модели Европы, С. Роккан выделяет: первоначальные различия – стартовые условия; факторы, связанные с различным сочетанием индустриальной революции и национальных революций (например, Французской революции); различия в политике государств между 1848 и 1950 гг.; сюда следует добавить вхождение государств в состав разных империй; способность некоторых стран, географически находящихся на Западе, а фактически не являющихся Западом – как окраинных (Португалия, Греция), так и срединных (Германия), стать частью Запада; в целом исторически переменчивый характер того, что мы называем Западом и не-Западом (*Politics of the Territorial Identity* / ed. by S. Rokkan. Oslo, 1982).
- ³⁴ Даже если эти общества стремятся к определению себя как монолитных, лишенных контекста Пограничья сообществ, в которых граница служит рубежомом и не выполняет коммуникативных функций – социальная структура таких обществ воспроизводит эффект Пограничья. Какие бы усилия ни предпринимались в СССР с целью создать монолитное общество, национальные, религиозные, экономические проблемы нарастали с каждым годом. Эти проблемы производили эффект все новых и новых границ, возникающих в советском обществе. И эти границы, не будучи легитимизированы, разрушали целостность СССР.
- ³⁵ Томас Кэрролз замечает, что в отношении ряда стран Восточной Европы концепция «транзита» исчерпала себя, потому что и не описывала никогда верно то, что происходило с этими обществами, начиная с 1985 г., когда впервые и заговорили о транзите. Проблемы обществ Пограничья не сводятся к усвоению иной институциональной структуры и техники функционирования этой структуры. Речь может идти об актуализации именно такой мультигранничной системы социально-политического баланса, образуемого реальностью множества границ, характеризующих данное общество (Carothers, Th. *The End of the Transition Paradigm* / Th. Carothers // *Journal of Democracy*. Vol. 1, No. 1, 2002).
- ³⁶ Национальное государство же действительно утвердилось и является фактом. Однако национальное государство как ответ на вызовы времени является конечным и неоспорным. Относительность такого ответа становится очевидной при обращении к тем проблемам, которые переживают в настоящее время общества Восточной Европы.

НАЦИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ

– Администрация говорит, что ты стоял и думал среди производства, – сказали в завкаме. – О чем ты думал, товарищ Воцев? – О плане жизни.

Андрей Платонов «Котлован»

Идеальный мир

В детстве маленькие люди часто создают некий образ «старшего брата», или «сильного друга из старшекласников», или какого-то другого сообщества, замещающего для них реальное сообщество. Этот друг или содружество становятся подлинным мифом, которым маленький человек живет и который помогает ему переживать свое одиночество¹. Так продолжается до тех пор, пока человек не справляется с проблемой одиночества: или разрушая стену между собой и окружающими, или находя общество, которое отвечает его миру. И происходит это по-разному.

Детское и юношеское одиночество – неизбежно. Но оно не драматично, потому что сопровождает процесс открытия человеком мира. Разрывается уютный и теплый мир семьи, в жизнь входят не всегда приветливые и понимающие воспитатели, няни, учителя, тренеры, одноклассники, знакомые, общественность, масс-медиа. Разве можно сразу сказать, что вот эти новые люди с их порядками и я и моя семья – это нечто одно, принадлежащее к одному? И разве есть гарантии, что такое объединение произойдет? И вот человек моделирует в мифе подходящие для себя сообщества – пока не находит нечто по-

добное в действительности или же не попытается создать нечто подобное в действительности.

Но сама социальная действительность существует вне зависимости от этих мифов и страданий, и самое важное – меняется, – лишь потому, что существует этот миф, позволяющий разным людям видеть, что они как-то образуют единство, значимое для них, и сравнивать эту действительность с тем, как она – эта действительность – выглядит в их представлении.

Открытие национального мира

В начале 90-х гг. XX в. мы наблюдали за белорусским и украинским молодежными движениями в Москве. Эта белорусскость молодых людей из Минска, Бреста, Могилева была той же природы, что и выдумывание себе старшего друга, – созданием мифа некоего альтернативного реальному сообществу. Это были советские молодые люди – из советской «Белоруссии», выпускники советской школы, комсомольцы. Оказавшись в столице советской империи, они стали просто грустить по семьям и не всегда чувствовали себя в своей тарелке в метрополии. В основе их пробудившегося в Москве национального чувства лежала грусть и неустроенность в чужом городе и обществе. Этому обществу была противопоставлена белорусская семья, представленная как Беларусь. Это был тоже «неизвестный друг», «друзья, которых вы не знаете», но «которыми я могу похвастаться». Беларусь в этой роли оказалась почти случайно – просто большего друга нельзя было изобрести. Беларусь ассоциировалась с деревней, в которой жили бабушка с дедушкой, и куда городские внуки отправлялись на каникулы. В самой Беларуси национальное чувство нарождалось аналогично – как страна, где «все по-другому», чем при советском коммунизме². Но оно было именно чувством одиноких людей, не адаптировавшихся ни к какой системе вообще – ни к советской, с точки зрения которой они были неудачниками, ни к белорусской, потому что она была мифической и не существовала нигде, кроме как в их сознании.

Для этих молодых людей – как в Москве, так и в Беларуси – существовало только два пути: либо принятие той действительности, которую предлагали другие, и вхождение в нее, либо революционное, жертвенное продвижение в социальный порядок мифа воображаемой Беларуси.

Им открылся мир столицы советской империи – и они захотели назад – к семьям. Национальное чувство выросло как «мы – не они», «не хотим быть, как они». Третий путь был бы тупиком – это путь желания навсегда остаться в созданном мифе.

Этническая революция

В XXI в., подводя итоги XX в., можно сказать, что этнических революций в Восточной Европе не получилось, потому что они и не могли получиться – мечта юношей начала того века и мечта юношей конца того века не предусматривала определенного социального порядка и не опиралась на подлинные социальные практики. Эти мечты вообще лежали в стороне от реальной политики и социального устройства, замыкаясь в основном в культурной проблематике. Кроме того, никто из национально ориентированной интеллектуальной элиты не желал установления этнократии. Также меньше всего эти юноши думали о том, как следует научиться управлять теми сообществами, которыми они грезили, и не стремились к какой-то политической деятельности. Больше всего их заботила культура, язык, археология и пр. Образы, которые возникали в прошлом, экстраполировались в будущее, программируя ситуацию столкновения этого этнического мифа с реальным государством, ничего общего не имеющим с этнократией и, более того, не предусматривавшим места для самих интеллектуалов. Положение интеллектуала вообще стало характеризоваться предикатом «вне» – они вышли от своих, но никогда так и не присоединились к власти, они никогда не сроднились с теми системами, которые возникали с помощью интеллектуалов на месте старых.

Этнической революции не получилось еще и потому, что в Восточной Европе не существовало даже локальных этноцентрических сообществ, к примеру, белорусской этноцентричной семьи. И семья, и первичные сообщества были просто «тутэйшымі». А «тутэйшыя» не эволюционируют в нацию³. Прагматичной белорусской семье идея особого белорусского порядка была непонятна и настолько же чуждой, как и идея социалистического общества или построения коммунизма. Для таких обществ все внешние были чужаками по языку либо чужаками как представителями господствовавшего над их домами и землей более широкого и высокого порядка⁴. Противопоставление не только русскому, но даже советскому как противопоставление власти было в таком контексте надуманным и искусственным, поскольку политическое участие – совершенно непонятная вещь для первичных социальных структур, и они не претендовали на него. Первичные социальные структуры восстают только в том случае, когда нечто начинает угрожать их жизненным интересам. Потому белорусские национальные деятели в сознании белорусов, живущих не в воображаемой Беларуси, а в границах первичных социальных структур, воспринимаются как поэты, чудаки, мечтатели, странные, претендующие на странные вещи люди. Из этих первичных структур идентичность национальной элиты выглядит как хобби. Кто-то увлекается Толкиеном и на выходных проводит турниры между эльфами и орками, а кто-то поет на тех же выходных белорусские песни под электрогитару.

Между тем белорусские, и украинские, и молдавские интеллектуалы создали миф народа, который они вообразили как тех самых «тутэйшых», как будто бы именно эти первичные социальные структуры и репрезентируют подлинные Беларусь, Украину и Молдову. Потому национальные деятели, будучи готовы к конфликту с властью и государством, не были готовы к самому существенному – к конфликту с первичными социальными структурами⁵ – сверхпрагматичными, консервативными и оказавшимися в течение 1990-х гг. совсем не «национальными». Национальной была элита, вышедшая на обретение родины, но для этого ей приходилось преодолевать не только сопротивление неких «антинациональных» сил, но и в первую очередь сопротивление первичных социальных структур. И вот эта неготовность увидеть Восточную Европу такой, как она есть, подвигает элиту говорить о серости и о необходимости просвещать «отсталые народные массы». Когда как-то в начале 1990-х гг. один из авторов этих очерков сказал в обществе своих ближайших родственников о том, что его привлекают идеи Зенона Позняка (лидера Беларуского Национального Фронта), дед крепко выругался, а прочие пожали плечами (молодой, передурится еще).

Субстанциальное понимание модернизации

Принято считать, что процесс модернизации в Восточной Европе до настоящего времени заключался в построении национальных государств, понимаемом как право народов на самоопределение. Однако в течение XIX в. народы Восточной Европы самоопределяться не хотели⁶. Хотели самоопределяться элиты этих народов, освобожденные от границ первичных структур и создававшие публичное пространство, пытавшиеся солидаризировать с собой население, разворачивая соответствующие программы, рассчитанные на поднятие самосознания и уравнивание в правах, требуя радикализации модернизационных процессов. Потому понять суть «права народа на самоопределение» можно только в контексте существовавших в то время империй и особенностей модернизационной политики империи, которая не учитывала интересов элит некоторых этносов и вступала с ними в конкуренцию за влияние на пространство первичных структур. Для националистов первичные структуры и были, собственно, их народом. Для империи они были именно подданными, которых необходимо было изолировать и оградить от влияния националистов. Это столкновение влияло в первую очередь на способность народа к самоорганизации и самоопределению. К примеру, империя на территории Беларуси в течение всего XIX в. видела лишь польский элемент, по отношению к которому применялась политика русификации и сдерживания – в самом тупом, в самом прямолинейном значении: колонизация, насаждение быта, языка и культуры великорусских, выделение наделов земли российским помещикам. Под эту политику попадали

и беларусы, которым отказывалось в культурной самобытности и политической субъектности. Этническое движение интеллектуалов никогда не было институционализировано. Противостояние совершалось на персональном уровне. Русификация XIX в., навсегда связанная с именем графа Муравьева, не могла не вызвать контрмер со стороны беларусов, мер, таких же недалеких, не пересекавших культурные границы. Вхождение же национально настроенных в политику бросало их в ультрарадикальные крути, главной своей целью видевших разрушение империи. Утверждение этнографической беларускости, украинскости было ценностью в себе и могло при этом выступать в совершенно различном облики – революционном, монархическом, демократическом, масонском и пр., оставаясь вне политического пространства. Из всех российских политиков лишь П. Столыпин в своей политике в Гродненской губернии предпринял попытку противопоставления польскому влиянию не великоросского чиновника, а беларуского кулака – реально существовавшего самобытного института. И это было поистине самое интересное решение за всю историю политики Российской империи в отношении Беларуси, позволявшее институционализировать этнос через экономические практики и традиции самоуправления. Однако оно было очень запоздалым, локализованным и имевшим огромный дефицит времени для своего развития⁷.

Этнонация

Существует нечто трагическое в том разнообразии смыслов, которые при-сваиваются в Восточной Европе понятию «нация». «Народами» в XIX в. в представлении этнических интеллектуалов выступали этнические группы⁸, определяемые на основании лингвистических карт, составляемых этнографами⁹. На самом же деле эти этнографически определенные народы не имели ни политического значения, ни политического интереса, поскольку не создавали публичного пространства, а если и входили в политику, то только как арьергард, за которым скрывались численно малые группы этноинтеллектуалов, собственно, репрезентировавших этническое пространство.

Чрезвычайно важно представлять, что история современных восточноевропейских сообществ начинается с карты, где они очерчивают собственный ареал. Украинцы грезят о Великой Украине, с Доном и Сибирской полосой до Тихого океана. Поляки говорят о Речи Посполитой от моря до моря. На беларуских картах Беларусь включает в себя не только Вильно и Белосток, но и Чернигов, Брянск, Смоленск, Вязьму и Псков. Эти карты свидетельствуют только об одном: картографы национализма не имеют представления о границе. Они не видят преград и пределов для того народа, идеологами которого являются. Между тем такие пределы существуют. И их существование обусловлено миллионом раз-

личных причин, самая тривиальная из которых – существование других таких же субъектов, выступающих в истории с собственными картами. Однако расхождение между действительными и воображаемыми границами в Восточной Европе плохо учитывается, а потому практически не развитой оказалась проблема отношения субъекта и границы. Между тем система коммуникаций и является первой задачей национального строительства.

Национализм в Восточной Европе принадлежит к интеллигентскому типу. Он – не буржуазный, т.е. он не возникает как развитие города в Восточной Европе, он возникает из интеллектуальных движений, из университетов, выходит из фольварков¹⁰. Родина новых восточноевропейских сообществ – это кабинеты интеллектуалов. Парадоксальным является то, что этнический национализм явился продуктом деятельности механизмов модернизации (которые мы в предыдущей главе определили как механизмы Пограничья), а не саморазвития того или иного этноса. Еще одним парадоксом является то, что инструменты Пограничья в то время принадлежали исключительно наднациональным государственным структурам, университеты были частью имперского Пограничья, позволявшего осуществляться социальному движению и модернизации, а также в рамках империи существовал единый рынок, не разделенный внутренними границами. Потому индивидуальные стратегии развития наиболее полно могли реализовываться в имперском культурном или экономическом пространстве. Потому в Восточной Европе поначалу с помощью университета или фабрики возникает не только новая социальная структура, а еще и класс думающих или предприимчивых людей, составляющих план новой социальной структуры и желающих этот план во что бы то ни стало реализовать. Б. Андерсон употребляет для определения подобной ситуации понятие «серийность». Университет предлагает для человека совсем иной мир, как иной мир предлагают революции, восстания, предприятия и пр.: «В круге братьев и сестер Ис отсутствуют серии. Но во время революции, в которую она вносит свой скромный вклад, она воображает себя – впервые за свою короткую жизнь – серийно: как «некую» женщину, «некую» машинистку, «некоего» свободного индивида, «некоего» нового человека. Эта сериализация настолько преобразует ее сознание, что все предстает перед ней в новом свете»¹¹.

В связи с этим уместно вспомнить и белорусский пример, описанный А. Мрыем в повести «Записки Самсона Самосуя». Ее герой – Самсон Самосуй – при всей своей несимпатичности действует именно в таком мире, в котором вдруг открылись границы первичных обществ и человек оказался в мире серий, в мире множества собственных идентичностей и альтернатив личных стратегий:

«Я скажу ўсім, хто гэтага пачаў-бы дамагацца, што я – сучасны чалавек. Маё імя Самсон Самасуй. Я з мужыкоў. Мой бацька, дзед, прадзед, прапрадзед, прапрапра... і гд. усе былі мужыкамі. Я надзвычайна гарды тым, што маю мужыцкі твар

і асабліва нос у форме бульбы. У залежнасці ад гэтага і розум мой ёсць розум выразна мужыцкі. Мне могуць сказаць, што няма такой катэгорыі, як мужыцкі розум, а я скажу, што ў мяне толькі такі і ёсць...

Пра сябе скажу, што іншы раз я вельмі абураны ангельскімі імперыялістамі, здаецца, горла ім перарэзаў бы, а ў другі раз салодка мару аб прынадах буржуазнага жыцця. Так салодка мару, што пасья і самому сорамна робіцца. Нават чырванею. Мой лепшы сябра, настаўнік Мамон, жартуючы кажа:

– У цябе ўсё мужыцкае, а пуза панскае!..

Адна ня вельмі разумная жанчына, якую я аднойчы ў вочы назваў індыйскім просам дурро, атэставала мяне, як дэлясаванага мешчаніна. Зразумела, гэта зусім ня так. Гэта назва выклікана помстай за маю досыць удалую атэстачыю. Праўда, памянёны філэзаф Торба адзначыў мяне, як клясава нявытрыманага байца, скажаў мне, што я неўраўнаважаны (а ён ураўнаважаны?) чалавек. Няхай сабе так. Скажу толькі, што я сам лічу сябе сучасным і здавальняюча-разумным чалавекам, хоць павінен зь вялікай неахвотай памянуць пра шапялёўскіх яўрэяў, якія пад нос завуць мяне «мішугэнэ». І гэта ня гледзячы на тое, што я ў райвыканкоме ў сваіх руках трымаю важныя спрунжыны культуры і ведаю, што раблю!»¹².

Стратэгіі трансфармацыі могуць рэалізаваныя як эвалюцыйнае рухавішча, паступовае прыстасаванне існаваўшага грамадства... Но для такога тыпа змяненняў неабходна, каб яны прайшлі знутры грамадскага парадка. Інтелектуалы ж, знаходзячыся вонка грамадскай сферы ў Усходняй Еўропе, схіляліся да метадаў радыкальнай сацыяльнай інжынерніі, да якобінізму¹³. А гэта ў сваю чаргу стварае патрэбнасць у ідэалагічным аб'ясненні такіх дзеянняў. Таму нацыянальнае рухавішча стала ідэалагіяй больш, чым мадэрнізацыйнае праграма. С такімі ж працэсамі сутыкнулася, напрыклад, Турцыя ў міжваенны перыяд у ХХ ст., належаўшыся да ідэалагіі пераструктуры больш, чым да рэальных інструментаў рэформ: «У тое час як традыцыйнае грамадства ўтварае, што “для абароны сучасных умоваў грамадства трэба вярнуцца да тых асноваў, якія існавалі ў пражытых часах, гэта значыць вярнуцца назад”, “новыя османы” проста прызывалі “вярнуцца да будучага”. Такім чынам, у іх былі рэформы, аднак у знаменателе захавалася тэндэнцыя да захавання існаваўшай структуры грамадства. Гэтай мадэлі, нягледзячы на ўсю сваю рэвалюцыйнасць, існавалі і маладотуркі»¹⁴.

Трагічным таксама з'яўляецца тое, што нацыянальныя інстытуты ў Расійскай імперыі таксама не былі свабодны ад этнічнай ідэі, «рускасці», развіваўшыся славянофіламі і ўводзіўшы яе ў канфлікт з краінамі імперыі і тымі сіламі, якія ўзнікалі ў працэсе сацыяльнай дыферэнцыяцыі і патрабавалі мадэрнізацыі грамадскай сферы ў першую чаргу¹⁵. Славянофілізм трагічна і канчаткова ўтварае ідэнтычнасць Расіі па этнаграфі-

ческому признаку, что в конце концов погубило империю и на два века вперед определило политику Российской империи в Украине и Беларуси.

К несубстанциональной нации

Внутри процесса самоопределения, развивавшегося в Восточной Европе, ясно различаются две его составляющие:

1) действительный процесс дифференциации и стратификации социума, производящий все новые и новые надстройки над первичными структурами;

2) идеология интеллектуальных этнических элит, производящих строительство культурных границ, призванных выделить определенную этническую группу в качестве субъекта модернизации или антимодернизации в своих культурных границах.

Два этих процесса оказываются в значительной степени противоположными. Процесс дифференциации является внеположным по отношению к этническим проблемам развития. Этнос в таком процессе – это всего лишь одна из форм первичных персонифицированных структур, границы которых преодолеваются субъектом, желающим войти в сообщества второго и последующих уровней, войти в иные серии. Однако этническое сознание воспроизводит и актуализирует значение этнических границ как границ публичной сферы, локализуя процесс дифференциации в пространстве, определенном границами этноса, что и составляет вызов существующему публичному порядку.

Для современной Восточной Европы, без сомнения, наиболее важной является проблема согласования двух этих процессов и актуализация несубстанционального понимания нации, выступающей одной из главных парадигм Нового времени.

В Восточной Европе неизбежной оказывается дилемма понимания сообщества: либо оно союз независимых и равноправных субъектов¹⁶, либо союз, определяемый по некоторым этнографическим особенностям, отличающим его от всех иных союзов людей. Гуревич так определял, что такое нация: «... это группа лиц, в течение своей долгой исторической жизни автономно разрешавшая все свои социальные проблемы и выработавшая себе таким путем индивидуальную, своеобразную форму социальной жизни»¹⁷.

Это определение очень характерно для государственной мысли Нового времени, и понять его вне контекста модерна совершенно невозможно. Лишь сопоставив его с формулировкой аббата Сийеса¹⁸, можно приблизиться к ответу на вопрос о том, что есть нация для носителей индивидуалистических идей в современную эпоху – в ней именно этнографические особенности являются следствием совместной жизни, а не наоборот. Но таких наций в Восточной Европе не было, и потому на место нации была поставлена достаточно произ-

вольная этническая группа людей. Такой выбор влечет за собой два последствия: поощрение якобинской политики и идеологизацию публичной сферы. В такой перспективе история Восточной Европы, в том числе новейшая постсоветская, не представляется случайной. В публичном пространстве Восточной Европы существование нации может быть никак не связанным с существованием государства и его деятельностью, направленной на охрану прав членов нации, и среди прочих – их культурных прав. Однако существование нации всегда предполагает выработку «национальной политики», посредством которой государство вторгается в культурную сферу, моделируя национальные отношения и образ нации. Такая политика возможна только в том публичном пространстве, которое опирается на идеологическую (в том числе этническую) риторику. В Восточной Европе потому до сих пор актуальны вопросы уравнивания прав граждан и преодоление политики этнических приоритетов. И если этническая консолидация граждан, приводящая к формированию современных этносов, в эпоху модерна является результатом, а не предпосылкой возникновения национальных государств, то в Восточной Европе именно этническая консолидация лежит в основе новой государственности.

Формирование нации в Восточной Европе происходит под воздействием двух процессов, автономных по отношению друг к другу: первый – это классическая модернизация с построением социальных фронтиров, служащих появлению второго и последующих социальных уровней (проводимая, прежде всего, надэтническими политическими структурами), вторая – это просветительская деятельность национальных интеллектуалов, направленная на «пробуждение национального самосознания». Два этих процесса являются противоположными и способны ослаблять друг друга. Первый процесс до сих пор находится в тени, и ему уделяется мало внимания, второй составляет парадигму исследований по истории модернизации народов Восточной Европы.

Проблема суверенитета

Существует одна проблема, общая для процессов этнизации и социальной дифференциации, объединяющая их в одно целое: это проблема суверенитета. На обладание суверенитетом претендовали как имперские, наднациональные, так и национальные структуры. Однако именно имперские структуры в Восточной Европе производили действительную социальную дифференциацию и модернизацию, а этнические структуры развивали программу просвещения и пропаганды. Они могли бы дополнять друг друга, если бы не имели своим объектом первичные социальные структуры: имперские структуры были заинтересованы в консервации таких первичных структур, национальные желали их национализации. Империя, открывая границы первичных сообществ и модернизируя со-

циальную структуру, не успевала создать механизмы, учитывающие внутреннее многообразие, национальные элиты радикализировали это многообразие.

Империя сталкивается в своей политике с тем, что встречает таких субъектов, которыми невозможно управлять, не согласовывая с ними процесс управления, интеллектуальные элиты же формулируют для себя проблему суверенитета. Так империи открывают пределы собственной власти, а национальные элиты – отсутствие у себя этой власти, хотя бы для осуществления программы просвещения народа. Процесс дифференциации может развиваться только в суверенном пространстве, ему необходим относительный покой, кризисы и потрясения приводят к регрессу социального пространства. Всякий политический порядок – это чрезвычайно тонко настроенный механизм баланса сил и интересов, способный обустроить внутреннее многообразие. Концепция суверенитета и появляется как категория и инструмент, позволяющий составлять баланс сил и интересов, выделяя доминантную силу в публичной сфере. Интеллектуалы Восточной Европы, развивающие идеи об особенностях своих народов, рано или поздно сталкиваются с проблемой суверенитета, вынуждающей их искать для самих себя определенное место в публичном пространстве¹⁹.

И здесь оказывается, что этнос – не институционализируется, что для этноса не находится в публичном пространстве собственного места. Этническая идея имеет значение в переходные периоды, периоды кризиса, надлома, реформы. В такие периоды особенно остро стоит вопрос о сохранении суверенитета – при условии большего или меньшего сохранения внутреннего многообразия. Если не удастся обеспечить два этих условия, политическая система прекращает свое существование. В такое время этническая идея может быть политизирована, и тогда этнос на какое-то время приобретает признаки субъекта, претендующего на обладание суверенитетом. С точки зрения этнической идеи основанием трансформаций является не социальное движение, вызванное дифференциацией, а некоторые субстанциальные и идеологические факты: язык, костюм, привычки, обычаи, религия, история и особенно – национальное самосознание²⁰, позволяющие вычленил данный субъект из более крупной политической формы. Эти процессы в значительной мере отличают историю национального государства в Восточной Европе от истории национальных государств в Западной и Центральной Европе, в которых этническая идея никогда столь радикально не противопоставлялась политической.

Институционализация этноса

В Восточной Европе можно увидеть две попытки институционализации этноса, обе направленные на деполитизацию этнической идеи. Первая связана с восприятием модели национальной автономии Отто Бауэра²¹, фактически ре-

лизовавшаяся в современной Европе и Америке, вторая – концепция Абдзираловича, направленная на создание фронта внутри этнообщности, выводящего этнос на процессы подлинной дифференциации, и продолжающая оставаться актуальной для Восточной Европы.

Этническая автономия

Свою теорию Отто Бауэр создал в начале XX в., и ее положения до сих пор сохраняют свою значимость практически для всех государств мира по причине некоей общей для всего мира тенденции в этническом вопросе. Этничность для Бауэра есть естественное состояние, определяемое им как общность характера людей в обществе, унаследованные качества определенной группы людей, суть нечто развивающееся и не являющееся простым застывшим осколком истории²². С точки зрения Бауэра, этничность вечна, и ее вечность доказывается законом, утверждающим на основе апперцепции Лейбница, что ни одно общество не воспринимает новых элементов в неизменном виде. Потому, к примеру, уравнивание материального содержания различных национальных культур отнюдь не означает уничтожения национальной индивидуальности. Для Бауэра это правило является принципиально важным, поскольку позволяет сочетать этнический принцип с социалистической идеей и утверждает многообразие и сложность в социальной жизни. В предисловии к работе О. Бауэра, вышедшей в переводе в России в 1909 г., Х. Житловский писал: «Нам приятно сознавать, что основные черты теории Бауэра заключаются в доказывании той основной мысли, что верно понятый национальный принцип не только не идет вразрез с прогрессом человечества и его стремлением к социализму, а наоборот: социализм, прогресс и национализм взаимно обуславливают друг друга...»

За четверть века до того К. Леонтьев высказывал такую мысль: «Движение современного политического национализма есть не что иное как видоизмененное только в приемах распространение космополитической демократизации»²³.

Все этнические движения выступали против суверенной власти и претендовали на собственный суверенитет. Порядок, который составляли этнические движения, возникал как антитеза предыдущему порядку и был, прежде всего, демократическим порядком. Однако вследствие недостаточной дифференциации социума такие режимы часто становились авторитарными, поскольку не находили в обществе достаточного сопротивления, определявшего необходимость децентрализации власти. На первый взгляд парадоксально, что этнические движения, направленные на установление особенного порядка, не противоречат глобальной либерализации, эгалитаризму, социализации обществ и народов.

Теория Бауэра представляет собой апологию этничности, понимаемой в перспективе прагматических целей индивида. Этнос представляет собой опре-

деленную ценность и выгоду для человека. При этом человек освобождается, собственно, от каких-либо обязательств, поскольку этнос (нация) воспринимается только в культурном своем аспекте. Нация для О. Бауэра есть личный союз. Бауэр утверждает персоналистический принцип построения национальной автономии. Население «государства национальностей», как стала в XIX в. именоваться Австро-Венгерская империя (Бауэр был австрийским подданным), разделяется на национальные союзы, причем каждый гражданин волен выбрать приглянувшуюся ему нацию. По свободным заявлениям граждан составляется национальный кадастр (кстати, в 1905 г. в окончательно либерализованной Австро-Венгерской империи такой кадастр как эксперимент был учрежден в одной коронной провинции – в Моравии). Нация консолидируется теперь как публично-правовая корпорация, задача которой – заботиться об удовлетворении культурных потребностей своих членов²⁴. Бауэр оговаривается, что государство это делает, пока «принцип национальности не настолько силен, чтобы разрушить государство национальностей и на его месте построить самостоятельное национальное государство». По крайней мере, национальная автономия в ее персоналистическом виде представляет собой не что иное, как принцип национальности, проявляющий себя внутри государства. Это очень важное замечание, поскольку позволяет выявить чисто функциональный характер такой национальной идеи. «Принцип национальности даже в “государстве национальностей” приводит к такому конституционному строю, в котором каждой нации предоставляется относительная самостоятельность»²⁵. При этом, отождествляя национальность с индивидуальными культурными потребностями человека, которые он может осуществлять через правовую корпорацию себе подобных, социал-демократы производят растождествление между нацией и государством, а также между индивидом и государством, отнимая у государства определенную национальную основу, а у человека (создавая две совершенно изолированные сферы интересов) – культурную и государственную, не позволяя национализировать государственную политику.

Подобным образом интерпретируемый национализм предполагает, что личность включается в сообщество лишь на основе правовых связей, лишенных внутренних основ и направленных на охранение ее «правового статуса». Такой подход позволяет единомышленнику О. Бауэра К. Реннеру так писать о национальном чувстве рабочего, который действительно, вследствие особого своего положения, оторван от территории: «Национальное чувство питается личной и культурно-общинной жизнью, а не государством и территорией, и эта культурная общность легко стирает территориальные границы, если они разделяют нацию на части».

Это учение чрезвычайную ценность придавало государственным и правовым институтам, автономным по отношению к национальности, что позволяло придать и этничности политически нейтральный характер.

Примечательно, что в России идеологию культурной автономии приняли только еврейские партии, затем в 1907 г. конференция левонароднических партий разных наций и, наконец, меньшевики. Ленин в письмах к Горькому в 1913 г. писал о теории Бауэра: «Нет, той мерзости, что в Австрии, у нас не будет, не допустим»²⁶. И не допустили, радикализовав этнический вопрос.

От идеологии к дискурсивным практикам: концепция Абдзираловича

Радикализация этнического вопроса заключается в использовании этнических интеллектуалов для легитимации власти, выдвигающей программу этнической политики. Интеллектуалы однажды становятся важным ресурсом такой власти, когда она обращается к народу, уже просвещенному интеллектуалами и отчасти воспринявшему язык интеллектуалов. Однако будет преувеличением полагать, что интеллектуалы в таком случае получают возможность воздействовать на власть и содержание политики.

Советская традиция присваивает национальному государству именно этническое содержание. И это противоречивое определение оказывает воздействие на социальную систему Восточной Европы до сих пор. В такой ситуации оказывается, что интеллигенция как будто бы должна быть довольной культурной этноцентричной программой власти вне зависимости от того, какова эта власть.

В силу негативного и отстраненного преподнесения национального мифа беларуская идентичность всегда утверждается только в противовес «российской», «советской» – суверенной – власти, национальная идея при этом испытывает трудности с формулированием собственной программы модернизации. По существу, кроме культурной программы этнические интеллектуалы не имели иных идей. Потому этническая модель в Восточной Европе была обречена на роль легитиматора новой власти, добываясь от нее признания культурных прав граждан.

В конце XX в. беларуские интеллектуалы открыли для себя имя Игната Канчевского. Эссе «Адвечным шляхам», написанное в 1921 г. умирающим от туберкулеза И. Канчевским и подписанное псевдонимом И. Абдзиралович²⁷, воспринимается как откровение деятелями беларуского «Адраджэння». Эссе представляет собой развернутую в беларускую историософию эсеровскую программу кооперативизации страны. Историософские идеи содержатся в первой части работы, а идея кооперативизации – во второй. Они связаны безусловно и очень жестко между собою, но современные беларусы пропускают вторую часть и читают только первую. Однако ключ к смыслу работы находится именно во второй части, призывающей к «всеобщей кооперативизации страны»²⁸. Это была точка перелома в этническом сознании Восточной Европы, которую не заметили и

которую, впрочем, и нельзя заметить в этнонациональном контексте. И. Канчевский переносил акценты в этнической идее с субстанциальных факторов на экономические и политические при рассмотрении сообщества, помещенного в определенные границы, именно как политического и экономического сообщества.

Во-первых, Канчевский говорит о необходимости отказаться от какого-либо мессионизма в национальной работе: «...на прыкладзе чужацкіх мэсіанізмаў мы бачылі, як страшэнная сыцкае жыцце отрымаўшая неакрэсленую ўладу форма. З нашага высокага парыву індывідуальнага і народнага адраджэння ня створым жа гвалту й энку ні для іншых, ні для саміх сябе: не павінна быць беларускага месыяніму. І ў вялікім, і ў малым, і для сваіх, і для чужых – ен – прымус, зьдзек і сьмерць»²⁹.

Канчевский в 1921 г. уже мог видеть, что никакой особенной политической этнической формы в результате этнических движений не получается, получают только новые государства, готовые использовать ресурс этнической легитимности для насилия. Вместе с тем Канчевский понимает, что «запэўніць магчымаць грамадзянскай творчасьці мы можам толькі ў разе адсутнасці перш-на-перш чужынскага прымусу. З гэтага вынікае падстава да неабходнасці палітычна незалежнасці»³⁰. Но, поскольку Канчевский отрекается от всякого мессионизма, возникает вопрос о месте этничности в деле обретения независимости. Потому второй важнейший тезис Канчевского – о невозможности в этнических программах ограничиваться только требованиями независимости. Политические требования должны обосновываться и оправдываться свободой человека, в том числе и свободой в области культуры: «...сучасная палітычная дзейнасць у кірунку незалежнасці, падгрунтаваная на захапленні ўлады палітычна-класавымі органамі, мала можа задаволіць сумленнага чалавека. Яна не дасягае ўсе роўна забеспячэння гармадскае самодзейнасці і можа выклікаць новую роспач і расчараваньне»³¹.

Потому Канчевский приземляет этническую идею, направив ее даже не в русло национального строительства, а в сторону решения повседневных проблем, никак не обусловленных идеологически. Канчевский назвал эту платформу кооперативизацией (в нынешних терминах можно было бы говорить о дискурсивности индивидуального действия или же о политике солидаризации): «...у кааперацыі, нягледзячы на яе сур'езныя жыццёвыя заданні і вагу, нама нічога падобнага да палітычнай пляцформы. Кааперацыя ня мае азначанага ідэалу, які мог бы зрабіцца Молахам кааперацыйнага руху, вымагаючы чалавечых ахвяр. Рух кааперацыі кіруецца выняткава жыццёвымі закланнямі, і ніякай папярэдняй ідэянасці ў ім няма»³².

Канчевский говорит: занимайтесь чем угодно, но только чем-то конкретным и ввиду другой человеческой личности, на основе своей свободы и свободы другого.

Так была осуществлена попытка избавления от детского мифа о «неизвестном защитнике», который служит лишь для спасительной в какой-то момент самоизоляции от внешнего мира. Канчевский утверждает: нацию не создает отличие ее от иных народов – ее создает процесс собственного обустройства.

Проблема модернизации

И здесь нам открывается один парадокс. Беларусь, конечно же, на основе воспринятого в его этническом плане национального мифа не совершили этнической революции, не создали этнократии, потому что не могли ее создать. Беларусь, как нация, не входила в модерн, оставаясь в рамках первичных сообществ, которые испытали на себе в XX в. наибольший удар идеократических государств, в создание которых внесли свой вклад и этнические интеллектуалы. Поэтому, когда в Восточной Европе в 1990-е гг. возникли новые государства в границах советских республик, в них обозначились все те же проблемы соотношения личности, первичных сообществ, власти и интеллектуалов. Можно было бы считать этот процесс результатом национального движения, но это не так. Снова интеллектуалы обратились к теме национального (или этнического в их понимании государства) – снова обратились к первичным сообществам, в которых они хотели видеть народ – и снова оказались не у белорусских или, к примеру, украинских очагов, а в локализованном границами Беларуси или Украины позднем Советском Союзе с его социальной структурой и законами, действующими в данной социальной структуре. То есть задачи, стоявшие в 1990-е гг. перед сообществами Восточной Европы, снова превышали объем задач по культурному просвещению населения. Отсюда берет начало раскол белорусского национального сознания, склоняющегося одновременно и к самоизоляции в границах национального мифа, и к легитимации реальной политической идеократии, возникшей как правопреемница Советского Союза, но воспринявшей риторику белорусского национального суверенитета.

Суверенитет и обеспечение свободы личности – универсальное социальное пространство и универсальные механизмы социального движения – оказываются в такой перспективе задачей, намного более важной, чем все этнографические и языковые особенности. Наилучшее, что можно сделать с этнической идеей в такое время, – это постараться не политизировать ее, не вовлекать как аргумент в становление суверенного пространства и решение проблемы свободы личности. Политизация этнической идеи усиливает радикализм, перекодирует смыслы социального порядка, выделяя коллективные проблемы в качестве ведущих проблем и устраняя дискурсивность в политике и социальных отношениях. Общество и государство оказываются не готовыми и не способными к продуманному и целенаправленному взаимодействию. Система эффективных

социальных фронтиров не возникает, локальные общества продолжают изолироваться и отчуждаться. Самое большее, чего бы такое общество желало, – это самоизоляция или игра без правил, игнорируя любые вызовы. Снова на место реальных социальных коммуникаций и механизмов встает идеология, которую может обслуживать этническая идея – самобытности, уникальности, третьего пути и пр. Идеология скрывает печальный факт предельной атомизированности сообществ Восточной Европы, испытывающих дефицит в структурах второго и последующего уровней³³.

К политическому порядку в этнических границах

Потому необходимо ясно представлять себе реальную картину, связанную с «национальным» строительством в Восточной Европе и влекущую за собой дележ культурного наследия, а также реанимацию этнических культурных процессов, начатых в эпоху романтизма и постепенно политизировавшихся. В результате культурное наследие было поделено, а в жертву были принесены даже те универсалии, которые лежали в основе устройства Восточной Европы до XVIII в. Однако проблемы современной Восточной Европы не в так называемой этнической территории, потерянной или обретенной, не в вышивках и поделках, не в языках или обычаях – это вообще не проблемы узкого исторического или территориального порядка. Проблема заключается в сути социальных структур, которые составляют Восточную Европу, и общих предпосылок модернизации ее обществ – создания новых суперструктур, обеспечивающих интеграцию общества на более высоких уровнях, чем первичный. По существу, это не эгалитарный, а элитарный проект, который, если смотреть на историю Восточной Европы XX в. непредвзято и без заранее заготовленных шаблонов, совершенно очевиден. Потому что само «национальное» движение в этом регионе – сугубо элитарно и не захватывает даже буржуазию.

Для такого подхода надо перестать рассматривать национальную идею в Восточной Европе как основанную на этнографических признаках. Часто новые нации, такие как русские или поляки, просто не справляются со своим культурным наследием³⁴, потому что оно больше, чем достаточно узкие рамки этнонациональной идеологии. Это наследие, скорее всего, мешает в созидании новых социальных институтов³⁵. Одновременно появляются и такие нации, которым явно не хватает наследия³⁶. Они могут придумать себе родословную, но никто ей не верит и не поверит никогда³⁷. Такова, например, Беларусь, которая культурно бледнеет и тускнеет без Польши, вернее, без Речи Посполитой, потому что вся беларуская элита на протяжении столетий – вплоть до Первой мировой войны – была частью элиты Речи Посполитой и современная элита Польши сформирована во многом выходцами из Виленского края и Западной Украины и Беларуси.

В Беларуси существует два мифа – миф советский, основанный на реальной трагической дифференциации и модернизации 1930–1970 гг., производившими советской властью и изменившими Беларусь, и романтический миф, также дающий возможность существования национально сознательной интеллигенции. Объединяет эти мифы только особое видение в них непрерывности «народной» традиции, неизменно обладающей определенными качествами – языком, культурой, характером и т.п.

Однако уместным является вопрос о том, что имеют жители этих стран, кроме этнонациональной истории, в качестве социального капитала? Какое видение мира имеют общества Восточной Европы? Видение только с точки зрения национального государства, ограниченное политическими границами, или видение с гораздо более широкими и богатыми перспективами, в составлении которого участвуют все субъекты, обладающие на то правом? Для того им необходимо обратиться от этнографических признаков своей национальности к «кооперативным», по слову Канчевского. А для этого необходимо уяснить, какие культурные предпосылки, созданные субъектами Восточной Европы, обладают общим значением. Нельзя искусственно сводить то, что разведено. Но нельзя также искусственно разделять то, что соединено. Каждой из нации Восточной Европы помимо собственного национального государства и доминирующей этнокультуры необходимо видение той цивилизации, к которой она принадлежит. А для этого необходимо видение собственных универсальных основ и умение конвертировать эти основы в подлинные социальные ценности. Это открывает определенную цивилизационную перспективу, которую для целой Восточной Европы открыла эпоха модерна. Это переход от коллективных форм к видению человека в определенных социальных институтах и структурах.

Кризис идентичности

Те структуры, которые создаются, – не случайны. Игнорирование внутренней и внешней среды, неразвитость социальных фронтиров, ориентация на этнографический «народ» способствуют установлению авторитаризма; авторитаризм же влечет за собой кризис идентичности индивида, разрушая первичные сообщества и помещая индивида в странную среду массы, поддерживаемую идеологией. В такой среде у субъекта отсутствует потребность в обосновании собственных основ и в согласовании статусов, которые он имеет в различных сообществах, которые оставляет. Авторитарное государство не может создать внятный контекст внешнего и внутреннего пограничья, а потому не может опереться на действенный тыл. Первичные социальные структуры такой тыл не образуют. Они вечно живут сами по себе. Потому вызовы, определяемые воздействием на социальное пространство внешним миром, а также внутренним соци-

альным взаимодействием, не опосредуются в Восточной Европе зоной пограничья, в которой и должно приниматься решениям национального масштаба, – а обращаются непосредственно ко всем белорусским структурам, единицам и институтам, которые вынуждены на эти вызовы отвечать самостоятельно.

К примеру, белорусы как этнос не противостоят глобальным процессам, потому что этнос не институциализируется, он не представляет собой некой структурированной общности – этнической, гражданской, религиозной. Потому развитие национальной идеи в этнографическом смысле влечет за собой то, что белорусы взаимодействуют с глобальными процессами на уровнях реальных социальных структур: отдельно на уровне государства и отдельно на уровне первичных социальных групп. Белорусский национальный миф оказывает и будет оказывать на эти уровни свое, иногда очень важное и совершенно разное воздействие.

Легитимная идеократия

Взаимодействие с государством этнического мифа вызывает к жизни подобие легитимной идеократии: мы таковы и порядки наши таковы, потому что это наши порядки, потому что мы – народ (этнос). Но критерием идеократии выступает государственный суверенитет. Идеократия обладает абсолютным суверенитетом, не ограниченным никем и ничем, потому для нее не существует ни вызовов глобализма, ни вызовов организации внутренней структуры, не существует также и проблемы осмысления этих проблем. Идеократией тенденции глобализма рассматриваются как посягательство на суверенитет; таким же посягательством является и выражение свободы внутри государства. Отсутствие социальных сообществ второго и последующего уровней в Восточной Европе выстраивает социальную структуру, в которой существуют прямые отношения между атомизированными первичными сообществами и властью. Именно потому единственной глобальной логикой, которую воспринимает национальная идеократия Восточной Европы, является логика потребления, принуждающая власть выставлять как ближайшие и определяющие цели политики повышение уровня жизни, рост экономики и пр. Так, вместо некой этноцентричной политики в Восточной Европе этническая идея эксплуатируется популистами.

Взаимодействие белорусского национального мифа с малыми социальными группами влечет постепенное становление действительной национальной идеи, основанной на формировании сообществ второго и последующих уровней, к которым отдельные индивиды имеют прямой доступ посредством социальных фронтиров.

Очевидно, что в Беларуси существует противоречие между процессами взаимодействия белорусского национального мифа с государством, с одной

стороны, и с социумом – с другой. Если государственная идеократия пытается использовать белорусский национальный миф как ресурс экстенсивного сохранения власти, то в отношении белорусского социума белорусский национальный миф становится агентом принципа личной свободы, соподчиняя его логике проектов, превышающих уровень первичных сообществ, предъявляя ему один вызов – сохранения идентичности в глобальных процессах.

Очевидно, что государство как этническую идеократию белорусский национальный миф не может долго поддерживать – именно потому, что такая идеократия есть химеричное создание неадаптировавшегося к внешним условиям атомизированного народа. Именно потому социум идеократии все время живет не ею, а чем-то другим. Идеократия занимается массовым производством лозунгов, а люди покупают холодильники, стиральные машины, учат детей в престижных школах, учат их иностранным языкам, отправляют их при первой возможности на учебу за границу, ездят в благополучные страны на работу. Потому национальная идеократия, по существу, и не может быть легитимной. Именно малые социальные группы оказываются в этот момент агентами развития и формирования национальных институтов, противостоящих идеократии. Они оказываются теми, кто заинтересован в обуздании бедности, повышении уровня жизни, решении социальных проблем – не идеократическими методами, а теми средствами, которыми они сами могут овладеть.

Идеократия лишила восточноевропейские сообщества необходимой национальной инфраструктуры. Происходит глубокий внутренний конфликт – между структурами второго и последующего уровней и механизмами, позволяющими индивиду реализовывать себя в публичной сфере.

В этих обстоятельствах существует проблема, связанная с суверенитетом нации: что происходит с ним? Проблема суверенитета – это всегда и проблема идентичности. Но так ли важно удержание суверенитета, если потеряна идентичность его носителя и социум атомизирован? Именно идея национального суверенитета решающее значение придает социальным структурам, которые являются носителями идеи национального суверенитета. В случае органичного развития идеи национального суверенитета в контексте глобализации и глокализации должны были бы измениться функции национального правительства. Но органическое развитие идеи национального суверенитета возможно только в случае, если существуют социальная структура и органичные социальные институты: семья, религиозные и общественные организации, хозяйственные предприятия, муниципалитеты, регионы. Внутри Беларуси именно первичные сообщества оказываются главным агентом современной стратификации, в частности семья оказывается заинтересованной в максимально широкой репрезентации, международном обмене и экономической свободе и организации национального пространства.

Национальная идея, которая основывается на идее свободы и репрезентации личности на уровне вторичной и последующих социальных структур, позволяет актуализировать значение структурирования социального пространства Восточной Европы. Национальная идея позволяет в таком случае сформировать зону пограничья, защищающую структурные единицы нации от потери идентичности, защищающую мир нации, но не изолирующий нацию. Государство в этом случае ограничивается в суверенитете самой нацией, взаимодействующей через сообщества, ее составляющие, с политической системой, а также с глобальными структурами.

Такая ситуация выявляет новый комплекс задач для наций и национальных правительств. Национальная идентичность оказывается необходимым и одним из важнейших процессов в трансформации Восточной Европы. Нация является важнейшим уровнем социализации подавляющего большинства субъектов Восточной Европы. Если национальный уровень изымается, в процесс глобализации оказываются втянутыми десоциализированные личности и структуры, лишенные почвы. В этом случае происходит потеря гарантий того, что социальные процессы будут развиваться как правовые и гуманные, поскольку только нация может быть гарантом правовых отношений.

В Восточной Европе часто (например, в Беларуси) социальные процессы развиваются противоположным образом. При том, что существуют многочисленные первичные сообщества, национальная идеократия предпочитает рассматривать Беларусь как целостный уникальный и изолированный мир. Идеократия игнорирует стратификацию, и потому современные вызовы оказываются обращенными к национально нейтральным агентам – личностям и первичным сообществам. К примеру, это влечет за собой то, что вызовы глобализации углубляют национальный белорусский раскол, хотя при отпадении фактора идеократии могут способствовать национальному строительству.

В таких ситуациях внутренние трансформации, медленные в обычных условиях, могут ускоряться внешним воздействием, к примеру, глобализационных процессов или фактом присутствия на границах Восточной Европы Европейского Союза. Вызов глобализации оказывается обращенным к тем структурам, которые могут на него реагировать адекватным образом – это сообщества второго и последующего уровней, что ставит идеократию перед необходимостью проведения реформ.

Так или иначе, и внутренние трансформации, и процессы глобализации обращены в Восточной Европе к национальной идее. Эта идея, как мы видим, может определять национальную идеократию или же лежать в основе выстраивания социального пространства на основе принципа национального суверенитета. Именно такая национальная идея адаптирует нацию к процессу глобализации, встраивая национальное государство в целую систему наднациональных юрис-

дикций. Потому что только суверен может делегировать часть своих полномочий на иной уровень, ограничив себя правом.

Сохранение белорусского национального мифа в его современном виде, когда он воздействует на оппозицию идеократия – нация, и включение этих отношений в глобальные тенденции означают маргинализацию этнической идеи и потерю его значения. Реальные процессы происходят в другой области, определяя характер и облик Восточной Европы. Воображаемые этносообщества ведут к идеократии и авторитаризму, строительство же нации связано с актуализацией пространства Пограничья.

«Перекрестки» и проект «Социальные трансформации в Пограничье»

В Беларуси в начале века зародилось интересное движение интеллектуалов, поддерживавшее дискурс Пограничья и распространившее его на соседнюю Украину и Молдову. Это движение известно как проект «Социальные трансформации в Пограничье (Беларусь, Украина, Молдова)», получивший финансовую поддержку фонда Карнеги. В нем мы видим серьезную эволюцию, прежде всего, самих интеллектуалов, попытавшихся выйти за рамки националистических субстанциальных дискурсов, увидеть в пространстве, очерченном границами Беларуси, Украины и Молдовы, не только национальные или этнические истории, но нечто общее, что объединяет Молдову, Украину и Беларусь в один регион, а также исследовать основания и закономерности его развития и существования.

Проект является максимально открытым, не навязывающим какого-то одного подхода, одной дисциплинарности или методологии. Проект задан самим концептом «Пограничье» и протекает на нескольких уровнях: индивидуальной исследовательской работе на уровне регулярных научных конференций, организуемых CASE (г. Минск) и ENU (г. Вильно), на уровне текстов, публикуемых главным образом в сборниках трудов конференций и специальном журнале «Перекрестки» (под ред. И. Бобкова). Заданные параметры проекта предполагают множественность сталкивающихся подходов к проблеме и множественность подходов, не пересекающихся и не взаимодействующих между собой, что является неизбежными издержками процесса.

Учредители «Перекрестков» так сформулировали назначение журнала: «Перекрестки: трансдисциплинарный журнал, посвященный политическим, социальным и культурным проблемам восточноевропейского пограничья (Беларусь, Молдова, Украина). Основные задачи – способствовать концептуальному и методологическому обновлению академических исследований в регионе, инициировать междисциплинарный и транснациональный диалог, содейство-

вать репрезентации региональных, национальных и локальных академических школ и традиций»³⁸.

Интересно, что для журнала был выбран русский язык, на котором публикуются все тексты корреспондентов, а также все переводы наиболее значимых, по мнению редакции, текстов, опубликованных на иностранных языках.

По состоянию на 1 мая 2007 г. вышло 5 томов «Перекрестков». В 2005 г. в ENU-International был издан сборник статей «После империи: исследования восточноевропейского пограничья», который является частью процесса оформления дискурса Пограничья в регионе Беларусь – Украина – Молдова.

За 3,5 года существования движения произошла эволюция взглядов на проблему Пограничья. Эту эволюцию можно изобразить как смещение от географико-центрического и геополитического понимания Пограничья (территория «между») к представлению Пограничья как феномена европейской цивилизации (выражаемого через обращение к проблеме сосуществования с Другим), как проблемы идентичности, как проблемы развития (постколониальные теории). Эту эволюцию также можно изобразить как переход от представления о неудовлетворительном состоянии некоего пространства к нахождению его места и точек опоры, а также позиций, с которых возможно его описание.

И. Бобков пишет: «Пограничье лежит по обе стороны от границы, и его топологический статус парадоксален: пограничье приобретает определенную целостность через факт собственной разделенности, т.е. через динамическое событие разграничения, встречи и перехода Своего и Чужого, или Единого и Иного»³⁹.

Заветная мысль и надежда этого движения – обретение субъектности, уход от анонимности пространства, от его нерепрезентативности. И. Бобков продолжает: «...Пограничье, увиденное из центра, не существует ни как онтологическая, ни как топологическая целостность, или, если переформулировать эту мысль с перспективы онтологии центра, пограничье существует лишь как механическое соединение двух периферий, разделенных границей. Чтобы действительно увидеть пограничье, мы должны представить себе некую иную онтологию, найти иную метафору»⁴⁰.

Так происходит открытие необходимости субъекта, через практики которого осуществляются динамические процессы, формирующие Пограничье. Н.А. Антанович в статье «Проект идентичности в условиях Пограничья» пишет, что «необходимо отнестись к идентичности не как к тому, что дается и/или существует, но как к тому, что изобретается. Иными словами, необходимо отнестись к идентичности как к проекту, предполагающему, что предметом конструирования является само культурное и социальное бытие. Конструируя свою идентичность, надо быть интересными самим себе»⁴¹.

О. Шпарага также задается вопросом о субъектности пограничья, обращаясь к философскому его аспекту, в котором субъективация понимается в смысле,

присвоенном данному понятию Ж. Делёзом. Ж. Делёз это понятие вводит, критикуя классического субъекта, с одной стороны, как внутренний невидимый порядок мысли, с другой – обнаруживая все-таки необходимость «некоторого его остатка». О. Шпарага отмечает, что мы не можем выйти за пределы западной современности, анализируя процессы, протекающие в регионе Беларусь – Украина – Молдова, поскольку «сама конфигурация Пограничья вынуждает нас так или иначе относиться к тому, что его окружает... во многом именно с понятием субъекта... связаны такие столпы и достижения европейской современности, как права человека, гражданское общество, рыночная экономика, современная европейская система образования и ценностей...»⁴²

Данные ценности не могут быть проигнорированы при анализе региона Беларусь – Украина – Молдова, но если это так, то возникают три самостоятельные проблемы, связанные с их реализацией в регионе: «должен ли их анализ опираться на модель субъекта; должны ли эти ценности обнаруживаться и в своей ущербности; должны ли они задаваться, изобретаться, конструироваться»⁴³.

О. Шпарага утверждает, что Пограничье дает о себе знать странным возвращением субъекта. Но Пограничье в этом процессе утрачивает свое исключительно географическое измерение и становится метафизическим, понятийным.

Н.А. Антанович замечает, что важнейшим в анализе пограничья является возможность его восприятия в перспективе внутреннего опыта, что также является переходом от географического понимания границы к пониманию ее как модели пространственно-временного восприятия (как специфических в историческом и культурном отношении представлений о пространственной структуре окружающего мира)⁴⁴. Таким образом, существует дрейф в представлении о границах от концепции «границ» к «Пограничью». Вместе с тем Н.А. Антанович объективизирует процесс, рассматривая его независимо от состояния и действия субъектов: «Границы эволюционируют от единичных разграничительных линий к множеству, от физических границ – к культурным, от барьеров – к пространствам взаимодействия, к пограничью»⁴⁵.

Данные исследования совершают перелом в репрезентации пространства Беларуси – Украины – Молдовы, утверждая их в качестве отдельного европейского региона – восточноевропейского пограничья. В данном словосочетании логическое ударение смещается со слова «восточноевропейского», которое приобретает всего лишь географическое значение, очищаясь от культурных стереотипов, – на понятие «пограничье», что позволяет концептуализировать подходы к описанию данного пространства, базирующиеся на искреннем интересе к нему и предоставляющие ему средства и инструменты самопроговаривания. «Приграничье – не просто зона слома жестких классификационных структур (в частности, национальных государств) и представлений о них, оно должно рассматриваться не как аналитически пустая транзитная зона, но как

место креативного культурного производства... центры глобализации, не только выполняющие интеграционные функции, но и производящие трансграничные социальные группы...»⁴⁶

Концепт «Пограничье» позволяет интеллектуалам избежать субстанциального подхода, обратить внимание на социальную структуру обществ, к которым они принадлежат, и предложить адекватную для них стратегию описания и анализа.

Примечания

- ¹ См.: Осорина, М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых / М.В. Осорина. СПб., 2000.
- ² В 1970-е гг. в Украине, Беларуси, Молдове происходит удивительное обращение многих интеллигентов в приверженцев белорусского, украинского. Это было движение, связанное с открытием альтернативной Родины, выступавшей вместо Советского Союза, который к тому времени изъездил и измочалил тему патриотизма до предела.
- ³ В самой Беларуси произошла грандиозная ошибка к «стутэйшымі» – их включили в генеалогию нации.
- ⁴ В Западной Беларуси социальное время для населения делится не «до» и «после» войны, рубежом выступает другое обстоятельство – ««когда» русские пришли» 1939 г.
- ⁵ К примеру, белорусы как этническая группа оказались к XIX–XX вв. лишены классовой иерархии и элиты. Большинство, на плечах которого возникла, живет и вообще стала возможной сама Беларусь, – это большинство, которое является потомками крестьянства белорусского. Они не знают высокой культуры, они не знают расслоения по классам. Для них высокая культура несет в себе отзвук аристократизма, которого они не любят, для них высокий стиль таит в себе запах земли, ощущаемый в поклоне, в котором привкус унижения и досады строптивного раба. Они не могут прямо стоять перед более высоким, чем они сами: а потому бегут от него или вызывающе игнорируют его. Они все более оказываются в вакууме, они отчуждаются от языка, им нечего рассказать детям уже о прадедах, пойдя в лес, они не знают названий трав, не знают голосов птиц и бродят по своим городам, как завоеватели и пришельцы. Камни городов молчат в Беларуси. Для Беларуси, образованной в XX в. практически из одного крестьянства, значение таких мифов должно было быть весьма велико.
- ⁶ Беларусь как самостоятельный политический субъект возникает во многом не в силу собственного внутреннего развития, а в результате взаимодействия различных полюсов, находящихся вне ее. Основная опасность для существования Беларуси – это смещение полюсов, нарушение этого равновесия, которое неизбежно повлечет перемещение зоны напряжения в иное место и разрушение Беларуси. Основная задача, вытекающая отсюда для Бе-

ларуси, – обретение устойчивой идентичности во время стояния полюсов. Можно сказать, что времени уже было отведено достаточно для решения этой задачи, но оно доселе не было благоприятным или использовалось недостаточно эффективно. Белорусская мысль движется в это время по некоему замкнутому кругу, выйти из которого до сих пор не может.

⁷ Еще одним примером является политика Империи в отношении «западно-руссосов», социального движения XIX в. Деятели этого движения (которое, впрочем, не было оформлено, и говорить о нем можно только имея в виду общий дух отдельных лиц, составлявших его, – в разное время это Н. Коялович, К. Говорский, М. Бобровский, П. Столыпин в бытность гродненским генерал-губернатором, Л. Солоневич) были православными, изначально настроенными пророссийски, и настаивали лишь на самобытности края, на его особенной истории, на его языке, на праве самоуправления. Империя игнорировала это лояльное по отношению к ней движение вплоть до 10-х гг. XX в. (Цьвікевіч, А. «Западно-руссизм»: нарысы з гісторыі грамадскай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX в. / А. Цьвікевіч. Менск, 1993).

⁸ Начало этнонационального движения в Восточной Европе совпадает с веком романтизма и полностью отвечает его главным посылкам. Влияние романтизма до сих пор очень велико в Восточной Европе, проявляясь самым неожиданным образом. К примеру, первоначальной идеей Беларуси мы обязаны, прежде всего, людям польской культуры, белорусам по крови: Яну Чечоту, Дунину-Марцинкевичу, Яну Борщевскому, Михаилу Бобровскому, Иосифу Семашко, Антонию Сосновскому, а далее – целой череде историков, церковных и культурных деятелей на протяжении всего XIX в. Одним из них были интересны этнографические особенности белорусов, а другим был дорог сам этот народ, дорог как Родина. Долгое время этот процесс находился в стороне от институционального строительства на данной территории.

⁹ Например, знаменитая карта академика Карского, составленная по переписи населения в Российской империи 1897 г.

¹⁰ Таков генезис Кирилло-Мефодиевского братства, общества филоматов и пр.
¹¹ Андерсон, Б. Национализм, идентичность и логика серийности / Б. Андерсон / Логос. № 2. 2006. С. 68.

¹² Мрый, А. Записки Самсона Самосуя / А. Мрый. М., 1991.

¹³ Аналогичные процессы можно видеть и в других обществах подобного типа – например в Турции. Методом младотурков, а затем и кемалистов стала идеология жесткой модернизации: централизация, полное определение места личности в общественной системе, инженерный характер общественных изменений, то есть продуманные и планомерные действия по обрыванию связей с прошлым, были параметрами жесткой доктринерской идеологии кемалистских реформ. Таким образом, процесс модернизации и соответствующая функция интеллектуалов, поначалу определяясь стремлением отыскать и построить образ будущего общества, постепенно трансформировались в дело формирования личности. Социальная инженерия, переходящая на пер-

- сональный уровень, представляет собой особенности эволюции участия интеллектуалов в публичной жизни.
- ¹⁴ Кахраман, Х. Исторический тупик турецких интеллектуалов / Х. Кахраман // Неприкосновенный запас. 2003. № 1.
- ¹⁵ См.: Флоровский, Г. Пути русского богословия / Г. Флоровский. Вильнюс, 1991. С. 332–451.
- ¹⁶ Так, к примеру, французское буржуазное государство сложилось как государство французов, но французами, т.е. гражданами Франции, являются и рассматриваются и романоязычные этнические французы, и кельтскоязычные бретонцы, и германоязычные эльзасцы. В славянских языках слово «нация» не имеет такого значения, так как понимается только в этническом смысле.
- ¹⁷ Цит. по: Козлов, В.И. Национализм, национал-сепаратизм и русский вопрос / В.И. Козлов // Отечественная история. № 2. 1993. С. 10–23.
- ¹⁸ «...Что такое нация? – Общество людей, живущих под одним законом и представленных общим законодательным органом... Между тем знатное сословие имеет прерогативы, изъятия, даже законы, отдельные от законов всей корпорации граждан. Оно стоит выше общего порядка и общего закона. Его гражданские права делают его отдельным народом среди всей нации. Оно – настоящее государство в государстве» (Сийес, аббат. Что такое третье сословие? / аббат Сийес. М., б.г. С. 13).
- ¹⁹ Идея национальной самобытности, поднятая в XIX в. и ставшая тогда актуальной, требовала государственного сочувствия к себе, иначе рано или поздно она могла перерасти из культурного в политическое явление, что поставило бы вопрос о строительстве собственного государства белорусов. Этнический характер имперской политики такому сочувствию клал пределы. В результате Империя осталась наедине с польским элементом на территории Беларуси: белорусы были ею не замечены и никак не использованы в действительном органическом управлении краем. Присутствие на территории Беларуси имений, принадлежавших польским магнатам, было определяющим для национальных судеб белорусов в Новое время. Политика проводилась, по сути, в отношении поляков поверх белорусского населения. Этим объясняется и столь позднее введение института земства в Северо-Западном крае и отсутствие институтов социализации, а также университетов. В результате очень скоро само западно-русское движение, состоявшее из интеллигенции, чиновничества и выходцев из крестьян, быстро переориентировалось под воздействием такой имперской политики: одна часть присоединилась к революции, вторая стала пропольской, проевропейской и католической (которая, кстати, до сих пор наиболее активна в белорусском движении). В результате национальное творчество свелось у белорусов лишь к проблеме языка, его развитию, распространению и сохранению. В 1918 г. у белорусов снова была лишь идея и не было практически никаких материальных основ и инфраструктуры для самоопределения. Потому даже Белорусская Народная Республика стала возможной благодаря революции в Петербурге, проходившей по территории Беларуси линии фронта и крушению имперской администрации в Западном

крае. БНР просуществовала всего пять дней в условиях свободы, и все свое время – под немецкой оккупацией, а БССР была создана большевиками в Москве в качестве противомеры этому образованию, причем руководство первоначальной БССР состояло вовсе не из белорусов. И в 1991 г., когда надо было принимать исторические решения, белорусы решений принять не смогли, и все их творчество в этот период свелось к банальному парламентскому голосованию за независимость – голосованию, основанному не на заветных желаниях, а просто на инерции, поскольку все так делали.

- ²⁰ Замечательна первая проповедь, которую произносит Михаил Бобровский по приезду из Европы в 1822 г. в Клещелях. Она целиком характеризует его мировоззрение и объясняет особенности «беларуского дела» (проповедь приводится на русском языке, хотя Бобровский произносил ее на «мове простой»): «Братия! Благодарю Бога, даровавшему мне возможность увидеть опять милую Родину. Как чужбина ни хороша, а все же родина, что своя душа: ее ни на какую другую не променяешь. Но жалко и больно вот что, братья: не добрая молва идет про нас на свете. И земли-то благодатной, – говорят иностранцы, – во сто раз больше у них, чем у нас, и податей они платят по крайней мере в десять раз менее нас... но что и все милости Божии, когда они для них как бы не на яву, когда эти бедные люди не могут никак проснуться от своего невежества! Между тем им стоило бы только открыть глаза да посмотреть. Ведь среди них приютился народ безземельный и бездомный, чуждый привольного труда, безоружный и беззащитный, робкий и уступчивый, не имеющий ни начальников, ни даже святыни, словом, как бы отмеченный особым неблагоговением Божиим. Казалось бы, ему осталось только погибнуть, или, что еще плачевнее, поддерживать свою жалкую жизнь ежедневным выпрашиванием подаяния. И что же? Вышло не то. Безземельные прибрали к своим рукам земледельцев, не владеющие собственностью заправляют собственностью почти всего края, беззащитные и не имеющие вождей сильны взаимной любовью и единодушием, лишенные пастырей и храма знают науку свой закон и свято его хранят до малейшей подробности. И что всего удивительнее, эти люди, по временам жестоко гонимые и обремененные, вынесли и несут сообща всякую невзгоду, остались и остаются изгнанниками, но никогда – рабами! Но туземцы очи имеют и не видят!» То есть это призыв к самосознанию, по-романтически обращенный к прихожанам как части «народа». (цит. по: Бреский, О. Соединя разорванное / О. Бреский // Брестские епархиальные ведомости. 2000. № 19).

- ²¹ Бауэр, О. Национальный вопрос и социал-демократия / О. Бауэр. СПб., 1909.

- ²² Там же. С. 21.

- ²³ Леонтьев, К. Записки отшельника / К. Леонтьев. М., 1993. С. 59. См. 25–26.

- ²⁴ Бауэр, О. Указ. соч. С. 371.

- ²⁵ Там же. С. 115.

- ²⁶ Цит. по: Алексеев, Н. Советский федерализм / Н. Алексеев // Общественные науки и современность. 1992. № 1. С. 110–123.

- 27 Главный герой повести М. Гарэцкага «Дзве душы» (Мінск, 1991).
- 28 Абдзіраловіч, І. Адвечным шляхам / І. Абдзіраловіч // Вобраз-90. Мінск, 1990. С. 43–86.
- 29 Там жа. С. 55.
- 30 Там жа. С. 74.
- 31 Там жа. С. 75.
- 32 Там жа. С. 82.
- 33 Белорусы взаимодействуют с глобальными проблемами в основном как отдельные личности. И социальный перегрев погашается в Беларуси только потому, что территория не очень большая и что существуют открытые границы, куда можно уехать на работу или вообще уехать, а также в силу того, что первичные структуры вообще не склонны к какой-либо конфронтации.
- 34 Примером национализации универсалий являются очевидные попытки национализации Церкви.
- 35 Современные реформаторы это знают из первых рук. Например, при проведении крайне необходимой для Польши децентрализации государственного управления в 1989–1998 гг. очень часто за основу децентрализованной системы пытались взять некие «ментальные карты», «традиционные пространственные идентичности», «исторические традиции» и игнорировали такие факты, как оптимизация управления, пределы пространственного влияния городов и региональных экономик, численность населения и пр. (Janowski, M. Podstawowe założenia reformy ustrojowej w Polsce / M. Janowski // Podstawowe wartości i założenia reformy ustrojowej w Polsce. Warszawa, 1999).
- 36 Беларусь создавалась как *tabula rasa*: вне какой-либо исторической традиции, создавалась как страна сельского пролетариата – воспетого поэтами начала века «серого мужика на серой земле». Причем создатели этой новой Беларуси – выходцы из этого самого шляхетско-крестьянского пролетариата.
- 37 Примером может быть празднование дня рождения «великого белорусского поэта» Адама Мицкевича в Беларуси на государственном уровне, с участием цвета гуманитарной науки. Такая этнизация Мицкевича указывает на полную подмену истории мифом. Истории как таковой нет. Потому белорусы склонны к игре в жизнь. Из такой древней седой старины своей и своего древнего величия можно только играть в жизнь, стилизовать самих себя под свой предполагаемый рост, силу, красоту и мощь и под новое время, поскольку в настоящее в таком образе сложно войти. Еще Беларусь похожа на театр. Здесь играют по согласию в роли, кому какая досталась. Есть время для роли и есть время, очень непродолжительное, для жизни, когда маски сняты. Белорусы играют даже в театре. Актеры играют актеров, а зрители – зрителей. Даже если спектакль неудачен и даже если он откровенно провален, после занавеса в зале – овации и крики «браво!». Ибо так принято делать зрителям, думают белорусы. Артисты говорят, что в Беларуси очень благодарный зритель, зрители оправдываются: «Ну ведь артисты работали...» Реальным является только огосударствленная жизнь, в том числе даже огосударствленная преступность. Создаются даже такие государственные структуры, как

государственный уполномоченный, ответственный за создание и развитие формально самостоятельных общественных объединений (Союз налогоплательщиков, например). В таких условиях элита в Беларуси будет в перспективе отлучена от власти, а власть будет бояться элиты. И эти колебания от белорусофобии к белорусофильству и обратно будут продолжаться всю Новую Историю Беларуси – без институционализации элиты и институционализации нации.

- ³⁸ Бобков, И. Вместо предисловия / И. Бобков, П. Терешкович // Перекрестки. № 1–2. 2004. С. 5.
- ³⁹ Бобков, И. Этика Пограничья: транскультурность как белорусский опыт / И. Бобков // Перекрестки. № 3–4. 2005. С. 128
- ⁴⁰ Там же. С. 128.
- ⁴¹ Антанович, Н.А. Проект идентичности в условиях пограничья / Н.А. Антанович // После империи: исследования восточноевропейского пограничья. Сб. статей / под ред. И. Бобкова, С. Наумовой, П. Терешковича. ЕНУ-International, 2005. С. 138.
- ⁴² Шпарага, О. О необходимости субъективации Пограничья / О. Шпарага // После империи: исследования восточноевропейского пограничья. Сб. статей / под ред. И. Бобкова, С. Наумовой, П. Терешковича. ЕНУ-International, 2005. С. 37.
- ⁴³ Там же. С. 36.
- ⁴⁴ Антанович, Н.А. Методологический анализ пограничья в социально-гуманитарных науках / Н.А. Антанович // После империи: исследования восточноевропейского пограничья. Сб. статей / под ред. И. Бобкова, С. Наумовой, П. Терешковича. ЕНУ-International, 2005. С. 16.
- ⁴⁵ Там же. С. 10.
- ⁴⁶ Бредникова, О. Интерпретируя Погранижье: метафоры «окна», «зеркала» и «витрины» / О. Бредникова // После империи: исследования восточноевропейского пограничья. Сб. статей / под ред. И. Бобкова, С. Наумовой, П. Терешковича. ЕНУ-International, 2005. С. 19.

МУЛЬТИГРАНИЧНОСТЬ И СУБЪЕКТНОСТЬ

Человек не должен зависеть от длины своего меча.
Миямото Мусаси «Книга Пяти Колец»

Дифференциация социального пространства и граница

Практически на протяжении всей ранней истории сообщества людей – это городские сообщества, если город понимать в смысле огороженного, укрепленного места. Библия называет изобретателями городов каинитов – происходящих от Каина племен, отмеченных страхом перед местью за братоубийство. Города – это не только островки в море «дикой природы», это островки в не менее диком социальном море кочующих народов и завоевателей. Такие города окружаются стенами, и границы сообществ в это время очень конкретны – это стены городов.

Каждое поселение в это время – город, села появляются много позже, в эпоху, когда научились строить каменные крепости, обеспечившие охрану не только городского пространства, но и еще определенной территории¹. Села – самостоятельно не защищенные и открытые оседлые поселения – младше городов и лишены в отличие городов какого-либо самостоятельного значения и автаркичности. Появление сел означало усложнение социальной организации, села представляют собой одну из функций усложнившейся социальной организации – их функции свелись к производству продуктов питания и заготовке сырья для промышленности (см. схему 1).

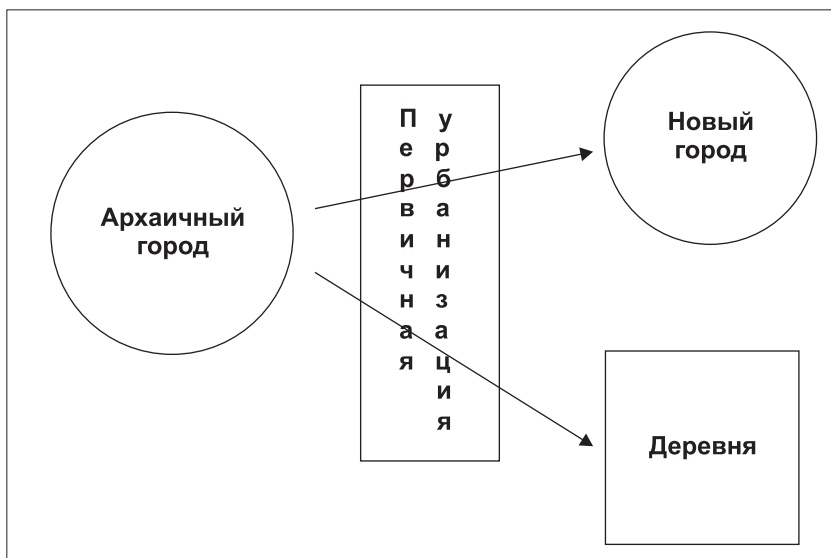
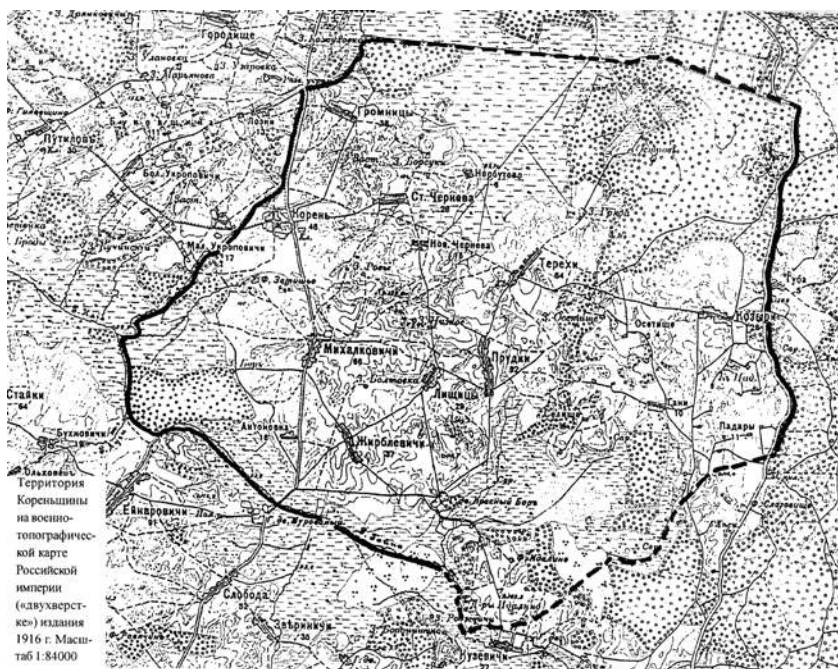

Схема 1

Села в отличие от древних городов – не автаркичны. Для поддержки своего существования они нуждаются не только во внешней охране, но также и в существовании экономических институтов, в первую очередь рынка, объединяющего территорию определенного размера. Потому села ютятся около замков и крепостей, как улитка, прячась под их каменный панцирь во время опасности, и крестьяне везут свою продукцию на рынок, расположенный вне сел, но экономически объединяющий их в одну структуру. Такие территориальные структуры являются весьма устойчивыми² и представляют собой первичные субъекты социального пространства, или структуры первичного уровня. Это город или сельское хозяйство, объединяющее несколько сел вокруг локального рынка. Именно для города и для локального сельского хозяйства свойственно самосознание. Для города – это городское самосознание, зафиксированное в бесчисленных документах по всей Европе³. Для села – это знаменитое самосознание «тутэйшых»⁴, свойственное, однако, не только беларусам, но и всем народам Европы⁵. Все европейцы до определенного момента являются «тутэйшымі». Географически «тутэйшыя» составляют микрорегион, локальное сообщество, объединенное хозяйством, рынком и первичной администрацией⁶.

Обычно такое сообщество складывается на территории диаметром 10–15 км, обусловленной «мерой человека», средним дневным путем. В таком регионе можно наблюдать максимальное совпадение цивилизационных, культурных и политических границ. В нем есть все, что необходимо его жителям, а их социальные функции не требуют освоения большего пространства. Именно потому такое сообщество оказывается предельно неподвижным и практически не поддающимся транзиту. Оно образует структуры, которые остаются, даже если исчезает цивилизация, государство, а само общество терпит абсолютную дезинтеграцию. Первичные сообщества могут также исчезнуть, но пока они существуют, они сохраняют свои основные структуры, основанные в первую очередь на их несложных функциях⁷. Важным свойством таких сообществ является и то, что поскольку первичные сообщества отделены друг от друга границами одного рода, то это означает, что невозможно принадлежать им одновременно. Такого рода структуры претендуют на всего человека. Граница этого сообщества с другим таким же, расположенным по соседству, не способствует социальному движению. Там, за административной границей, порядок может быть лучше или хуже, сообщество более или менее сплоченным, озера – больше и глубже, но ничего принципиально иного в социальной структуре там найти не удастся.

Движение между такими сообществами осуществляется в физическом, а не в социальном пространстве. Потому интересы первичных сообществ направлены внутрь таких сообществ. Они не участвуют в образовании структур более высоких уровней как самостоятельные субъекты. Граница их «нома» практически непроницаема для репрезентации членами таких сообществ⁸, поскольку не включает необходимых для этого действия механизмов. Потому переход через эту границу, переезд на новое место жительства не будет означать никакого социального движения.

Социальное движение обеспечивается не внутри таких сообществ и не между ними, а в области Пограничья, в которой разные типы границ растождествляются, образуя зону для перехода и трансформации. К примеру, однажды деревенского парня призывают в армию. Или дочь оставляет родителей и едет в город учиться в институте, чтобы стать экономистом и никогда уже не вернуться в прежний мир. Или вдруг срывается человек и едет куда-то далеко-далеко – в какой-нибудь монастырь, оставляя свое родное пространство.

Новые субъекты и новые границы

Если периодизировать историю Европы эпохальными событиями, произошедшими в эпоху модерна и изменявшими ее социальную структуру, можно выделить несколько веков:

- религиозные войны XVI в., закончившиеся Вестфальским мирным договором⁹;
- наполеоновские войны, условно закончившиеся Венским конгрессом¹⁰;
- Первая мировая война, закончившаяся Версальским миром¹¹, и Вторая мировая война, закончившаяся образованием Ялтинско-Потсдамского порядка;
- холодная война, закончившаяся распадом СССР, но в результате которой был установлен консенсус относительно демократических принципов и ценностей, лежащих в основе мирового порядка¹².

Во всех этих событиях принимали участие страны Восточной Европы, равно как и Европы Западной. Все эти события так или иначе создавали контексты Пограничья, поскольку в периоды между такими значимыми и революционными событиями происходили незаметные процессы появления новых субъектов мировой истории и выработывались механизмы включения этих субъектов в социальное и публичное пространство.

Ни один из этих процессов не являлся односторонним. Он не вел к окончательному и бесповоротному доминированию одной из сил, участвовавших в событиях, но заканчивался обычно компромиссом, появлением субъектов, взаимообусловленных и взаимозависимых. Так, период религиозных войн воспитал

новых суверенов, которые должны были навести порядок в своих странах и обеспечить им мирное существование. Когда порядок был восстановлен и сформулирована концепция государственного суверенитета, Европа не вернулась к исходному состоянию: этот порядок никогда больше не мыслился вне соблюдения и охраны принципа свободы совести. Так, период религиозных войн окончательно закрепил принцип суверенитета личности – право на инакомыслие, на восстание, на сопротивление, на демократию, – обеспечив светский характер суверенов и образовав современный тип государства – State. Это было также время становления понимания границы как предела власти суверена, абсолютного владыки внутри политических границ. Границы в это время становятся репрезентациями суверена. Но одновременно границы становятся коммуникативными формами, через которые можно «говорить» с сувереном. Границы являют пределы его власти и обозначают формы «общественного договора». Только в таком контексте границы становятся возможными великие буржуазные революции. Такая концепция границы применяется также к иным корпорациям и лежит в основании современной концепции юридического лица. Так был выработан пограничный характер правового статуса и осуществлена его формализация, также концепция правового статуса была распространена на публичную сферу. Именно правовой статус становится такой границей, благодаря которой возможной оказывается коммуникация между частным и публичным.

Будет неверным утверждение, что в Восточной Европе эта модель сложилась позднее, чем в Западной; скорее, нужно говорить о неполной реализации ее в Восточной Европе. И в Речи Посполитой, и тем более в Московской Руси формализация власти была усложнена типом власти (шляхетская республика и тирания были государствами¹³, основанными более на личных отношениях, нежели на формальных), а также более мягко дифференцированной по сравнению с Западной Европой социальной структурой, что предопределило опоздание реализации концепций и принципов, необходимых для существования дифференцированного общества. Между тем эти концепции свободной личности, нации, корпорации присутствовали в Восточной Европе и воздействовали на ее развитие. Но если эти концепции способствовали изменениям в Восточной Европе, то их реализация оказывалась возможной только при появлении новых социальных форм. Процесс формализации власти в Восточной Европе оказался обусловлен, так же как и в Западной, дифференциацией и появлением субъектов, способных, к примеру, ограничивать публичную власть. Вместе с тем частью ограничения власти являлись не следствием компромисса, а результатом самоограничения власти, связанного в первую очередь со слабостью субъектов, могущих самостоятельно осуществлять такого рода ограничение. Об этом могут, к примеру, свидетельствовать данные о динамике городского населения в Речи Посполитой XVI–XVII вв.¹⁴:

Мультиграничность и субъектность

Регионы	1570–1580	1660–1670	Убыль
Великопольша	31	28	3
Малопольша	30	15	16
Мазовия	18	12	6

Для сравнения ниже приведены данные удельного веса городского населения по некоторым странам Западной Европы и России¹⁵:

Регион	%
Россия, середина XVIII в.	7
Англия, до 1700 г.	50
Большая часть Западной Европы до 1700 г.	25

Для Беларуси, Украины, Молдовы показатели численности городского населения еще ниже, чем для Мазовии. Так, в конце XVII – первой половине XVIII в. города Беларуси пришли в упадок, вызванный войной России с Речью Посполитой 1654–1667 гг. и Северной войной 1700–1721 гг. Городское население уменьшилось в 2,5-3(!) раза. Разрушению либо сожжению подверглись Брест, Витебск, Гродно, Докшицы, Клецк, Кобрин, Лида, Минск, Мир, Новогрудок, Несвиж, Пинск, Слуцк и др. Только к концу XVIII в. города вышли из состояния разорения и достигли определенных успехов в экономической жизни. Тем не менее на рубеже XVIII–XIX вв. на территории Беларуси насчитывалось только 40 городов, в которых проживало 93 тыс. человек (около 4% населения). К середине XIX в. численность городского населения достигла 244 тыс. человек. К рубежу 10% численность городского населения подошла к началу XX в. За годы Первой мировой и гражданской войн в результате упадка всех отраслей хозяйства население многих городов Беларуси сократилось. В 1917 г. в них проживало всего 360,4 тыс. человек. Большинство городских поселений составляли местечки и небольшие города (до 10 тыс. человек). Определяющим характер социальной структуры Беларуси стал процесс советской индустриализации. С 1950 г. до XXI в. городское население увеличилось в 4,3 раза, а его удельный вес в общем количестве населения республики составил 70%. В начале 2000 г. в Беларуси имелось 102 города, из них 12 (без Минска) с населением свыше 100 тыс. человек, а также 109 поселков городского типа. 81% всех городских поселений составляют малые города с населением до 20 тыс. человек. Они образуют сравнительно густую сеть, но вместе с тем в них проживает всего 17,3% городского населения. То же касается и Украины, и Молдовы. Если последняя до XX в. была сельскохозяйственной страной, то в Украине происходит более ранняя модернизация в Харьковском регионе, Донбассе, Новороссии. Например, в Харьковском регионе в 1897 г. доля горожан подходила к рубежу в 20%.

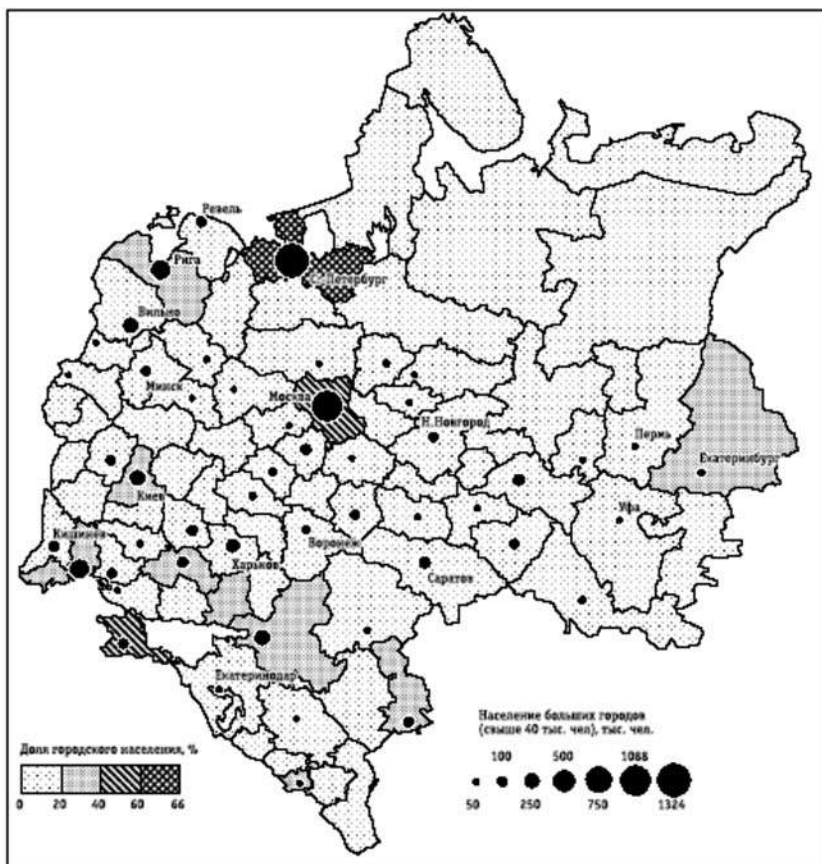

Рис. 1. Урбанизация Восточной Европы 1897 г.

Динамика городского населения в это время – важнейший индикатор социальных перемен, которые не ограничиваются только перетеканием населения и изменением структуры экономики. Увеличение доли городского населения ставит задачи по изменению правовой системы, системы управления, налоговой системы и пр. И если регресс городов в Речи Посполитой в XVII в. указывает на отставание этого региона от модернизационных процессов, на невозможность построения здесь структур, обеспечивших создание новых уровней социальной системы, то урбанизация XX в. была осложнена тем, что города возникали как части единой экономической централизованной системы, в отсутствие город-

ской среды, в отсутствие сообществ горожан, что также препятствовало возникновению механизмов Пограничья.

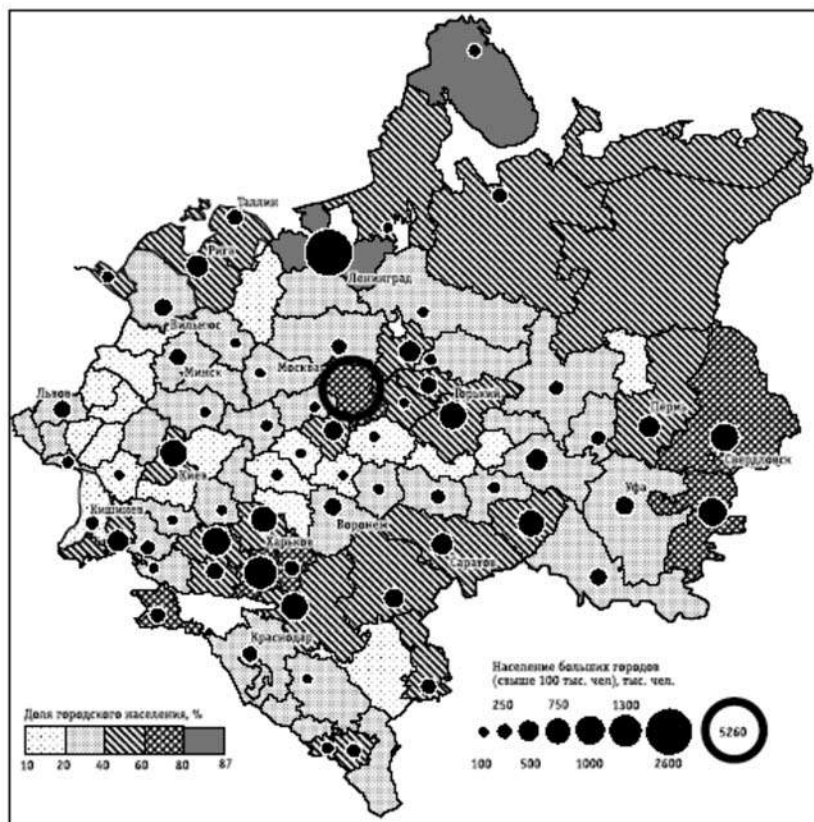

Рис. 2. Урбанизация Восточной Европы 1950 г.

Существуют два рода последствий такого рода социального развития, не обеспечивающего соответствие социальной структуры и политических и экономических форм, и наоборот. Первое связано с экономическим отставанием. Поскольку Речь Посполитая оставалась негородской, а значит – шляхетской республикой, так и не перешедшей к состоянию суверенного государства, то «рыцарский этос склонял к поиску дохода способом военного захвата, а не экономического сотрудничества. Эти интересы также поддерживали начинания правителей, связанных с восточной экспансией»¹⁷. Второй связан с «социальным отставанием», когда проводимая модернизация не создает соответствующую

щих ей социальных форм и институтов, как это было в СССР, так и не создавшем феномена горожанина, гражданина.

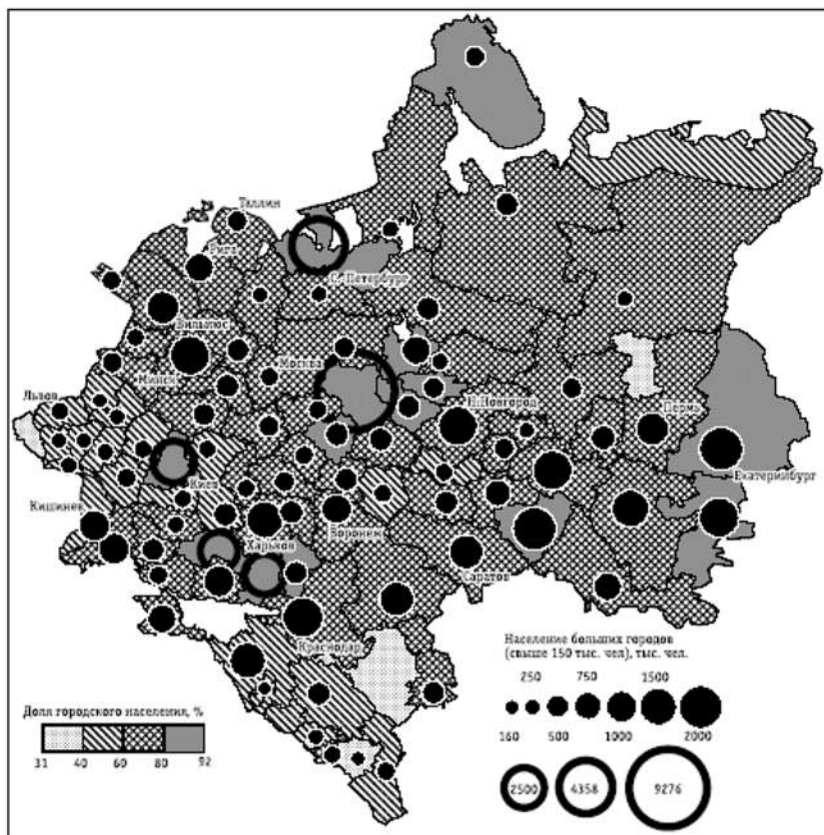

Рис. 3. Урбанизация Восточной Европы 2003 г.¹⁶

Суверенное государство, обеспечивающее состояние консолидации рынка, правил и процедур, отношений между властью и подданными, является непрерывным условием социального движения. Такое государство обусловлено в первую очередь социальной структурой.

Речь Посполитая, не перейдя к состоянию суверенного государства, с четкими не только внешними, но и внутренними границами – между государством и подданными, – является отсталой по сравнению с какими-то другими сообществами, такую консолидацию обеспечившими. Эта задача решается, когда возникают соответствующие субъектные практики. Они возникают в Восточной

Европе только после того, как структуры Речи Посполитой были напрочь разрушены, – после 1918 г. – но уже как целый конгломерат национальных государств, легитимирующих свое существование и свои границы этнической эгалитарной идеей, позволившей сформировать State, суверенное государство. Это потребовало полной перестройки социальной структуры.

***

Между Вестфальским договором и Венским конгрессом происходит становление другого важного субъекта, обеспечившего социальное движение: современной нации, выступившей как субъект публичной политики наряду с государством. Именно в это время происходят Английская, Американская и Французская революции, в которых впервые нации выступают как главные субъекты, добивающиеся своих целей. Появление нации не отрицает существования суверенного государства и личности, наделенной свободой, но радикально реализует принцип равенства граждан, объединенных в единую гражданскую корпорацию. Менее всего данное движение похоже на утопию, по сути, оно завершало процесс, начатый Вестфальским договором и его принципами. Именно в это время Речь Посполитая предпринимает попытку спасения и модернизации сверху, принимая Конституцию, утверждавшую существование такой нации¹⁸. Эта Конституция, которая практически не стала реальной, у которой не было времени для реализации, тем не менее оказала свое действие, учредив новую нацию, ставшую основным субъектом развития в XIX в. В действительности нации в Восточной Европе возникают позже – во время восстаний XIX в. и романтического движения. В основе новой нации лежат правовой порядок и демократические процедуры, принцип равенства в правах граждан, но также – этнический принцип. Развитие культуры в Восточной Европе опережало развитие политических и правовых отношений, и потому культурная идентичность всегда была много сильнее политической.

В период между Венским конгрессом и Версальским мирным договором происходит универсализация европейской цивилизации и постепенное расширение нации до размеров практически всего населения того или иного государства. XIX век был беспрецедентно мирным, динамичным и революционно изменившим образ жизни европейцев. Расширение нации, распространение избирательного права на все новые слои населения приближают нации друг к другу. В это время национализируются локальные сообщества, которые превращаются именно в немецкие, французские, чешские...¹⁹ На этом фоне в Восточной Европе избирательное право не развивается²⁰, нации только-только формируются в кружках романтиков, а первичные сообщества остаются традиционно «тутэйшими». Надо добавить также, что XIX век – это время расцвета

позитивизма, который создает иллюзию возможности по-научному «исправить» неправильное развитие, повести народы к счастью дорогой, которую рассчитали социальные философы, утверждавшие идентичность государства и правопорядка. В XIX в. были заложены основы массовой политики, негражданской, научно обоснованной. Расширение прав субъекта обернулось возможностью осуществления никогда ранее не виданной политики, обращенной на массы.

Между Версалем и Ялтой происходит радикализация всех достижений XIX в., когда они превращаются в свои противоположности. Свобода личности – в коллективные практики, суверенитет – в деспотию, нация, как организация свободных граждан, – в жесткую корпоративную форму, навязывающую идентичность. В это время возникает новая модель государства, опирающегося на массы, новые идеологии, рассчитанные на консолидацию и не доверяющие гражданскому чувству. Но даже эти процессы, которые могут показаться апогеем национализма и коллективизма во всех его разновидностях, не могут полностью характеризовать эпоху, потому что в это же время происходит возрождение и актуализация персонализма – через католическое социальное учение²¹, создание христианских партий, и – возрождение либерализма. Восточная Европа в это время также участвует в процессах, и в ней можно найти все силы и процессы, происходившие в Европе и Америке. Однако хотя в этих процессах участвуют субъекты, на первый взгляд, те же, что и в Западной Европе, – города, предприятия, нации, – но они вступают в социальные отношения совершенно с другими предпосылками и без институциональной поддержки более зрелых структур. Этнонации, население, разделенное на первичные сообщества, нежели структурированное, государство, в котором большее значение имеют идеологические практики консолидации и личные партийные отношения, нежели формализованные правовые. Однако альтернативы, обозначающиеся для этих обществ, такие же, как в Европе. Очень часто процессы в Восточной Европе представляют собой зеркало европейских и, безусловно, с ними связаны.

Проблемы, связанные с преодолением указанных крайностей, разрешались в период между Ялтинскими соглашениями и распадом СССР. В это время происходит становление многосубъектного мультиграничного миропорядка, от которого не были свободны и восточноевропейские сообщества за «железным занавесом». Возникает новый контекст существования нации – глобальный, новые субъекты экономических отношений, развиваются глокализационные процессы, новая локальность, приобретающая международно-правовой статус, – и совершается новое осмысление значения личности. При этом остается необходимость сохранения управляемости и целостности на национальном уровне.

Надо отметить, что на каждом новом этапе дифференциации присутствуют предыдущие субъекты, но меняется их окружение и контексты действия, вернее, число контекстов, в которые они оказываются включены. Наблюдается усложнение таких отношений вопреки тем, кто воспринимает глобализацию как

упрощение. Потому каждый раз возникает дефицит механизмов Пограничья, институтов, позволяющих упорядочивать все усложняющиеся и возрастающие в объеме отношения. К таким механизмам можно отнести международное право, приобретающее верховенство по отношению к внутреннему праву, или внутригосударственные договоры между национальным правительством и локальными структурами. Развивается правозащитное движение, появляется институт гуманитарных интервенций. Каждый из обозначенных переходов содержал в себе вызовы, обращенные ко всем субъектам. Структурное отставание Восточной Европы приводило к необходимости проводить политику следования за мейнстримом – обеспечивать внешние цели модернизации, что влекло за собой разбалансировку между социальной структурой и задачами, стоявшими перед восточноевропейскими сообществами. В Восточной Европе воспроизводились те процессы, которые содержались внутри мейнстрима – к примеру, осуществлялась индустриализация, но одновременно не воспроизводились социальные процессы, сопровождающие индустриализацию. Модернизация оказывалась лишённой социального контекста, Восточная Европа часто следовала за мейнстримом, не имея ресурсов для внутреннего преодоления тех вызовов, которые ставила история. Эти отставания необходимо обозначить как отставания в построении контекста Пограничья.

Цивилизация – варварство

В период после Ялтинского мира наблюдаются первые признаки помещения внутрь Европы границы «варварство – цивилизация». Возникает нормативный порядок, позволяющий оценивать фактическое состояние того или иного сообщества по отношению к определенной норме. В рамках нового дискурса происходит позиционирование Восточной Европы как пространства недоцивилизации, варварства, анти-Европы. Вместе с тем именно такой конструкт позволяет говорить о процессах, происходящих в Восточной Европе, и отношении Западной Европы к Восточной как о специфическом внутриевропейском процессе. Клод Росон применяет к таким отношениям метафоры Д. Свифта, указывая, что «Путешествия Гулливера» являются своего рода «местом встречи для нескольких самых тревожных нравственных ужасов последних пятисот лет»²²: трагедии индейцев в завоеванной европейцами Америке и, шире, – европейской политики по отношению к народам других ареалов; восприятия «бедняков» как низшей расы во внутригосударственных границах; подавления Англией Ирландии и, наконец, холокоста – катастрофы мирового еврейства в 1930–1940 гг. К этому перечню необходимо добавить и отношение к Восточной Европе, отчасти осознанное по отношению к Польше, Венгрии, Словакии, Литве, и неосмысленное в отношении к Беларуси, Украине, Молдове.

Тщетно за разъяснениями существа Восточной Европы обращаться к современным историкам, написавшим этнонациональные истории своих отечеств. Историки современности национализировали историю Восточной Европы, которая до XIX в. не была национальной²³. Они сделали это из благородных стремлений обрести почву под ногами, догнать модернизационные процессы. Очень часто получалось так, что национализация истории обращалась потерей перспективы будущего, которому также отказывается в общих универсальных принципах, на которых основаны общности данной земли. Историки подчеркивают рубежное значение границы, в их проектах граница выступает в качестве предела – в частности, предела национального мира. Но граница также выступает организующим началом и коммуникатором в случае создания механизмов Пограничья.

И потому оказывается, что историки наций видят только то, что желают сами видеть. Историки XIX–XX вв. вновь создали дихотомию «цивилизация – варварство», поместив ее внутрь европейского цивилизационного пространства. Этому времени принадлежат дискуссии о Германии как о Востоке, о России и Европе, о пересечении цивилизаций и т.д. Нарождение современных национальных государств в Европе стало вызовом для ее цивилизационной целостности. Историки утверждают, что там, за рубежом, нет ничего родственного, что там – чужие, никак не связанные с нами, абсолютно враждебные, абсолютно не-похожие, противоположные. Цивилизация – это мы. За границами нашего государства – варварство и враги. Так национальное внимание сосредоточивается на факте границы, за пределами осмысления остается главное – то, ради чего существует сама граница. Так контуры ложатся поперек листа, затемняя суть изображенного на нем лица. Но истории наций Европы, собранные в одной библиотеке, – это снова же история Пограничья – возникновения границ субъектов, которые тем не менее развиваются по общим для них основаниям, спорят друг с другом, даже если изо всех сил пытаются доказать свою инаковость.

Безусловно, что взгляд, обращенный из разных стран на одну историю, видит разное. Так и должно быть. Но при этом также необходимо научиться видеть сразу из всех точек. Или видеть среду, в которой существует видимое различие. И тогда перед нами откроется лицо Восточной Европы, составленное множеством тонов и полутонов, тонких и широких линий. Восточная Европа состоит не только из национальных государств, но также из разнообразных корпораций и личностей. Это открытие Восточной Европы как пространства, нуждающегося и производящего эффект Пограничья, как единой традиции, основанной на актуализации значения личности через создание механизмов согласования культурных, политических, цивилизационных, корпоративных и персональных границ. В этом процессе не может быть отставания. Такой процесс происходит постоянно, необходимо только начать с него, а не с каких-то дополнительных целей. Только с этих разделенных и противоположных точек зрения сегодня

возможно увидеть образ Восточной Европы в прошлом и его продолжение в настоящем и будущем.

Общность

История отдельных народов и отдельных современных стран, находящихся к востоку от Одера, – не самостоятельна. Нельзя писать историю современных наций «от начала». Потому что такого начала в прошлом не было²⁴. Современные нации не могут вполне национализировать свое прошлое вне контекста Пограничья²⁵, не признавая себя относительным субъектом, встроенным в более широкую систему коммуникаций. Только таким способом – через отказ от абсолютизации себя в качестве единственного субъекта истории – можно создавать национальную традицию. И тогда сама нация может быть интерпретирована не как некая социобиологическая субстанция, а как механизм поддержания коммуникации в обществе Пограничья. Р. Брубейкер заметил, что, вместо того, чтобы рассматривать нацию как субстанциальную сущность, надо видеть народ как реальную группу²⁶. Прошлое, часто только воображаемое, заслоняет от нас в субстанционалистских проектах реальных субъектов истории. Любой из субстанционалистов в разговоре о Беларуси с большей охотой говорит о XV в., а не о XXI. Это означает только одно – кончину теории субстанциализма. Современная теория Восточной Европы как пространства Пограничья должна концентрироваться на структуре и механизмах открытых национальных отношений и основных идентификационных практик в открытой национальной системе, складывающейся из множества дееспособных субъектов. В такой перспективе нация предстает как практическая категория, описывающая механизмы поддержания коммуникации в сложном гетерогенном обществе, и явление, имеющее когнитивные, а не только мифологические основания.

Мультиграничность Восточной Европы позволяет представить ее общества как современные современные общества и, что очень важно, деконструировать образы Беларуси, Польши, Украины, России – в контексте современного общества. Мифы казачества, сарматизма, дворянства, шляхетства, составляющие основы субстанциалистских национальных теорий, – мертвые мифы, как мертвы любые холистические представления о Восточной Европе. С обществами Восточной Европы произошли – раньше или позже – события, описание которых можно прочесть в учебниках по средневековому семейному праву, в разделе, посвященном процедуре определения наследников в системе майората. Старшие сыновья получают какую-то часть имущества. Младший не получает ничего или в лучшем случае – кота. Суть истории стран Восточной Европы заключается в том, что все получили почти ничего. Все они запоздали с модернизацией. Это означает, что в какой-то степени запоздали с осмыслением и использованием

практик Пограничья, сосредоточившись в XX в. на построении этнонациональных государств. Но общества Восточной Европы тем не менее фактически являются мультиграницными и мультисубъектными. Модернизационное опоздание локализовалось в сфере процедур, почему его корректнее обозначать другим термином – «дисфункционализм» – в области управления и самоуправления, в состоянии дефицита инструментов, позволяющих эффективно разрешать сложившееся мультиграницное состояние обществ²⁷. Дисфункции необходимо рассматривать вне зависимости от фактора внешних систем (в том числе – Запада), это процедуральные процессы, обусловленные внутренним развитием. Трансформации, которые эти общества должны совершать и совершают с разной степенью успеха, нельзя рассматривать как переход на Запад, хотя они совершаются, безусловно, под воздействием Запада. Этот переход изначально находится в области нахождения процедур, соответствующих все более усложняющейся структуре общества и актуализации в ней принципа персонализма. Этот переход является частью мировых модернизационных трансформаций, ядром которых являются западные общества. Перед Восточной Европой, как и перед ЕС, стоит вопрос о политических и цивилизационных, а также культурных и персональных границах и их взаимодействии. Безусловно, что мы имеем дело не просто с теорией и практикой транзита, а с трансформацией всего поствестфальского и постялтинского мироустройства, что одинаково актуально для Европы в целом²⁸. Дисфункционализм Восточной Европы – это общая проблема европейской цивилизации²⁹.

Фронтир

Первичные сообщества сами не изменяются, но на их культурных и цивилизационных границах возможно возникновение «социальных лифтов», или же *фронтиров*³⁰. Фронтиры не предназначены для первичных структур, но только для членов таких структур, облегчая им социальное движение, которое до становления фронтаира всегда имеет эпизодический и случайный характер. Сами первичные сообщества не являются творцами социальных лифтов, они не эволюционируют. Фронтиры – это творение одиночек, пионеров.

Новые институты и уровни организации не уничтожают первичные структуры, но дают их членам альтернативы в социализации. Социальное пространство усложняется не через развитие первичных структур, но через появление новых суперструктур, учитывающих существование первичных, но не предусмотренных их логикой. Такие структуры, предполагающие сохранение социальной эффективности и стабильности, возможны только тогда, когда возникают пограничные механизмы взаимодействия различных уровней между собой, т.е. когда выстраивается система лифтов и фронтиров, обеспечивающих социаль-

ное движение и взаимодействие различных уровней между собой. Сами лифты не образуют самостоятельных социальных явлений, они всегда – часть чего-то еще. К примеру, университеты – часть Церкви, государства либо гражданского общества. Особенностью лифтов является то, что в процессе своей работы они не только воспроизводят самих себя, но и кардинально изменяют социальное пространство. Их можно уподобить гигантским машинам, создающим социум в новом качестве. Решающее значение в таком процессе имеет сбалансированность работы таких механизмов с возможностями тех структур, которые подвергаются переструктурированию.

Надо различать социальное движение, возникающее по причине социальной дифференциации (вне зависимости от импульсов, лежащих в его основе, такими фронтами могут выступать: колонизация новых земель, миссионерство, торговля, урбанизация, индустриализация, система образования, инновационная деятельность, представительство) и социальное движение, обусловленное индивидуальной стратегией (так человек может становиться монахом, пиратом, путешественником). Это две составляющие одного процесса, и, когда происходит разрыв между ними, это означает одно из двух: либо социальное движение является принудительной мерой (поскольку в нем нет места для индивидуальной стратегии), либо в обществе нет соответствующего института (лифта), и социальное движение может совершаться только на основе личных действий и личного выбора.

Только сообщества, снабженные «лифтами», могут создавать макро-сообщества второго, третьего и прочих уровней, включающих не сами первичные сообщества, а отдельных людей, вышедших за пределы первичных сообществ. Очевидно, что потребность во фронтире возникает только по причине усложнения социальной структуры и появления эффекта контакта границ разной природы. Вышедшие за пределы первичного сообщества вынуждены согласовывать такого рода границы в самих себе. Снова же их новое социальное окружение также оценивает и обуславливает новичка границами того или иного рода. Выход за пределы первичных структур – это не выход в социальную пустоту. Однако существует, вероятно, всего два варианта того, что может случиться с человеком, сделавшим такой шаг. Он получит возможность самостоятельного действия или же он не получит такой возможности. В первом случае мы можем наблюдать городскую революцию в Европе XII–XIII вв., создавшую бесчисленное количество новых и разнообразных институтов, рассчитанных на активность горожан. Во втором случае мы видим крепостную урбанизацию в России XVIII в., в котором было основано 165 новых городов (рост почти в 2 раза), но не было создано характерных для Европы городских институтов, поскольку горожан в европейском понимании в российских городах не было практически до второй половины XIX в.³¹ Последний вид урбанизации представляет собой неизбежно экстенсивный способ развития первичных социаль-

ных структур, повторенный в СССР в период индустриализации и захвативший полностью Украину, Беларусь и Молдову. Первичные структуры остаются неизменными, но снабжаются дополнительными функциями, при этом их границы остаются монолитными и непроницаемыми для субъектов, принадлежащих таким структурам. Такие структуры имитируют совершившееся социальное движение, не совершая его в действительности.

И структурировать такое пространство непросто, а иногда невозможно, потому что подлинных центров внутри восточноевропейского города практически не существует, вернее, они – археологический факт, погребенный под «городской» политикой Российской империи и СССР³². Это его самое кардинальное отличие от европейского города с его структурообразующими собором, рынком и ратушей, и кладбищем. Восточноевропейские города начисто лишены какого бы то ни было центра и всегда зависят от столиц. В них нет центров, эти центры только обозначены как слабое волнение былого в их монотонном пространстве (к примеру, Минская ратуша совершенно одинока в городском пространстве). В этих городах нет горожан, а есть население. Эти города не что иное, как обычные поселения, элемент чего-то большего, по величине своей почти непроглядного, а потому безразличного. Подлинный центр всего восточноевропейского пространства – всегда где-то в столице. Эта централизованность менее заметна в Украине, более заметна в Беларуси. И на самом деле границей между Европой и не-Европой является не остановившийся в Западной Беларуси и Украине фронтир готики (по Хантингтону), а вот эта археологическая линия, включающая в себя самоуправляющиеся города, расположенная на территории Беларуси, Украины, Молдовы и захватывающая отдельные регионы России.

Вторичная урбанизация: образование современных наций

Если первичная урбанизация основана на социальной дифференциации, разделении функций между нарождающимся селом и городскими центрами, то вторичная урбанизация представляет собой превращение городских сообществ в одно суперсообщество, затем включающее в себя все население страны. Такое суперсообщество получило в европейской традиции наименование нации³³.

Нация является такой социальной формой, которая возникает не просто в результате усложнения и дифференциации организации социума, а в результате изобретения механизмов, позволяющих организовать единый порядок на определенной территории и включить в публичное пространство субъектов, возникших в результате более ранней дифференциации, освободив их от власти границ первичных сообществ. Нация – больше, чем форма сельской или городской общины, основанной на родовой или экономической солидарности.

Нация изначально – понятие элитарное, потому что и возникает как новый, более высокий уровень социальной организации. К нации на исходе средних веков относится только 5–15% населения той или иной страны. Но именно эти 5–15% населения и составляли публичную сферу, образовывали особые коммуникативные и интеграционные практики, которые в силу своей инновационности и технической сложности не могли быть распространены тотчас же на все население.

Нация появляется в истории как народ-государство, обеспечивший безопасность собственных границ и организовавший порядок внутри этих границ на основе унифицированных принципов. Можно сказать, что в государстве-нации города смыкаются стенами и прижимаются друг к другу, образуя один мегагород. Соприкоснувшиеся стены государств, перенесение границ на внешние границы освобождают города от их крепостных стен. Города превращаются с падением своих крепостей в нечто новое, и уже села снова становятся похожи на города. Любая программа модернизации в развивающихся странах XX в. содержала обязательный пункт о сближении города и деревни³⁴. Сближение города и деревни означает изменение социального пространства, по существу исчезновение города в том виде, в котором он существовал до сих пор. До этого города – космос человека. Но в процессе вторичной урбанизации город перестает быть замкнутой системой, оказывается ключом и воротами к новому миру и, собственно, самим новым миром.

Очень важно знать и понимать, что в этом новом мире происходит с первичными структурами. Внутренние границы, образующие данное сообщество, усложняются. Усложняется и внешняя граница. На первый взгляд может показаться, что внутренние границы, в том числе и границы первичных сообществ, исчезают. На самом деле они только изменяются, становятся более скрытыми и индивидуализированными, на самом деле их количество увеличивается, как и растет число контекстов, в которых может оказаться человек. Первичные структуры остаются, но также индивидуализируются. В этом пространстве человек впервые оказывается надежно защищенным от воздействия природы, впервые он оказывается живущим не во «флоре и фауне», а в социуме, мире социума и политики. Его окружает цивилизация – не лес, а дороги, здания, и услуги, и корпорации. В этом пространстве у него впервые появляются альтернативы собственной идентификации и происходит его эмансипация от корпоративной принадлежности, в том числе – от принадлежности к первичным структурам³⁵. Для успеха процесса вторичной урбанизации важно, чтобы первичные структуры не уничтожились и для субъекта всегда оставалась возможность остаться на прежнем уровне. В противном случае происходит «зависание» структур второго и последующего порядка и выхолащиваются стратегии личностного поведения, состоящие в согласовании границ разной природы. Подавление или разрушение первичных структур подрывает целостность структур более высо-

кого уровня и косвенно ведет к регрессу последних, вызывая в них процесс уподобления первичным структурам.

Для появления нации необходимо обеспечить единый порядок на определенной территории, состоящей не только из сообществ индивидов, но и из самих индивидов, для части которых существуют открытые пути попадания в «нацию». Именно потому можно утверждать, что нация и традиционное государство различаются именно в степени персонификации политики. Для традиционного государства политика – персонифицирована, как персонифицированы отношения в первичных структурах (Другой – это всегда конкретный человек, – сосед Вася или кум Петя). Правило персонификации в традиционном государстве распространяется даже на те случаи, когда субъектом политики являются корпорации, поскольку корпорация возглавляется конкретным лицом. В нации политика деперсонифицирована, даже когда касается конкретного человека. Нация ориентирована на статус, а не на лицо.

Только такая ситуация позволяет выстраивать новый порядок, в котором сохранялась бы дискурсивность отношений (сам статус – дискурсивно) и одновременно развитие такого порядка опиралось бы на институционализированные в статусе личностные практики преодоления и согласования внутренних границ. Принципы организации социального пространства в этом случае эмансипируются от состояния конкретного субъекта, что позволяет стандартизировать правила и процедуры публичной жизни в огромных сообществах. Нечто подобное создавал уже Рим. Тогда появляются таможни, границы, пропускные пункты, и визы, и заставы, и оборонные валы, и *jus gentium*. Эти механизмы нужны не для уничтожения всевозможных субъектов социального пространства, но именно для того, чтобы, не упрощая самих сообществ, согласовать их поведение и цели со стратегией более сложной системы. Особенно важно и наглядно значение для такого процесса *jus gentium*³⁶.

Так, процесс возникновения нации, очевидно, возможен только на основе ранее осуществившейся урбанизации и является ее продолжением. Очевидно, что и становление некой глобальной нации³⁷ (так же как и классическая нация – малочисленной в начале) возможно только на основе национального государства, тех процедур и правил, которые развило национальное государство, и созданием новых фронтиров глобального масштаба. Глобализацию можно в таком случае назвать третичной урбанизацией (см. схему 2).

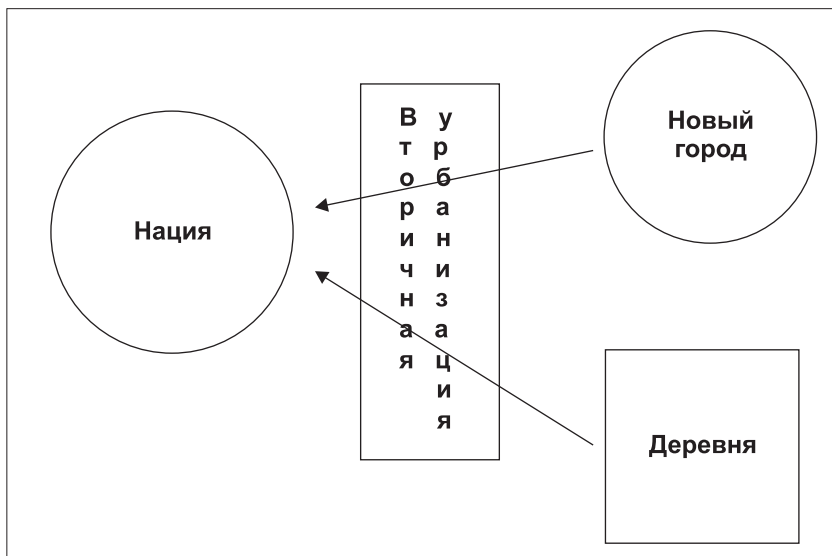

Схема 2

Несубстанциальность нации

Главный вопрос, возникающий из описания процессов урбанизации, заключается в том, какая именно модель нации образуется на основе того или иного типа урбанизации? В основании урбанизации лежит слишком много переменных, для того чтобы этот процесс происходил гладко и последовательно везде, где он осуществляется. И если (гипотетично) для него наиболее важным является возможность человека, принадлежащего определенному социальному сообществу – сельской общине, семье, роду и пр., – оказаться в другом контексте, где границы общины, семьи, рода не будут иметь прежнего значения, – то наибольшим ресурсом в таком процессе оказывается свобода этого человека и его возможность согласования различного рода границ и практик. Поскольку трудно представить, что все люди способны на такого рода поступки, для подобной трансформации необходимы определенные пограничные механизмы, с помощью которых человек был бы способен преодолевать такого рода границы. Часто ошибочно в качестве таких механизмов называется общий язык, правовая система, религия, «национальное самосознание», как будто для возникновения нации человеку необходимо научиться всем этим вещам. При этом не замечают скрытого в такой логике тоталитарного подхода и свирепости на-

ционалистических практик. Очевидно, что и язык, и религия, и «национальное самосознание» – прежде всего следствие становления единого порядка более высокого, нежели первичный, уровня, основа которого – в практиках объединения, в эффективности механизмов перехода и интеграции человека на более высоком уровне, следствие возможности реализации человеком своей свободы. Поиск этого «Я» лежит в основе всякого социального процесса. Главным и определяющим же признаком становления структуры более высокого уровня является появление институтов, не входящих ни в одну из существующих общностей и корпораций и обладающих неведомой, новой и потрясающей возможностью формировать новые структуры, рассчитанные на свободную личность. Так именно возникли университеты, так возникла Церковь, так возникла наука и пр. Они не входят поначалу ни в одно из существующих сообществ, но они меняют все сообщества – от начала и до конца. Именно эти институты способны формировать новые структуры. И наоборот, никакие структуры не могут вызвать к жизни инструменты Пограничья, собственным основанием которых является только свобода человека и его способность создавать новые вещи и контексты.

Модели национального государства, капиталистической экономики, гражданского общества созданы из расчета существования свободной, ответственной, самостоятельной личности и автономных ассоциаций таких личностей, что само по себе является задачей для сообществ, претерпевающих трансформации. Модернизация отодвинула на другой план этнические идентичности сообществ, потому что национальная идентичность была самой естественной, демократичной, рассчитанной на личность вне ее социального положения, противостоящей старой системе³⁸. Именно национальная модернизация приводит к эффекту максимальной индивидуализации личности³⁹ и вызывает последствия, заключающиеся в образовании национального языка как языка коммуникации огромного сообщества, национальной школы как фронта, обеспечивающего социализацию, и пр.

Модернизация вызвала к жизни не только новые нации и национальные государства, пришедшее на смену королевствам, основанным на личных отношениях. Модернизация освободила энергию человеческих сообществ, предоставив личности возможность действовать сообразно собственной логике действия и интересов. Национальное государство – это первая попытка найти форму сосуществования для людей, статус которых не определен заранее, людей, получивших в свое распоряжение мобильность и свободу. В этом случае модернизация повлекла за собой переструктурирование систем коммуникаций в современном мире. Мир стал гораздо более сложным, потому что в нем появилось больше разнообразных субъектов. Мир стал более сложным, потому что в нем появилось гораздо больше границ, гораздо больше контактов и контекстов таких контактов. Модернизация для любой части современного мира в первую очередь

означает реструктурирование собственной инфраструктуры и инфраструктуры своих границ. Этот процесс также должен описываться как пограничная ситуация. В самом субъекте возникают три принципиально разные реальности собственного прошлого, настоящего и будущего, которые необходимо согласовать, обеспечив собственную устойчивость.

Ситуацию Пограничья можно обозначить как универсальную ситуацию Нового времени, определяемую не только культурными и цивилизационными масштабами, но и масштабами отдельной личности.

«Тутэйшыя» и образование нации

Невозможно быть крестьянином и горожанином одновременно. Но становится ли горожанином крестьянин, переезжающий в город? Каковы механизмы действительного социального движения? В процессе очень быстрой индустриализации в Восточной Европе город вбирает в себя деревни посредством определенных социальных лифтов – учебных заведений, армии, производства. Но при этом сам город в Восточной Европе в значимой для современного ее населения исторической перспективе никогда не образовывал сообщества второго уровня, которое бы сплачивало людей. Восточная Европа даже сегодня – это все еще конгломерат первичных сообществ (из которого можно месить какое угодно тесто) с причудливо вкрапленными в него разнообразными демонтированными и полудемонтированными лифтами, никуда не ведущими. Учебные заведения, или армия, или организации и заводы, обычно выполняющие функции «социальных лифтов», в Восточной Европе сами становились именно такими сообществами более высокого, чем первичный, уровня⁴⁰. Это выглядит так, как если бы человек отправился на лифте на 4-й этаж в свою квартиру, но по какой-то причине не доехал и остался жить в лифте. Множество фронтиров в Восточной Европе вместо свободного пространства, предназначенного для освоения и возделывания, перед собой имеют стену, им некуда развиваться, и потому они только имитируют функции фронта. На самом же деле именно фронт, по каким-то причинам не выполняющий своих функций, является подлинным сообществом Восточной Европы. Это означает консервацию социального пространства Восточной Европы в довольно-таки архаическом состоянии: город, поглощая деревню, не создает новых уровней социальной организации, повторяя структуры первичных сообществ.

Однако если для субъекта первичного сообщества вполне допустимо и нормально определение «Я – местный», то для попавших или отправившихся на иные уровни социальной организации знание о своей принадлежности, не столько географической, сколько социальной, – обязательно. Но если социальная система не обладает механизмами его действительного включения в

социальные структуры второго и последующего уровней, ему остается довольствоваться только той или иной идеологией, заменяющей реальные коммуникативные практики. Именно на неудавшейся урбанизации зиждется вся массовая политика XX в. Потому что только сообщества второго и последующих уровней и реальная включенность в организацию иного порядка, чем первичная, производят новое общество. В Восточной Европе достаточно трудно осуществить такую включенность, а потому сохраняется «тутэйшасць» сознания. Именно потому в Восточной Европе оказывается затруднено социальное движение, возникающее как эффект личной стратегии. К примеру, затруднено изменение социального статуса, поскольку индикаторы социального движения разбалансированы, всегда существует опасность, что социального движения, при всех затраченных усилиях, не происходит, что, выйдя из одного первичного сообщества, можно не попасть в другое, а в лучшем случае – застрять в лифте. Так происходит потому, что если имитировать структуры второго и последующих уровней можно с большой степенью правдоподобия, то законы социального взаимодействия имитировать невозможно, а потому в имитированных сообществах работают только такие законы, какие могут работать в первичных сообществах. Такая система освобождает личность от работы по согласованию различных порядков, что в конце концов означает освобождение от самой личности. «Тутэйшасць» в такой перспективе оказывается антиномией модерна, она ориентирована на изоляционистские практики, не признающие Другого, не признающие иной мир и иную социальную личность. Вряд ли «тутэйшасць» стоит рассматривать как свойство, определяющее самосознание белорусов и других народов Восточной Европы⁴¹.

Состояние «тутэйшасці» сохраняется до того момента, когда приходится производить оценку самого себя и своих ценностей, сравнивая, например, себя с другими. Мир усложняется, горизонты раскрываются, и вместо немцев, варваров и драконов за границей появляются партнеры, друзья, союзники и враги, язык которых становится понятным. И появляются новые категории и обобщения. Это благоприятный момент для возникновения новых институтов и смысловых схем, необходимых для существования в таком мире, ставшем из максимально реального «соседского» абстрактным и очень широким. Так возникает представление о Церкви, о христианском мире, о Руси, о Европе и т.д.⁴²

Развитие сообществ Восточной Европы на протяжении последних 100–150 лет можно обозначить как попытку движения от самосознания «тутэйшых» к формированию различного рода социальных структур, представляющих собой более высокий порядок организации – второго и последующих уровней. Однако эти попытки предпринимались тогда, когда на территории Восточной Европы уже существовали организации второго и последующих уровней. Белорусские, украинские и молдавские земли, находясь в составе Российской империи или СССР, испытывали на себе становление имперских структур второго

порядка. Будет неверным не видеть формирование национальных⁴³ (не этнических, а именно национальных) структур в границах Российской империи. Потому любая попытка сформировать собственный «локальный» национальный проект на территории империи сталкивалась с реакцией империи. Однако судьба национальных проектов решалась даже не реакцией империи, а самой их нецелостностью, поскольку они всегда выступают как конкурирующие проекты, вступающие в конфликт с имперским национальным проектом, да и с любым иным, который организует данную территорию. Неудачи, сопровождавшие беларуское или украинское национальное движение, надо связывать именно с отсутствием у Беларуси или Украины во время попыток такой организации подлинной внешней границы (пусть даже в том виде, которой располагало Царство Польское) и институтов пограничья, которые бы связывали население этого региона в первую очередь с Беларусью или Украиной и уж затем – с имперскими структурами. Но у России и, в принципе, у СССР не было подобного видения самих себя⁴⁴. Россия не знала и не воспринимала идею федерации, а потому внутри ее возникали конфликты между национально-этническими проектами и имперским проектом, между которыми не было создано ни одного механизма перехода и согласования.

Замечательно, что практически все этнонациональные движения в Российской империи накануне и даже после ее краха выступали именно за идею федерализации империи⁴⁵, не претендуя, пусть и до времени, на большее.

Особенности Восточной Европы состоят в наблюдающемся на протяжении всего Нового времени во всех ее частях несовпадении суперструктур и фронтиров. Фронтир – это институт, рассчитанный на использование в рамках индивидуальной стратегии. Фронтир имеет смысл только тогда, когда существует некая суперструктура как область освоения для индивида. Такой суперструктурой для членов сообществ Восточной Европы до 1917 г. оставалась Россия. Но Россия не допускала существования фронтиров для локальных суперструктур. К примеру, на территории Беларуси в важнейший для нее XIX в. отсутствовали университеты, была деструктурирована и политизирована церковная жизнь. Потому здесь, естественно, возникали противоречия и конфликты – между теми силами, которые претендовали на строительство нации.

Потому беларус или украинец мог в своих индивидуальных практиках либо использовать существующие фронтиры, либо иммигрировать, либо подпольно создавать параллельную имперской реальность. На деле реализовывались сразу три схемы. Ни одна из них к 1917 г. не привела к образованию в Восточной Европе украинского, беларуского или молдавского публичного пространства. Необходимо было случиться войне, оккупации, столкновению империй, проведению новых границ, для того чтобы индивидуальные стратегии могли сделать такие публичные пространства приемлемыми и привлекательными для этнических элит украинцев, беларусов и молдаван.

Аналогично, модернизация советского периода предоставила Восточной Европе лифты, намного превышавшие ее потребности, вынося беларусов, украинцев, молдаван на уровень публичной сферы суперструктуры «советского народа» и советских институтов. Вместе с тем публичного пространства локального уровня в СССР также не было создано.

Так, суперструктуры имперского и локального уровней в отсутствие механизмов взаимодействия ослабляли одна другую, усиливая дисбаланс системы. Это означало неустойчивость первичных структур, потерю корней самим человеком и формирование достаточно слабых имперских институтов. Очень показательно, что на территории бывшего СССР так и не сложилась партия его защитников – причиной этому является фрагментированность советских суперструктур и отсутствие подлинной связи имперских структур с локальными и первичными. Гениально приключения человека в подобной системе показал А. Мрый в «Записках Самсона Самосуя».

Конфликт границ

При использовании социального лифта человек может отождествлять себя не только с первичным сообществом, но также и с сообществами иных уровней. При этом ни одна из принадлежностей человека не будет определять его полностью, что означает, что он не является больше «тутэйшым».

Появляется внутренний конфликт и диалог таких идентичностей, а также дискурсов истолкования чужих поступков⁴⁶. В Восточной Европе напряженность в конфликте границ очень высока, что указывает только на то, что процессы построения суперструктур не завершены и что сами суперструктуры не успели сложиться до настоящего времени. Часто общества Восточной Европы характеризуют как расколотые⁴⁷. Украина – на Запад и Восток, Беларусь – на сторонников и противников А. Лукашенко, Молдова – сугубо расколотая на Приднестровье и Молдову, на румын и молдаван. Однако это, в принципе, благоприятный признак того, что эти общества еще можно подвергать трансформациям, что они отзывчивы и восприимчивы к переменам. И главным фактором, воздействующим на процесс трансформаций в Восточной Европе, выступает то, что сегодня Восточная Европа представлена в виде национальных государств и в ней впервые стабилизировались политические границы. Отличие сегодняшней ситуации заключается в том, что эти национальные государства существуют не в контексте второй урбанизации, а в контексте третьей глобальной урбанизации, оказывающей определяющее влияние на внутренние процессы.

Модернизация, создав национальные государства, провела новые политические границы в Европе в целом, как в Западной, так и в Восточной. Модернизация изменила во многом значение политических границ, выхолостив их куль-

турную составляющую. Границы стали одним из инструментов современного общества. Там, где не удалось выстроить новые политические границы, отразившие совершившееся социальное движение, не осуществлялась модернизация, потому что так и не была создана нация. Можно утверждать, что она создается внешними границами и властью более, чем какими-то другими инструментами. Подвижность границ в Восточной Европе на протяжении XIX–XX вв. имеет решающее значение, определившее трудности строительства нации. Без таких границ общество лишается своих опор, а также плохо действует система социальных лифтов. Вместе с тем модернизация основывалась на новом значении человеческой личности, на увеличении шансов личности. Но личность не может развиваться только в первичном сообществе или вне отсутствия публичного пространства нации. Эти процессы оказываются взаимосвязанными.

Точкой пересечения проблематики становится не общество, а личность, которая интерпретирует собственные идентичности. Объектом проектирования становится не личность, а фронтиры, обеспечивающие социальную динамику и реализацию личности. Публичная сфера избавляется от несвойственной ей функции интерпретации идентичностей составляющих ее личностей. Этим обусловлены болезненные процессы в модерне, связанные с эмансипацией личности и кризисом старых, традиционных этических систем, а также моделей социальной интеграции. Вместе с тем необходимо помнить, что возникновение фронтиров и новых форм социальной интеграции не является чем-то заданным, оставаясь только возможностью.

Генезис Восточной Европы

Необходимо подчеркнуть, что модерн видит общество именно как пространство Пограничья. Граница выступает в нем одним из самых значимых ресурсов и механизмов взаимодействия. Граница является в модерне атрибутом суверенитета – как национального, так и корпоративного, и персонального, и одновременно – важнейшим инструментом коммуникации. Граница в Новое время благодаря мультисубъектности предполагает существование Пограничья – сферы обмена, перехода, узнавания, контакта, движения. Собственно, граница в модерне существует только в целях создания контекста Пограничья. Отступление от такого принципа границы является сворачиванием процесса модерна. Каждый раз отказ от понимания границы как инструмента Пограничья оборачивается упрощением социальных процессов, если только не происходит трансформация границы, перемещение ее, что обязательно сопровождается процессами усложнения социума.

Современная Европа представляет собой пересечение и совмещение самых разных границ, в том числе и между собой сегодняшней и собой вчерашней и

завтрашней, поскольку ее разные части по разным причинам принадлежат ее разным эпохам, потому что социальные процессы не протекают синхронно. Но мы должны видеть их родственность в разных частях континента. До позднего модерна не существовало существенного разделения на Восточную и Западную Европу. Расхожее утверждение гласит, что Речь Посполитая была полноправным участником европейской истории и что таким участником была также и Российская империя. Это всего лишь полуправда. Правда же заключается в том, чтобы представить себе, кто именно был участником европейской истории, кто в истории репрезентировал Речь Посполитую или Российскую империю. И здесь мы видим разнообразных субъектов, обладающих правом таких отношений: церковь, корпорации, купцов, ремесленников, юристов, научные сообщества и т.д. Жесткие границы в Европе проводят только Первая и Вторая мировые войны, когда в Восточной Европе складывается режим, противопоставляющий себя всему остальному миру⁴⁸ и рассматривающий границу исключительно в контексте инструмента замыкания пространства. Практика СССР отвергла саму идею границы как пространства диалога и сотрудничества. В СССР граница является линией фронта, ее можно либо перенести, либо нарушить. Потому все возможные внутренние границы затирались и нивелировались. Такое понимание границы опирается на очень упрощенное видение социального пространства, предельно автаркичного, деперсонифицированного, коллективистского, программируемого, развивающегося по совершенно объективным законам исторической необходимости, что противоречит процессу создания пространства Пограничья. Очевидно, что построение социальных отношений на основе советской модели границы должно сопровождаться подавлением разнообразия внутренней жизни. Но само это подавление требует громадных ресурсов. Падение СССР было обусловлено внутренним противоречием его системы: вся политика государства была направлена на моногенизацию социального пространства, но ничего не могла поделать с теневой экономикой, обеспечивавшей обогащение и «бюргеризацию» части населения, культурой, открывавшей СССР потоку новых идей и вызовов, церковью, создававшей пространство свободы совести, самиздатом, частным владением, отстранявшим людей от социальных целей и приоритетов, определенных партией... Очевидно, что перечисленные явления – одного порядка: они указывают, что общество в СССР (по крайней мере в его европейской части) воспроизводило ситуацию, характерную для процесса модернизации – появление новых субъектов социальных отношений, их автономизацию и производство эффекта Пограничья.

Создание эффекта Пограничья требует мобилизации всех социальных ресурсов: от ресурсов экономических до ресурсов этических и взвешенной государственной политики. Создание такого эффекта невозможно без допущения большого числа ошибок. Опыт постсоветских обществ показывает сложность такого намерения. Создание пространства Пограничья не выступает в них не-

кой идеологией, будучи обусловленным практическими вопросами, связанными с появлением в Восточной Европе автономных корпораций и свободных граждан, и производится работа по согласованию интересов частных и публичных, с соблюдением статуса участников таких отношений. Данный процесс не является единственным социальным процессом в регионе, он не подчиняет, по-видимому, все остальные процессы своей логике, не доминирует. Но составление эффекта Пограничья созидает новые структуры и перспективы, новые измерения для старых элементов социальных систем.

Данный подход позволяет найти методологию исследования социального пространства Восточной Европы, которая бы разрешала противоречия между теорией транзита и теориями аутентичного общества. Методология исследования мультиграничного пространства – Пограничья – позволяет рассматривать социальное пространство через систему его функций, отказываясь от субстанционального подхода. В этом случае все негативные характеристики социального пространства, как будто бы аннигилирующие его – асинхронность, разорванность, нецелостность, многомерность, – оборачиваются положительными качествами, поскольку представляют условия и предпосылки для социальной коммуникации. Наиболее проницательные современники предпочитают создающуюся ситуацию называть новым средневековьем⁴⁹. В таком пространстве существует множество контекстов видения мира и себя в этом мире. И эти контексты должны быть согласованы. Они не могут быть согласованы лишь с помощью национального или тотального государства. Так эпоха модерна обретает свою подлинную перспективу, оказываясь связанной с более древними традициями, такими как христианский персонализм, средневековый корпоративизм, и разворачиваясь в будущее с собственной программой создания общества коммуникации, в котором каждый субъект обладает способностью репрезентации и следования своему интересу. И только в силу того, что такие контексты создаются – а они создаются на протяжении всего времени модерна, – Восточная Европа приобретает и имеет свое уникальное лицо. Восточная Европа, как всякая иная современная система, для своего существования требует не только множества свободных личностей и их ассоциаций, но и определенной инфраструктуры, в рамках которой можно было бы согласовывать разнообразные контексты своего существования и существования отдельных субъектов. Такой инфраструктурой является Пограничье.

В обозначенной перспективе национальное государство оказывается отнюдь не единственной формой интеграции. Перед всеми обществами Восточной Европы стоит задача построения эффективного государства. Эта задача решается по-разному – от авторитаризма в Беларуси до олигархических республик. Но ни авторитаризм, ни олигархии не устраняют многосубъектности. Потому перед обществами Восточной Европы стоит гораздо более сложная проблема, чем успешное построение национального государства. Эпоха модерна требует за-

вершенности в иной форме коммуникации, иной инфраструктуре, имеющей наднациональную и субнациональную природу. Это своеобразный общественный договор, которого пока нет. Национальное государство без опоры на локальные социальные институты сегодня оказывается неэффективным. Но и локальные институты изменяются, приобретая международную субъектность. Не все и не в полном объеме, однако сами по себе эти процессы являются революционными. Доминирующая логика национального государства как предельная логика эпохи модерна оказывается неудовлетворительной. Это показывает уже проецирование национального государства назад в историю, что вызывает напряжение в межнациональных отношениях. Доминирование национального государства противоречит интересам многочисленных групп внутри его. Но интересы именно этих групп – предпринимателей, финансистов, профессионалов, юристов, Церкви – вызвали к жизни национальное государство. Сегодня эти группы требуют большей свободы и большей мобильности. И можно предположить, что если эпохе модерна предшествует цивилизация, опиравшаяся на универсальные системы интеграции и коммуникации, то эпоха постмодерна также должна выработать такие универсальные системы, не ограничиваясь только моделью национального государства.

Говоря о Восточной Европе как об определенном социальном пространстве, новом и еще ждущем своего имени, узнаваемого и приемлемого, выражающего суть этих пространств, необходимо очень ясно понимать, что создает это пространство: его многосубъектность и мультиграничность. Границы культуры, политики, экономики, этносов, природных регионов, политий, границы времени не совпадают. Нахождение адекватных форм и инструментов коммуникации субъектов такого сложного пространства и является самым интересным, что может происходить в Восточной Европе в будущее время. Необходимо отдавать при этом отчет себе в том, что нахождение таких форм и инструментов – это процесс цивилизации, т.е. сознательного и целенаправленного возвращения себя в соответствии с принципами, задачами, целями и ожиданиями⁵⁰. Очевидно, что характер этих принципов, целей и ожиданий должен эволюционировать в таком случае от субстанционального к процессуальному, чтобы не служить основой для развязывания еще одной войны.

Примечания

¹ Мы определяем город в первую очередь как определенный политический центр, не обусловленный первоначально его экономическими функциями. Процесс возникновения деревни связан именно с «городской революцией», произошедшей примерно в III тыс. до н.э. Эту революцию обычно описывают так: «Первые государства всегда и всюду образовывались в небольшом объеме, а именно в объеме одной территориальной общины. Такое государ-

ство, чтобы быть устойчивым, должно было иметь какие-то естественные границы: горы, окаймляющие долину, море, омывающее остров или полуостров, пустыню, окружающую орошаемое одним магистральным каналом пространство, и т.п. Такой район (ном) имел центр в виде храма главного местного божества, вокруг него слилась администрация, соорудились склады, здесь же располагались важнейшие мастерские ремесленников – все это для безопасности обносилось стеной, – и образовывался город, как центр маленького, первичного государства» (см.: История древнего мира: в 3 т. / под. ред. И.М. Дьяконова. М., 1989. Т. 1. С. 40). Отличие этого нового города от прежних «городов-деревень» заключалось не просто в экономической функции, а в его способности контролировать определенную территорию. Потому такой центральный город становится городом по преимуществу, остальные же города превращаются в деревни, основной функцией которых становится сельское хозяйство.

² В замечательном исследовании В. Носевича «Традиционная беларуская деревня в европейской перспективе» продемонстрирована устойчивость таких социальных первичных структур, не изменявшихся на территории Беларуси по крайней мере в течение 400 лет (См.: Носевич, В. Традиционная беларуская деревня в европейской перспективе / В. Носевич. Минск, 2004).

³ Формой такого городского самосознания становятся хартии, уставы, кovenанты и прочие соглашения о порядке совместных действий людей, объединяющихся в городское самоуправляющееся сообщество (см.: Берман, Г. Западная традиция права / Г. Берман. М., 2001; Вебер, М. Социология города / М. Вебер. М., 2002; Новак, М. Дух демократического капитализма / М. Новак. Минск, 2000).

⁴ В XX в. большое внимание в восточноевропейской этнографии и культурологии уделялось феномену «тутэйшасці» беларусов. На эту тему существует обширная многочисленная литература. Но часто это явление неправильно интерпретируют. Его пытаются сделать основой национального самосознания, в то время как оно вызвано во многом экономическими причинами, замкнутостью, неразвитостью рынков и пр. С. Соколов-Воюш пишет: «Станкевіч і Ластоўскі не фіксуюць гэтага слова (тутэйшы) з адной простаі прычыны. У прадмове да Мюнхенскага выдання Купалавай драмы “Тутэйшыя” чытаем: “... тэрмінам “тутэйшыя” народ наш за даўгую эпоху навалы на яго нацыянальных перасьледаў і дэнацыяналізацыйных напораў з розных бакоў прызвычайна абазначаць самога сябе як нейкім своеасаблівым нацыянальным псеўданімам”. Урэшце, аўтар прадмовы прыходзіць да думкі, што тэрмін “Тутэйшыя” трэба ўжываць у значэнні “нацыянальнае і, шырэй, наагул ідэйнае безхрыбетнасці”. А вось расейскае “здешний”, паводле слоўніка таго самага Станкевіча, трэба перакладаць як туташні. Прынамсі так яно гучыць яшчэ ў Статуце Вялікага Княства Літоўскага. Я ж закончу гэты выпуск Слова дня радкамі зь Беларускай паэзіі:

Ці сэнс шырэішы, ці вузейшы
Шукаць адрозненняў дарма –

- Калі ты ёсьць, і ты – тутэйшы
То значыць, што цябе няма» (Сокалаў-Воюш, С. / <http://www.rferl.org>).
- ⁵ «...Сельская община, как правило, не являлась наследницей первобытной соседской общины, но была более поздним социальным формированием, современным тому движению, которое увенчало расцвет X–XII вв. созданием новых институтов... рождение городских коммун шло одновременно с рождением коммун сельских. В обоих случаях главную роль играла экономическая и моральна солидарность, существовавшая между группами “соседей”. Эти “соседства” (“vicinia”) были ядром общин феодальной эпохи» (см. об этом: Гофф, Ш. ле. Цивилизация средневекового Запада / Ш. ле Гофф. М., 1992. С. 270–271).
- ⁶ Носевич, В. Традиционная беларуская деревня в европейской перспективе / В. Носевич. Минск, 2004. С. 19.
- ⁷ Во времена общих кризисов эти сообщества образуют словно бы «внутренний тыл» – во всех странах и народах. «В деревню» уезжают из тех мест, которые в силу большей сложности своего устройства первые становятся жертвой войны, катастрофы, «к родителям» уезжает дочь, испытав катастрофу в браке, и т.д.
- ⁸ В 90-е гг. XX в. в рамках транзитологии был изобретен термин «зрительская демократия», который, по-видимому, описывает очень точно эффект попытки вовлечения в публичную национальную жизнь первичных сообществ в качестве субъектов. Но публичная жизнь для члена первичного сообщества, для «тутэйшага» – это всего лишь предмет зрительского интереса. Внимание такого зрителя с одинаковым успехом может менять предмет заинтересованности.
- ⁹ Вестфальский мир 1648 г. окончил европейскую Тридцатилетнюю войну 1618–1648. Объединяет два мирных договора, заключенных 24 октября 1648 г. – после длительных (с весны 1645 г.) переговоров – в городах Вестфалии Мюнстере и Оснабрюке: Оснабрюкский (между императором «Священной Римской империи» и его союзниками, с одной стороны, и Швецией с союзниками – с другой) и Мюнстерский (между императором с союзниками, с одной стороны, и Францией с союзниками – с другой). Постановления Вестфальского мира касались территориальных изменений, религиозных отношений, политического устройства империи; проблемы решались на основе принципа государственного суверенитета и невмешательства во внутренние дела государства извне.
- ¹⁰ Для гарантии европейских границ в сентябре 1815 г. Россия, Австрия и Пруссия создали Священный союз, к которому в ноябре присоединилась Франция. Венская система обеспечила продолжительный период мира и относительной стабильности в Европе. В 1815 г. немецкие государства были объединены в конфедерацию под названием Германский союз («Бунд») со слабыми внутренними связями, а большая часть Польши была провозглашена автономным царством с определенными национальными правами в рамках Российской империи. Бывшие австрийские Нидерланды и Голландия

были объединены в Нидерландское королевство; Норвегия, ранее составлявшая часть Дании, была объединена со Швецией, но имела собственную конституцию. В целом, однако, территориальное устройство 1815 г. имело мало общего с новыми националистическими устремлениями. Однако Венская система была уязвимой, поскольку в большей степени исходила из политико-династического, а не национального принципа и игнорировала существенные интересы многих европейских народов (бельгийцев, поляков, немцев, итальянцев); она закрепила раздробленность Германии и Италии при гегемонии австрийских Габсбургов; Пруссия оказалась рассеченной на две части (западную и восточную), находившиеся во враждебном окружении. Венский конгресс явился первой попыткой установить прочный мир в Европе на основе коллективного соглашения всех европейских государств; заключенные договоры нельзя было расторгнуть в одностороннем порядке, но их можно было изменить с согласия всех участников (Kohn, H. *Nationalism: Its Meaning and History*, 1955 / Н. Кohn // <http://www.traditio.ru/holmogorov/library/k/kohn/4.htm>).

- ¹¹ 28 июня 1919 г. был подписан мирный договор между странами Антанты и Германией. Вместе с договорами, подписанными странами Антанты с Австрией, Болгарией, Венгрией и Турцией (Сен-Жерменский от 10 августа 1920 г., Нейский от 27 ноября 1919 г., Трианонский от 4 июня 1920 г. и Севрский от 10 августа 1920 г., Лозанский, подписанный двумя актами – от 30 января и от 24 июля 1923 г.), договор с Германией составляет так называемую Версальскую систему послевоенного устройства мира.
- ¹² Выделяют также внутри этого последнего периода еще одну веху – 11 сентября 2001 г., представляющую попытку изобрести новый баланс в системе «враги и друзья», определив для того четкие критерии.
- ¹³ Юрий Крижанич, один из самых пронизательных политических писателей XVII в., критиковал не только русскую тиранию с точки зрения образцовых государств Запада, но и польскую и «немецкую» шляхетскую демократию (см.: Крижанич, Ю. *Политика* / Ю. Крижанич. М., 2001. С. 329–335).
- ¹⁴ Hryniewicz, J. *Polityczny i kulturowy kontekst rozwoju gospodarczego* / J. Hryniewicz. Warszawa, 2004. S. 145–146.
- ¹⁵ Ibid. S. 145–146.
- ¹⁶ <http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/gorod/2.5.pdf>
- ¹⁷ Hryniewicz, J. *Polityczny i kulturowy kontekst rozwoju gospodarczego*. S. 145–146. Еще более сильные слова об этом времени находит И. Солоневич в своей утопии «Народная Монархия» (Солоневич, И. *Народная Монархия* / И. Солоневич. Ростов н/Д., 1991).
- ¹⁸ В 1791 г. сейм принял «Кардинальные права». В них декларировалась вечная уния Польши и Великого княжества Литовского в составе Речи Посполитой и ее суверенные права. Речь Посполитая объявлялась правовой державой, в которой властвует закон, принятый сеймом. Для жителей городов и деревень большое значение имел закон «Города наши королевские свободные в странах Речи Посполитой». Этим законом мещане получили также право личной

неприкосновенности, которым пользовалась беларуско-литовская шляхта по Статуту 1588 г. Закон о городах создал благоприятные условия для развития городов и сближения мещан со шляхтой. Консолидация патриотических сил в сейме позволила 3 мая 1791 г. принять Закон о власти, который принятый называть Конституцией Речи Посполитой 3 мая. В разделе 2 подтвержались все права и привилегии, данные шляхте Польши и Великого княжества Литовского. Вся шляхта признавалась равной между собой и в одинаковой степени могла пользоваться всеми правами и привилегиями, особенно личной безопасности и свободы. Шляхта признавалась наиглавнейшим защитником свободы и данной Конституции. В разделе 3 подтверждался закон о городах и объявлялся частью Конституции. К наиболее важным изменениям относилась отмена избрания королей и установление наследования трона.

¹⁹ В начале 1848 г. поляки и немцы братались на улицах Берлина, а чехи и немцы – на улицах Праги. Но с развитием революции стало ясно, что Центральная Европа стремится не столько к свободе человека и братству, сколько к национальному разделению. Личные свободы и конституционные гарантии были принесены в жертву национальным чаяниям. Революционные страсти скорее были направлены на национальные цели, нежели на достижение свободы. Там, где эти два направления сталкивались, национализм одерживал верх (Kohn, H. *Nationalism: Its Meaning and History*).

²⁰ Напротив, постепенно Российская империя отменяет действие магдебургского права и права Речи Посполитой.

²¹ *Rerum Novarum* (1891) Льва XIII, *Quadragesimo Anno* (1931) Пия XI.

²² Rawson, C. *God, Gulliver, and Genocide. Barbarism and European Imagination, 1492–1945* / C. Rawson. Oxford University Press, 2001.

²³ Истории, возникшие в век модернизации Восточной Европы, национализации Восточной Европы, написаны так, как маленькие дети рисуют своих родителей: «Ротик, носик, оборотик...». Бобринский, Кетржинский, Карбовяк, Карамзин, Богданович, Грушевский, Ермолович. Это желание восстановить историю современного субъекта вплоть до неандертальцев. При этом акцент делается на субстанциальные природные вещи в ущерб социальным. Самое удивительное в том, что такие исследования – также социальные и производят некоторый эффект, действительно влияя на современное им сообщество, в котором растут этнонационалистические настроения.

²⁴ Кто из беларусов или украинцев, будучи впервые в Кракове и гуляя по этому городу, не испытывал чувство дежа вю? Поднимаясь на Вавель, видишь повсеместно напоминания о чем-то забытом, давно-давно забытом и вдруг вспоминаемом. Гербы «Погоня» – на фасаде главного здания Ягеллонского университета, в королевском дворце, над усыпальницей Адама Мицкевича, на старом фасаде здания на Рыночной площади. Видишь, что Краков – город, в котором сошлись дороги, ведущие из всей Восточной Европы, что Краков не совсем понятен в рамках современного польского государства. Вглядываясь в лицо Кракова, видишь все что угодно, но только не современную Польшу. Видишь перекресток, или, вернее, развилку пути. Развилка разводит в одном

направлении, но разными дорогами. Но то, что было до распутья, – разделить невозможно. И к тому, что разделить невозможно, – к Грюнвальду, к Стефану Баторию, к Вильно, к Ягеллонскому университету – возвращается память, потому что она – общая память и без нее невозможно понимание себя и той земли, на которой живешь. В Кракове стоит дом, в котором правила свадьбу с лже-Дмитрием, царем Московским, Мария Мнишек. Краков помнит очень многое. На Вавеле вдруг встает перед глазами изумительная полихромия псковских мастеров XV в. Все что угодно можно ожидать увидеть в католической святыне, но это? Подобно тому как в московской родовой резиденции Рюриковичей вдруг возвышается готический собор, а в коломенской же церкви Святой Живоначальной Троицы – скульптура Христа в темнице! Возвращаясь на Вавель, в усыпальнице Ю. Пилсудского – Остробрамская икона из его родного Вильно.

- ²⁵ Для познания прошлого национальное государство измыслило форму музея. Музей призван давать представление и о национальном прошлом. Но тем самым подчеркивается мертвый характер такого прошлого. В музеях находится мертвая история. Никому в голову не приходит с почтением рассматривать электрическую кофеварку или мобильный телефон. Но мы восторгаемся росписями на Вавеле и задираем голову на башни Мира. Мы это делаем, потому что мы – другие. И наше прошлое уже стало экзотикой. Экзотикой стали институциональные формы, интегрировавшие страны Восточной Европы в прошлом. Они перестали служить и работать, потому что они не могут работать в условиях кардинально изменившихся культурных и политических границ. Институциональные формы изменяются, механизмы поддержания взаимодействия институциональных форм остаются, и на них основана традиция и новые институты, в том числе и институты национального государства. Но эти механизмы сложно поместить в музей.
- ²⁶ Brubaker, R. *Nacjonalizm inaczej. Struktura narodowa i kwestie narodowe w nowej Europie* / R. Brubaker. Warszawa, 1998.
- ²⁷ В воспоминаниях поляков, населявших Львов и видевших польско-украинскую войну 20–21-х гг. XX в. присутствует всегда удивление: Львов был польским городом, а вдруг оказался украинским. Поляки преспокойно жили в нем весь XIX в., не замечая украинцев, не замечая возникающей между народами границы. И не заметив ее, не смогли ее использовать. Граница взорвалась войной и резней.
- ²⁸ В этом случае речь идет не об изменении или отмене национального государства, а об изменении функции его границ, а также границ иных субъектов социальной системы, т.е. о принятии границами коммуникативных функций.
- ²⁹ Ларри Вульф в переписке с А. Яновым замечает: «Британский историк Марк Мэзоуер недавно опубликовал книгу под названием “Темный континент”, в котором говорит о том, что в истории Европы в XX веке нельзя видеть один лишь прогресс демократии. Скорее, это постоянная борьба между демократией и либерализмом, с одной стороны, и фашизмом, авторитаризмом и коммунизмом – с другой. В этом отношении российский опыт, хоть он и

был экстремальным, вполне вписывается в исторические фронты, которые существовали и в других частях Европы XX века» (Вульф, Л. Переписка / Л. Вульф, А. Янов // Неприкосновенный запас. 2002. № 6 (26)).

³⁰ Слово *frontiere* (граница) происходит от имени прилагательного, никогда не употреблявшегося в мужском роде, – *frontier*, *frontiere* (фронтальной). Оно появилось в весьма раннюю эпоху, поскольку в «Словаре старофранцузского языка» Фредерика Годфруа (1881–1902) приводится следующий текст из Гиара (начало XIV в.): *Li navres vident les frontieres*, то есть «раненые покидают передовую линию и уходят в тыл». Сделавшись именем существительным, это слово по-прежнему предполагало наличие двух противников, стоящих лицом к лицу по обе стороны разделяющей их линии фронта. В таком значении оно долгое время конкурировало с рядом других слов: латинским *finis*, *finis*, *confinis*, *metes* (от лат. «мета», «предел»), *bornes*, *termes*, *limitations*... В конце концов оно вытеснило их и с той поры служит главным термином, обозначающим внешние рубежи любого государства с определенной территорией (Бродель, Ф. Что такое Франция: кн. первая. Пространство и история / Ф. Бродель; пер. с фр. М., 1994). Однако «фронтир» в английском языке означает передовую линию освоения, завоевания, продвижения в ино-родной среде. Фронтир обеспечивает не только территориальное расширение общества, но также возможность социального движения самого сообщества, его дифференциацию (См.: Lasch, R. *Bunt elit* / R. Lasch. Kraków, 1997).

³¹ Как не получила развития в России смысловая оппозиция город (поселение, выполнявшее административно-военные функции) – место (поселение торговое, обладающее правами самоуправления).

³² Наиболее впечатляющим примером такой политики является перенос г. Бреста в XIX в., превративший древний европейский город в грандиозный пограничный острог, окруженный редкими поселениями туземцев («тутэйших»).

³³ «...В основу содержания понятия нации были положены характеристики универсальной, этнически инвариантной социально-экономической целостности, определяющей политико-правовые границы, что позволяло ведущему деятелю Французской революции аббату Э.-Ж. Сийесу определять нацию первоначально как совокупность производителей, а затем как “объединение людей, подчиняющихся общему для всех закону и представленному общими законодателями”» (Девятова, И.С. Понятие нации: очерк становления и перспективы развития / И.С. Девятова // Философские дескрипты. Вып. 2. Алтайский государственный университет, 2003).

³⁴ Де Сото приводит обратные примеры – когда города противились сближению с деревней в Перу: «...между 1940 и 1981 гг. численность городского населения в Перу возросла почти в пять раз (с 2,4 до 11,6 млн человек), в то время как численность сельского населения возросла едва на треть (с 4,7 до 6,2 млн). Таким образом, если в 1940 г. 65% населения проживало в сельских районах и 35% в городских, то к 1981 г. это соотношение стало обратным. Для большей наглядности представим, что в 1949 г. двое из каждых трех перуанцев проживали в сельской местности, а в 1981 г. двое из трех были

уже горожанами... Города Перу изначально являлись административными и религиозными центрами, задачей которых было наведение порядка в дикой сельской стране. Города представляли собой островки порядка в море хаоса. Поэтому последующие поколения горожан, наследники старых андских и испанских традиций, не испытывали ничего, кроме ужаса, перед миграцией из сел, перед хаосом, который в конечном счете поглотил бы их упорядоченный мир» (Сото, Э. де Иной путь. Невидимая революция в Третьем мире / Э. Сото. М., 1995. С. 12).

- ³⁵ Этот процесс может восприниматься как катастрофа. См.: Хайдеггер, М. Отрешенность / Разговор на проселочной дороге / М. Хайдеггер. М., 1991.
- ³⁶ Предназначенное первоначально только для сношений peregrinorum, *jus gentium*, отличавшееся большою свободой и гибкостью, приобрело мало-помалу большое влияние и на собственно римское право. Многие положения его перешли потом – то путем обычая или закона, то путем преторского эдикта – в оборот между самими римскими гражданами, вытеснив институты специфически римские. *Jus gentium* было лабораторией, в которой перерабатывались разнообразные нормы различных народов античного мира, сталкивавшиеся между собой на международном рынке, в одно интернациональное целое, для того, чтобы затем переработать и самое римское право в духе той же интернациональности (Покровский, И.А. История Римского Права / И.А. Покровский. Спб., 1917 (Allpravo.Ru - 2004. file:///library/doc2527p0/instrum3503)).
- ³⁷ Lasch, R. Bunt elit. / R. Lasch. Kraków: Platan, 1997.
- ³⁸ Только в Англии нация возникла, не порывая с государственной традицией, только в Англии можно наблюдать тождество национализма и государственной идеи. Во всех иных странах Европы национализм и государственность оказались разведенными понятиями (Greenfeld, L. Nationalism: Five Roads to Modernity and Different Worlds / L. Greenfeld. Boston, 2001).
- ³⁹ Ф. Фукуяма ввел понятие современного кочевника. Это тип современного мобильного человека. И если допустить, что города населены такими вот цивилизованными кочевниками и что этот кочевник дышит в каждом из нас, тогда понятен становится вид наших городов. Это города кочевников, а не горожан (Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма. М., 2004). Однако за таким процессом стоит определенный порядок: «Историки в основном соглашаются в том, что в современной цивилизации свершились глубокие изменения. Было ли это переходом от производящего к потребляющему обществу, от экономического накопления к трате накопленного, от индустриального капитализма к финансовому капитализму, от нехватки к изобилию, от дезорганизации к высокой организации – во всем этом есть признаки нового возникающего порядка. И что более важно, что наблюдающие эти изменения понимали, что речь идет о фундаментальных признаках нового порядка» (Сусман, У.; цит. по: Антанович, И. После современности / И. Антанович // АРСНЕ. 1999. № 1.

- ⁴⁰ Шыбека, З.В. Гарады Беларусі (60-я г. XIX – пачатак XX стагоддзя) / З.В. Шыбека. Мінск, 1997.
- ⁴¹ Ярчайшым примером именно такой интерпретации является эссе И. Абдзираловича «Адвечным шляхам» (Абдзиралович, І. Адвечным шляхам / І. Абдзиралович. Вобраз-90. Мінск, 1990).
- ⁴² «Europe` is a relatively modern idea. It gradually replaced the earlier concept of `Christendom` in a complex intellectual process lasting from the fourteenth to the eighteenth centuries. The decisive period, however, was reached in the decades on either side of 1700 after generations of religious conflict. In that early phase of the Enlightenment it became an embarrassment for the divided community of nations to be reminded of their common Christian identity; and `Europe` filled the need for a designation with more neutral connotations» (Davies, N. Europe / N. Davies. L., 1996. S. 954.
- ⁴³ В книге «Национализм: пять путей в модерн» Л. Гринфельд указывает на то, что идея нации возникает в XVI в. в Англии. И потому английская нация выступает моделью для всех иных наций. Безусловно, что нация – это нечто совершенно иное, нежели этнос, народ. Гринфельд указывает на код английской нации, сформированной под воздействием индивидуализма и гражданственности. Два других типа нации, возникшие позже, обозначаются Гринфельд как французская модель, код которой – коллективизм и гражданственность, и немецкая модель, кодируемая как этничность и национализм. Римской империи нация – это группы «не-римлян», в средневековой Европе нация – это территориальное сообщество студентов в университете. Нации никогда не присваивалось этнического содержания. В Англии нация обретает юридическое значение. Это та группа, которая претендует на участие во власти. В средневековой Европе понятие Нация применялось по отношению к элите. Например, в Речи Посполитой нацией являлась только шляхта. Строительство нации – это выстраивание пограничья (Greenfeld, L. Nationalism: Five Roads to Modernity and Different Worlds).
- ⁴⁴ См.: Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология / сост. П. Верг, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М., 2005.
- ⁴⁵ См.: Лесік, Я. Аўтаномія Беларусі / Я. Лесік. Мінск, 1990.
- ⁴⁶ См.: Берман, Г. Западная традиция права / Г. Берман. М., 2001.
- ⁴⁷ «Беларускае грамадства вельмі глыбока падзеленае. Вось дадзеныя самага апошняга даследавання. “Каб сёння ў Беларусі праводзіўся рэфэрэндум з пытаннем: “Ці ўступаць Беларусі ў Эўрапейскі з’вяз і вы б маглі прагаласаваць “За”, “Супраць” ці “Ўстрымацца, ня ўдзельнічаць у галасаванні”, якім быў бы ваш выбар?” І што нам адказалі? “За” – 32,4, “Супраць” – 33,8... Вось тры фактычна аднолькавыя часткі беларускага соцыому (Манаеў, А. У Беларусі ёсць сацыяльная база для вяртання ў Эўропу / А. Манаеў. [Электронны ресурс] <http://www.svaboda.org/text/articles/features/politics/2006/5/73352983-4235-4736-9DD2-7935C01CD5C8.html>).

- ⁴⁸ Колебания западного понятия «Восточная Европа» начались в тот момент, когда изменились политические границы Европы, в первый раз – после разделов Речи Посполитой, второй раз – после Первой мировой войны, когда между Россией и Германией возник пояс частично новых независимых государств. Когда был разрушен «железный занавес», определение Восточной Европы, доминировавшее во времена холодной войны и ориентированное на современные ему политические реалии, ограничивающее территорию Запада «железным занавесом», всего лишь в течение нескольких лет перестало соответствовать действительности.
- ⁴⁹ Бердяев, Н. Смысл истории. Новое средневековье / Н. Бердяев. М., 2002; Эко, У. Средние века уже начались / У. Эко // Иностранная литература. 1994. № 4. С. 258–267; Тоффлер, Э. Третья Волна / Э. Тоффлер. М., 2002.
- ⁵⁰ Между Европой Геродота и Европой эпохи модерна – расстояние, которое определяют не метры культурного слоя, а чудо, в результате которого появилась нынешняя Европа. Сама Европа является таким чудом. Геродот мог называть определенную часть мира, ему известного, Европой. Но современной ему Европе не было никаких предпосылок присваивать себе такое название. Чтобы большое число людей, живущих на огромном расстоянии, могло назвать себя определенным образом, необходимо, чтобы это наименование имело совершенно очевидный для всех смысл. Этот смысл всегда подчеркивался границей обыденного мира.

2-В МОДЕЛЬ ПОГРАНИЧЬЯ

*...И не с врагами ты сражаешься,
а с самим собой...
Джатаки*

Негативные дискурсы теории Пограничья

Очевидно, что попытки описать страны, лежащие в этом регионе, как социальный монолит, как целостность – искусственны¹, даже если в каких-то проектах они и выглядят как единый регион. Восточная Европа не является монолитом, описать который возможно через одну или даже несколько параметров и переменных. Не делает ее монолитом даже политическая власть, скрепляющая это пространство и позволяющая в какой-то степени игнорировать реальное разнообразие. Однако Восточная Европа в первую очередь воспринимается как конгломерат государств, не образующих между собой четких межгосударственных союзов. Более того, Восточная Европа состоит не только из национальных государств, но также из разнообразных корпораций и личностей. Открытие Восточной Европы как пространства субъектного разнообразия, а также процесс актуализации значения автономного субъекта и сложнодифференцированного пространства – главное, что случилось в этом регионе с 1989 г. Потому всякая попытка изучения этого пространства требует адекватного инструментария и методов изучения и описания и должна учитывать состояние этого пространства, определяемого разработанностью механизмов согласования культурных, политических, цивилизационных, корпоративных и персональных границ. Пограничье – термин, обозначающий состояние социального и политического пространства, образуемого взаимодействием

2-в модель Пограничья

границ разной природы. Очевидно, что в таком контексте термин «Пограничье» не может обладать лишь географическим значением.

Параметры, определяющие содержание концепта «Пограничье», нами были определены следующим образом:

- мультиграничность, возникающая как эффект социальной дифференциации, являющаяся устойчивым признаком Пограничья;
- взаимодействие границ разной природы в одном социальном пространстве;
- субъектность Восточной Европы, определяемая презентациями и репрезентациями элементов ее социального пространства, выступающими в форме коммуникативных стратегий, артикулятов и артефактов;
- интеллигибельность пространства Пограничья, обеспечивающая возможность значимого взаимодействия с его элементами, структурами и границами.

Вместе с тем данные параметры указывают на наличие и негативных дискурсов исследования Пограничья, и интерпретации Пограничных явлений, а также на возможные негативные модели развития Восточной Европы. Нами указывается на необходимость преодоления 4 таких дискурсов, препятствующих адекватному анализу Пограничья:

- доминирования в исследованиях географических метафор, препятствующего восприятию Пограничья как пространства, образуемого взаимодействием границ разной природы в рамках одного социального пространства;
- политизации социальных отношений, а также субстанциального представления о социальном пространстве, делающим невозможным структурный анализ процессов, происходящих в Пограничье;
- бессубъектности социальных процессов, разрывающей связь между субъектом и артефактом, а также между субъектом и его репрезентацией;
- неинтеллигибельного характера социальных процессов, провоцирующего наступление нормативной дерегуляции в Пограничье.

Метафора карты

Первым инструментом, обеспечивающим доминирование географических метафор, является карта. Социальное пространство воспринимается через сложную систему метафор, ключевой из которых, видимо, выступает карта. С момента появления первой карты прошло более 5000 лет. За это время изменилась не только техника картографии, но и, что более значимо для нас, – функции карты. Долгое время карта легитимировала собственника локального хозяйства или являлась путеводителем купца или воина. В Новое время карта изменяет

свои функции: от обозначения схемы пути и владения – к отображению социального пространства как такового.

Карта как схема пути основана на координатах, вехах, значение которых исчерпывается указанием на цель; карта как схема владения относится лишь к одному аспекту социального – собственности, ограничиваясь указанием на собственника. Карта как метафора пространства основана на границах, выступающих конфигураторами социального пространства во всех его аспектах.

Дорога расширяет пространство путешественника, схема владения легитимизирует принадлежность пространства, указывая его собственника, а граница (*border*) на современных картах производит конфигурацию социального пространства, не указывая на субъект. Карта путешественника – это карта наблюдателя, который пересекает пространство и не задерживается в нем. Карта владельца утверждает его в качестве субъекта социального пространства и представляет собой процедуру признания его в качестве такового. Современные политические карты, по существу, бессубъектны, т.е. представляют собой указание не на субъект, а на границы властных порядков. Таким образом, карта может провоцировать ситуацию, в которой субъект подменяется его метафорой.

Именно третий род карт, являющихся метафорами социального пространства, изучают школьники, и это также образ восприятия мира большинством ныне живущих людей. Когда мы оперируем утверждениями: «Украина решила», «Беларусь приняла», «Польша участвовала», – то обращаемся к такого рода географическим метафорам. Мы представляем, что за метафорой скрывается субъект, определяемый политической границей (*border*). Однако часто географические метафоры становятся самодостаточными и непрозрачными, они перестают репрезентировать сложную социальную реальность, которая оказывается анонимной. Кроме того, правда состоит в том, что за метафорой карты вообще не скрывается никакой субъект – потому что карта является метафорой не субъекта, а пространства.

Border u boundary

Для преодоления обозначенного негативного дискурса необходимо произвести разделение понятий рубеж (*border*) и граница (*boundary*).

В английском языке понятие *border* означает, в первую очередь, реально существующую политическую границу, специально созданную, оснащенную соответствующей инфраструктурой для контроля, пропуска, регистрации и пр. *Border* можно пересекать, нарушать, поскольку она материальна и не является принадлежностью определенного субъекта. Пересечение *border* не влечет изменение субъекта. Одновременно как *border* можно рассматривать каждый публичный статус. Он также специально сконструирован, он является выра-

жением социальной потребности, той или иной социальной функции. Статус также можно изменять без того, чтобы значимым образом изменить субъекта. Так, начальник департамента цен, покидая контору после рабочего дня, пересекает границу своего статуса, становясь просто Александром Борисовичем. Посетитель департамента по каким-то своим частным делам должен пересечь границу статуса Александра Борисовича для того, чтобы А.Б. в качестве начальника департамента в рамках своих полномочий мог разрешить этот частный интерес. *Border* организует особенный вид пространства. Оно представляет собой совокупность публичных статусов, сконфигурированную в рамках *border*. В нашей работе такой вид пространства мы называем *border-пространством*. Для того чтобы это пространство получало социальное значение, необходимо постоянное возникновение пограничных ситуаций, образующихся как эффект взаимодействия *border* и границ иной природы, которые мы обозначаем как *boundary* – т.е. границы, понимаемые как зона истощения влияния субъекта, мифическая линия, которая создается самим субъектом и, по существу, неотделима от него. Это ментальная линия, объективно фиксирующая существующее разделение между субъектами. Ее пересечение возможно только с изменением субъекта. *Boundary*-граница указывает на существование субъекта, участвующего в социальных процессах, но не детерминированного *border*-границей, не детерминированного своим статусом. Примером такой границы является реально существующее различие между профессиональными, историческими, экономическими, этническими, культурными сообществами. *Boundary*-граница также появляется как эффект дифференциации общества и становления субъектов, обладающих публичным статусом², но сохраняющих иные идентичности. *Border*-граница формирует пространство, *boundary*-граница не оказывает такого воздействия на социальное пространство, поскольку всегда является результатом становления субъекта социального пространства, является не причиной, а следствием существования субъекта, его вхождения в социальное пространство³. По сути, субъектность задается только такой пограничной ситуацией, в которую должен попадать субъект и для утверждения собственного существования, и для возникновения социального.

Образование Пограничья не происходит автоматически, о чем свидетельствует хотя бы история модерна, часто демонстрирующая потерю субъекта и, как следствие, – потерю социального. А. Рено в «Эре индивидуализма» указывает на современную оппозицию субъекта и индивида. Субъект характеризуется А. Рено обладающим автономией, индивид – независимостью: «В то время как понятие автономии вполне допускает подчинение закону или норме с тех пор, как они приняты на свободной основе (договорная схема в точности выражает это подчинение закону, данному самим себе), идеал независимости больше не приемлет этого ограничения Я, а, наоборот, стремится к простому утверждению Я в качестве неотъемлемой ценности. Тогда место основанной на себе самой

нормативности автономии занимает простая “забота о себе”. Соответственно, на смену связи с общественностью и согласию (*consensus*) в отношении разделяемых норм приходит раскол на общественное и частное со всей той ценностью личного счастья и соответствующим отчуждением от общественного пространства»⁴.

В теории Пограничья модели обществ Беларуси, Украины и Молдовы нами рассматриваются не только в рамках взаимодействия *border*-границ, но, главным образом, в рамках взаимодействия с одной стороны *border*- и *boundary*-границ, с другой стороны – *boundary*-границ между собой. Карта Восточной Европы дает нам представление о *border*, на ней не находится места *boundary*. Для исследования Пограничья нам необходимы как *border*, так и *boundary*. Так ставится проблема существования границ разной природы, а также проблема субъектности в процессах, протекающих в Пограничье.

Модели взаимодействия *border* и *boundary*

Исходя из предложенного разграничения понятий, возможно построение нескольких моделей взаимодействия *border*- и *boundary*-границ между собой.

Первая модель представляет собой вариант, когда *border*- и *boundary*-границы совпадают. Примером в этом случае является примордиальное общество, в котором нет разделения на политические, религиозные, экономические сферы. Эта модель подробно рассматривается в социологии, начиная с Дюркгейма. Вместе с тем такая модель является притягательной для регрессирующего в своей социальной структуре сообщества, а также для тоталитарных обществ. Тоталитарные общества выводят за границы социальной структуры некоторых субъектов⁵ и вместе с тем стремятся чрезвычайно упростить свою социальную структуру, добившись совпадения политических, экономических и культурных границ между собою. Достижение такой гомогенизации неизбежно связано с насилием, поскольку подавляет практики субъектов, основанные на их свободе и выстраиваемые ими *boundary*.

Второй вариант взаимодействия *border*- и *boundary*-границ возможен в случае, когда *border*-граница формирует пространство, опираясь на определенные *boundary*-границы, производя культурную, религиозную и прочие виды экспансии. Так происходит становление современных национальных государств в Англии, Нидерландах, Франции, Германии. Такие процессы сопровождаются аккультурацией, ассимиляцией, периферизацией пространства, испытывающего такого рода экспансию.

Третьей моделью выступает такая, в которой субъект, сформировавший *boundary*-границу, разделен между несколькими *border*-пространствами. Примером может служить Священная Римская империя германской нации. Именно

2-в модель Пограничья

в рамках такой модели сегодня происходят исследования процессов европейской интеграции, а также процессов, протекающих в приграничных регионах (*border-studies*⁶). Зачастую проблематика приграничных исследований подменяет собой проблемы теории Пограничья⁷.

Четвертую модель можно назвать *2В-моделью*: она предполагает сосуществование *border*-пространства, сформированного *border*-границей, и *boundary*-границ, взаимодействующих с *border*-пространством. Собственно, это и есть модель Пограничья. В ее рамках разрешаются следующие вопросы:

- 1) формирования *border* и *border*-пространства;
- 2) формирования стратегии презентации субъектов, создающих *boundary*-границы в *border*-пространстве;
- 3) легитимации автономного статуса субъектов, создающих *boundary*-границы;
- 4) институционализации субъектов, создающих *boundary*-границы;
- 5) создания механизма взаимодействия нормативных систем *border*-пространства и субъектов, создающих *boundary*-границы.

Указанные механизмы необходимо отличать от процесса идентификации, поскольку они функционируют на стадии вхождения субъекта с уже имеющейся четкой системой идентичности в публичную сферу. Именно идентичность является одним из условий и оснований построения *boundary*. Также не являются обозначенные механизмы механизмами социализации, поскольку их целью является не включение субъекта в определенную социальную структуру, а существование социальной структуры как таковой, с одной стороны, и субъекта как такового – с другой.

Субъектоспособность

В целях дальнейшей операционализации концепта «Пограничье» необходимо объединить пять вышеобозначенных параметров 2в-модели понятием «*субъектоспособность*» (*actorship*). Субъектоспособность выступает как свойство субъекта составлять презентации в публичной сфере и является условием участия субъекта в публичных отношениях. Субъектом мы можем называть такую форму существования, которая одновременно отвечает всем пяти указанным условиям: может составлять свои репрезентации в публичной сфере, такие репрезентации получают легитимацию, что позволяет субъекту институционализировать свои практики, что в свою очередь вынуждает его обеспечивать конвергентность его нормативной системы с другими нормативными системами. Пятое и ключевое условие, в целом не зависящее от действий субъекта, – наличие среды для протекания подобных процессов, т.е. собственно *border*-пространства.

Субъектоспособность выступает необходимой предпосылкой для возможности постановки вопроса о критериях и условиях принадлежности субъекта к социальному пространству: что делает человека членом семьи? нации? корпорации? Церкви? государства? Очевидно, что не только желание, основанное на собственных интересах субъекта. Также и не только воля и интересы сообщества – без участия субъекта. Человек входит в социальное пространство в области собственного предела, допуская собственное существование в рамках иных субъектов и институтов. Вместе с тем и социальное пространство достигает человека только в области собственного предела. Потому можно утверждать, что всякая коммуникация и интеракция предполагает соприкосновение пределов субъектов и пространств. Именно предел позволяет поставить вопрос о субъекте и его границах, а также об особых пограничных ситуациях, обеспечивающих существование сложной реальности: человека, наделенного свободной волей и автономным статусом и целостного социального пространства⁸. По существу, это и есть проблематика, наиболее актуальная для Восточной Европы.

Очевидно, что Пограничье является ситуацией и состоянием, свойственным для различных социальных уровней. Пространство Пограничья может быть широким и узким, поскольку обуславливается пределами построения самоподобных пространств: такие пространства могут представлять собой громадные сообщества, а могут заключаться в совсем малом пространстве «двух или трех». На всех уровнях такого пространства складываются самоподобные структуры, каждый из уровней такого пространства может рассматриваться как вполне самостоятельный и автономный. Когда Симона Вейль писала о нужде человека в корнях, она указывала на укорененность социальных практик в структурах внутреннего мира человека⁹. И, по-видимому, это естественный порядок восприятия социального мира: внутренние практики определяют социальный порядок. Как правило, на порочном индивидуальном естестве не может возникать здоровая общественность, и наоборот. Субъектоспособность позволяет положить между персональным и социальным пути сообщения и обнаружить их взаимозависимость.

Субъектоспособность и правосубъектность

Концепт «субъектоспособность» необходимо отличать от понятия «правосубъектность», являющегося одним из основных понятий в теории права, а также понятием, на котором строится теория социальной организации (теория правоотношений, теория правопорядка). Однако понятие «правоспособность» относится к субъекту, уже помещенному в правовую среду, которая всегда является первичной по отношению к правосубъектности. Потому «правосубъектность» – это понятие, которое позволяет анализировать стабильные правовые

явления и устоявшиеся правовые системы. При этом открытым остается вопрос о связи, существующей между субъектом и его статусом, а также о генезисе явления правоспособности, т.е. как раз проблема, которую мы обозначаем понятием «субъектоспособность».

Если теория права и сосредоточивается на процедурах приобретения правосубъектности, то никак не связывает этот процесс с природой субъекта. Условия приобретения правосубъектности предусматривают лишь некоторые ограничения, основанные на психологическом состоянии субъекта (распространяющиеся только на его дееспособность) и его положении в правовой среде (когда его деятельность приобретает выраженный антиправовой характер). Г. Кельзен оставляет вопрос о процедурах приобретения субъектоспособности совсем без рассмотрения, указывая на фиктивный характер понятия «правосубъектность», поскольку, по его мнению, индивиды не создают правовую среду. В «Чистом учении о праве» Г. Кельзен настаивает на том, что «персонифицирующие понятия «правовой субъект» и «правовой орган» вовсе не необходимы для описания права. Это просто вспомогательные понятия, которые... облегчают описание. Их использование допустимо только в том случае, если осознается их особый характер»¹⁰.

Как следствие доминирования такого подхода, в традиционном понятии правового субъекта преобладает представление о некоей независимой от правопорядка правовой сущности, т.е. о некоей правовой субъективности, которую право обнаруживает уже готовой – будь то в индивиде или в некоторой общности – и которую ему лишь остается признать, причем ему с необходимостью следует признать ее, если оно не хочет утратить своего характера «права»¹¹. Однако во второй половине XX в. происходило постепенное раскрытие коммуникативных функций права¹², что повлекло и изменение понимания субъекта, и его статуса, а также приблизило внимание исследователей к проблеме предпосылок права, к существованию внеправовых нормативных систем и их взаимодействию с правовой системой. Этот процесс начался в рамках антропологии права, рассматривающей поначалу экзотические правовые системы Африки и Океании¹³, но затем распространился на национальные системы права Запада¹⁴. В целом эту тенденцию можно обозначить понятием персонализации права.

Утверждением трансцендентности субъекта права по отношению к объективному праву защищалось представление о том, что субъективное право – это институт, полагающий непреодолимый предел содержательному формированию правопорядка. Концепт субъектоспособности разрушает такой подход и указывает, что, исследуя правоотношение и, к примеру, процесс образования статуса, мы имеем дело с взаимодействием нескольких нормативных порядков, по отношению к которым субъект не обладает свойством абсолютной трансцендентности. Такой подход позволяет видеть субъекта как автономного по отношению к так называемому «объективному праву», т.е. как свободного,

но не произвольного и не беспринципного. В таком случае необходимо признать, что субъект обладает дискурсивными качествами в отличие от монады. Дискурсивность субъекта освобождает его от тотальной подчиненности и обусловленности организационными структурами. Такое понятие субъекта становится еще важнее, когда правопорядок создается посредством демократической процедуры и дискурсивных практик, как будто бы лишенных общего плана и логики. Потому идеология правовой субъектности опирается на этические ценности индивидуальной свободы и автономной личности. С этой точки зрения правопорядок, не признающий свободы личности, вообще не может считаться правопорядком.

«Субъектоспособность» выступает в этом случае концептом, необходимым для обозначения условий и предпосылок возникновения правосубъектности как основания взаимодействия субъекта и его статуса и субъекта и социального порядка. Данное понятие обозначает систему дискурсивных практик субъекта, направленных на установление социальных отношений. Эти практики не зависят от наличия или отсутствия правосубъектности у данного субъекта, но образуют дискурс, вызывающий в том числе реакцию правовой и социальной системы. И этот механизм обладает универсальным характером вне зависимости от времени и обстоятельств. Таким образом, предпосылки правосубъектности находятся в субъектоспособности. Сама субъектоспособность не институционализируется, но является источником и основанием всякого личного социального действия, собственно, и создающего феномен субъекта¹⁵.

Иными словами, субъектоспособность задает такие характеристики Пограничья, которые позволяют его рассматривать как зону саморефлексии, репрезентации и институционализации субъекта, задающей модель социального пространства. В такой модели субъектные смыслы и практики репрезентации оказывают влияние не только на самого субъекта, но и на иного субъекта, а также на социальные институты. Понятие «субъектоспособность» позволяет рассматривать субъект в его субъект-субъектных отношениях¹⁶ как пограничных практиках, в том числе и в интрасубъектных отношениях, связанных с согласованием его ролей и статусов¹⁷. Такой подход позволяет преодолеть видение Пограничья только как сферы межгосударственных отношений, а также отвергнуть определение субъектов пограничных отношений как таких, чьи «внешние институциональные связи превышают связи внутренних структур»¹⁸, что представляет Пограничье в качестве рыхлого состояния социальной системы, находящейся в кризисе и рвущейся внешними силами и почти не влияющей на протекающие в ней процессы. То есть возникновение Пограничья нельзя связывать только с достижением социальной или политической системой некоторого внешнего предела, потому что даже в таком случае она встречается в первую очередь сама с собой (предел выполняет функцию зеркала, указывая на свойства самого субъекта, не позволяющие ему расширяться далее). И лишь затем только

субъект встречается с другим. Потому мы утверждаем, что Пограничье образуют в первую очередь внутренние границы, формируемые субъектными практиками и определяющие характер внешнего взаимодействия. В этом случае мы получаем инструмент анализа процессов, протекающих в социальном пространстве, позволяющий учитывать субъектные практики и рассматривать социальное пространство Восточной Европы через репрезентации ее субъектов.

Концепт «субъектоспособность» позволяет избежать сразу двух негативных дискурсов исследования Пограничья: 1) политизации анализа социального пространства, при котором все социальные взаимодействия рассматриваются с позиции влияния *border*, т.е. некоего объективного властного порядка; 2) бессубъектности социальных процессов, которая возникает в силу подмены субъекта его статусом.

Деполитизация исследований

Деполитизация анализа социального пространства Беларуси, Украины и Молдовы позволяет рассматривать эти субъекты как сложнодифференцированные сообщества, учитывая в качестве факторов их становления и существования не только признанные в международном порядке *border*-границы, но и многочисленные *boundary*-границы, формируемые, в первую очередь, неполитическими субъектами. Данный метод способствует выявлению реальных акторов, формирующих данный регион в социальных отношениях, а также институтов и механизмов их репрезентации.

Проблема бессубъектности задается в обществах Восточной Европы как постмодернистской критикой субъекта¹⁹, так и теорией транзита, делающей акцент на институциональных изменениях в странах перехода. Например, П. Бурдье указывает, что социальное пространство – это «поле сил, необходимость которых навязывается агентам, вовлеченным в данное поле, и поле борьбы, внутри которого агенты противостоят друг другу со своими средствами и целями, различающимися в зависимости от их позиции в структуре поля сил, участвующим таким образом в сохранении или трансформации структуры этих позиций»²⁰. Однако утверждение о существовании социального пространства и о некоторых его свойствах не разрешает проблемы познания Восточной Европы и Пограничья, не совершает переход от анонимности такого пространства. Речь идет не только о проблеме установления оснований приобретения субъектом статуса, но и о необходимости преодоления в анализе социальных отношений полной замены статуса субъектом, а также о типологизации отношений между субъектом и его статусом (табл. 1).

Таблица 1

	Статус	Не-статус
Субъект	Реальная субъектоспособность	Потенциальная субъектоспособность
Не-субъект	Фиктивная субъектоспособность	Не-субъектоспособность

Данная таблица представляет типологию субъектно-статусных отношений, формирующих Пограничье. В реализации 2b-модели могут участвовать субъекты, реально или потенциально субъектоспособные, формирующие *boundary*-границы (систему репрезентаций), опирающиеся на собственный нормативный модус. Однако в формировании пространства Восточной Европы могут принимать участие и фиктивные субъекты (создаваемые извне в административном порядке, не имеющие собственных ресурсов существования, действующие только в порядке манипуляции), а также псевдосубъекты, не обладающие ни статусом, ни свойствами субъекта (массы, «население», атомизированные индивиды, страны, народы и т.п.). Фиктивные субъекты не опираются на собственный нормативный модус, а потому не способны к формированию *boundary*-границы в *border*-пространстве. Псевдосубъекты исключены из публичного пространства, которое в таком случае определяется только фактором *border*-границы.

Типологизация субъектно-статусных отношений позволяет составить ряд моделей организации пространства Восточной Европы (табл. 2).

Таблица 2

	Статус	Не-статус
Субъект	Реальная субъектоспособность Легитимированная <i>boundary</i> -граница, Пограничье	Потенциальная субъектоспособность Нелегитимированная <i>boundary</i> -граница, Пограничье
Не-субъект	Фиктивная субъектоспособность Доминирование <i>border</i> -пространства, псевдо- <i>boundary</i> -граница, Не-Пограничье	Не-субъектоспособность Тотальное <i>border</i> -пространство, Не-Пограничье

Таким образом, Восточная Европа может развиваться либо как Пограничье, либо как не-Пограничье. Пограничье является позитивной моделью устройства сложнодифференцированного сообщества, выступая формой, в рамках которой существуют субъектные практики в социальном и публичном пространстве.

2-в модель Пограничья

Отсутствие Пограничья является органичным для примордиального общества и противоположным, в контексте логики автономного субъекта, – для сложнодифференцированных сообществ, каковыми являются Беларусь, Украина и Молдова. Сложнодифференцированные сообщества, не выстраивающие Пограничья, вынуждены прибегать к нерациональным практикам для мобилизации общества и поддержания его целостности, а также использовать насилие.

Контекст исследования Пограничья в данном случае задается субъектоспособностью, обеспечивающей умопостигаемость социального пространства и выводящего за пределы такого исследования изначально неинтелигибельные ситуации, предполагающие отсутствие субъекта социального действия. Умопостигаемость социального пространства является главным условием его актуального существования для субъекта. Само утверждение об умопостигаемости социального пространства является пограничным утверждением, утверждением на пределе. М. Мамардашвили пишет о такой ситуации так: «Кроме властной потребности быть, состояться или пребыть, как говорят философы, у человека есть еще потребность понимать. Человек, в принципе, не может жить в мире, который ему непонятен. Но принцип этого понимания всегда срывается с фундаментальным отношением человека к самому себе и в смысле потребности идентифицировать себя и способности уважать себя»²¹.

Интелигибельность

Наличие в приведенной таблице зоны Не-Пограничья указывает на достаточно грозные альтернативы развития Восточной Европы, опирающиеся на не-субъектные практики, становящиеся в не-нормативной²² и нерациональной среде. Грозной такая альтернатива является постольку, поскольку сообщества Восточной Европы являются сложнодифференцированными, представленными множеством субъектов, обладающих субъектоспособностью. Для них развитие в направлении такой альтернативы представляет социальный регресс и фрагментацию собственного жизненного пространства. Такой регресс в первую очередь связан со становлением неинтелигибельного пространства, которое Х. Арендт обозначала так: «Какой вид основополагающего опыта из сферы совместной жизни людей составляет дух тоталитарной формы правления, сущность которой – террор, а принцип действия – логичность идеологического мышления? У этого опыта – две опоры: одиночество и мнимо непротиворечивая логика. Не то одиночество, которое является плодотворным уединением и поддерживает внутренний диалог нашего “я” с самим собой, когда нам гарантировано подтверждение своей индивидуальности в сообществе людей. Но то, которое носит признаки утраты “я”, когда человек “теряет и доверие к самому себе как внутреннему собеседнику, и то элементарное доверие к миру, без которого вообще

невозможен никакой опыт.” “Я” и мир, способности к мышлению и восприятию опыта теряются одновременно»²³.

Заменной живому опыту участия в человеческом сообществе выступает насильственная самоочевидность логического рассуждения, причинно-следственные связи, всеобщая детерминация или табуирование. В таком случае теряется потребность в усилении мысли, в усилении принятия решения. Все усилия направлены только на достижение результата, и любой результат оказывается пригодным и приемлемым. «Господство трафаретов логических рассуждений в условиях массового одиночества» – такую формулу тоталитарного опыта нашла Арендт²⁴. З. Бауман в «Индивидуализированном обществе» говорит о доступности такого опыта и вне тоталитарных обществ²⁵. Х. Арендт ситуацию неинтеллектуальности также называла «безъязыкостью», в которой не может существовать личность, но может существовать безумец.

По существу, это главное отличие двух моделей – Пограничья и Не-Пограничья. Пограничье основано на допущении отличия между человеком и его статусом. В Пограничье человек является становящимся существом, «обреченным» на взаимодействие с границами, которые он сам выстраивает и которые выстраивают другие. Без индивидуальных усилий не создается Пограничье. А Пограничье и есть эффект такого постоянного творения, оно не может существовать без действия и вне действия субъектов. Пограничье является условием обращения к субъектным практикам, позволяющим создавать интеллектуальные ситуации. Существует, очевидно, всего два условия осуществимости таких практик.

Первое условие относится к человеку и человеческим сообществам, и заключается оно в признании их текучести. Ни человек, ни сообщество не даны, но только заданы. И к человеку, и к сообществу необходимо совершать определенный путь. Кроме человека этот путь проделать никто не может. Процесс такого создания или рождения является постоянной работой. Потому всякая социальная инженерия, создающая социальное пространство без участия субъекта, обречена каждый раз на вырождение в режимы, применяющие террор и ограничивающие ответственность человека.

Второе условие относится к качеству публичного пространства. Оно должно быть открытым для человека, потому что является естественной средой для его мысли и действия. Другой среды просто не существует. Это некий круг жизни и общения – круг традиций и взаимных обязательств, носящий не идеологический, а жизненный характер. Действия субъекта продиктованы в таком пространстве его собственной логикой, основанной на его статусе и его природе. Вне публичного пространства не существует никаких обязательств и взаимных обязанностей, не существует гарантий²⁶. Лишь в контексте границы и *border*-пространства субъект может приобретать некий статус, посредством которого

2-в модель Пограничья

осуществляет социальные взаимодействия. Такое пространство призывает людей к сотрудничеству.

Отношения между субъектом и его статусом в публичном пространстве предполагают, что должна существовать сфера смысла, что внутренний опыт субъекта становится верифицируемым только в определенном пространстве, адекватном для его внутреннего опыта. Но такое место также нельзя найти вне действия субъекта. Нет специально подготовленной сферы смысла. А вот подготовленных мест абсурда – множество. Достаточно легко представить себе такие ситуации нахождения за пределами пограничной ситуации, в которой создаются предпосылки смысла. В XX в. абсурд достаточно хорошо изучен – и теоретически, и практически. Он обозначен множеством метафор: тошнота, чума, процесс, замок, обозначающие ситуацию изначально заданной зазеркальности, вывернутости и субъекта, и социального пространства, когда невозможным становится решительно все: от уважения к себе субъекта до умопостижимости мира. И субъект и мир в зазеркалье предстают имитациями самих себя, к ним не приложимы никакие категории. Они – абсурдны. А абсурд невозможно мыслить, из него можно лишь выходить, чтобы создавать иное пространство, потому что «имеют место и некоторые первоакты или акты мировой вместиимости (абсолюты), относящиеся к кантовским интеллигибилиям и декартовскому *cogito sum*. Именно ими и в них – на уровне своей развитости – человек может вместить мир и самого себя как его часть, воспроизводимую этим же миром в качестве субъекта человеческих требований, ожиданий, моральных и познавательных критериев и т.д. ....То есть всего мышления недостаточно для мысли, даже для одной случайной мысли. А нужны еще вот те вещи, которые я называл дополнительными или живыми актами, живыми состояниями, имеющими свои онтологические или бытийные условия возможности. Эти условия могут разрушаться»²⁷.

Этим первоактам или предпосылкам смысла не существует альтернативы. Не существует альтернативы между интеллигибельным и неинтеллигибельным. Последнее означает прекращение трансляции внутреннего опыта – или смерть субъекта (в нашем случае – социальную смерть), субъект, отказываясь от смысла в социальных отношениях, утрачивает значение самостоятельного социального субъекта. А смерть не является альтернативной жизни. Интеллигибельное пространство является совершенно необходимым для существования социального и для существования субъектов, которые одни и в силах создать такое пространство.

Это основа институционализации субъекта в случае выделения в ней основ для персонального действия субъекта с опорой на ценности и нормы, присущие ему. Такого рода смысл лишен исключительно спекулятивного значения. Смысл является только в пограничных ситуациях, которые ставят вопрос о самих основаниях субъекта и о возможности его продолжения во взаимодействии с другим.

Этот смысл, поскольку является на границах, не имманентен реальности, он не реализуется, но он движет жизнью, благодаря ему в жизни становится одно возможным, а другое – невозможным²⁸. Этот смысл невозможно получить извне, он является только в определенной личной динамике. Это динамическое существование не может быть прекращено без уничтожения самого субъекта, оно не может быть заменено метафорой, картой, картинкой, идеологией, идеей... Оно – всегда реально и никогда не имеет готовых ответов. Каждый ответ в этом случае является личностным и не может быть подсказан или заменен чужим.

Но это означает, что не существует самих-по-себе верных и осмысленных реальностей, что пограничье является сутью социальной жизни, – жизни ввиду другого, что «для человеческого необходимо нечто (снова и снова) превращать в ситуацию, поддающуюся осмысленной оценке и решению, например, в терминах этики и личностного достоинства, т.е. в ситуацию свободы или отказа от нее как одной из ее же возможностей».

Персонализм и условие интеллигибельности социального как свойства Пограничья означают деобъективизацию тех вещей, которые кажутся незыблемыми и спасительными сами-по-себе, к примеру, морали или права, или каких-то еще институтов. Эти объективные вещи, будучи помещены в среду Пограничья, сами требуют предпосылок. Так, «моральность есть не торжество определенной морали (скажем, “хорошее общество”, “прекрасная институция”, “идеальный человек”), сравнимой с чем-то противоположным, а создание и способность воспроизводства ситуации, к которой можно применить термины морали. И на их (и только их) основе уникально и полностью описать». Иными словами, ситуация Пограничья позволяет корректировать главный тезис транзитологии, задающейся важнейшими вопросами существования обществ Восточной Европы: проблема заключается не столько в институтах и заимствованиях, а в актуализации предпосылок, только на основе которых могут действовать институты.

Интеллигибельность социального пространства и его институтов также требует выстроенных определенным образом механизмов Пограничья, обеспечивающих для субъекта возможность достижения смысла и поддержания структур социального пространства, не выводимых просто из личных усилий. Эти мосты должны существовать. Вне такого пространства внутренний опыт искажается и не может быть транслируемым. Вне такого пространства субъект не может быть адекватно интерпретирован. Такими мостами выступают некоторые смысловые схемы. Так, определенные ценности в Европе требовали создания смысловых структур, превышающих локальные нормативные системы. В этом отличие от традиционных обществ, обходящихся без таковых схем. Такими схемами выступают концепции Империи, Святой Руси, Речи Посполитой, Европы, государства (state), народа, нации, которые не являются субстанциальными, не указывают на определенного субъекта и даже на определенный порядок, но представляют механизмы Пограничья, обеспечивающие осмысление социаль-

ного мира, не являющиеся идеологией и требующие личного участия человека. Они необходимы постольку, поскольку опираются на субъектные ценности, не адекватные современным им нормам институтов.

По-иному механизмы Пограничья можно определить как социальные фреймы. И интеллигибельность ситуации в этом случае определяется возможностью выстраивания субъектом собственного фрейма, значимого для социального пространства. Построение такого фрейма является индикатором реализации субъектоспособности²⁹. Социальный фрейм является схемой интерпретации, фоновым пониманием событий, в котором участвуют воля, целесообразность и разумность, иными словами, живая деятельность субъекта³⁰. Фрейм – это живая и становящаяся форма субъекта.

Данная типология является методологическим основанием преодоления четвертого негативного дискурса исследования Пограничья – включающего в качестве объекта неинтеллигибельные социальные процессы.

Примечания

- ¹ Какие бы основания для этого ни избирались: славянство, православие, католицизм, общая история и т.д. Все эти основания служат лишь для построения утопической картины Восточной Европы как социального монолита, объединенного политически и идейно. Такой подход нейтрализует практически полностью проблему пограничного состояния этих обществ, т.е. действительные основания их тождественности.
- ² State formation, nation building, and mass politics in Europe: The theory of Stein Rokkan / Peter Flora ed. Oxford, 1999.
- ³ Принципиально важно, что становление субъекта может происходить только публично. Даже если таким субъектом является отшельник, его действие имеет публичное измерение и публичный эффект. Всякое интеллектуальное и культурное свершение – публично, поскольку предполагает зрителя, разделяющего или красоту, или смысл, или страдание. Там, где не возникает такого прорыва к публичности, – жизнь закидает. В русской литературе тоску именно такой изолированной от публичного пространства жизни замечательно показал Василий Шукшин в бесчисленных рассказах о провинциальных социальных реформаторах, всю жизнь в чемодан писавших, об изобретателях самолетов и велосипедов, о графоманах. Все, что бы они ни изобрели, написали или придумали, – одинаково хорошо, потому что никому не нужно, – и не потому, что эти странные люди «опередили время», а потому что попросту в это время они и не вошли, и не входили. Они были замкнуты в собственном мире, не имевшем (не по их вине, конечно) никаких выходов в публичное пространство.
- ⁴ Рено, А. Эра индивида. К истории субъективности / А. Рено; пер. с франц. С.Б. Рындина; под ред. Е.А. Самарской; статья Б.В. Маркова. СПб., 2002. С. 70.

- ⁵ Ср.: «В результате крушения двух многонациональных государств – России и Австро-Венгрии – появились и те группы населения, которые новая логика истории сделала первыми своими коллективными жертвами. Это были безгосударственные народности и меньшинства, кто не просто потерял какие-то социальные права, но те, кто «потеряли права, которые мыслились и даже определялись как неотчуждаемые, а именно Права Человека». И здесь обнажился довольно простой и упрямо-жесткий факт, что идея «прав человека», не закрепленная в конкретной национально-гражданской форме, – декларируемая, но пустая и безжизненная фикция. То, что утеря национальных прав означала потерю прав человека, и безгосударственные люди, и меньшинства хорошо понимали. Защитной реакцией группового сознания было требование своих прав исключительно в качестве поляков, или евреев, или немцев. В то время как «все общества, образованные для защиты прав человека, все попытки добиться принятия нового билля о правах поддерживались маргинальными фигурами – немногими юристами-международниками без политического опыта или профессиональными филантропами, движимыми неопределенными чувствами завзятых идеалистов» (Х. Арендт) (цит. по: Ознобкина, Е. Начало совершилось, человек сотворен был... / Е. Ознобкина // Новый мир. 1997. № 5).
- ⁶ См. обзор проблематики таких исследований: <http://www.ollusa.edu/border/LINKS.html>. Мы не останавливаемся в работе подробно на разграничении предмета теории Пограничья и border-studies ввиду их явного отличия. Однако теория Пограничья может рассматриваться как метатеория по отношению к исследованиям приграничного и кросс-граничного взаимодействия, носящим, как правило, прикладной характер.
- ⁷ Ср. «Жители приграничья постоянно гуляют от одной культуры к другой, и оказывается, что не столь важно прибиться к той или иной культуре; именно поэтому создается особая приграничная культура с амбивалентностью идентичностей...» (Бредникова, О. Интерпретируя приграничье: метафоры «окна», «зеркала» и «витрины» / О. Бредникова // После империи: исследование восточноевропейского Пограничья. Вильнюс, 2005. С. 20).
- ⁸ В последние десятилетия постановка структуралистами проблемы понимания человека дала повод для оживленных дебатов о соотношении «индивида» и «общества» или «действия» и «структуры». Раньше эти столь разные направления сосуществовали параллельно, а теперь все чаще ставится вопрос об их взаимодействии. В этом смысле можно сказать, пользуясь приведенными метафорами, что современная социология все в меньшей степени изучает общество как структурированный «парк» или как «зеркальную гладь моря с плывущими по ней кораблями». Картинки в значительной мере наложились одна на другую, и изучение общества все в большей мере становится изучением модели «лодки на аллеях парка». П. Монсон озаглавил свое знаменитое исследование как «Лодка на аллеях парка» ([Электронный ресурс] / <http://www.politnauka.org/files/monson.rar>.)
- ⁹ Weil, S. The need for roots. Prelude to a Declaration of Duties Toward Mankind / S. Weil. NY, 1992.

- ¹⁰ Кельзен, Г. Чистое учение о праве / Г. Кельзен. М., 1988. Т. 2. С. 37.
- ¹¹ Ibid. С. 38.
- ¹² См.: Хабермас, Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории / Ю. Хабермас. СПб., 2001.
- ¹³ «...Юридическая антропология, отправляясь вместе с эволюционизмом от историко-нормативного подхода к праву в наиболее „очевидных” его проявлениях, она затем благодаря функционализму и процессуальному анализу стала изучать более подробно поведение людей, чем кодексы. Затем, признав плюрализм, она открыла существование наряду с государственным правом множества правовых систем» (Рулан, Н. Юридическая антропология / Н Рулан. М., 2000. С. 50).
- ¹⁴ См. концепцию внеправовых оснований права: Dworkin, R. Taking Rights Seriously / R. Dworkin. Harvard University Press, 1977.
- ¹⁵ Чистый разум, утверждает Кант, «присутствует и остается одинаковым во всех поступках человека при всех обстоятельствах времени, но сам он не находится во времени и не приобретает, например, нового состояния, в котором он не находился раньше, он определяет состояние, но не определяется им» (Кант, И. Сочинения / И. Кант. Т. 6. С. 541).
- ¹⁶ Все здание философии Нового времени от Декарта до Гуссерля воздвинуто на установке методологического солипсизма, на модели субъектно-объектного отношения, абстрагируясь от принадлежности субъекта определенному социуму. В философии XX в., прежде всего в форме «лингвистического поворота», были предприняты попытки отхода от такого понимания. В теории права наблюдается параллельный процесс. Ю. Хабермас писал: «Не только познание и использование объективной природы есть явление, подлежащее объяснению, но и intersубъективность возможного понимания... Тем самым фокус исследования смещается от когнитивно-инструментальной к коммуникативной рациональности. Для него парадигматично не отношение обособленного субъекта к чему-то в объективном мире, что можно представить и чем можно манипулировать, а intersубъективная связь, которую устанавливают субъекты, обладающие языковой компетентностью и компетентностью действия, договариваясь о чем-то друг с другом» (Назарчук, А.В. Язык в трансцендентальной прагматике К. Апеля / А.В. Назарчук. [Электронный ресурс] / http://i-e.ru/biblio/archive/nasarchuk_ja.)
- ¹⁷ Симона Черутти в работе о становлении современных судебных институтов пишет: «Проблема соотношения между практикой и статусом (частным случаем которой является проблема соотношения между личными правами и вещным правом) пронизывала общества... Она касалась всех социальных слоев. Перед лицом важных перемен, совершавшихся в те годы, было жизненно необходимо определить, на каких именно элементах должна основываться социальная идентификация. Статус присваивается властью (через титул, звание или должность) или вытекает из совершенных действий? Если некто занимается торговлей, превращается ли он в коммерсанта (именно в этом основа споров по поводу *dérogance*)? Дворянин – это тот, кто живет

- по-дворянски? Или только тот, кто может украсить себя присвоенным ему титулом? Гражданин – это тот, кто проживает в городе, или тот, кто обладает патентом на мешанство (letterediborghesia)? Изучаемое нами общество было погружено в альтернативные системы ценностей и системы легитимности. Нельзя сказать, что одна из версий соответствует народному, а другая элитарному взгляду. Обе удостоились ученого изложения. И к той, и к другой в разное время обращались купцы и ремесленники, юристы и адвокаты (Черутти, С. Скорый суд / С. Черутти // Неприкосновенный запас. 2005. № 5).
- 18 См.: После империи: исследования восточноевропейского Пограничья. Вильнюс, 2005.
- 19 Шпарага, О. О необходимости субъективации Пограничья / О. Шпарага // После империи: исследования восточноевропейского Пограничья / под ред. И. Бобкова, С.Наумовой, П. Терешковича. Вильнюс, 2005.
- 20 Цит. по: Шматко, Н.А. «Социальное пространство» Пьера Бурдьё / Н.А. Шматко // Социальное пространство: поля и практики / П. Бурдьё. СПб., 2005. С. 560.
- 21 Мамардашвили, М. Как я понимаю философию / М. Мамардашвили. М., 1992. С. 168.
- 22 Такие сообщества склонны прибегать скорее не к норме, а к табу (см.: Geertz, C. Wiedza lokalna. Dalsze eseje z zakresu antropologii interpretatywnej / C. Geertz. Kraków, 2004).
- 23 Арндт, Х. Истоки тоталитаризма / Х. Арндт; пер. с англ. И. Борисовой, Ю. Кимелева, А. Ковалева, Л. Седова, Ю. Мишкенене. М., 1996.
- 24 Цит. по: Ознобкина, Е. Начало совершилось, человек сотворен был... / О. Ознобкина // Новый мир. 1997. № 5.
- 25 Бауман, З. Индивидуализированное сообщество / З. Бауман. М., 2005.
- 26 Отсюда – ценность любого публичного пространства. Отсюда же и проблема размера такого пространства – насколько оно широко, насколько оно рассчитано на субъектов. Где-то есть рациональность, но насколько она доступна для всех?
- 27 Мамардашвили, М. Мысль в культуре / М. Мамардашвили // Как я понимаю философию. М., 1992. С. 144.
- 28 «К сожалению, в нашем обыденном мышлении, в том числе и в социальном, мы всегда совершаем роковую ошибку. То, что в действительности является предельно сопрягающим поля наших усилий, мы помещаем в мир в виде искомого в нем совершенного образца и ходячего идеала. Например, мы говорим: покажите нам вполне справедливый конкретный закон, и тогда мы будем жить по закону. Но был ли когда-нибудь и где-нибудь такой конкретный закон, при применении которого всегда торжествовала бы справедливость? Покажите пример идеального или совершенного общества. И когда мы не можем это показать (а показать нельзя – этого нет), то торжествует нигилизм. Из непонимания того, как устроены мы сами, как устроена наша нравственность. Нигилизм сначала есть требование того, чтобы было “высокое”. Второй шаг – обнаружение, что истинно высокого никогда не было: ну,

2-в модель Пограничья

покажите мне истинно честного человека! У каждого можно найти какой-то недостаток, какую-то корысть. Третий шаг – утверждение, что все высокое – это сплошное притворство, лицемерие, возвышенное покрытие весьма низменных вещей. И потом знаменитое: “Все дозволено, раз Бога нет”» (Мамардашвили, М. Философия – это сознание вслух / М. Мамардашвили // Как я понимаю философию. М., 1992. С. 61).

- ²⁹ «Хотя человек, к сожалению, не властен над временем, расшатывающим любые порядки, однако то сознание, о котором я говорил и которое существует в особом режиме, позволяет это неминуемое расшатывание или склонение исправлять. В потоке времени мы все склоняемся. Ну, например, мы склоняемся нашими страстями и т.д. И это случается с нами вопреки сознанию. А я подчеркиваю, что наряду с этим существует и выпрямление склонения. И, более того, что оно должно происходить постоянно и в каждом месте снова и снова возобновляться, чтобы был тот мир, в котором мы могли бы жить как сознательные, чувствующие и желающие существа. Но если сознание есть выпрямление склонения, то, следовательно, в мире еще должно что-то родиться вместе со мной как возможным в этом мире. Значит, спрямление есть какой-то прямой отрезок, восстановленный из моей души, по которому я не могу не идти. И никто не имеет права заставить меня сойти с этой прямой (Мамардашвили, М. Проблема сознания и философское призвание / М. Мамардашвили // Как я понимаю философию. М., 1992. С. 56).

- ³⁰ Гофман, И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта / И. Гофман; под ред. Г.С. Батыгина, Л.А. Козловой. М., 2003. С. 5.

МОРФОЛОГИЯ ПОГРАНИЧЬЯ

*We made an effort, showing our homes.
The visitors thought: you live well.
The slum is within you.*

T. Tranströmer «The Dispersed Congregation»

Border-пространство

Border-границы – всегда наличны, непосредственно воспринимаемы, статичны. Наиболее очевидным образцом таких границ являются политические границы государств, являющие собой структурные ограничения¹, пределы публичной власти. Такие границы не указывают на определенного субъекта, но обозначают определенный публичный порядок. По отношению к публичному порядку политические границы являются внешними ограничениями социальной структуры. Политические границы задают особый вид пространства, который мы обозначили как *border*-пространство. Его нельзя отождествлять ни с социальным пространством (поскольку оно не связано с определенными субъектами, их действием и целями), ни пространством публичной власти (поскольку оно может обходиться и без статусов).

Политические границы уникальны, поскольку их существование подчинено правилу, которое может быть сформулировано так: на одной территории не может быть одновременно сформировано нескольких полноценных публичных порядков. Если наличествуют несколько таких порядков в рамках одного и того же пространства, как правило, они находятся в нестабильном состоянии². И поскольку на определенной территории может быть только один такой порядок,

существует его конкретная, уникальная граница, определяющая пространственные пределы его распространения.

Уникальность публичного пространства выражается в концепции суверенитета, многозначной и неопределенной, а потому как нельзя более приспособленной к обозначению динамичной, меняющейся, бессубъектной реальности. К. Шмит так пишет о таком свойстве понятия «суверенитет»: «Этапы истории догмы о суверенитете характеризуются различными политическими битвами за власть, а не диалектическим имманентным понятием развитием. В XVI в. в ситуации окончательного распада Европы на национальные государства и борьбы княжеского абсолютизма с сословиями возникает боденовское понятие суверенитета. В XVIII в. государственное самосознание недавно возникших государств отражается в международно-правовом понятии суверенитета у Ваттеля. [...] В самых разных вариациях все время повторяется старое определение: суверенитет есть высшая, независимая от закона, ни из чего не выводимая власть. Такая дефиниция может быть применена к самым разным политически-социологическим комплексам и поставлена на службу самым разным политическим интересам. Она является не адекватным выражением реальности, но формулой, знаком, сигналом. Она бесконечно многозначна и потому на практике в зависимости от ситуации в высшей степени пригодна или совершенно никчемна. Она использует превосходную степень “высшая власть” для обозначения реальной величины, хотя в реальности, где царит закон причинности, невозможно выхватить ни одного отдельного фактора и наделить его такой превосходной степенью. Непреодолимой, функционирующей с надежностью закона природы высшей, то есть наибольшей, власти в политической действительности не существует; власть ничего не доказывает применительно к праву, именно в силу того банального основания, которое Руссо в согласии со своей эпохой сформулировал так: “Сила есть физическая мощь. Пистолет, который держит преступник, – тоже власть. Сочетание фактической и правовой высшей власти является основной проблемой понятия суверенитета”»³.

Таким образом, понятие суверенитета – это попытка выразить уникальность, неоспариваемость всякого публичного порядка, представляющего не определенного субъекта, но конфигурацию социальных отношений, сформированную в рамках *border*-границ. Принципиально важным является то, что суверенитет – это не свойство некоего субъекта⁴, но свойство определенной конфигурации связей и отношений в границах территории. Суверенитет не может присваиваться, вернее, узурпироваться субъектом. Кому-то может пригрезиться, что он овладел этим пространством, однако это не более чем иллюзия. Т. Гоббс, называя свой великий трактат именем Левиафана, продолжал христианскую традицию, с почтением и удивлением относящуюся к природным явлениям, не подвластным воле человека, среди которых государство – одно из самых грандиозных. «Отдашь ли ты Левиафана играть с твоими девочками?» – повторяет

Гоббс риторический вопрос, обращенный тысячи лет назад Иову⁵. Ибо нет уз на это чудовище – великолепное и превосходящее всякое воображение. Это пространство независимо и не подчинено субъекту. В *border*-пространстве можно занять определенное положение, зависящее от законов существования этого пространства, но нельзя диктовать правило существования этому пространству исходя из логики только своего положения. *Border*-пространство может быть заменено только иным типом *border*-пространства, и пока этого не произошло, оно безальтернативно. Обладая знанием кодов этого пространства, можно производить его переменны.

Важно, что существует, видимо не зависящее от субъекта и даже от «суверена» пространство, основанное на конфигурации отношений, в котором палач и его жертва являются элементами, одинаково важными и взаимозависимыми, в котором подданный значит не меньше, чем король. Очевидно, что субъекты, существующие в этом пространстве, сами не порождают его. Такое пространство является природной формой для группы субъектов, по тем или иным причинам вынужденных к совместному существованию и выработавшими соответствующие практики. Если это сообщество не в состоянии решить вопросы своего существования и сосуществования с другими сообществами, за него это будут делать другие, включая данное сообщество в более широкие структуры. Потому наряду с понятием суверенитета для характеристики *border*-пространства необходимо введение понятия автаркии⁶. Всякое *border*-пространство автаркично по своей природе, оно условно самодостаточно, поскольку, по сути, ничто не мешает быть ему самодостаточным. Оно безальтернативно вне зависимости от того, хорошо оно или же нет, пригодно оно для жизни в нем или же нет, комфортно или нет. Оно существует, и само его существование – много важнее его качества.

В *border*-пространстве, являющемся конфигурацией социальных властных отношений, по необходимости создаются механизмы, позволяющие решать проблему согласования действия субъектов такого пространства, дифференциации социальной структуры и целостности включенных в него элементов.

Показательно, что постсоветская история Восточной Европы начинается именно с деклараций о суверенитете⁷. Данные декларации выстраивали некое пространство, очерченное границами и представлявшее определенную конфигурацию отношений и связей. Их главная функция заключалась в объявлении этого пространства конечной формой организации социальных отношений. В декларациях была широко использована национально-этническая риторика, но только в качестве легитимирующего элемента для решения практической задачи по строительству *border*. И хотя эти декларации были приняты от «имени народа», в них необходимо различать два уровня – на одном они были направлены на гипостазирование альтернативного существующему субъекта, принимающего решения учредительного характера (но это не была основная функ-

ция данных документов), – на втором совершалось утверждение суверенного пространства, организовавшего социальные отношения в рамках новых *border*-границ. Два данных процесса оказались асинхронными, поскольку гипостазирование альтернативного субъекта – процесс достаточно долгий, а учреждение *border* – очень короткий.

Эта асинхронность предопределила восприятие процессов, происходящих в Восточной Европе, на двух уровнях, разорванных во времени. Эти процессы могут восприниматься, и воспринимаются большинством исследователей, как субстанциальные, как субъектные, хотя в первую очередь в них происходит строительство *border*-структур. Оказывается, что процессы в трансформирующихся сообществах необходимо воспринимать, учитывая, что они слагаются, по крайней мере, из двух составляющих – субъектной и бессубъектной. Если субъектную составляющую можно определять через субстанциальные признаки: язык, культуру, обычаи и пр., то бессубъектная характеризуется такими понятиями, как эффективность, целостность, управляемость, гибкость и пр. При этом невозможным оказывается перевод субстанциальных понятий в структурные, и наоборот, невозможной оказывается и их замена одного другим. Кроме того, можно утверждать, что взаимодействие внутри политических границ может еще более усложняться, если оказывается, что социальное пространство включает в себя пустоты, которые нельзя охарактеризовать ни структурными, ни субстанциальными признаками. Последний вариант является возможным, поскольку политическая граница не предполагает обязательного наличия некоей субстанции или некоего субъекта, обладающего единством воли и целостной организацией.

Социальное пространство и border-пространство

Необходимо проводить четкое различие между социальным пространством и *border*-пространством. *Border* отличает бессубъектность и несубстанциальность. Социальное пространство субъектно и субстанциально. Неразличение этих двух феноменов приводит к видению политической границы как формы определенной субстанции, как презентации определенного субъекта, что затемняет и делает невозможным анализ процессов, проходящих в данном пространстве. Так, можно, к примеру, заниматься поиском объективности тех или иных политических границ, можно заниматься поиском закономерностей и заданности территории того или иного государства «характером народа»⁸, что равно не имеет смысла, поскольку *border* определяется не некими свойствами субъектов, а силовыми отношениями.

Border – это чистая структура. Она не является ни субстанцией, ни субъектом, она не является и совокупностью элементов социальной или политической системы. Она – суть отношения и конфигурация таких отношений. Но такое видение достаточно трудно удерживать, его проще заменять более личностными категориями, оно вытесняется видением *border*-пространства именно как субстанции, наделенной объективными признаками, подкрепляется внешним восприятием *border*, когда она выступает метафорой данного пространства, а также формированием определенных локальных общностей, для которых граница является одним из первоочередных факторов их становления, облегчая идентификационные практики по отношению к другим, обозначенным этой же границей. Так возникает особый политический миф об органичности общности⁹, объединенной этой самой границей, получающей «объективное» значение. Однако, когда мы употребляем такие понятия, как «народ», «нация», «страна», «коллектив», «организация», «фирма», «Церковь», мы фиксируем не постоянные и неизменные явления, но переменные, зависящие от множества обстоятельств, фиксируем определенное состояние конфигурации.

Субстанциальный подход сближает аналитику с политической мифологией и мифологическим сознанием вообще, наделяя реальность субъективными свойствами. На данное обстоятельство обратил внимание Р. Брубейкер; размышляя над судьбами национализма в Восточной Европе, он пишет: «...взгляд на народ, как на определенную субстанцию, поддерживается не только реалистами, но и “модернистами” и “конструктивистами”, которые видят народы как образованные такими силами, как индустриализация, неравномерное развитие, развитие сети коммуникаций, а также сильно интегрирующее и гомогенизирующее воздействие современного государства. Такой подход совершает подмену вопроса о реальности или эффективности социальной структуры или народного чувства вопросом о реальности народов как конкретных сообществ»¹⁰.

Национальная, культурная, экономическая и прочая риторика вытесняет в Восточной Европе на протяжении и постсоветских лет логику развития в парадигме суверенитета. Суверенитет – не природное качество сообщества, его необходимо достигать, прилагая к тому множество усилий и постоянно соотносясь с реальной социальной системой. Между тем теория суверенитета оказалась периферийной, она практически не разрабатывается и из нее не делается выводов, касающихся оснований государственной власти и содержания публичных отношений. Однако именно категория суверенитета является необходимым контекстом интерпретации национализма и процесса трансформации, а не наоборот.

Свойства *border*-пространства обусловлены не природой составляющих его субъектов, а характером социальных структур и межстатусных связей. Оно существует вне зависимости от свойств входящих в него, взаимодействующих с ним элементов; оно существует уже по тому, что существует некое действие субъекта,

направленное вовне и требующее формализации его положения, фиксации его положения относительно иных участников отношений и его собственного действия. *Border*-пространство и является средой такого действия всякой социальной организации, – единственным пространством, не имеющим альтернатив для субъектов, находящихся в рамках *border*-границ.

Вместе с тем Пограничье предполагает, что существует, как утверждал Э. Берк, нравственная и политическая страна, не совпадающая с географической и способная находиться в прямом столкновении с нею: «Во всяком нашем обращении к Франции при всякой попытке вступить с нею в отношения, при рассмотрении любой схемы, так или иначе с нею связанной, совершенно невозможно иметь в виду географическую страну: мы обязаны всегда иметь в виду страну нравственную и политическую... Правда состоит в том, что Франция сейчас вне себя; Франция нравственная отделилась от Франции географической. Хозяин изгнан, дом в руках разбойников. Если мы ищем действительных французов, существующих в качестве таковых как на первый взгляд, так и с точки зрения публичного права (я хочу сказать, тех французов, которые свободны располагать собою и решать за себя, кто не лишен способности вступать в отношения и делать выводы), то мы найдем их во Фландрии и в Германии, в Швейцарии, Испании, Италии и Англии. Среди них все принцы крови, все государственные сановники, все члены собраний королевства... Я убежден, что если бы люди такого ранга численностью в половину этих французов были выброшены из этой страны, то я едва ли решился бы называть оставшихся английским народом»¹¹.

Но такая страна базируется на индивидуальных практиках и ничего общего не имеет с субстанциальным существованием народов и стран¹².

Множество обстоятельств сконфигурировало настоящие политические границы и данное *border*-пространство; они выступают естественными условиями жизни наряду с ландшафтом, климатом, ресурсами. В такой перспективе национально-этническая риторика, отчетливо проявляющаяся в постсоветских декларациях о суверенитете, – случайность, именно она не является необходимым элементом в процессе. Но *border*-пространство – не случайно, именно оно оказывается главным героем процесса трансформации Восточной Европы, его структуры, его конфигурации, его подсистемы и институтов. Теория суверенитета наиболее адекватным образом описывает такого рода пространство.

Конфигурирование и удержание, забота о суверенитете, об уникальности, недробности, чистоте и проявленности, автаркичности, целостности *border*-пространства – неперемное условие всякой публичной политики и действия. В этом любой публичный порядок подобен другим публичным порядкам. Всегда наличие публичного порядка предполагает необходимость исполнять необходимые и естественные обязанности. Они связаны как с обороной, отстаиванием жизненных интересов вовне, так и с обеспечением порядка, безопасности, платежеспособности¹³.

Статус как *border-граница*

Публичные статусы – это иные, существующие наряду с внешней политической границей, *border-границы*, имеющие не меньшее значение для *border-пространства*¹⁴.

Публичный статус характеризуется теми же свойствами, что и внешняя *border*. Статус не указывает на определенного субъекта, но обусловлен исключительно социальной структурой, потребностями социальной структуры. Субъект использует статус, но статус сам по себе не предполагает обязательного наличия субъекта. Необладание статусом означает непринадлежность к *border-пространству*. По существу, статус сводит индивидуальность к ее социальной функции и задает определенный размер социальному пространству. Становление системы статусов представляет собой редукцию бесконечного многообразия человеческого мира к системе, состоящей из считанного количества элементов. В публичном порядке мы имеем дело не с уникальными индивидами Михаилом, Марией или Василием, но с субъектами – носителями определенных функций: преподавателем, педиатром, водителем такси. Подсчет количества Марий и Михайлов в данном обществе дает нулевую информацию, подсчет количества рабочих и педиатров, напротив, дает информацию, обладающую безусловной ценностью. Связи между Мариями и Михаилами, может быть, и не лишены интереса, но они ничего не сообщают нам о публичном порядке. Но связи и отношения между их социальными статусами попросту необходимы для социального исследования.

Итак, существование *border-пространства* предполагает не только существование политических границ, но и некоторое множество определенным образом сконфигурированных статусов в рамках политических границ, организующих это пространство. *Border-границы* можно разделить на два класса: внешние и внутренние по отношению к *border-пространству*: внешние – это политические границы, внутренние – это публичные статусы. Таким образом, элементами *border-пространства* являются публичные статусы и политическая граница. Потому можно также сказать, что *border-пространство* представляет собой сложную систему межстатусных коммуникаций, очерченных политической границей.

Граница является принадлежностью самых разных сообществ и субъектов: экономических, политических, религиозных, способных к формированию собственных полномочий и статусов, но не все субъекты способны сформировать *border* или усвоить публичный статус. Правильно рассматривать *border-пространство* не только как сформированное политической границей, но и как сформированное конфигурацией различного рода *border-границ*, где политическая граница выступает в качестве организующего принципа для конфигурации иных *border-границ*.

Границы являются не некой вспомогательной категорией, позволяющей описывать публичное пространство, но элементом такого пространства. По существу, внешняя политическая граница образует *border*-пространство вместе с конфигурацией статусных границ, существующих в ее пределах. Отношения, возникающие между внешней *border*, являющей единство и уникальность *border*-пространства, и внутренними *border*, являющими подлинное разнообразие и дифференциацию этого пространства, поднимает вопрос о механизмах, разрешающих проблему сочетания этого единства и многообразия.

Расширение border-пространства

Border-пространство не стремится к расширению, к развитию своей структуры в силу присущей ей автаркичности и бессубъектности. Но оно развивается за счет импульсов, получаемых от субъектов. Развивается *border* только посредством развития системы статусов; его границы изначально выступают фактором, определяющим пределы такого расширения.

По всей социальной структуре можно наблюдать один и тот же процесс во множестве вариантов: субъект находит себя в определенном *border*, но реализация субъекта в этом пространстве происходит не за счет ресурсов *border*. *Border*-пространство само по себе не усложняется и не предполагает усложнения системы статусов. *Border*-пространство стремится быть выстроенным по максимально простой модели, иерархической подчиненности. Однако никакой субъект не детерминирован исключительно сувереном и суверенной властью. Ни один субъект не исчерпывается его статусом; остается повседневность и частная жизнь, даже в самом примитивном и ограниченном виде¹⁵. Остается нечто, что постоянно зывает к нему, требуя личного ответа – как он сам оценивает и воспринимает себя и свою жизнь, даже если она максимально встроена в некий внешний порядок.

Статус является сложным явлением, обусловленным как *border*-пространством, так и отношением между субъектом и его социальной функцией. Процесс образования статусов – центральный и наиболее проблемный в так представленной концепции *border*-пространства. Именно в этом процессе наиболее полно проявляется принцип суверенитета, – субъект не может образовывать статус, кроме как в *border*-пространстве, но также возникает проблема свободы личности и развиваются стратегии реализации субъектоспособности.

Статус, усвояемый субъектом, не обязательно принадлежит такому порядку, который простирается до предела политических границ, это может быть намного меньший порядок (к примеру, армейского полка). И, напротив, этот внешний порядок может быть много больше, чем тот, который предлагается политическими границами. Члены церкви принадлежат такому порядку. Мир,

очерченный политическими границами, – не более чем одна из моделей мира. Национальное *border*-пространство – одно из многих таких же пространств, с которыми оно находится в постоянном взаимодействии.

Взаимодействие различных порядков

Более того, статус представляет собой такой феномен, который возможен только в силу взаимодействия двух порядков – субъективного порядка и *border*-пространства. Иначе не было бы проблемы самого статуса, а был бы бесконечно расширяющийся суверен, продолжающийся в своих контрагентах. Это не так, а потому *border*-пространство подвергается непрестанному воздействию процесса социальной дифференциации, являющегося внешним по отношению к *border*-пространству. Возникновение новых статусов – это всегда ответ *border*-пространства на внешние вызовы, приводящий к усложнению его структуры¹⁶. Процесс усложнения структуры и возникновения новых статусов в существующей системе статусов должен находиться в центре внимания, поскольку представляет собой главную тайну социальной жизни.

Связь между: 1) *border*-пространством и другим *border*-пространством; 2) *border*-пространством и статусом; 3) статусом и субъектом – требует существования механизмов согласования. Такие механизмы должны а) сохранять условную автаркичность *border*-пространства, что обеспечивает социальную автономию; б) поддерживать разнообразие и фактический уровень социальной дифференциации и систему публичных статусов; в) обеспечивать интеллигибельный характер *border*-пространства. Надо сказать, что это очень хрупкое равновесие, и неудивительно, что большое число стран не могут соблюдать это равновесие: границы могут быть слишком нечеткими, статусы – неочерченными, субъекты – отчужденными от публичного пространства и т.п.

В так определенном *border*-пространстве граница выполняет две различные роли: отграничивающую и коммуникационную. Потому связь между *border*-пространством и системой статусов и становление *border*-пространства могут реализовываться в двух вариантах:

1) *border*-граница является внешней границей определенного публичного пространства или статуса. В таком случае формирование границы является одной из задач институционального строительства, происходящего в данном *border*-пространстве. В эпоху, предшествовавшую Новому времени, когда территории государств еще не сомкнулись, строительство государства всегда сопровождалось строительством его границы – мы можем наблюдать еще и сегодня римские валы, Великую китайскую стену, или цепь российских пограничных островов, лежащую в основе административного деления Российской Федерации¹⁷;

2) *border*-граница сформирована внешними системами статусов, внешними силами. В этом случае пределы *border*-пространства заданы не только логикой системы статусов его собственных субъектов, но, в первую очередь, границами иных *border*-пространств. Иными словами, функции собственных границ выполняют границы соседей (для тех же северных кочевников такой границей выступила Китайская стена, которую кочевники не создавали, но которая значила очень многое в их жизни¹⁸); вне зависимости от причин, по которым это происходит¹⁹, такое социальное пространство испытывает кризис целостной статусной системы, способной на создание инфраструктуры границы²⁰. *Border*-граница выступает причиной и главнейшим фактором формирования системы статусов. Само ее наличие, не продиктованное логикой системы статусов *border*-пространства, обеспечивает возможность сформироваться такой системе, являясь гарантом процесса формирования системы статусов (рис. 1).

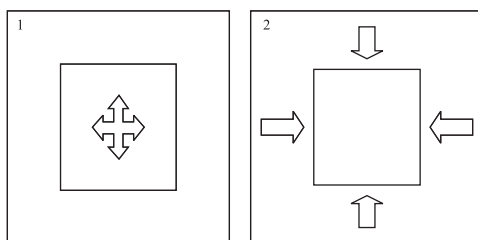

Рис. 1

При схожести первого и второго процессов граница в них имеет разное значение и функции. В первом случае она репрезентирует *border*-пространство, являясь его выражением и завершая логику, на самой границе происходит уплотнение данного *border*-пространства; во втором – *border* чужда *border*-пространству, между *border*-границей и *border*-пространством поначалу отсутствует связь, она должна быть еще установлена, сообществу необходимо овладеть собственными границами; вполне возможна ситуация, при которой граница существует, а *border*-пространство – нет, *border*-граница окружает фактически пустое *border*-пространство, конгломерат первичных сообществ. То же относится и к формирующимся статусам – они или являются выражением в том числе субъектных практик, или же формируются как сугубо внешние по отношению к субъекту, что находит свое место в проектах догоняющей модернизации и транзита (рис. 1).

В действительности эти две модели являются аналитическими, они не проявляются в реальности в чистом виде, в реальности мы всегда наблюдаем отношения, основанные на различных конфигурациях таких процессов. Никто не формирует границу только на основе действия внутренних или внешних сил. Потому еще одним важным условием являются отношения, которые скла-

дываются между системой статусов социального пространства (стремящимися к автаркии) и внешними силами. Именно этим соотношением задаются такие свойства *border*, как открытость/закрытость, прозрачность/непрозрачность, коммуникативность/некоммуникативность (рис. 2). Ситуацию можно пояснить на примере таких «странных» территориальных образований, как Приднестровье, Косово или Южная Осетия. Внешние субъекты определяют невозможность становления этих образований как полноценных государств (хотя те, по существу, ими являются), не признавая в первую очередь их границы. Автаркичность *border* делает такие образования государствовподобными, но вне согласования их статуса с внешними *border*-пространствами они не могут использовать политическую границу в качестве *border*-границы, т.е. функционирование ее в качестве механизма сообщения, контактов и обмена. Еще одним вариантом такого же процесса является использование границы в качестве стены, занавеса, когда она перестает выполнять коммуникативные функции.

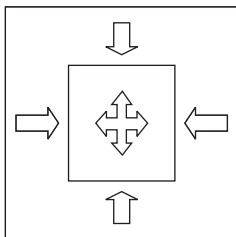

Рис. 2

Можно утверждать, что даже во втором варианте, когда сообщество вживается в не им созданные границы, *border*-границы оказываются вторичными по отношению к *border*-пространству, являясь следствием встречи нескольких *border*-пространств, как и встречи субъекта с предлагаемым ему статусом. Граница выступает конфигуратором социального пространства, но только от самого пространства зависит, будет ли функционировать эта граница.

Человеческое сообщество становится в максимальную зависимость от *border*, и в то же время граница позволяет субъекту такого пространства максимально освобождаться от действия и своей обусловленности *border*-пространством. Граница предлагает альтернативы, как внешние, так и внутренние. На границе происходит сжатие пространства и приближение к людям тех процессов, до которых они сами бы никогда не дошли.

Современный аэропорт – пример такого уплотнителя пространства, он являет собой инфраструктуру современной границы (*border*). Но выставка картин – это тоже граница, проходящая вне *border*-пространства. Интернет являет собой место, где границы представлены наиболее плотно, и именно потому здесь наблюдается наибольшая степень свободы. Здесь правила и процедуры,

включающие субъекта в *border*-пространство, не успевают в своем становлении поспевать за становлением все новых и новых границ. Границ в современном мире стало гораздо больше, чем было до сих пор, а потому больше стало границ неконтролируемых, но имеющих публичное значение. И больше стало попыток продвижения субъекта в публичное пространство, попыток утверждения новой *border*, лежащей в основе нового сообщества, в котором и только в котором возможна реализация субъектом его плана. Такой процесс связан с приобретением статуса и выходом к границе, на которой возможна максимальная свобода и становление предельных вопросов идентичности и человеческого предназначения. Если это действительно граница.

Это бесконечный процесс, связанный также с ситуацией – действительной или только моделируемой, – исчезновения границ: «А что будет, если эту границу раздвинуть или вовсе убрать?» Это процесс, связанный с оспариванием суверенности того пространства, к которому принадлежит субъект, и попытками построить собственное суверенное пространство.

В любом случае проблемой является установление связи между политической границей и системой статусов – реализация суверенитета на определенном пространстве и становление полноценного публичного пространства в рамках этих границ. С точки зрения суверенного пространства, расположенного в существующих границах, есть потребность сохранения актуальности публичного пространства и поддержание его актуальности. Для того чтобы оно существовало в таком виде, оно должно меняться и составлять все новые контексты Пограничья с субъектами, стратегией которых является вхождение в публичное пространство. С точки зрения субъекта существует проблема вхождения в *border*-пространство как в «свое», как такое, которое предусматривает для него место и определенный социальный статус, а также проблема восприятия этих границ субъектом как своих границ. Возможно существование политической границы без связи с системой статусов, если наступает кризис суверенитета и внутри публичного пространства появляется альтернативное. Может также быть такая ситуация, при которой не существует политической границы, но существует система статусов²¹.

В Восточной Европе в течение советской истории произошло как раз де-структурирование *border*-пространства. Сначала советская политика была направлена на такое деконструирование, объявляя войну классово чуждым элементам, потом она проводила политику борьбы с внутренними врагами, затем – отчуждая целые группы населения... Это приводило к отсутствию механизмов социализации для достаточно больших групп населения, отчужденных от публичного пространства. Вместе с тем в социуме продолжались процессы дифференциации социума и выстраивание все новых и новых границ внутри общества. Внезапным для сообществ стало обнаружение себя вдруг в новых границах после распада СССР. Если в советское время в Восточной Европе можно было

обнаружить огромное количество случаев лишения субъектов их репрезентации в публичном пространстве, в постсоветское время основной проблемой становится разрыв внутренних связей в самом *border*-пространстве. Именно трансформации пространства такого рода, заключающиеся в его смещении от территории к ментальным структурам, определяют состояние социума в Восточной Европе. З. Бауман называет две социальных группы в современном мире: 1) живущие преимущественно во времени; 2) живущие преимущественно в пространстве. Но для тех и других одинаково важно *border*-пространство, только в нем они становятся «социально-видимыми». Однако можно предположить, что существует третья категория – тех, для кого не важно ни время, ни пространство, поскольку они лишены и того, и другого. Именно для них открытыми остаются прежде всего и только ментальные структуры²². Это состояние без границ, состояние полного игнорирования реальности и выстраивания собственной – альтернативной. Это феномен, который модно называть фундаментализмом, идеологизацией и пр., но его корни – одни и те же по всему миру. Он лишает субъекта возможности выстраивать с миром сферу Пограничья: обмена, репрезентации, осмысления, поединка. Он замыкает индивида в границах первичных сообществ. И радикальный фундаментализм основывается на том, что ментальные структуры врываются и атакуют *border*. Автор таких интервенций анонимен и у него нет адреса. Такая ситуация запланирована не «войной цивилизаций» и цивилизационными различиями, а прежде всего самим процессом умножения границ и контекстов в социуме, при котором не может не случаться таких сбоев. «Столкновение цивилизаций» может быть причиной выстраивания пограничья, кроме того, оно предполагает, что число границ меньше числа физических субъектов, составляющих публичное пространство. Для большинства субъектов наличие политической границы может не иметь никакого значения, а если и имеет, то маргинальное и не прямое. *Border*-пространство – это не пространство всего населения. Это пространство тех, кто имеет доступ к статусам и может пользоваться публичными статусами.

Новые обстоятельства в Восточной Европе обуславливаются увеличением числа границ и отсутствием пограничья, т.е. механизмов взаимодействия таких границ. В этом случае даже наличие *border*-пространства не приводит к консолидации сообществ, а политические методы такой консолидации оказываются неэффективными. Данное обстоятельство повышает значение отношений между субъектами внутри *border*-пространства, представляющих собой сложное явление, состоящее из двух типов отношений:

- 1) отношение между субъектом и его статусом;
- 2) отношение между субъектами, в которое они вступают посредством статуса.

Именно в силу так сложно устроенных отношений между субъектами, отношения в рамках *border*-пространства строятся именно как *межстатусные*, а

не как прямые отношения между субъектами. *Border*-пространство является выражением силовых отношений между статусами²³. Место субъекта – в телеологическом использовании статуса. И приобретения статуса в том процессе, который протекает на первом уровне – отношения субъекта и его статуса.

Примечания

- ¹ «Самые сознательно разработанные стратегии могут реализовываться только в границах и направлениях, определенных структурными ограничениями и знанием этих ограничений, распределенным в поле неравномерно» (Бурдые, П. Поле экономики / П. Бурдые // Социальное пространство: поля и практики. СПб., 2005. С. 142).
- ² Так называемые «серые зоны» – пример такого нестабильного состояния. Серые зоны испытывают воздействие сразу нескольких публичных систем, ни одна из которых не может стать доминирующей и единственной. Любая организованная преступность создает эффект серой зоны. Однако в мире существует большое количество серых зон национального масштаба. Классическим примером является Колумбия, в которой со второй половины 60-х гг. XX в. огромные территории контролируются FARC – Революционными вооруженными силами Колумбии, – не подконтрольными официальной колумбийской власти.
- ³ Шмитт, К. Политическая теология / К. Шмитт. М., 2000. С. 32.
- ⁴ Концепция государственного суверенитета обосновывалась Жаном Боденом в целях обеспечения в условиях политической нестабильности во Франции единства государства. Боден рассматривает именно государство (а не отдельное лицо или орган) как единственного обладателя суверенитета. Так, в ранней работе «Метод легкого постижения истории» Боден говорит о «неделимости власти» (Боден, Ж. Метод легкого познания истории / Ж. Боден. М., 2000. С. 75).
- ⁵ См.: Иов, 39–40.
- ⁶ Автаркия (от греч. *αὐτάρκεια* – «самоудовлетворение») – независимость от вещей внешнего мира или других людей. Это важное свойство *border*-пространства, которое и производит эффект *border*-границы. Система статусов направлена в первую очередь внутрь себя, граница охраняет эту систему статусов, связывает ее. Существует аналог в физическом мире – материя стремится приобрести форму шара – что обеспечивается гравитацией и свойствами поверхностного натяжения материи. Социальные структуры ведут себя схожим образом, им, как мудрецу-стоику, «достаточно самих себя».
- ⁷ См.: Декларация о государственном суверенитете, принятая Верховным Советом Республики Беларусь 27 июля 1990 г. Минск, 1990.
- ⁸ См.: Кокошин, А.А. Реальный суверенитет в современной мирополитической системе / А.А. Кокошин. М., 2005.

- ⁹ Предельная мыслимая общность, с которой человек может идентифицироваться. Эта идентификация может производиться внешними. Так, чужак в определенном сообществе может оцениваться по его локальной принадлежности. Сообщества отмечают ряд индикаторов, по которым может происходить такая идентификация. Микропримером может быть становление молодежных локальных общностей в современных больших городах. Группировки молодых людей возникают на основе их локальной принадлежности и четко дистанцируются от не-своих. Переход границы таких группировок изначально осложнен статусом человека, основанным на месте его проживания, если оно находится вне ареала данной группировки. Другим примером может служить становление множества политических партий, происходившее именно на территориальной основе, на простом чувстве «землячества», объединявшем поначалу и прежде всего людей (см.: Дюверже, М. Политические партии / М. Дюверже. М., 1998).
- ¹⁰ Brubaker, R. Nacjonalizm inaczej / R. Brubaker. Warszawa, 1998. S. 18.
- ¹¹ Берк, Э. Размышления о революции во Франции / Э. Берк // <http://www.conservator.ru/lib/berk/index.shtml>.
- ¹² См. исследование Г. Федотова о средневековых представлениях о Святой Руси, универсалии, включающей в себя весь мир – и Рим, и Иерусалим, и Константинополь: Федотов, Г. Стихи духовные / Г. Федотов. М., 1991.
- ¹³ Липман, У. Публичная философия / У. Липман. М., 2004. С. 21.
- ¹⁴ Исходное правовое положение субъектов характеризуется понятием «правовой статус». Слово «status» в переводе с латинского означает «состояние», «положение». Тем не менее в юридической литературе предлагается наряду с понятием правового статуса выделять понятие «правовое положение». Такое дополнение имеет смысл, если под «правовым положением» понимать конкретное правовое положение субъекта, которое определяется как его правовым статусом, так и совокупностью конкретных правовых связей, в которых он состоит.
- ¹⁵ Наиболее яркими примерами такой странной частной жизни является «Шинель» Гоголя, а в литературе советского периода «Москва – Петушки» В. Ерофеева. В стерильной казенной жизни Акакия Акакиевича появляется однажды комичная, но единственная чистая цель в его жизни – приобретение новой шинели. И вот «...с тех пор как будто самое существование его сделалось как-то полнее, как будто бы он женился, как будто какой-то другой человек присутствовал с ним, как будто он был не один...» (Гоголь, Н.В. Сочинения. БМЛ / Н.В. Гоголь. М., 1975. С. 127). У Ерофеева путешествие Венички также подчинено частной цели, он спешит к прекрасной даме где-то за полями книги и реальной жизни, но самое путешествие превращается в странную частную жизнь в пьяном бреде – как единственно доступной для Венички альтернативе советской публичности (Ерофеев, В. Москва – Петушки / В. Ерофеев // Весть. М., 1991).
- ¹⁶ В 50-х гг. XX в. социальный психолог Курт Левин разработал теорию социальных изменений, характеризуя общественные институты как равновесие

сил, которые производят изменения, и сил, которые такие изменения сдерживают. Эта теория выступает скорее теорией стабильности, нежели теорией перемен, поскольку Левин рассматривал переход, переменную как временное нестабильное состояние. Перемены, согласно Левину, состоят из трех стадий: размораживание, позволяющее сохранить стабильность в меняющейся ситуации, изменение, обозначающее направление развития, и новое замораживание, которое наступает как институционализация стратегий развития, возникших на предыдущей стадии (Hatch, M. *Teoria organizacji* / M. Hatch. Warszawa, 2002. S. 347–348).

- ¹⁷ Существует множество примеров, когда *border* и их инфраструктура переживают само *border*-пространство. К примеру, граница СССР пережила сам Советский Союз по крайней мере на лет 15.
- ¹⁸ Еще более яркий пример – граница между США и Мексикой, которую США хотели бы оборудовать шестисоткилометровой стеной, против чего возражает Мексика, или стена между Израилем и Палестиной, возведенная по инициативе Израиля.
- ¹⁹ Это может происходить в процессе иностранной интервенции, отторжения территории, насильственного установления границ или же в связи с неспособностью того или иного пространства сформировать собственные границы и обеспечить действие их инфраструктуры.
- ²⁰ Примерами могут выступать в этом случае так называемые несостоявшиеся государства. См. практику функционирования границ в конфликтных территориях: Абхазии, Приднестровье, Косове (см.: Коппитерс, Б. *Европеизация и разрешение конфликтов: конкретные исследования европейской периферии* / Б. Коппитерс и др. М., 2005).
- ²¹ Например христианские Церкви, входящее в публичное пространство и устанавливающие юрисдикционные границы со светским государством (Gajda, E. *Wybór źródeł do nauki prawa wyznaniowego* / E. Gajda. Toruń, 2004).
- ²² Он может быть экс-территориальным, но не может полностью игнорировать статусные структуры. Энтони Смит утверждает, что «націалізм адрозніваецца ад больш універсальных ідэялогіяў тым, што выкарыстоўвае ўжо наяўныя грамадскія сувязі і настроі, а таксама тым, што аддае перавагу канструктыўнай дзейнасці перад утапічнымі ці хілястычнымі настроймі» (Сміт, Э. *Нацыяналізм у XX стагодзі* / Э. Сміт. Мінск, 1995. С. 7).
- ²³ Риккерт, Г. *Границы естественнонаучного образования понятий. Логическое введение в исторические науки* / Г. Риккерт. Спб., 1997.

СТРАТЕГИИ ПРЕЗЕНТАЦИИ СУБЪЕКТОВ ПОГРАНИЧЬЯ

*Летом на реке –
рядом мост, но мой конь
переходит вброд.
Масаока Сики*

Артикуляция как механизм презентации

Пограничье является средоточием социального движения субъекта. Оно представляет собой пространство, в котором осуществляются переходы, связанные с изменением статуса или же с изменением социального контекста субъекта. Часто Пограничье представляется как пространство, образуемое политической границей. Однако это утверждение не совсем верно и нуждается в дополнительных уточнениях. Политическая граница может быть связанной с Пограничьем только в том случае, когда она выполняет функцию культурной или же цивилизационной границы или же совпадает с культурной и цивилизационной границей.

Обычно же политическая граница является лишь необходимым условием возникновения Пограничья. Само образование новых государств в Восточной Европе потенциально задает ситуацию Пограничья, проводя в достаточно однородном пространстве политические границы, не совпадающие с культурными (рис. 1). Только такая растоптанность границ разной природы создает возможность социального движения.

В политических границах должно происходить становление порядка. Важная тема – это величина пространства, которое может быть охвачено таким порядком, и принципы, на которых может быть основан политический порядок. И если предположить, что субъекты такого порядка могли быть удо-

влетворены только тем, что предлагает им их социальный статус, то такой порядок наверняка был бы глобальным. Однако построить глобальный порядок на основе *border*-границы еще никому не удалось. Даже в СССР, приложившем максимальное количество усилий по унификации социального пространства, существовали неустранимые трудности, присущие любой империи, связанные с существованием этнических, лингвистических, религиозных, культурных, правовых, частных различий, составлявших внутри единообразного и научно обоснованного социального пространства СССР множество лагун, приводивших к эффекту относительности публичного пространства Советского Союза.

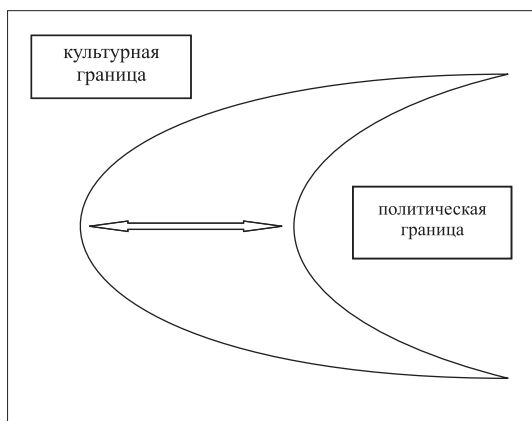

Рис. 1

Публичное пространство сопротивлялось презентациям в себе субъектов этих лагун, но тем самым признавало их существование и должно было считаться с ними. И эта схема борьбы Иакова с Господом прослеживается во всех сферах: от национальной политики¹ до борьбы с альтернативной музыкой² или религией³. Везде борьба меняла саму империю, и никогда в результате этой борьбы не побеждала империя. Побеждала краткосрочно, но в долгосрочной перспективе везде торжествовал принцип разнообразия⁴. Еще более радикальным примером является Беларусь в XXI в.: как бы ни хотела она походить на БССР, у нее это не получается, потому что обеспечить тот масштаб унификации публичного пространства, какой наблюдался в БССР, Беларусь не в состоянии.

Так, можно утверждать, что существуют некие пределы расширения *border*-границы внутри сообщества. В логике существования *border*-пространства презентация субъектов, не основанная на уже существующем статусе, т.е. на *border*-границе, – является избыточной⁵. Но субъект практически никогда не исчерпывается своим публичным статусом. И потому совершает презентации иной природы, которые могут затрагивать публичное пространство и влиять на него.

Как будто бы, на первый взгляд, эти презентации являются ненужными и *border*-пространство может их игнорировать. Как говорил один из выдающихся градоначальников города Лупова, – «Зачем река?» Но тотальное *border*-пространство представляет собой абстракцию. Если бы такая тотальность была осуществлена, общество представляло бы собой застывшую стабильную систему, состоящую из конечного числа статусов и исключающую всякое социальное движение. Так, если представить Большой Коралловый риф как грандиозную социальную систему, то движение от полипа к полипу является движением в физическом пространстве и означает покой в социальном пространстве. Большой коралловый риф лишен внутреннего измерения Пограничья и представляет собой тотальное *border*-пространство. Между полипами существуют определенные границы, однако изменение координат отдельного полипа без изменения статуса и относительно статусов других полипов не дает социального движения, потому путешествие по коралловому рифу и исследование границ между отдельными его полипами – это не исследования Пограничья. Исследования Пограничья начинаются там, где коралловый риф встречается с колонией морских звезд, или же там, где по каким-то необъяснимым причинам какая-то группа полипов начала строительство своих раковин на неизвестных ранее основаниях и положила начало новому виду рифов.

Если П. Монсон представляет общество в виде лодки на аллеях парка⁶, то можно также вообразить себе общество в виде леса, но строго организованного, искусственно насажденного, в котором нет дорожек, но деревья выстроены в четкие ряды. Деревья в таком лесу объединяет не взаимное расположение относительно друг друга, они являются вполне самодостаточными, их объединяет некий внешний принцип, система координат. Напротив, парковое искусство исходит из расположения деревьев, дорожек, цветов, холмов относительно друг друга. В парковом искусстве имеют самостоятельное значение все малейшие кустарники и их взаимное расположение. Еще более это правило подчеркивается в японском саду камней или в классической икебана⁷. Отдельный элемент, его своеобразие раскрывается более, когда он включен в сообщество, что позволяет лучше обнаружить его скрытую красоту. Обратным процессом является поглощение отдельного элемента общим, когда общее доминирует и мы перестаем различать аромат отдельных его составляющих. Тогда мы говорим о неудачной икебана или плохом садовнике.

Так становится понятной необходимость артикуляции, способной обозначать присутствие отдельного субъекта – будь это цветок незабудки в букете или же человек в обществе. Артикуляция указывает на совершающееся социальное движение, на вхождение отдельного элемента в тысячи связей с другими и вхождение в новые для себя ситуации и контексты. Именно в таких обстоятельствах появляется потребность в средствах обозначения своего присутствия и создания контекста своего присутствия, что совершенно отсутствует при обык-

новенном физическом перемещении в пространстве или же в ситуации, когда личность полностью принадлежит первичным сообществам. К примеру, турист может путешествовать без знания языков, но невозможно представить себе специалиста, переезжающего на работу в другую страну и не знающего ее языка. Другим примером может служить наличие у практически всех живых существ, и в особенности у высших, бесконечной заботы об обозначении такого своего присутствия: они постоянно метят свою территорию, они готовы ее отстаивать и сражаться за нее. И чем более примитивно живое существо, тем менее обозначен в нем этот принцип⁸. Полипы, раз и навсегда избравшие свое положение в колонии, нашедшие свое место, избавлены от такой необходимости. Видимо, господство в их организации отвлеченного принципа обеспечивает им такие масштабы и непрерывность в существовании. Их колония и воспринимается как целое, и странно видеть отделенными от своей колонии этих морских червячков. Тем более не задумываемся мы об их физиономии.

Во всяком социальном пространстве – и в пространстве Восточной Европы также – можно обнаружить в качестве исконного принципа его организации структурированность на первичные сообщества, связанные между собою лишь определенным принципом и мало нуждающиеся друг в друге, и не входящие в сообщества второго и последующих уровней. Это необходимый скелет любого сообщества. Структуры, не отпускающие своих членов за пределы первичных сообществ и объединяющиеся на основе отвлеченного принципа, подобны колониям полипов. Внутри этих сообществ обнаруживаются две разные реальности, выстроенные в разной логике: 1) их организация, совершенно не подобная отдельному ее члену и 2) реальность отдельного члена этой грандиозной организации, включенного в различного рода сообщества, выстроенные в его меру. Эти реальности не имеют точек пересечения. Так, на гравюре, предваряющей сочинение Гоббса, можно увидеть аллгорию государства в виде великана, сложенного из отдельных людей. Великан подобен каждому человеку, составляющему его организм, и, видимо, отвечает его логике и смыслу. Однако в тотальном *border*-пространстве отдельный человек становится неразличим, государство существует как самодостаточная сущность, совершенно не зависящая ни от состояния своих составляющих, ни вообще от чего бы то ни было, что связано с существованием отдельного человека. Потрясающее свидетельство этому составляет диссидентская литература в СССР: при всем разнообразии сюжетов все ее произведения объединяет то, что в них изображено атомизированное человеческое существование, связанное с социальными нечеловеческими практиками чередой отвлеченных принципов. Социальное в этом случае оказывается неинтеллектуальным и необъяснимым; оно внечеловеческое, за гранью добра и зла. Социальное здесь – это внешняя среда, крайне неблагоприятная, одна жизнь в ней уже делает человека героем, как делает человека героем восхождение на высокую гору или путешествие к Северному полюсу⁹. И, видимо, эта социальная

среда не контролируется и не создается никем лично, она возникает постольку, поскольку в обществе становится допустимым господство отвлеченного принципа и общество сворачивается до уровня первичных социальных структур, вне которых не остается иного социального пространства, альтернативного первичным сообществам.

Тщетно было бы в колониях полипов искать некий управляющий центр или высшую организацию, некие уровни организации их колонии¹⁰. Ими управляет принцип, а не организация или личность. Торжество этого принципа заключается в максимальном обеспечении примитивности социальной организации, позволяющей действовать принципу, а не субъекту, максимально обеспечивающей субъекту его место, его положение.

Другим подходом является рассмотрение социального как человеческой природы. Это традиция христианской мысли, а также персоналистских философских школ, традиция либерализма.

В Восточной Европе четко выраженной тенденцией является огульное ограничение автономии субъектов (и по-иному не может быть в данных исторических обстоятельствах), могущей вносить разнообразие и вынуждающее актуализировать значение границы: здесь субъект напрямую входит в *border-пространство*, будучи в целом принадлежащим первичным сообществам. К примеру, апостол Павел пишет к Филимону: прими своего беглого раба, он был раньше негоден, а теперь – будет благословением для тебя¹¹. Так раб возвращается на свое место в социальной организации. Кроме как у Филимона нет для него иного места в мире, как нет места полипу вне его родного рифа. Но в средние века рабу Филимона уже нашлось бы место – и было бы множество альтернатив: город, путешествие, монастырь и пр. В Восточной Европе часто субъекту негде укрыться, как и беглому рабу Филимона. Не возникает также эффекта Пограничья в ситуации, в которой Стива Облонский «не избирал ни направления, ни взглядов, а эти направления и взгляды сами приходили к нему, точно так же, как он не выбирал формы шляпы или сюртука, а брал те, которые носят»¹². В таком случае человек является простым элементом одной из структур, испытывая на себе только воздействие или первичного сообщества, или *border-пространства*.

По существу, такое взаимодействие между субъектом и социальным представляет собой вариант отношения между природой и личностью. В древних историях часто обыгрываются ситуации, когда природа существует автономно от своего носителя. Так, человек может потерять свою тень или же нос¹³. Эти древние истории основаны на иррациональности и неинтеллигибельности ситуации. Как же – господин Нос разъезжает в коляске и ходит на службу в департамент! А кто же я в таком случае, если не могу совладать с собственной природой? Отсюда вытекают два фундаментальных подхода к социальным преобразованиям и к пониманию социального как такового. Первый основан на

том, что социальное является эффектом отношений, взаимодействия бесчисленных артикуляций субъектов, а потому личность рассматривается как ключевой элемент социального. Предполагается, что личность может владеть своей социальной природой. Второй подход не допускает такой возможности, потому любые социальные изменения в рамках такого подхода, если они и допустимы, оказываются направленными лишь на изменение принципа организации индивидуумов в суперсообщество, даже если необходимо при этом ломать границы первичных сообществ, уничтожая и деформируя семейную и частную жизнь человека.

Однако само присутствие в мифологии темы растождествления природы и личности способствует тому, что в один момент субъект может обнаружить, что принципы, помещающие его в определенное место в социальной организации, – вовсе не безусловны, а могут подлежать оспариванию и доказательству, что его положение не обусловлено одной природой, что для поддержания своего существования ему необходимо не просто плыть по течению, но также и принимать личные усилия для достижения определенного положения, в том числе и такого, которое не предусмотрено структурой *border*-пространства¹⁴. З. Бауман утверждает, что именно здесь возникает «рубеж между “фоном” и “действием” (“структурой” и “институтами”, *pasceih* и *poiein*)», который «является наиболее горячо оспариваемой границей, определяющей конкуры карты *Lebenswelt* (жизненного пространства) и, косвенно, траектории жизненных путей»¹⁵. Здесь обнаруживается, что природа не является простой оболочкой для человека и человеческих сообществ; что необходимы наличные практики ее одоления, необходим труд по ее усвоению и возделыванию. Здесь оказывается, что социальное не является субстанцией, и что его качество зависит от человеческих практик. Таким трудом по овладению социальной природой является артикуляция, рождающая субъекта в социальное и одновременно присваивающая социальное субъекту. Артикуляция обозначает субъекта, но она также апроприрует и социальное, его реакцию, а также сама создает определенную модель социального.

Артикуляция создает или определенные артефакты, или презентацию субъекта. Артикуляция развивается в чужом для субъекта пространстве, но за счет и силами субъекта, являясь его принадлежностью. Артикуляция не присуща социальному, являясь принадлежностью только субъекта; напротив, социальное может вести борьбу с артикулятами, презентирующими субъектов. Артикуляция составляет содержание работы субъектов по обеспечению своего положения и обозначению своего существования, превращению его в значимое. В ходе артикуляции обозначаются границы между социальным и индивидуальным, служащие, впрочем, не для разделения, а для коммуникации. Граница превращает субъекта в значимое явление, в нечто, отличное от просто социального. Граница проявляется тем, что она обозначает присутствие того, кого нельзя уже просто

игнорировать, не замечать и не принимать в расчет. Эта внутренняя организация неотделима от внешнего ее признания. И надо отметить, что, видимо, такую ситуацию невозможно искусственно запрограммировать и спровоцировать. Артикуляция является выражением субъектоспособности, она не существует вне действия субъекта и является результатом свободного определения. Именно поэтому существует прямая связь между артикуляцией и социальной структурой.

К проблеме артикуляции впервые было привлечено внимание в рамках культурологических исследований. Л. Гроссберг предположил, что «артикуляция» представляет собой «процесс, устанавливающий связь между практическими шагами и их результатами и в то же время предусматривающий, что действия могут иметь иные, нередко непредсказуемые последствия... конструирование одного набора отношений из другого; она зачастую приводит к разрыву либо нечеткости одних связей ради установления или подчеркивания других. Артикуляция – это непрерывная борьба за изменение композиции действий в пределах меняющегося баланса сил ради переосмысления возможностей посредством изменения контекста, то есть самого определения сферы отношений, – в которую заключена практика»¹⁶.

Морфология артикуляции. Человеческое измерение

Таким образом, социальное пространство оказывается заданным, а не данным. Оно требует каждодневной заботы, каждодневного движения, но оно также требует организации Пограничья, возможности презентации субъекта в ином пространстве. И в этом плане все равно, с какого уровня начинается строительство социального пространства: с семьи Авраама, с вылазки нормандцев или призвания варягов. Социальное пространство потому никогда не поздно создавать, и для его строительства не нужно ничего, кроме субъектов, способных на такое строительство. Можно зацепиться за наперсток и создать целый мир, где в главном святилище будет положен этот наперсток, возбуждающий всеобщее почитание и удивление, как самая большая драгоценность. Точно так же, как богатство социального – это не только ресурсы, но также и истории, рассказанные на этой земле, и имена, осевшие на реки, пустоши, леса и озера, являющиеся солью их очарования и значения для человека. Голые скалы Палестины несут в себе много больше, чем все разнообразие лесов Амазонки. Пространство Восточной Европы оказалось в начале XXI в. почти безымянным, в нем прервалась артикуляция ушедших поколений. Не стоит даже говорить о наименовании улиц в городах, огромное число озер, рек, дорог не ассоциируются ни с кем и ни с чем: почти нет легенд и красивых историй. Но если не стыдиться наперстка, то из него рождается история и будущее. История имеет человеческое измерение, и социальное может также иметь такое измерение. [Подобную ситуацию опи-](#)

сывает теория фракталов. Бенуа Мандельброт так определяет фрактал: «Почему геометрию часто называют холодной и сухой? Одна из причин в ее неспособности описать форму облака, горы, дерева или берега моря. Облака – это не сферы, горы – не конусы, берега – не окружности и кора дерева не является гладкой, и молния не движется по прямой... Природа демонстрирует нам не просто более высокую степень, а совсем другой уровень сложности. Набор масштабов измерения длин объектов неограниченно велик и способен обеспечить бесконечное число потребностей. Существование этих объектов бросает нам вызов, склоняя к изучению их форм. Этого избежал Евклид, оставив в стороне вопрос о том, как быть с бесформенным, как исследовать морфологию живого. Математики пренебрегали этим вызовом, более того – хотели убежать от природы, изобретая теории, не связанные ни с чем, что бы мы могли увидеть или почувствовать»¹⁷.

Можно также утверждать, что социальная наука, и транзитология в том числе, стремится совершать такой же побег от, на первый взгляд, хаотических процессов, поскольку допустить, что социальное является эффектом бесчисленного числа артикуляций, означает привести в социальное хаос. Однако на границе между конфликтами противоположных сил стоит не рождение хаотических, беспорядочных структур, как считалось ранее, а происходит спонтанное возникновение самоорганизации порядка более высокого уровня. Субъект, выходящий из границ первичных сообществ, вовсе не обязательно должен оказаться в суперсообществе, подобном первичным. Возможны другие варианты, другие сообщества и другой способ их объединения. И как структура самоорганизации в неживой природе не структурирована согласно схемам Евклида/Ньютона, а является новым видом организации, так и самоорганизация социальных структур более высокого порядка не описывается принципами, на которых основано первичное сообщество. Кроме того, самоорганизация не является статичным явлением, а находится внутри движения и роста.

Именно неготовность к такому развитию событий, неготовность к отсутствию надежных схем и принципов развития, неготовность к ответственности и трудностям, связанным с движением, составляет особенности трансформаций в сообществах Восточной Европы. Наиболее гибкими и приспособляемыми к новым условиям субъектами являются отдельные индивиды и первичные сообщества, однако не в силу своего малого масштаба, а в силу того, что они могут совершать артикуляции, включающие их в действительные социальные отношения, в коммуникацию с иными субъектами. В такой системе действует не отвлеченный принцип организации, но законы коммуникации. Семиотика предлагает вниманию пример коммуникативной схемы (рис. 2): для того чтобы полноценно общаться, два субъекта нуждаются в медиаторе – особой сфере, конвертирующей их внутренний опыт в доступные для обеих сторон символы. Здесь общая сфера обретает собственную логику. Субъект, прибегающий к языку, должен считаться с законами языка, соотнося с ним уже собственный

внутренний опыт. В процессе артикуляции потому всегда участвуют не две, а три стороны – субъект, пространство артикуляции и медиатор, что позволяет семиологам создавать более сложные схемы, в которых существует не только зона коммуникации двух субъектов, но и такие же зоны между субъектами и медиатором. Вторая ситуация перемещает нас в область внутреннего опыта и самопознания, в зону перевода внутреннего опыта в символическую систему и согласования этого процесса с медиатором. В этой области фактор границы производит «вздутие» пространства, придание ему многозначности и объема. В этой области происходит становление и презентация себя в соотношении с языком и пространством презентации, в том числе пространством презентации иного субъекта. Более точно, существует две зоны: первая – малая зона взаимодействия субъекта с медиатором, вторая – большая зона взаимодействия с медиатором и другими субъектами. Первая – это зона интерпретации, вторая – зона презентации, отсюда во всякой коммуникативной системе существует проблема соотношения между интерпретацией и презентацией, являющейся индикатором возможности субъекта влиять на состояние социального пространства через собственную интерпретацию символов медиатора¹⁸.

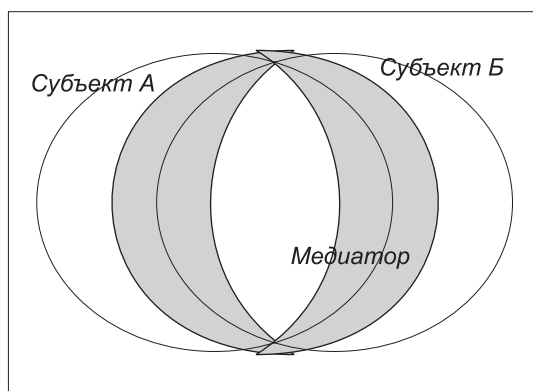

Рис. 2

Надо отметить, что даже вне реальных отношений в этой зоне возникает модель социального пространства, зона коммуникации, единства и множественности, движения и покоя. По существу, именно эта ситуация является моделью Пограничья и именно она задает параметры и характеристики коммуникации¹⁹, а также конфигурацию социального пространства.

Характеристики социального пространства

Оказывается, что карта представляет собой негодную попытку зафиксировать социальное, устанавливая тот или иной род границы. Попыткой корректировки ошибки является атлас, этот более сложный вид карты, изображающий 3D человеческого мира, захватывая как можно большее число субъектов. Однако никакой атлас не способен представить все разнообразие границ, существующих в мире, и, более того, – динамику и непрестанное взаимодействие этих границ. Доминирование картографических 2D-метафор образует привычку глаза, исследователь видит плоскость, целостность и статику даже там, где суть горы, стелющиеся дюны и волнующееся море, – все это объясняя через плоскость. Как следствие, там, где требуется пространственное мышление, мы остаемся в границах территории, там, где необходим динамический анализ, мы мыслим статическими категориями.

Статичная территория и динамическое пространство образуют важную оппозицию в анализе человеческого мира²⁰. Эта оппозиция определена проблемой субъекта и социальной природы, связуемых либо принципом, либо процессом артикуляции, что обозначает и место субъекта в социальном пространстве, и возможность его воздействия на социальное пространство, и возможность сохранения личной автономии. И если территория – это статичная реальность, неотделимая от ландшафта, почвы, флоры и архитектуры, где субъект является лишь необходимым элементом, место которого определяется координатами относительно иных элементов территории, то пространство – это динамическая и относительная реальность, характеризующаяся не только физическими, но и субъектными параметрами; в ней субъект может определяться внутренними параметрами, не обусловленными положением относительно иных элементов пространства²¹. Исходя из таких свойств субъекта, пространство должно обладать следующими свойствами.

A-1. Оно должно быть единым. Это единство должно существовать вне зависимости от сложного состава пространства. Так, Гоббс говорит о суверенной власти именно как о принципе организации пространства, состоящего из множества элементов. Бурдьё в своей концепции социального пространства указывает на его принципиальное единство²². Такое единство обеспечивается главным образом *border*. Но, видимо, социальное пространство образуется уже субъектом и его артикуляцией. Если представить себе такую фантастическую картину – что в целом мире нет ничего, сплошная тьма и сплошная тишина, и нет вообще ничего – только горит где-то свеча перед иконой, – то это является основанием для описания целого мира, по какой-то причине не явленного, но свойства какого можно познать уже по одной этой свече и иконе. Кто-то их поставил, кто-то написал икону, свет свечи обозначает, что кроме тьмы есть еще нечто, и пр. И это уже будет целый мир.

А-2. Вместе с тем пространство должно представлять собой различие. Это означает, что существование пространства предполагает хотя бы две отстоящие друг от друга точки или субъекта, обладающих определенной автономией. Автономия составляющих пространство элементов является существенной для природы самого пространства. Пространство не существует само по себе, но является созданным субъектами, вступающими в определенные отношения; оно не дано, но только задано. К примеру, государственное устройство зависит от статуса и назначения территориальных единиц, составляющих государственное пространство. Каждая деталь, к примеру, стола, обладает собственной автономией.

А-3. Пространство должно представлять собой также и тождество, применяющее качество единства и различия. Существование части не должно противоречить существованию целого. Например, существование региона не должно подрывать принцип суверенитета и целостности государства. Регион не является и не может являться автаркическим образованием, он требует существования государства, как орган тела требует существования целого. Вместе с тем суверен не должен унифицировать пространство, что в каждом случае вынуждает прибегать к насилию, суверен обязан гарантировать механизмы репрезентации субъектов в публичной сфере, что одно способно обеспечить самоотждество этого пространства.

Б-1. Пространство должно быть движением, т.е. оно предполагает свое изменение при сохранении идентичности. Пространство, как Янус, должно потому обладать двумя лицами, оно должно быть неизменяемым для того, чтобы изменяться. Так, в праве различают два состояния субъекта – его лицо и статус. Статус подвержен изменениям, поскольку он всегда относителен в отношении к иным субъектам, лицо – неподвижно. Пространство должно иметь возможность обладать внутренним содержанием, внешним выражением, сущностью и именем. Иными словами, оно должно быть саморепрезентируемым. Пограничье – это сфера, где единичность, переходящая во множественность, обуславливает существование целого, это сфера, где покой, приходя в движение, обеспечивает становление как единичности, так и целого.

Б-2. Вместе с тем пространство должно характеризоваться категорией покоя, что позволяет идентифицировать его с самим собой. По существу, это и есть «сущность» пространства. Оно должно обладать собственной репрезентацией и интерпретационными практиками.

Б-3. Пространство, характеризующееся одновременно состоянием покоя и движения, должно быть алогическим становлением²³, т.е. быть фактом и нерассекаемым телом. Необходимо отметить, что это есть определение также всякого субъекта. Основанием пространства является субъектность, описываемая в тех же категориях, что и пространство: единство и различие, тождество, покой и движение, алогичное становление. Так обнаруживается связь между субъек-

ектом и социальным пространством как человеческим миром: они подобны. 2D-метафоры не позволяют в полной мере учитывать субъектность человеческого мира, состоящую во взаимодействии между различными формами субъекта и человеческого мира, между различными 2D-реальностями в контексте более общей реальности. Покой – точка, Движение – линия. Но тождество точки и линии – это тело, обладающее покоем и движением одновременно, поскольку объединяет в себе принцип и движения, и покоя, и различия, и единства.

Таким образом, возможным оказывается разрешение таких вопросов, как: вопрос об основаниях принадлежности к пространству (ими могут быть субъектные практики или силы самого пространства), вопрос о том, что делает человека членом сообществ (его лишь желание или же действия сообщества).

Вхождение в социальное пространство означает вхождение в область собственного предела, уменьшение, допущение наряду с собственным существованием существования иных субъектов и институтов. Вместе с тем и социальное пространство достигает человека только в области собственного предела. Также можно утверждать, что субъект, обращенный к коммуникации и интеракции, обязан стремиться к собственному пределу. Так возникает вопрос о субъекте и его границах, а также об особых пограничных ситуациях, обеспечивающих существование сложной реальности: человека, наделенного свободной волей, и социального пространства. Такая ситуация указывает на нормативные основания социального порядка.

Надо также отметить, что переход от территориальности к пространственности не отменяет ни одного элемента территории, но преобразует ее возможности. Пространственность добавляет новые элементы к территориальности. Территориальность совершает качественный скачок – через принятие в себя нового элемента. Таким элементом является граница как область становления, которая возникает между 2D-элементами в момент, когда они преодолевают ее. В рамках территориальности граница – это всегда линия предела, линия, которая ограничивает плоскость и поверхность²⁴. В пространстве граница перестает выполнять функции предельной линии – она сама является пространством, пограничем, задающим качество пространства и человеческого мира.

Зона Пограничья может быть широкой и узкой, поскольку обуславливается пределами построения самоподобных пространств: такие пространства могут представлять собой громадные сообщества, а могут заключаться в отдельном субъекте. И, по-видимому, это естественный порядок восприятия социального мира: внутренние практики определяют социальный порядок. На порочном естестве не может возникнуть здоровая общественность. Так, вопреки заблуждению, предписывающему капиталистическому обществу порочность, в нем можно обнаружить огромную самодисциплину и культуру самоограничения и труда²⁵.

Идентичность и презентация

Субъект устремляется вовне себя в процессе артикуляции и таким и только таким образом становится самим собой. В этом движении происходит его самоинтерпретация и презентация. Существуют связанные между собой процессы: артикуляция – создание устойчивой схемы интерпретации – и институционализация. Потому Погранижье можно обозначить также как зону институционализации субъектных практик, основанных на артикуляции. Такое движение посредуется образованием субъектом фрейма собственного действия, представляющего интерпретацию социального пространства, способную «автоматизировать» артикуляцию, вернее, выстраивать систему так, как если бы она была основана на артикуляционных практиках. Лишь создание фрейма придает значимость артикуляции. Потому можно утверждать, что артикуляция становится значимой, когда опирается на нормативный порядок. И, по-видимому, нет разницы, на какую из нормативных систем опирается тот или иной нормативный порядок – на мораль, совесть или религию, поскольку нормативный порядок самодостаточен.

Артикуляция происходит на самых разных уровнях социальной организации, представляя собой непрерывный и бесконечный процесс. Она придает социальному динамическое значение. Артикуляция предъявляет свои требования к социальной системе, организуя социальное пространство особым образом, учитывая необходимость сочетания в нем двух противоположных свойств – целостности и дискретности. Социальное не является целостностью.

Border-пространство выступает природным фреймом, в котором происходят презентации и репрезентации субъектов. По определению И. Гофмана, это естественный фрейм²⁶. Всякий субъект, находящийся внутри его границ, уже включен в этот фрейм. Очевидно, что естественный фрейм при всей важности не может быть единственным для субъекта. Именно в рамках этого фрейма происходит отчуждение человека, и именно в силу доминирования этого фрейма происходит омассовление общества – превращение его в мобилизованную субстанцию, в которой не различимы лица и институты, но различимы лишь статусы. Потому каждый раз необходимо находить и обозначать практики усвоения данного фрейма и задаваться вопросом, *как широко может распространяться естественный фрейм?* И если не создаются иные схемы интерпретации, *border*-пространство доминирует, оно становится единственной схемой интерпретации. Тогда можно наблюдать процесс мифологизации *border*. Когда естественный фрейм остается практически единственным фреймом для субъекта – это означает смерть субъекта. Тогда любой предмет, любое действие являются символом и презентацией *border*²⁷. В такой ситуации естественный фрейм представляет собой тотальное пространство, развивающееся по какой-то дикой логике, которая может быть описана только как фантазма-

гория города Ибанска²⁸. Альтернативными естественному фрейму выступают социальные фреймы, лежащие в основе создания нормативного, ценностного порядка, параллельного *border*-пространству. Взаимодействие между естественным и социальным фреймами не является прямым. Однако презентация субъекта в *border*-пространстве может быть осуществлена только через механизм взаимодействия фреймов. Презентации субъектов осуществляются не только внутри естественного фрейма – они осуществляются внутри фреймов, образованных другими субъектами. Потому основой презентации субъекта в первую очередь является естественный фрейм, определяющий порядок, во вторую очередь – это фреймы иных субъектов, а также их репрезентации. Субъект использует собственный фрейм и фреймы других для идентификации, коммуникации. В процессе взаимодействия фреймов происходит выработка языка и норм. В этой области обозначается проблема нормативной конвергенции. И очевидно, что всякое социальное пространство характеризуется определенным балансом фреймов. К примеру, такой процесс, как разрушение СССР, в первую очередь изменил не сам порядок внутри бывших союзных республик, а изменил баланс фреймов, логику действия границ; внешние границы республик, отделявшие их друг от друга, являвшиеся по сути административными, превратились в государственные, и частью этих границ стала бывшая государственная граница СССР. Таким образом, изменился естественный фрейм, что потребовало трансформации порядка внутри республик. Это динамическое состояние, которое обуславливает логика действий субъектов, слагающихся в новый порядок. Сам порядок является первостепенной задачей для такого сообщества. Но здесь как раз включаются избыточные основания устройства такого порядка, поскольку легитимация нового порядка распространяется и на ранее нелегальные структуры. Есть нечто странное в почти бескровном характере установления нового порядка в Восточной Европе – не было активного противопоставления интересов. С распадом общего пространства оставались локальные пространства с определенной политической и прочими традициями.

Фрейм, взаимодействующий с естественным фреймом, является основанием для формирования института. Взаимные связи между фреймами и институтами представляют собой важнейшую тему социологических исследований. Фрейм является пограничьем субъекта, институт – пограничьем социального пространства. В институте происходит нормативизация субъектных практик, преобразование ценностей в нормы. Институт объединяет ценность и норму, его смысл заключается в восприятии нормы как ценности, как средства легитимизации порядка. Институт нормативизирует определенные схемы интерпретации. Можно представить себе ситуацию, когда существование целого не предполагает необходимости значимой единичности, но трудно представить себе становление единичности вне движения и вне покоя (рис. 3).

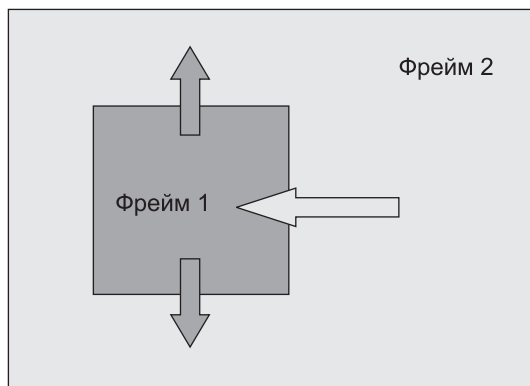

Рис. 3

Каждый раз, когда мы утверждаем становление, мы тем самым утверждаем наличие динамики субъектных практик. Всякий институт предполагает наличие таких же субъектных практик, а также необходимость их интериоризации. Так возникает напряженность в отношении «я» субъекта и «они», представляемой как сфера презентации субъекта. Ю. Лотман пишет: «Усиление интенсивности семиотических процессов в пограничной полосе... связано с тем, что именно здесь происходят постоянные вторжения в нее извне, граница – это область конституированной билингвильности. Это получает, как правило, и прямое выражение в языковой практике населения на границе культурных ареалов»²⁹.

Ю. Лотман в этой ситуации сосредоточивается на анализе ситуации «мы» – «они», утверждая, что «поскольку граница – необходимая часть семиосферы и никакое “мы” не может существовать, если отсутствуют “они”, культура создает не только свой тип внутренней организации, но и свой тип внешней “дезорганизации”. В этом смысле можно сказать, что “варвар” создан цивилизацией и так же нуждается в ней, как и она в нем. Внешнее запредельное пространство семиосферы – место непрерывающегося диалога. Безразлично, видит ли данная культура в “варваре” спасителя или врага, носителя здоровых моральных качеств или развращенного канибала, она имеет дело с конструктом, построенным как ее собственное перевернутое отражение. Так, в насквозь рациональном позитивистском обществе Европы XIX в. неизбежно должны возникнуть образы “пра-логического дикаря” или иррационального подсознания – антисферы, лежащей вне пределов рационального пространства культуры»³⁰.

Однако существуют другие ситуации, более важные для понимания процессов, протекающих в Пограничье. Одной такой ситуацией является двойная оппозиции {«Я» – «Мы» – «Они» (внешние)}. Другой ситуацией выступает оппозиция, более сложно устроенная: {«Они» (внешние) – {«Я» – «Мы»} – «Они»

(внутренние)}. Так представленная проблема позволяет увидеть, что диспозиция «Мы» никогда не является целостной, будучи основанной на оппозиция «Я» – «Мы», и в свою очередь сама дробит всякое пространство, учреждая оппозиции «Мы» – «Они». Потому прагматический дикарь – это не только ситуация на внешних границах цивилизации, это ситуация и на периферии цивилизации, где размещаются низшие, некультурные слои³¹. И это также проблематика Пограничья, позволяющая периферийным субъектам артикулировать свое присутствие, рождаться в социальное и изменять его содержание. Лотман поясняет такую ситуацию так: «Поскольку реально любая семиосфера не погружена в аморфное “дикое” пространство, а соприкасается с другими семиосферами, облагодающими своей организацией (с точки зрения первой они могут казаться неорганизациями), здесь возникает постоянный обмен, выработка общего языка, койне, образование креолизованных семиотических систем. Даже для того, чтобы вести войну, надо иметь общий язык. На границах Китая, Римской империи, Византии мы наблюдаем одну и ту же картину: технические достижения оседлых цивилизаций переходят к кочевникам, которые обращают их против источников получения. Однако эти столкновения неизбежно приводят к культурному выравниванию и созданию некоей новой семиосферы более высокого порядка, в которую включаются обе стороны уже как равноправные»³².

И совершенно очевидно, что существование оппозиции «Я» – «Мы» предопределяет то, что всякий субъект, входящий в социальное пространство, также входит в пространство Пограничья. Это утверждение является очень важным для понимания тех внутренних процессов, которые протекают в сообществах, подвергающихся реформированию и искусственно стимулирующих большую, чем обычно, динамичность своих границ. Это позволяет ответить на вопрос, что можно ожидать от таких сообществ в силу их реального положения, а также ответить на вопрос о реальной идентичности таких сообществ. Можно предположить, что существует целый класс ложных или мнимых идентичностей. Такого рода идентичность основывается не на практиках артикуляции, вынуждающей субъекта к собственной мобилизации и сосредоточенности, а на пассивном его включении в чужой фрейм, в чужую схему интерпретации³³. Она является внешней по отношению к его жизненному миру, и субъект только имитирует артикуляцию.

Важным в представленной перспективе является и обеспечение последовательности трансформации. Обеспечение артикуляции и системы взаимодействия фреймов должно предшествовать институциональным изменениям. Иначе в *border*-порядок привносятся институты, заведомо лишённые механизмов эффективного действия, среды действия. Взаимодействие границ, вызываемое либо артикуляцией, либо возникновением новых фреймов, либо привнесением новых институтов, вызывает необходимость согласования действия субъектов и обоснованности присутствия в данном пространстве. Во всех слу-

чаях существует опасность дезинтеграции социального пространства, связанная либо с переоценкой способностей субъекта, либо с переоценкой ресурса социальной системы. Потому преодоление границ само по себе не является ни целью, ни чистым эффектом. Кроме того, даже границы, навсегда потерявшие свое непосредственное значение, еще долгое время продолжают влиять на субъекта.

В Восточной Европе становление Пограничья связано зачастую с отсутствием процесса артикуляции, что вызывает к жизни странные явления: артикуляции вне среды, в которой голос становится слышимым, либо отсутствие возможности артикуляции, отсутствие самого публичного пространства. Потому в Восточной Европе культурные границы и культурные артефакты играют непропорционально большую роль в формировании новых наций. Они образуют невидимые границы, требующие специального инструментария для возможности их визуализации и конвертирования их в *border*-пространстве. Потому типология презентаций субъектов в Пограничье можно представить в зависимости от того, на что опираются презентации. Первым типом является становление субъекта, опирающееся на артикуляцию и субъектные практики. Вторым типом выступает восстановление субъекта с опорой на разного рода артефакты (репрезентации). Третьим типом является проникновение, основанное на допущении в *border*-пространство фреймов внешних субъектов.

Видимо, существует только одна процедура включения субъекта и института в социальное, сохраняющая самого субъекта, возможность его артикуляции и его идентичности. Это процедура признания. Она невозможна вне артикуляции, реализующей субъектоспособность. Артикуляция бросает вызов устоявшимся структурам и вместе с тем парадоксальным образом обеспечивает стабильность этих структур, создавая связь между различными уровнями, обеспечивая устойчивость их существования, их природный характер, природный характер социального. Артикуляция направлена на взаимодействие, начинаясь с признания иного пространства, являющегося средой для нее. Она сообщает интеллигибельный характер социальному. Невозможно преодолеть рациональный характер артикуляции без уничтожения самого процесса артикуляции.

Практики презентации

Первая модель стратегии презентации основана на собственной артикуляции субъекта. Вторая и третья – на механическом включении субъекта в чужой фрейм, образуемый внешними субъектами. И плохо не то, что фрейм является чужим или институты являются заимствованными, а то, что пассивное вхождение в них избавляет субъекта от необходимости работы по артикуляции и лишает динамики социальное пространство. Все субстанциальные вещи, могущие

выступать ценностями – язык, культура, традиции и пр., – ничего не значат по сравнению с невозможностью социального действия субъекта. Между тем, существуют чаще всего, а в транзитивных сообществах всегда, дефицит активности и дефицит артикуляции. Чаще можно увидеть на месте, где должен быть активный субъект, нечто совершенно иное:

В те времена, в стране зубных врачей,
Чьи дочери выписывают вещи
Из Лондона, чьи стиснутые клещи
Вздывают вверх на знамени ничей
Зуб Мудрости, для, прячущей во рту,
Развалины почище Парфенона,
Шпион, лазутчик, пятая колонна
Гнилой цивилизации – в быту
Профессор красноречия – я жил
В колледже возле Главного из Пресных
Озер, куда из водорослей местных
Был призван для вытягиванья жил.
Все то, что я писал в те времена,
Сводилось неизбежно к многоточию.
Я падал, не расстегиваясь, на
Постель свою. И ежели я ночью
Отыскивал звезду на потолке,
Она, согласно правилам сгоранья,
Сбегала на подушку по щеке
Быстрее, чем я загадывал желанье³⁴.

В чужом *border*-пространстве человек бывает чаще всего безгласым и скованным. Его физическое перемещение в другой *border* еще не образует основы для Пограничья.

Д. Норт в работе о социальных институтах утверждает, что «институты, наряду со стандартными ограничениями, описываемыми экономической теорией, формируют возможности, которыми располагают члены общества. Организации создаются для того, чтобы использовать эти возможности, и по мере своего развития организации изменяют институты. Результирующее направление институциональных изменений формируется, во-первых, “эффектом блокировки”, возникающим вследствие симбиоза (сращивания) институтов и организаций на основе структуры побудительных мотивов, создаваемой этими институтами, и, во-вторых, обратным влиянием изменений в наборе возможностей на восприятие и реакцию со стороны индивидов. Способность институциональной матрицы к самоподдерживанию, создающая “эффект блокировки”, порождается зависимостью организаций от институциональных рамок, в которых они возникли, и последующим возникновением структур, сопутствующих данным ор-

ганизациям. И формальные, и неформальные институциональные ограничения ведут к образованию вполне определенных организаций, структурирующих взаимодействие в обществе. Эти организации возникают на основе стимулов, заложенных в институциональной системе, а потому результативность их деятельности зависит от этой системы»³⁵.

По существу, эффект блокировки выражается в появлении *border*-пространства. Оно является самой инертной структурой, в рамках которой вынужден действовать индивид. Здесь он лишен возможности не только самого сильного – институционального воздействия на пространство, но и возможности фреймирования пространства. За человеком остается только возможность артикуляции. И даже не артикуляции, а того сокровенного процесса, который предшествует артикуляции: периода внутренней имитации, периода сомнения и критики. Реальной границе или статусу предшествует появление внутренних границ и оснований особенности. И только артикуляция может преобразовать горизонтальное движение – от цивилизации к цивилизации, из одного контекста в другой контекст, – в социальное движение. В таком движении целью не является сохранение своего места, обретение того, что было потеряно, а совсем другое – сотворение нового контекста, составляющее проблему Пограничья. Авраам выходит из Междуречья не для того, чтобы вернуться в Междуречье. За Моисеем море смыкает свои волны, как время захлопывается каждую секунду где-то высоко в небе.

Именно на уровне институционального взаимодействия в рамках *border* схема «цивилизация» – «варварство» приобретает устрашающее значение, примитивизируя ситуацию взаимодействия границ и отказываясь от попыток разрешения проблемы транзита и развития вне артикуляции и вне взаимодействия фреймов³⁶. В такой ситуации общества Восточной Европы попадают в замкнутый круг в случае, когда воспринимают себя в проекции варварства, обращенной на них Западом, и совершая попытку инверсии: варвары – не мы, варвары – они. Однако это контрпродуктивный способ, превращающий границу в барьер, вместо того, чтобы делать ее средством коммуникации. Тогда мы видим возведение разделительных барьеров. Именно в такой перспективе З. Бауман рассматривает взаимодействие границ в категориях войны, как неразрешимую дихотомию, как битву, в которой остается лишь один победитель: «Несмотря на всю серьезность усилий, эта граница постоянно перемещается; в общем, это странный рубеж, поскольку сомнение в нем оборачивается наиболее эффективной формой возражения. «Вещи не таковы, какими кажутся», «они не таковы, какими вы их считаете», «не так страшен черт, как его малюют» – подобных воинственных кличей защитники этой границы вполне резонно боятся более всего, как боятся их и ораторы, толкующие со своих кафедр о божественных вердиктах, законах истории, потребностях государства и заповедях разума, с немалым трудом постигнутых ими»³⁷.

Однако это сомнение является неизбежным и потому может быть включено в саму социальную систему, которую в таком случае можно охарактеризовать как Пограничье³⁸.

Проблема транзита³⁹ связана с решением именно такой задачи. Она не связана с горизонтальным движением (даже с так называемым «движением на Запад»), она связана с производством нового контекста. Проблема транзита потому не сводится к проблеме заимствования институтов. Это проблема создания системы артикуляции, балансирования системы фреймов и создание системы, рассчитанной на артикуляцию, как если бы она существовала. И это достаточно сложная задача, потому что кто знает этот новый контекст, кроме того, кто его производит? Потому возникают такие вопросы, как: можно ли смоделировать такой процесс? можно ли обеспечить его существование извне?

Пограничье как сфера становления, вероятно, лучше всего пока описано психологией и социологией. Но в праве также существуют вполне убедительные теории. К примеру, Р. Дворкин утверждает систему права как основанную на внеправовых предпосылках, которые он называет принципами. Становление системы права происходит только в случае обращения субъектов права к такого рода принципам, не входящим в систему права, но тем не менее являющимся для нее необходимым основанием. В этом случае именно субъектные практики выступают критерием определения параметров становления права⁴⁰. Г. Берман приводит еще более убедительный пример, когда указывает на факт деятельности Церкви в XI в., приведшей к становлению современного института права⁴¹.

Однако утопичным было бы требовать в такой ситуации от субъекта того, на что он, видимо, не способен. Ю. Хабермас, приводя схему ступеней морального суждения Кольберга, указывает на тот же факт: субъектов, практикующих дискурсивный тип социального действия, не так просто выявить в исследовании, в силу чего трудно решить, идет ли в утверждении дискурсивного действия субъекта речь о «некоей психологически идентифицируемой естественной ступени» или о некоей «философской конструкции»⁴². Это подтверждает только то, что практики, направленные на повышение активности субъектов, являются утопичными и негодными, основанными на субстанциальном видении социального пространства. Сосредоточие практик Пограничья находится в системе, которая позволяет учитывать субъектное поведение – на основе ценностей и принципов. Иначе оно перестает быть субъектным поведением.

В отличие от институционального воздействия фрейм захватывает и мягко влияет на поведение субъекта⁴³. Такое воздействие совершенно невероятно на уровне институционального воздействия. В институтах реализуются не ценности, а нормы. Нормы базируются на ценностях, однако действуют даже тогда, когда ценности не интериоризированы и нормативированы самим субъектом. При институциональном воздействии возникают почти непреодолимые трудности в дешифровке норм, выявлении их связей с ценностями. Еще большими

представляются трудности в действии норм вне системы ценностей. И хотя всякая сложившаяся институциональная система обладает определенным запасом прочности, действие норм вне системы ценностей может разбалансировать любую систему. Системы институциональных изменений, развивающиеся вне системы артикуляции и вне фреймов, поощряют существование параллельных реальностей на месте социального пространства. При размыкании фрейма, института и артикуляции Пограничье становится самостоятельным пространством, которое может имитировать функции нормального пространства: субъект может находиться в разных контекстах, ни один из которых не взаимодействует с другим. Вторым следствием является то, что на периферию могут вытесняться центральные элементы – дом, государство и пр.⁴⁴ Однако в Пограничье объективно нельзя жить, поскольку оно выполняет только транзитивные и коммуникативные функции.

Имитация артикуляции

Следствием реализации второго и третьего вариантов развития стратегий презентации субъекта является имитация артикуляции. Артикуляции подменяются институциональным действием либо включением субъекта в чужой фрейм. В таких процессах важное значение приобретает третья сила: идеология, религия, впрочем, не сами по себе, но в их тотальном воздействии на активность субъекта. Так боги, судьбы, Мойры становятся реальными действующими лицами социальной истории. Так, иногда кошка, перешедшая дорогу, определяет историю, движимую отнюдь не одними рациональными и продуманными силами. В ней есть место человеку из Госплана, но есть и место для непредсказуемости царя Ирода, есть и место для третьих сил, которые репрезентируются через субъекта и творят историю. Их функции – в имитации артикуляции, в лишении субъекта социального действия, в переносе действия из сферы социальной в сферу имитации социального. Этот процесс связан с ограничением критики социальной структуры и презентации субъекта в *border*-пространстве, в котором место для него изначально не предусмотрено? И если не существует изначально процесс признания нового, готовность к восприятию артикуляции другого (как готовы родители к рождению ребенка), то существует блокировка такой возможности. В последнем случае возникает необходимость в третьей силе, которая может использоваться двояко:

- 1) либо для искусственной внешней по отношению к субъекту консолидации социального пространства;
- 2) либо в качестве силы, легитимирующей закрытие субъекта от социального пространства, силы, аннигилирующей значение социального для субъекта, лишаящей его всякой ценности, делающей из публичной сферы пространство, невозможное для какого-либо диалога.

Когда Хантингтон пишет о столкновении цивилизаций, он описывает именно такой вариант, когда субъекты, социальные пространства и культуры находятся в режиме, в котором невозможными оказываются никакая артикуляция субъекта и взаимодействие фреймов. Возможным оказывается только имитация артикуляции за счет слепого и неличностного задействования пустых форм. В таком случае артикуляция подменяется репрезентацией определенной идеологии, сам же субъект становится артефактом такой идеологии, поскольку действует не в свое имя, но от имени третьей силы. Надо заметить, что и религия и идеология, задействуемые в таком механизме, меняют свои значения.

Однако имитация не может подменять саму артикуляцию. Когда совершается такая подмена, возникают изменения в целой структуре процессов, происходящих в обществе. Меняются механизмы фреймирования и институционализации. Будучи основаны на имитированной артикуляции, они приобретают тотальный характер и бузусловность, теряя гибкость. Это можно пояснить на таком примере. Для успешного транзита, утверждает Д. Растоу, необходимо сохранение и поддержание внутрисударственного единства⁴⁵. Д. Растоу это требование формулирует как предпосылку транзита, и оно относится к условиям процессов, намного более широких, нежели оно само. По существу у Д. Растоу речь идет об организации *border*-пространства. Однако если артикуляция заменяется имитацией, то обеспечение внутрисударственного единства превращается из условия и предпосылки в самостоятельную цель. И тогда оно подчиняет себе действительные цели. Эта одна из фокусов транзитологических процессов. Одна из самых опасных и противоречивых метаморфоз – это обеспечение национального единства, которое очень часто понимается как устойчивая идентичность граждан, могущая действительно блокировать процессы артикуляции. В эпоху массовой политики такое единство достигается средствами пропаганды. Так, даже любая демократия имеет некую программу воспитания масс. Эта программа может превращаться в нахождение новой третьей силы, выступающей как средство предотвращения артикуляции. И парадоксально, обеспечение консолидированной демократии превращается в процесс, противоборствующий демократии. В этой связи существуют естественные препятствия достижению национальной консолидации и, следовательно, – демократизации и транзита. Обычно данную трудность пытаются разрешить, отыскав виновника процесса – это этнические разногласия, расовые разногласия, классовые и прочие, вносящие разрывы в процессы идентификации и социализации. Как обычно утверждается: «Этнонационализм, особенно в его острых формах, порождает нерешенность проблем национального и территориального единства и идентичности, несовместим с демократией»⁴⁶. Этнонационализм именно выступает как схема интерпретации национального единства, исключающего иные идентичности и возможность внутренней артикуляции сил.

Такая программа чрезвычайно затрудняет осуществление индивидуальных стратегий, сужая пространство их реализации и упрощая задачи по обеспечению действительного национального единства. Субъект оказывается в среде, уже предварительно проинтерпретированной и дающей готовые рецепты для его поведения. Совершенно необязательно и неочевидно, что эта среда окажется дискурсивной, что она будет способна воспринять импульсы, идущие от отдельного человека, а не подчинить его этой третьей силе. Потому обеспечение государственного единства через устойчивую идентичность граждан чаще всего является утопичным условием. Не существует одной идентичности. И условием целостности является как раз возможность разнообразных идентичностей. Эта идентичность может быть обеспечена гораздо большими и лучшими способами – через предоставление места субъекту и возможности такому субъекту вступать в различного рода коммуникации. По существу, публичному порядку, коль скоро он наличествует, нет дела до того, обладает ли население территории, на которую он распространяется, идентичностью с ним или нет. Суверенитет, будучи практическим принципом, организует это пространство и обеспечивает стабильность и управляемость, по Растоу. Но порядок может быть разным. И потому каждый раз необходимо делать уточняющие вопросы: а какой порядок необходим и к какому порядку способна данная система? Так задаются некоторые предварительные параметры такого порядка – его внешние границы. Потому центральной проблемой является проблема обеспечения порядка, а не идентичности. Идентичность является следствием складывания структур второго и последующих уровней социальной организации. В свою очередь, обеспечение национальной идентичности в приоритетном порядке перед обеспечением порядка приводит к деформациям социальной системы.

Потому соотношение между стратегиями идентичности и стратегиями обеспечения порядка – очень важные. Можно представить себе ситуацию, когда общество представляет собой конгломерат первичных структур, объединяемых какой-то внешней для них идентичностью, которой они научены, не подкрепленной развитыми структурами второго и последующего уровней. В таком обществе действует третья сила, вернее, третьи силы, легитимирующие сам факт совместного существования этого конгломерата семей, общин, производственных структур.

Масштабы border

Существенным вопросом является вопрос о том, как далеко могут распространяться границы этого порядка – внутренние и внешние. Они же обозначают и пределы артикуляции. По каким-то причинам границы порядка достигают пределов – внутренних и внешних – и дальше не распространяются. Пределы

расширения *border* не зависят от самого *border*-пространства, но зависят от реакции социального пространства на *border*. Потому безопасность *border* обладает внутренним и внешним измерением. И безопасность *border*-пространства обеспечивается двумя группами гарантий – внешними (институциональными и нормативными) и внутренними, также состоящими из институциональных и нормативных.

Внешние (политические) задачи обеспечения безопасности *border*-пространства задаются категорией суверенитета. Внутренние (статусные) – категорией автономии субъекта.

И вот оказывается, что *border*-границы – не универсальны; они не имеют значения для некоторых субъектов, находящихся в *border*-пространстве. Эти субъекты не поддерживаются стратегиями обеспечения идентичности, но могут самостоятельно реагировать на стратегии обеспечения порядка. Благодаря таким субъектам всякое социальное пространство представляет собой не монолит, а головку хорошего ноздреватого сыра. Эти субъекты взаимодействуют с *border* по касательной, полностью не принадлежа этому пространству, и тем самым парадоксальным образом обеспечивая его устойчивость. Для *border* наиболее желательным вариантом является ситуация, когда эти субъекты не воздействуют на публичное пространство, являются аполитичными и не выходят на уровни, превышающие их собственный уровень организации. Только сочетание *border*-пространства и такого рода субъектов позволяет составить представление о том или ином обществе, и в особенности – транзитивном обществе. Их включение в *border* производит социальный взрыв. Потому в электоральной теории абсентеизм рассматривается как положительное явление. Проблема евреев в XX в. лишь обозначила с наибольшей силой такую проблему устройства человечества. На самом деле на месте евреев в обычном социальном пространстве очень часто выступают иные внутренние «они», лишенные как своего мира (первичных структур), так и возможности артикуляции. Они подвергаются практике разрушения их первичных структур и фактического недопущения на иные уровни социальной организации.

Border-пространство не покрывает всего социального пространства. Его ограниченность является условием дифференциации социального пространства, поскольку пространство может быть недифференцированным либо в силу примитивности, либо в силу подавления разнообразия. В таком пространстве возникает проблема нахождения механизмов взаимодействия между субъектами – поскольку ни один из субъектов не может гарантировать свой статус и свой интерес вне внешней коммуникации. Другой проблемой является нахождение способов образования самих статусов и оснований их реализации.

В логике существования *border*-пространства презентация субъектов, не основанная на статусе, т.е. на *border*-границе, – является избыточной. Соответственно такая презентация не может быть использована. Она не развивается в

реальное взаимодействие и не может выступать основой автономии субъекта. Однако в реальности именно так происходит социальное движение и социальное развитие. В его основе лежит социальное фантазирование, происходящее на рубеже реального социального пространства. Потому стратегии презентации субъекта всегда связаны с поиском места в публичном пространстве. Это может быть его экстенсивное расширение – через создание очередной первичной структуры, а может быть создание более высокого уровня социальной организации, вынуждающей социальное пространство к дифференциации.

Дифференциация происходит не путем создания новых статусов в *border*-пространстве, а за счет статуйирования автономных субъектов, выступающих порядками, параллельными *border*-пространству, в том числе и глобального порядка. Такой процесс мы называем возникновением *boundary*-границ, выстраиваемых теми субъектами, которые способны к их формированию. Это возникновение альтернативных пространств, которые тем не менее вынуждены взаимодействовать с первичными. Для нас значимым является такой процесс строительства, который рассчитан на взаимодействие *boundary* с *border*-пространством.

Необходимо исходить из того, что Пограничье в структурном плане представляет собой смещенные параллельные структурные решетки – альтернативные статусы, альтернативные нормативные системы, альтернативные сообщества и пр., объединяемые не институтом, не фреймом, а субъектом. Потому проблема создания механизма Пограничного взаимодействия связана с функционированием механизма признания и механизма согласования статусов, создающих, к примеру, феномен национального и конституционного государства. Поэтому увидеть *boundary* в *border*-пространстве означает увидеть не субъекта – но только его границу, через которую осуществляется стратегия его презентации.

Примечания

- ¹ См.: Миллер, А. Западные окраины Российской империи / А. Миллер. М., 2006.
- ² См.: Троицкий, А. Рок в СССР. Неприукрашенная история / А. Троицкий. М., 1991.
- ³ См.: Поспеловский, Д. Православная Церковь в истории Руси, России и СССР / Д. Поспеловский. М., 1996.
- ⁴ Отдельной темой является качество этого разнообразия, часто результатом такой борьбы является культурный, профессиональный регресс (в области науки, в области музыки и пр.), но сам факт победы разнообразия является очевидным.
- ⁵ Избыточность в свою очередь – это некий универсальный принцип, заложенный в основание мира.
- ⁶ См.: Монсон, П. Лодка на аллеях парка / П. Монсон. М., 2001.

- ⁷ См.: <http://ikenobo.ru/ikebana.php>
- ⁸ Вишневская, А.В. Конфликтология. Лекция 3: Теория агрессии Конрада Лоренца / А.В. Вишневская. [Электронный ресурс] <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/46613>
- ⁹ Солженицын, А.И. Один день из жизни Ивана Денисовича / А.И. Солженицын. М., 1999. [Электронный ресурс] <http://lib.ru/PROZA/SOLZHENICYN/ivandenisych.txt>
- ¹⁰ Это с ужасом понимает К. Шмит, который в предисловии к «Левиафану» Т. Гоббса пишет: «Осторожно! Ты уже, вероятно, что-то слышал о великом “Левиафане”, и тебя тянет почитать эту книгу? Осторожно, любезнейший! Это совершенно эзотерическая книга, и ее имманентная эзотерика увеличивается по мере того, как ты в нее вчитываешься. Так что, уж ты, лучше, убери-ка от нее руки! Не хватайся за нее снова, не прикасайся к ней пальцами, даже если они вымыты и ухожены, или, сообразно времени, измазаны кровью! Подожди, не встретится ли тебе эта книга вновь и не окажешься ли ты среди тех, кому она открывает свою эзотерику...» (цит. по: Филиппов, А. Карл Шмитт. Расцвет и катастрофа / А. Филиппов // Послесловие к изд. Шмитт К. Политическая теология. М., 2000. С. 261).
- ¹¹ См.: Фил.1: 15–16.
- ¹² Толстой, Л. Анна Каренина / Л. Толстой. М., 1976. С. 28.
- ¹³ Это очень распространенный сюжет мифологии. Его повторяет Барри в «Питере Пэне».
- ¹⁴ В Декларации независимости США такое непредусмотренное положение названо стремлением к счастью: «Мы исходим из той самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью». [Электронный ресурс] <http://hronos.km.ru/dokum/1700dok/1776us.html>
- ¹⁵ Бауман, З. Индивидуализированное общество / З. Бауман. М., 2005. С. 10.
- ¹⁶ Цит по: Бауман, З. Индивидуализированное общество. С. 12.
- ¹⁷ Gleick, J. Chaos: Making a New Science / J. Gleick. New York, 1987. S.98. См. также: Пригожин, Файженбаум, Бэрнсли, Смэйл и Хенон.
- ¹⁸ Потому во всякой коммуникативной системе очень остро стоит проблема словаря.
- ¹⁹ Представление о границе, отделяющей внутреннее пространство семиосферы от внешнего, дает только первичное, грубое деление. Фактически все пространство семиосферы пересечено границами разных уровней, границами отдельных языков и даже текстов, причем внутреннее пространство каждой из этих субсемиосфер имеет некоторое свое семиотическое «я», реализуясь как отношение какого-либо языка, группы текстов, отдельного текста (при учете того, что языки и тексты располагаются иерархически на разных уровнях) к некоторому их описывающему метаструктурному пространству. Пронизанность семиосферы частными границами создает многоуровневую систему. Определенные участки семиосферы могут на разных уровнях само-

описания образовывать семиотическое единство, некоторое непрерывное семиотическое пространство, ограниченное единой границей, или группу замкнутых пространств, дискретность которых будет отмечена границами между ними, или, наконец, часть некоторого более общего пространства, отграниченную с одной стороны фрагментом границы, а с другой открытую (Лотман, Ю. Внутри мыслящих миров / Ю. Лотман. СПб., 2000. С. 264).

²⁰ На это указывал А. Лосев (Лосев, А.Ф. Античный космос и современная наука / А.Ф. Лосев. Бытие. Имя. Космос. М., 1993).

²¹ В такой перспективе имеет смысл споров о субъекте. Важным критерием здесь является вопрос, что в данной системе воспринимается как субъект, например субъект права в юридических текстах данной культуры или «личность» в той или иной системе социокультурного кодирования. Понятие «личность» только в определенных культурных и семиотических условиях отождествляется с границами физической индивидуальности человека. Оно может быть групповым, включать или не включать имущество, быть связанным с определенным социальным, религиозным, нравственным положением. Граница личности есть граница семиотическая. Так, например, жена, дети, несвободные слуги, вассалы могут включаться в одних системах в личность хозяина, патриарха, мужа, патрона, сюзерена, не имея самостоятельной «личности», а в других – рассматриваться как отдельные личности. Ситуация возмущения и бунта возникает при столкновении двух способов кодирования: когда социально-семиотическая структура описывает данного индивида как часть, а он сам себя осознает автономной единицей, семиотическим субъектом, а не объектом (Лотман, Ю. Внутри мыслящих миров. С. 264).

²² Бурдые, П. Социальное пространство: поля и практики / П. Бурдые. М., 2005.
²³ См.: Лосев, А.Ф. Античный космос и современная наука. С. 233–261.

²⁴ Ср.: «Одним из основных механизмов семиотической индивидуальности является граница. А границу эту можно определить как черту, на которой кончается периодичная форма. Это пространство определяется как “наше”, “свое”, “культурное”, “безопасное”, “гармонически организованное” и т.д. Ему противостоит “их-пространство”, “чужое”, “враждебное”, “опасное”, “хаотическое”...» (Лотман, Ю. Внутри мыслящих миров С. 276).

²⁵ См.: М. Новак М., У. Липман, Ф. Бродель, Ф. Барышкин.

²⁶ Гофман, И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта / И. Гофман; под ред. Г.С. Батыгина, Л.А. Козловой. М., 2003.

²⁷ В фильме «Копейка» по сценарию В. Сорокина – анонимное *border* содержит всех в состоянии несвободы. Сама «копейка» и даже ее владельцы становятся лишь репрезентациями самого *border*. См.: <http://www.srkn.ru/texts/kopeika.shtml>

²⁸ Зиновьев, А. Зияющие высоты / А. Зиновьев. М., 1991.

²⁹ Лотман, Ю. Внутри мыслящих миров / Ю. Лотман. СПб., 2000. С. 259.

³⁰ Там же. С. 260.

- ³¹ Это также ситуация отчуждения села, когда городское рассматривается преимущественно как прогрессивное и явление более высокого и достойного порядка. В современном мире слово «деревня» употребляется для обозначения неотесанного человека, простофили.
- ³² Лотман, Ю. Внутри мыслящих миров. С. 266.
- ³³ Хорошей иллюстрацией может в этом случае выступить «Рудин» И. Тургенева.
- ³⁴ Бродский, И. Стихотворения / И. Бродский. Таллинн, 1991.
- ³⁵ Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. М., 1997. С. 23.
- ³⁶ В.В. Розанов в одной из своих заметок приводит воспоминания русского матроса о японской войне: на вопрос, а убивал ли он людей, матрос отвечал: нет, людей не убивал, япошек только (Розанов, В. Около церковных стен / В. Розанов. М., 1999). Или современный русский фундаменталист в личной беседе с явным удовольствием говорит о тех же японцах: да они варвары (в смысле – не христиане)!
- ³⁷ Бауман, З. Индивидуализированное общество. С. 16.
- ³⁸ Кардинал Й. Рацингер (папа Римский Бенедикт XVI) посвящает теме сомнения много места, указывая на его объединительную функцию: «В самом деле, никто не выложит Бога и Его Царство на стол. Да и сам верующий не может этого сделать для себя. Но какие бы оправдания ни черпало отсюда неверие, оно не в силах справиться с этим тревожным “а может, это правда”. От этого “может” никуда не денешься, оно стоит как вечное противоречие, и в самом отвержении веры неверие вынуждено постичь ее неопровержимость. Иными словами, верующий, как и неверующий, каждый на свой лад, причастны и сомнению и вере, если только они не прячутся от самих себя и от истины своего бытия. Никто не может избежать полностью ни сомнения, ни веры. Для одних вера есть нечто противоположное сомнению, для других она выражается через сомнение и в форме сомнения. Коренное определение человеческого удела состоит в том, что человек не может найти конечный смысл своего земного существования иначе как в непрерывном споре сомнения и веры, возражения и уверенности. И может быть, именно сомнение, предохраняющее и того, и другого от замыкания в собственном мире, могло бы стать местом их общения. Оно мешает каждому из них целиком уйти в себя. Оно влечет верующего навстречу тому, кто усомнился, сомневающегося – в объятия верующего. Для одного оно есть форма участия в судьбе неверующего, для другого – форма, в которой вера продолжает пребывать в нем, несмотря на брошенный ей вызов» (Рацингер, Й., кардинал. Введение в христианство / Й. Рацингер. М. 2001. См также теорему Уильяма Томаса: «Если ситуация определяется как реальная, то она реальна по своим последствиям»).
- ³⁹ Проблемы перехода к демократии от авторитарного режима в рамках так называемой «третьей волны» демократизации и вопросы новых демократий рассматриваются такими всемирно известными политологами как К. Байме, В. Банс, З. Бжезинский, Л. Даймонд, Г. О’Доннел, Т. Карл, А. Лейпхатр,

Х. Линц, С. Липсет, Л. Пай, А. Пшеворский, Д. Растоу, А. Турэн, С. Хантингтон, Ф. Шмиттер и т.д.

⁴⁰ См.: Dworkin, R. *Biorąc prawa poważnie* / R. Dworkin. Warszawa, 2001.

⁴¹ Берман, Г. Западная традиция права / Г. Берман. М., 2001.

⁴² Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. СПб., 2001. С. 259.

⁴³ Джозефом Наем создано понятие «мягкая сила» (soft power), подразумевающее использование «нематериальных властных ресурсов» культуры и политических идеалов в интересах влияния на поведение людей в других странах (Nye, J. *Soft Power. The Means to Success in World Politics*, 2004).

⁴⁴ Мы уже останавливали внимание на процессе перемещения периферии культуры в центр и оттеснении центра на периферию. С еще большей силой сказывается движение этих противоположенных потоков между центром и «периферией периферии» – пограничной областью культуры. Так, после Октябрьской революции 1917 г. в России процесс этот получал многообразную неметафорическую реализацию: беднота из пригородов массами вселялась в «буржуазные квартиры», из которых выселяли их прежних жителей или «уплотняли» их. Конечно, символический смысл имело перенесение высокохудожественной кованой решетки, до революции окружавшей царский сад вокруг Зимнего дворца в Петрограде, на рабочую окраину, где ею был обнесен сквер в пригороде, царский же сад остался вообще без ограды – «открытым». В утопических проектах социалистического города будущего, в изобилии создававшихся в начале 1920-х гг., часто повторялась идея о том, что в центре такого города – «на месте дворца и церкви» – будет стоять гигантская фабрика. В этом же смысле характерно перенесение Петром I столицы в Петербург – на границу. Перенесение политико-административного центра на географическую границу было одновременно перемещением границы в идейно-политический центр государства. А последующие панславистские проекты перенесения столицы в Константинополь перемещали центр даже за пределы всех реальных границ. В равной мере мы можем наблюдать перемещение норм поведения, языка, стиля одежды и т.д. из пограничной сферы культуры в ее центр. Примером этому могут служить джинсы: рабочая спецодежда, предназначавшаяся для людей физического труда, сделалась молодежной, поскольку молодежь, отвергнув ядерную культуру XX в., увидела свой идеал в периферийной культуре, а затем джинсы, распространившись на всю сферу культуры, сделались нейтральной, то есть «общей» (Лотман, Ю. *Внутри мыслящих миров*. С. 275).

⁴⁵ Rustow, D. *Transitions to Democracy* / D. Rustow. *Comparative Politics*. 1970. № 2.

⁴⁶ Lind, M. *In Defence of Liberal Nationalism* / M. Lind // *Foreign Affairs*. 1994. Vol. 73. # 3. May-June. P. 87.

ВСТРОЕННЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПОГРАНИЧЬЯ

*Вот и пришлось рискнуть.
Дать им возможность – все, что в наших силах.
Теперь, когда они обнажены до самых душ
И могут выбирать одежду впору –
Иль в первое, что сыщется, шмыгнуть, –
У них, по крайней мере, есть с чего начать...
Томас Элиот «Домашний прием»*

Упорядоченность

Взгляд человека, обращенный на ночное небо, различает в хаосе звезд, светящих с высоты, фигуры и знаки. Обращенный на землю, этот взгляд формирует человеческие сообщества. Перед нами суть одно и то же явление, структурирующее реальность, артикулирующее ее посредством проведения границ в пространстве.

Однако для социальной системы необходимо решить вопрос о подвижности своих границ. Множество цивилизаций считало границы в социуме столь же неподвижными и постоянными, как и границы созвездий. Наиболее характерной системой является индийская с ее системой каст, фиксирующая социальное положение даже не отдельного человека, а целых семей, народностей и сословий. Однако исследуемое нами явление Пограничья характерно даже для индийской цивилизации, не могущей совершенно исключить контакты между кастами и потому не только вводящей наказания за нарушение кастовой системы, но и обеспечивающей возможность перехода из касты в касту. Тем более Пограничье свойственно для обществ, претерпевающих значительные трансформации или избирающих прогрессивную стратегию развития. В этом

случае им необходимо решать проблемы, связанные с ускоренной трансформацией границ и, как следствие, – проблемы легитимации своей границы, а также функционирования внутренних границ – как горизонтальных, так и вертикальных.

Первоначально эта задача достаточно проста, учитывая агрессивную внешнюю среду. Легко отделять свое от чужого, когда известно свое. Многие элементы мира попросту не попадают в *border*-пространство, они изгоняются и вытесняются из него. Если внутри такого пространства – свое, то снаружи – чужое, если внутри – понятное, то снаружи – непонятное, если внутри порядок, то снаружи – хаос, если внутри – свобода, то снаружи – рабство, если внутри – цивилизация, то снаружи – варварство. Так, к примеру, за пределы средневекового города вытесняются инфернальные силы и те, кто с ними связан! В СССР можно было также наблюдать действие такого же механизма на примере возобновления в нем древней практики изгнания за пределы города – слегка модифицированной, выступавшей в виде института лишения гражданства.

Процедуры вытеснения, нейтрализации, устранения – разнообразны, их можно свести к двум типам: стигматизации и лишения статуса. В стигматизации происходит смысловое отграничение своего от чужого, произвольная интерпретация чужого, без возможности чужому высказаться и быть понятым. Негативное воздействие этого процесса стало изучаться только в XX в. и встретило сильное сопротивление академической среды. Стигматизация основана на наделении другого неподвижными качествами, отдаляющими другого от «своего». Зигмунд Бауман замечает, что такой процесс – не результат чьей-то злой воли. Стигма – явление, которое можно обнаружить скорее не по неким активным действиям, а по толстым стенам, которыми определенное сообщество желает отгородиться от другого. Так, «толстые стены – обязательная часть общества потребителя... Если такие стены появляются, то потребитель понимает, что они исполняют роль холста, удобного для эстетически приятных надписей на стенах. Все действительно уродливое и нерасполагающее оставлено вовне: предпринятия с погонной системой, необъединенный и беспомощный труд, страдания проживания на пособие, наличие неправильного цвета кожи, мука того, кто ощущает ненужность своего существования. Потребители лишь мельком могут видеть другую сторону: нищету старых районов города они минуют в миловидном и шикарном интерьере их автомобиля. Если они когда-либо посещают “Третий мир”, то это делается ради сафари и комнаты массажа... Стены не являются только физическими и появляются как стены; вместо этого они могут выступать как мысль о товарных ценах, об экспорте капитала, об уровнях налогообложения. Нельзя желать бедности для других без ощущения себя нравственно презренным; но можно желать более низких налогов. Один не может желать продления африканского голода; но можно радоваться падающим товарным ценам...»²

Практики лишения статуса, непризнания направлены на еще большее подчеркивание разделяющего значения границы и неизбежно сопровождаются идеологизацией границы. Всякая *border* и *boundary* несет в себе такое идеологическое значение, поскольку нуждается в обосновании различия. Однако проблемой представляется как раз наличие толстых стен, а также сама возможность пересечения и взаимодействия границ. Чудом является их взаимодействие. Двухсторонняя граница – гораздо более редкое явление, чем граница односторонняя.

Наличие границ является лишь предпосылкой, создающей возможность их взаимного пересечения и взаимодействия. Именно потому никакая граница не может считаться вполне закрытой, но именно потому никакая границы не является вполне открытой. Взаимодействие границ ничем не предопределено. Оно – результат свободного становления и развития. Практики стигматизации и отчуждения вполне указывают, что это не так, стена между США и Мексикой, между Палестиной и Израилем, между китайцами и варварами указывает на то, что граница может выступать только разделительным барьером. Вместе с тем даже эти разделительные барьеры указывают на непрестанную работу по упорядочению социального пространства. Именно работа по упорядочению собственного социального пространства является необходимым условием взаимодействия границ.

Модель такого упорядоченного пространства мы назвали *border*-пространством и указали, что это чистая структура, образующая предпосылки субъектных практик и презентаций, учитывающая реальное разнообразие.

State

В том, что утверждение является верным, можно убедиться, обратившись к истории развития больших социальных пространств. Так, инфраструктура *border* за последние несколько сот лет эволюционировала от частокола и крепостной стены до современных КПП и нейтральной полосы, и должностных инструкций. Исчезновение крепостных стен вокруг городов связано не столько с развитием стенобитных орудий и артиллерии, сколько с развитием *State*, совершенно новой исторической системы организации публичного порядка, публичных статусов. Сегодня *border* выстроена в логике обслуживания статуса, – внедряя правила и процедуры их исполнения – в логике статуса, а не субъекта. Уместно рассматривать теорию Пограничья в контексте теории институтов: Пограничье задается вопросами о том, как происходит становление статуса и как происходит возникновение институтов. Д. Норт утверждает, что в таких процессах необходимы механизмы интеллигибельности, обеспечивающие осознанное участие субъекта в социальных процессах. В контексте Восточной Европы это

означает постановку проблемы отношения института и субъекта. Это, по сути, и есть проблема статуса. Пограничья как пространства взаимодействия статуса и субъекта. И это же есть проблема интеллигибельности публичного порядка, а также свободы личности. Все эти вопросы являются актуальными в процессе становления *State*, который никогда не сводился к устройству тех или иных органов власти, или приобретению самосознания населением страны, – но всегда были связаны со становлением статусов и институтов, а также функционированием системы границ, с помощью которой описывается то или иное публичное пространство.

State не является синонимом понятия «государство». В восточнославянских языках этимологически понятие «государство» восходит к «государю», владыке, повелевающему и судящему; еще более древнее слово – держава – лишь усиливает это семантическое значение³. В этих языках не было выработано названия для нового типа государства, которое в романо-германских языках получило обозначение *state*, связанное с процессами XVI–XVII вв. в Европе и закончившееся Вестфальским миром. Питер Стейнбергер в книге о развитии идеи государства в XX в. говорит об этом так: «...шестнадцатое столетие проделало фундаментальное изменение в использовании термина “state”. Принимая во внимание, что более ранние авторы использовали State в значительной степени для описания «положения или состояния, в котором оказывается правитель, или же “общего состояния нации”, авторы шестнадцатого столетия придали этому термину более современное и абстрактное значение... Термин “State” обозначал отдельный и независимый аппарат политики, и употреблялся для отличия его от индивидуума, в котором, тем не менее, правительственная власть находила свой источник. Но вместе с тем State не образовывал оппозицию по отношению к таким терминам, как республика, гражданское сообщество, политическое сообщество, составляя вместе с ними попытки описания состояния, в отсутствие которых наступал коллапс и анархия»⁴.

Понятие *State* возникает из необходимости объяснить динамическую реальность через динамическую характеристику «положения» и связано с разграничением частного и публичного в той сфере, которая до XVI в. считалась публичной. И замечателен сам поиск слов в XVI в., которые могли бы обозначить ту социальную реальность, необходимость которой необходимо было достичь на практике: политическое сообщество, гражданское общество, корпорация. Поэтому Питер Стейнбергер утверждает, что понятие «State» представляет отнюдь не географически обозначенное место, не сообщество людей, объединенное прошлым, настоящим и будущим, даже если оно и располагает определенной военной и технической силой и определенными социальными взаимодействиями. *State* является категорией интеллигибельности, структурой справедливости, позволяющей понять, что является правдой, а что – нет в публичной сфере. Это позволяет назвать само государство – идеей или целой композицией идей,

всесторонним интеллектуальным миром, в свою очередь включающим в себя огромный мир концепций и верований. *State* является возможностью построить социальный порядок на взаимодействии и динамике границ. Герберт Саймон об этом пишет так: «Если мы признаем ценности объективными и данными извне, если мы постулируем объективность описания мира таким, каков он на самом деле, и если мы считаем, что индивид, принимающий решения, располагает неограниченной способностью производить вычисления и расчеты, то из этого последует два очень важных вывода. Во-первых, нам не нужно проводить различие между реальным миром и его восприятием со стороны индивида, принимающего решения. Индивид воспринимает мир таким, каким он действительно является. Во-вторых, мы можем предсказать выбор, который будет сделан рациональным индивидом, исходя исключительно из наших знаний о реальном мире, и нам не обязательно знать, как индивид воспринимает мир и как вырабатывает решение. (Но, конечно, нам нужно знать его функцию полезности)»⁵.

State – это тот мир, который был сначала сформулирован только теоретически, чтобы размышлять над ним и постепенно продвигать его в мир социальных вещей, в мир практики⁶. Потому *State* сформирован не внешними границами, а именно взаимодействием *border* и *boundary* и способен к постоянно возобновляющемуся взаимодействию со все новыми границами.

Такие задачи предполагают два различия, которые необходимо удерживать в разрешении проблемы стратегии презентации в Пограничье – это различие между структурой и субстанцией и различие между публичным и частным. *State* напрочь исключает субстанциальный подход, основываясь только на структурах и нормативно обусловленном порядке, возникающем из дискурсивных практик субъектов. В таком смысле *State* образует существо европейской цивилизации, ее цивилизационную форму, продукт социального творчества. Именно *State* является условием и возможностью субъектных дискурсивных практик, образующих сложную европейскую реальность.

State образует действительный социальный мир, устроенный в меру человека. Основное противоречие, возникающее на его границах, – это взаимодействие этого порядка с беспорядком, с пространством, наделенным *border*, но не организованным как *border*-пространство.

В такой перспективе перед постсоветскими сообществами Восточной Европы изначально стояла задача, намного превышающая проблему заимствования институтов. Намного более важной задачей являлась и является проблема организации *border*-пространства⁷, понимаемого как *State*, умопостигаемого социального мира, в котором заданы нормы справедливости и должного. Трансформации в Восточной Европе – это трансформации, обусловленные изменением функционирования *border*-пространства, связанного с дифференциацией публичного пространства, возможностью реализации субъектоспособности, изменением функционирования границ, появлением необходимости в меха-

низмах согласования различных субъектных практик и появлением государства, исполняющего функции, которые бы учитывали наличие субъектных дискурсивных практик. «Государство – порядок, независимый от партикулярной публичной политики, составляет суть перемены [произошедшей в XVI в. – *Прим. авт.*]. Для всего, что правительство делает, основой выступает идея государства как общего порядка. В этом контексте точка зрения Гоббса может быть выражена несколько по-другому. Государство фактически весьма щедро относительно правительственной деятельности, которая может охватывать все новые сферы. Но деятельность правительства и его предписаний всегда отвечают интересам и целям государства. Добиться ясности об идее государства – это означает остановиться на весьма немногом, а именно на утверждении, что отдельные формы управления имеют только одно ясное основание их оправдания и легитимизации, исключаящее все другие формы и методы управления: это отражение в них собственно государства. В этом заключается и утверждение того, что государство, среди других вещей, всекомпетентно в абсолютных возможностях»⁸.

Такой и только такой подход позволяет разрешить проблему заимствования и проблему признания⁹. В теории Пограничья заимствование является неизбежным, необходимым и органичным процессом. В семиологии нормальным считается восхищение перед чужим. Первоначально чужое воспринимается на чужом языке и может занимать первенствующее значение в иерархии. Но это влечет и перестройку собственных структур, которые не могут оставаться теми же. Но вместе с тем возникает идея синтеза. И если такой удастся, это даст толчок творчеству.

Стремление к контактам и общению – главное условие существования Пограничья и возможности социального движения. *Border*-пространство, организованное как *State*, провоцирует контакты такого рода. Для того, кто участвует в диалоге, необходимо уметь слышать, чувствовать, понимать, отвечать, оценивать, размышлять, спрашивать, аргументировать, убеждать, принимать чужую точку зрения, ошибаться и признавать ошибки. В диалоге нельзя одного – подменять голос другого. В таком случае мы выпадем из области диалога, мы перестаем воспроизводить ситуацию, в которой возможно становление человека и сообщества, – ситуацию диалога. В этом плане реформы и процессы трансформаций в Восточной Европе в отсутствие *State* были своеобразной дорогой без карты. Это означает, что, встречая новое, мы не можем опознать его как свое или как уже знакомое, но вместе с тем лишены возможности адекватно реагировать на новые вещи.

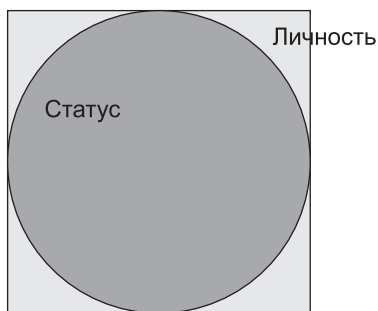
Рональд Хайнер в работе «Происхождение предсказуемого поведения»¹⁰ утверждает, что разрыв между способностью человека расшифровывать стоящие перед ним проблемы и трудностью выбора наиболее предпочтительных альтернатив – это главный ключ к пониманию человеческого поведения. Его исследование основано на простой идее о том, что чем шире этот разрыв, тем

скорее люди выработают упорядоченные и очень немногочисленные стереотипы реакций на окружающий мир, чтобы справиться со сложностями и неопределенностями, которые вызываются наличием разрыва. Более того, Хайнер утверждает, что эта неопределенность не только порождает предсказуемость поведения, но и является источником существования институтов. Однако отдельной проблемой остается влияние на процессы субъектов, презентирующих себя в *border*-пространстве, лишенном значения *State*.

Первичное Пограничье

Существует ситуация, когда Пограничье возникает неизбежно: это происходит при приобретении субъектом социального статуса. Определение условий и механизмов возникновения, приобретения и функционирования статусов является в таком случае важнейшим направлением исследований Пограничья. В этом случае корректно говорить о возникновении феномена первичного Пограничья, формирующегося в силу приобретения субъектом определенного статуса (рис. 1).

Рис. 1

Здесь отношения сосредоточены в пределах одного субъекта, и в пределах одного субъекта происходит взаимодействие разного рода границ: сходятся вместе его семейное воспитание, культура тех неформальных сообществ, членом которых он является, его религиозные убеждения, его гражданские обязанности и, наконец, та корпоративная культура, к которой он отныне принадлежит. Задача по приобретению статуса определенным субъектом типологически схожа с проблемой квадратуры круга. Субъект должен быть сведен к определенной формуле, к функции (см. рис. 1). Круг должен стать квадратом. Эта задача предполагает существование области Пограничья, в которой и происходит такое превращение и которая снабжена необходимыми для того инструментами и механизмами. Здесь личность сталкивается со статусом

как своего рода *border*-границей. Статус по-своему интерпретирует личность, личность производит интерпретацию статуса. Как происходит такого рода взаимодействие? Как начинает функционировать статус? Что удастся личности протащить через *border* внутрь *border*-пространства? Те же вопросы возникают и в случае становления любого *border*-пространства. Оно формируется во взаимодействии *border* с конфигурацией *boundary*-границ, в нем также происходит презентация субъектов социальных отношений. Но как статус не исчерпывает существа субъекта, так и *border*-пространство не исчерпывает всего разнообразия социального пространства, представляя лишь его формальную публичную структуру.

Такая структура обладает значением только в случае, если существует связь между нею и социальным пространством. Иными словами, *border*-пространство должно быть признано, а также снабжено определенными механизмами, только благодаря которым оно может функционировать, будучи значимым для более сложных, чем само оно, субъектов. В исследовании Пограничья наиболее значимым является не само существование *border*-пространства, а наличие механизмов взаимодействия между ним и субъектами социальных отношений, обладающими способностью артикуляции.

Пограничье является областью перехода между разноприродными областями: от субъекта к статусу, от неформальной общности к публичному порядку¹¹. Это также переход от чисто властного порядка к нормативно формализованному, от неформального общения к институционализированному. Проблема заключается в возможности рефлексии данных переходов, что зависит главным образом от того, обладают ли они умпостижимым характером и возможно ли в процессе такого перехода сформировать новое сообщество более высокого уровня, чем первичное, но без разрушения первичных структур.

Это позволяет разграничить процессы, протекающие как пограничные, от хаотических процессов, связанных с вовлечением в *border*-пространство субъектов, не обладающих способностью артикуляции, отчего возрастает конфликтность и отношения приобретают нерациональный и неинтеллигибельный характер. Ю. Хабермас благодушно пишет о такой ситуации: «Всякий, кто перед лицом жизненно важных решений не знает, чего он хочет, придет в конечном счете к... вопросу – кто он есть и кем хотел бы стать»¹². Это максимально оптимистическая картина вовсе неочевидная. Потому что такие вопросы могут и не возникать, а если и возникают, ответы на них могут даваться совсем нерациональными. В таком рассуждении игнорируется значение артикуляции, представляется, что артикуляция является простым следствием наличия интересов, ценностей и сложившейся идентичности. И так мысль снова возвращается к тезису воспитания масс, целенаправленной социальной инженерии. Однако на самом деле речь должна идти не об артикуляции интересов на основе идентичности, а об артикуляции вообще, которая позволяет находить общие и абстракт-

ные принципы социальной коммуникации: согласования интересов, выработки норм и правил¹³.

Потому до вопросов о разрешении конфликтов необходимо разрешать проблемы участия, признания, допущения, формирования самой среды взаимодействия. Она стоит вне этических и моральных категорий и является нейтральной сферой. Доступ к этой сфере, однако, может быть ограничен по разным основаниям:

- 1) отсутствие способности к артикуляции субъектов отношений;
- 2) ограничения, выдвигаемые *border*;
- 3) отсутствие механизмов Пограничья.

Обоснованные ограничения являются своего рода границей, структурирующей сообщество и сообщающей ее институтам ценность и иерархическую значимость. Достижение определенных статусов должно быть обосновано этими тремя феноменами: субъектоспособностью, фактом границы, предьявляющей определенные требования к субъекту, механизмами включения субъекта в социальное пространство.

Отсутствие механизмов Пограничья и артикуляции не может быть компенсировано ничем. Его невозможно компенсировать прямым воздействием на субъекта, поскольку в этом случае общество переходит в состояние механически соединяемых первичных неартикулирующихся сообществ без выстраивания более высоких уровней взаимодействия, т.е. отказывается от процесса цивилизации, изобретения новых и значимых социальных структур и механизмов.

В этом случае также не стоит преувеличивать значения альтернативных систем упорядочивания, рассматриваемых как автономные, к примеру, морали, внешней по отношению к субъекту, этой романтической мечты о спонтанном порядке – без правительства и власти, потому что вне определенного *border* моральные нормы не пересекают границы первичных сообществ и теряют свое значение. И мораль приобретает отчужденность от публичной сферы, представляя собой параллельную реальность, которая может быть не менее тоталитарна, чем политическая власть. Только *border*-пространство способно разгрузить мораль от безусловной ее связи с санкциями и необходимостью наказания и тем самым сообщить ей ее подлинное значение. И только в *border*-пространстве мораль приобретает специфическую обращенность к совести и становится основанием для всякой артикуляции. Только в таком аспекте можно признать справедливым тезис Ю. Хабермаса о доброй воле: «воля автономного индивида должна быть доброй... Кант спугал автономную волю с волей всемогущей. Для того, чтобы ее можно было мыслить как безусловно господствующую, ему пришлось переместить ее в царство умопостигаемого. Но в мире, каким мы его знаем, автономная воля действительна, лишь поскольку добрым побудительным мотивам удастся пересилить влияние других мотивов»¹⁴.

Этика сообщает нам нечто о человеке. Право сообщает нам сведения только о порядке. Этические нормы сформированы в меру человека, правовые – в меру публичного порядка. Тем не менее – это два механизма перехода между различными по природе феноменами. Этика говорит о сохранении, в первую очередь, самого индивида; право – о сохранении публичного порядка. Известный исследователь, в том числе и автор нескольких книг об СССР, А. Этциони в работе «Моральное измерение» анализирует возможности развития за пределами полезности (предсказывая поворот общества к моральным основам), за пределами рациональности, ориентированной на цель (благодаря увеличению роли ценностей и эмоций), за пределами радикального индивидуализма (через увеличение значения коллектива и коллективной рациональности). Все эти изменения как раз и составляют, по мнению А. Этциони, парадигмальный сдвиг в социальном развитии¹⁵.

Правосознание объединяет этику и право. Право делает некоторые этические нормы общеобязательными и формальными, выделяя их, как значимые для публичной сферы там, где это можно осуществить и где сами субъекты нуждаются в формализации правил поведения. Это не снимает проблемы правосознания и правомерного поведения, поскольку в праве правомерное поведение может достигаться принудительно и под страхом наказания. Субъект и его статус опосредуются именно правом и этикой. Правосознание обеспечивает режим личного отношения субъекта к своему статусу¹⁶.

По существу, недостаточно просто сформировать систему статусов – необходимо еще обеспечить связь статуса субъектом; недостаточно сформировать определенный порядок – необходимо обеспечить порядок презентации в нем *boundary*-границ. Вне *border*, среды артикуляции интересов, оказывается невозможным и рациональное согласование человеческого взаимодействия. Одновременно такое взаимодействие невозможно создать и искусственно наладить, видимо, его можно лишь спровоцировать. Потому воздействие публичного должно быть рассчитано не на реально существующего субъекта и проводиться не прямыми методами, а посредством косвенного учреждения механизмов и принципов взаимодействия субъектов, провоцирующих их на такого рода взаимодействие.

Возможно, что иных моделей Пограничья не сложится и их не существует в природе, но эта первичная модель – пограничья личности и ее статуса – существует всегда. В пространстве Пограничья уникальным способом соединяются два процесса – институционализации и социализации, и процесс институционализации приобретает свой уникальный характер. Какой бы механистической ни была институциональная структура публичного порядка, она не свободна от влияния – иррационального и живого – живых личностей, а также общего состояния знания, культуры, этики и пр.

Вторичное Пограничье. Механизмы перехода

По отношению к первичному Пограничью можно выделить уровень вторичный, на котором осуществляются межинституциональные переходы. Это уровень взаимодействия социальных и политических структур разной природы и происхождения. Например, политики и общественных организаций, семьи и публичного порядка, Церкви и общества и т.д. И первичное, и вторичное Пограничье задает вопросы и проблемы, связанные с существованием эффективных механизмов перехода, встроенных в Пограничье. Эти механизмы должны обеспечивать конвертируемость порядков один в другой при сохранении их автономии, т.е. гарантировать взаимодействие без взаимного поглощения.

Эти механизмы должны быть рациональными и интеллигибельными, они должны быть расположены к согласованию между собой множества нормативных порядков, они должны обеспечивать социальное движение. Три такие задачи предполагают существование трех родов механизмов, должных быть встроенными в Пограничье:

- 1) словарь;
- 2) мета-нормативная система, обеспечивающая взаимодействие нормативных систем правовой и неправовой природы,
- 3) фронтир.

Словарь

Без сомнения, *словарь* является самым простым и очевидным механизмом Пограничья. Возникновение потребности в словаре свидетельствует о вступлении сообщества в область Пограничья, в которой начинают множиться значения слов или появляются новые факты, требующие наименования, или встречается иной взгляд на вещи, продуцирующий новый язык, требующий перевода.

Именно словарь осуществляет систематизацию и перевод главнейших понятий из сферы *border* и *boundary*, согласуя их между собой. Словарь обеспечивает умпостигаемость публичного пространства, а также его оправданность с точки зрения *boundary*-практик. И, как представляется, проблема оказывается намного более широкой, чем легитимация публичного порядка, речь идет не о простом принятии или смирении перед ним, но возможности его постижения, возможности его помыслить. Словарь не принадлежит непосредственно ни *border*, ни *boundary*, он принадлежит Пограничью. Ю. Лотман пишет: «Всякая культура начинается с разбиения мира на внутреннее (“свое”) пространство и внешнее (“их”). [...] Однако наиболее “горячими” точками семиобразовательных процессов являются границы семиосферы. Понятие границы двусмысленно. С одной стороны, она разделяет, с другой – соединяет. Она всегда граница с чем-то и, следовательно, одновременно принадлежит обеим пограничным культурам,

обеим взаимно прилегающим семиосферам. Граница би- и полилингвистична. Граница – механизм перевода текстов чужой семиотики на язык “нашей”, место трансформации “внешнего” во “внутреннее”, это фильтрующая мембрана, которая трансформирует чужие тексты настолько, чтобы они вписывались во внутреннюю семиотику семиосферы, оставаясь, однако, инородными. В Киевской Руси был термин для обозначения кочевников, которые осели на рубежах русской земли, стали земледельцами и, входя в союзы с русскими князьями, вместе ходили в походы против своих кочевых соплеменников. Их называли “наши поганые” (поганый – одновременно “язычник” и “чужой”, “неправильный”, “нехристь”). Оксюморон «наши поганые» очень хорошо выражает пограничную ситуацию»¹⁷.

Граница выполняет функции ограничения проникновения, она определяет переход и согласования смыслов. Ю. Лотман указывает, что «граница – это область конституированной билингвильности». И, как представляется, речь идет не только о практиках на границах культурных ареалов. Это утверждение одинаково верно и по отношению к статусу, реализации действия в пределах статуса всегда сопровождается коллизиями, столкновениями интересов, в том числе и внутрилличностных. Реализация статуса – это всегда еще и некая турбулентность, тормозящая и затрудняющая движение субъекта, испытывающего сопротивление и логику иных статусов.

У Сэлинджера есть такой опыт. В одной его повести¹⁸ американская девушка Фрэнни находит в университетской библиотеке православную книжку «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу». В книжке речь идет об умной молитве и о достижении блаженного, райского состояния, святости уже в этой жизни. Американку Фрэнни эта книга доводит до обморока, она не может ее совместить со своим мировоззрением. Сэлинджер здесь очень образен и символичен. Во-первых, в книге присутствует библиотека. А библиотека – это упорядоченное собрание смыслов, упорядоченное мировоззрение. В этой библиотеке, расставляющей мир по местам, по каталогу, где каждой вещи отведено свое место, находится элемент, не объяснимый всеми вещами этого мира, – книжка странника. Эту книжку Фрэнни пытается объяснить с помощью опыта индийских йогов, брахманов, через какие-то научные данные, через психологию – иначе говоря, всеми иными книгами, которые находятся в этой библиотеке, всеми элементами того мира, который представляет университетская библиотека. Но все эти объяснения не объясняют ничего. Фрэнни, по сути, пытается один мир поглотить другим миром, – вот это и приводит к обмороку, ибо эти миры принципиально несовместимы, если отсутствует словарь на их границе, иначе одна книжка переструктурирует смыслы целой библиотеки или библиотека искажает сам смысл православной книжки. В конце концов Фрэнни помогает ее брат, который все-таки переводит язык этой непонятной книги на язык американских понятий, объясняя аскетические места книжки на языке

утилитаризма, примиряя радикализм книги – странничество, нестяжательность, непрестанная молитва – с бытом и повседневной жизнью.

Словарь указывает на существование разноприродных субъектов, обладающих разными языками. Словарь выступает необходимой предпосылкой для диалога, в котором задействуются возможности словаря. Однако такой процесс не происходит автоматически, необходимо желание его участников пересекать собственные границы и оказываться в пространстве Пограничья. Ю. Лотман пишет: «...Джон Ньюсон, исследовавший диалоговую ситуацию, возникающую при общении кормящей матери с грудным младенцем, отмечает (что несколько неожиданно звучит в текстах такого рода) любовь как необходимое условие диалога, взаимное тяготение его участников. Можно заметить, что выбор объекта в данном случае исключительно удачен для понимания общих механизмов диалога. Внутри организма диалог, как форма знакового обмена, невозможен – там господствуют другие формы контактов. Но и между единицами, полностью лишенными общего языка, он невозможен. Отношение: мать – грудной ребенок представляет в этом смысле идеальную экспериментальную ячейку: участники диалога *уже* перестали быть одним существом, но *еще* как бы и не полностью перестали им быть. В чистом виде мы сталкиваемся с тем, что потребность диалога, *диалогическая ситуация*, предшествует реальному диалогу и даже существованию языка для него. Еще более интересно другое: для выработки общего языка каждый из участников ситуации стремится перейти на “чужой” язык: мать произносит звуки, воспроизводящие звуки детского “гульканья”. Но более поразительно то, что заснятая на пленку мимика грудного ребенка при замедленном просмотре показывает, что он тоже подражает мимике матери, то есть старается перейти на ее язык»¹⁹.

Наличие словаря оправдывает существование контактов между границами разной природы и указывает на их неизбежность. Отсутствие словаря может приводить к достаточно тяжелым последствиям. Такое случается, к примеру, когда термин воспринимается и употребляется вне диалоговой структуры. Именно так происходит, когда конституционное право развивается вне дискурса, на который оно рассчитано. И так происходит с формированием самого *border*-пространства, когда оно развивается вне интеллигибельных структур. Характерным является соотношение понятия «государство» и «State» в Восточной Европе и те искажения в политике, в правовой мысли, которые обусловлены разными значениями слова, которые присваиваются ему в Восточной Европе.

Словарь создает на границе напряженность, способную преодолеть разделение на «мы» и «они». В Пограничье «мы» и «они» представляют собой единое целое. «Мы» и «они» чаще всего образуют бинарную оппозицию, предполагающую взаимную обусловленность ее членов. Так, греки создают варваров, а варвары нуждаются в греках. «Безразлично, видит ли данная культура в “варваре” спасителя или врага, носителя здоровых моральных качеств или развращенного

каннибала, она имеет дело с конструктом, построенным как ее собственное перевернутое отражение. Так, в насквозь рациональном позитивистском обществе Европы XIX в. неизбежно должны возникнуть образы “пралогического дикаря” или иррационального подсознания (см. Л. Кэрролла) – антисферы, лежащей вне пределов рационального пространства культуры»²⁰. Балканы в такой перспективе могут быть необходимы, как необходима Западной Европе Европа Восточная. Потому что подлинную оппозицию образуют не «мы» и «они», а ситуация доминирования языка одного из субъектов и та сфера, которая расположена вне Пограничья и в которой невозможны никакие контакты между «мы» и «они». Внешнее запредельное пустынное стигматизированное и обесчелоченное пространство по отношению к Пограничью – вот альтернатива ему²¹. Граница, воспринимаемая как предел, позволяющая субъекту самостоятельно, в одностороннем порядке создавать внешнюю среду, стигматизируя внешних субъектов, – альтернатива Пограничью.

Метарправовая нормативная система

В первичном Пограничье мы встречаемся с проблемой разграничения публичного и частного порядков, которая укоренена в антропологии. По сути, в первичное Пограничье должны быть встроены именно такие нормативные механизмы, которые позволяли бы эффективно осуществлять подобное разграничение, поддерживая автономию, логику и идентичность субъектов. Вместе с тем такие механизмы только потенциальны. М. Вебер указывает, что «осуществление такого разделения может быть даже невозможным. Именно в таком случае всяческое право и всяческая компетенция, а также всякое административное правомочие в равной мере имеют характер личной привилегии (в отношении главы государства чаще всего называемого “прерогативой”). В такой ситуации управомочение на определение справедливости в конкретном деле или призвание кого-то на военную службу и ожидание от него верности являются “приобретенным” субъективным правом, и, конечно, предметом праворегулирования, наследства или купли-продажи, – как управомочение на пользование определенным участком земли. В таком случае политическая власть не имеет, с точки зрения права, никакой институциональной структуры, ее определяют конкретные условия общения и группирования, а также компромиссы разных обладателей субъективных прав, а также претендентов на них»²².

В этом случае выделение некой публичной сферы представляется не просто невозможным – оно лишено всякого смысла. Взаимодействия между субъектами не могут образовывать Пограничье, они складываются не в сфере перехода от частного к публичному – поскольку такого перехода нет и он невозможен, – а в сфере конкуренции различных частных порядков. Один и тот же субъект может

принадлежать к различным социальным структурам, каждая из которых автономна. Переход из состояния принадлежности к одной корпорации в состояние принадлежности к другой корпорации образует разновидность первичного Пограничья. Однако в этом случае публичная сфера выступает как одна из частных сфер, даже функционирование *border* представляет собой выражение частного интереса.

Макс Вебер выделяет еще одну модификацию решения проблемы частного – публичного, когда публичное подменяет собой все иные сферы: «Но образование права может приобрести противоположный характер, право “частное” в различных, отвечающих ему сферах может не выступать в целом. Именно тогда, когда не существуют какие-либо нормы, которые имели бы характер объективного права, которое обосновывало бы притязания, и когда, затем, целый комплекс норм имеет с точки зрения права характер регламента, а всякие субъективные права имеют шанс на охрану не как гарантированные субъективные претензии, но как рефлексы обвязывания того самого регламента. Как далеко развито такое положение, так далеко всякое право служит цели администрирования, которым является “правление”. Администрирование при этом не является исключительно понятием публичного права. Существует, например, частная администрация частного хозяйства, предприятия, а также публичная администрация, или управление институциональных органов государства или иных, уполномоченных на то»²³.

Отсюда следует, что Пограничье является возможным, но не обязательным условием социальных и политических процессов. Можно, потому, видимо, выделить два полюса состояния *border*-пространства, определяемого разными значениями, которые может приобретать статус:

А. определяемый функционированием статуса как привилегии;

В. определяемый случайным характером образования статуса, зависимостью статуса от настоящего положения субъекта в постоянно меняющейся конфигурации администрирования.

И в варианте А, и в варианте В мы не наблюдаем устойчивой *border*-границы: в варианте А она размыта, *заменена конфигурацией border-границ*; в варианте В она приобретает тотальный характер и связанную с ним неустойчивость²⁴. Соотношение публичного – частного оказывается неактуальным – поскольку неактуально соотношение *border*. Все оказывается *border*²⁵. *Border* имеет смысл и значение только в одном случае – когда она соотносится с субъектом и составляет часть его умопостигаемого мира²⁶.

То есть на протяжении истории происходит расширение *border*-пространства. Но только становление *State* делает возможным постижение *border*-пространства и приводит к возможности складывания его как умопостигаемого мира, в котором возможны презентации субъектов, приобретение ими статусов и диалог на основе метаправовой нормативной системы, позволяющей

взаимодействовать различным нормативным системам между собою. Так в *border* возникает проблема выстраивания следующих за первичным уровнем Пограничья – между *boundary* и *border*, связанная с этой проблемой признания и идея справедливости.

Между тем идея справедливости является важным фактором, позволяющим включить нормативные системы в качестве механизмов, встроенных в Пограничье. Повсеместно в истории мы наблюдаем становление неких кодексов, правил публичного поведения, которые не являются полностью чуждыми определенной культуре и определенным общностям, меньшим, чем *border*-пространство. Нормативные системы складываются не только из нормы, но также и из процедур их применения и средств обеспечения, а также механизмов согласования. Право – это действующая система нахождения компромисса, упорядочения отношений через статуирование, придание нормативного характера статусу. Нормативная система может быть не применима, это механизм, который только потенциально может действовать. Но право должно быть применимо.

Один из самых распространенных упреков восточноевропейским сообществам заключается в указании на невыработанность ими социальных правил, отсутствие общественного договора как такового; другим таким упреком является сосуществование норм, находящихся друг с другом в явном противоречии, что открывает простор для их произвольного толкования и применения; третьим таким упреком является фиксация огромного числа неработающих норм. Однако вряд ли все эти упреки справедливы. В СССР существовало достаточно развитое право, а первичные сообщества развивали достаточно высокую мораль. Кроме того, нельзя отрицать успехов, какие демонстрировала советская социальная инженерия, и эти успехи могли быть достигнуты только на основе хорошо работавшей нормативной системы. Скорее надо говорить не о недостатках, а о чрезмерности нормативизации в постсоветских сообществах, что блокировало и блокирует создание Пограничья и метаправовой нормативной системы. В СССР развивалась и доминировала концепция права как единственной нормативной системы и связанные с ней концепции судов как правоохранительных органов, социальной инженерии, в которой право выступало главным инструментом, концепция невозможности интерпретации права. Как следствие, право явилось системой, рассекшей взаимодействия между разными нормативными порядками, оно стало единственно возможным медиатором, блокирующим всякого рода контакты между нормативными системами (рис. 2).

Доминирование права является частным случаем разрыва взаимодействия между различными нормативными порядками в человеческой жизни. Сообщение между нормативными системами возможно только через систему права, а значит, через суверена.

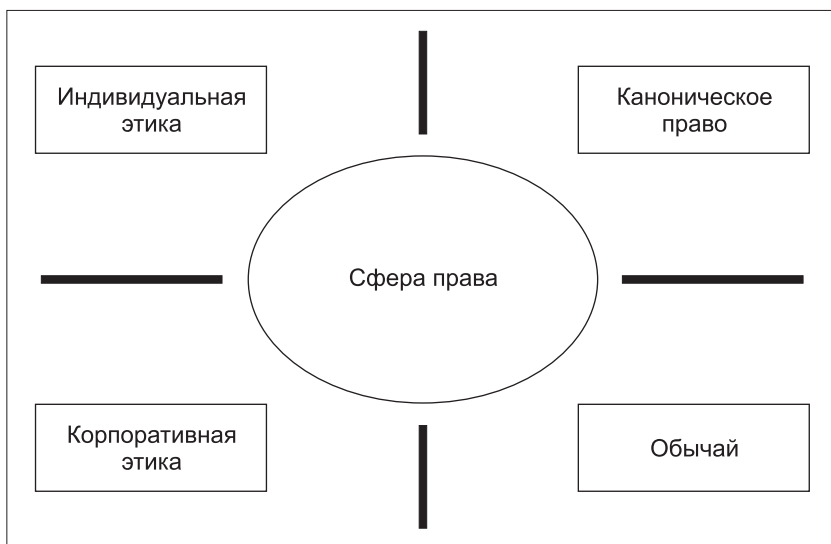

Рис. 2

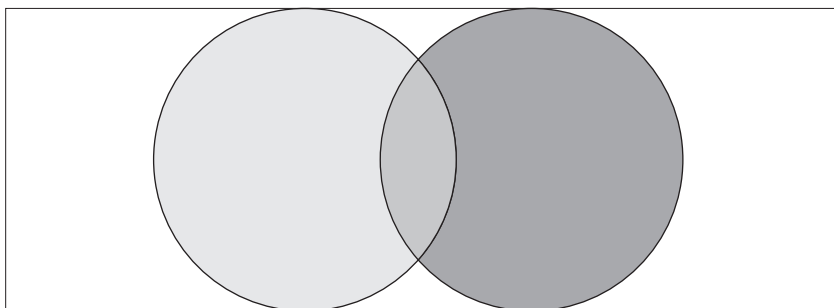
По существу, это является определяющим фактором, исключающим дискурсивное взаимодействие в таком сообществе. Человек вместо действительного статуса приобретает статусы-маски, не конкурирующие и не взаимодействующие между собой, и так личность вытесняется вообще за сферу социальной жизни. В такой перспективе совершенно обычным является социальный конформизм, являющийся простым следствием применения правила масок. Отсюда и нестабильность институтов, и относительность нормативных предписаний, никогда не подкрепленных личными или институциональными ценностями.

Социальная модель складывается исходя из анонимности социального действия, она не рассчитана на использование субъектоспособности, в ней чрезвычайно слабо развиты пограничные явления (примером может быть граница права и индивидуальной этики), профессионализма (граница экономики и этики), гражданского общества (граница политики и этики).

В такой системе институт не может существовать как форма коммуникации, но лишь как форма организации, воспроизводя каждый раз структуру *border-пространства*. Нормативные системы неправовой природы выстраиваются по образцу правовой системы: как доминирующие и разрывающие взаимодействие иных систем. В результате их взаимодействия мы не получаем новой системы, а только раздробленную прежнюю.

Такая ситуация задает Пограничье как сферу восстановления конкуренции нормативных порядков. Эрих Фромм писал, что «человек может адаптироваться к рабству, но он реагирует на него снижением своих интеллектуальных и моральных качеств; он может адаптироваться к культуре, проникнутой всеобщим недоверием и враждебностью, но он реагирует на такую адаптацию ослаблением своих сил и бесплодностью. Человек может адаптироваться к культурным условиям, требующим подавления сексуальных влечений, но при такой адаптации, как показал Фрейд, у него развиваются невротические симптомы. Человек может адаптироваться почти к любой культурной системе, но в той мере, в какой эти системы противоречат его природе, у него развиваются ментальные и эмоциональные нарушения, принуждающие его в конце концов к изменению этих условий, так как он не может изменить свою природу»²⁷.

В разрешении проблемы дефицита метаправовой нормативной системы можно обратиться к концепции Никласа Лумана²⁸, заключающейся в том, что в результате взаимопроникновения двух различных систем возникает особая зона этого взаимопроникновения, которая является новой системой и одновременно связующим звеном между двумя исходными противоположными системами (рис. 3). По существу, право здесь также развивается по законам Пограничья, взаимодействуя с нормативными системами неправовой природы. Тем самым право может выступать институтом, обеспечивающим наиболее широкую коммуникацию, рассчитанную на применение к индивидуальным практикам. В такой ситуации право входит в соприкосновение с языком, поскольку язык, используемый правом, снова же повторяет ситуацию Пограничья и выступает либо в виде словаря, обращенного к сторонам процесса, либо же в виде категорий, не рассчитанных на понимание, но рассчитанных на повиновение. Так, дрессировщик, отдавая команды зверям, может это делать как членораздельной речью, так и просто криком. Результат будет тем же.

Рис. 3. Образование словаря

Функции дескриптивных категорий

В описанной ситуации важное значение имеют дескриптивные категории. Они могут использоваться либо как основы для составления словаря, но в некоторых случаях могут выступать и как нормативные категории, блокирующие возможности выстраивания пограничья, взаимодействия нормативных систем.

Социальное пространство может задаваться различными переменными. Оно может характеризоваться как раздробленное или целостное, гетерогенное или гомогенное, институционализированное или хаотичное, управляемое или неуправляемое, коммунитаристское или индивидуализированное. Каждая из пар параметров задает шкалу, на которой можно найти реальное сообщество. Крайние значения шкал не имеют места в реальности. Нет абсолютно гетерогенного или гомогенного сообщества, существуют сообщества с той или иной степенью гомогенности или гетерогенности. Не существует обществ абсолютно раздробленных или абсолютно целостных, есть лишь сообщества с той или иной степенью целостности и раздробленности. Однако можно представить ситуацию, когда некий социальный субъект заявляет, что целью данного сообщества является достижение состояния полной гомогенности или полной и абсолютной целостности или управляемости. Тогда мы попадаем в ситуацию иного порядка, которая обусловлена отрицанием самой шкалы, на которой располагается сообщество. В случае большей или меньшей длительности такого рода политики можно говорить о тренде развития такого социума. Внутри такого тренда категории «целостность», «гетерогенность», «управляемость» перестают быть дескриптивными понятиями, они насыщаются нормативным значением и выполняют роль политического инструментария – определенных меток, обладающих свойствами границ, отделяющих должное от недожного, хорошее от нехорошего, злое от доброго. Вообще при направлении социума к унификации и гомогенному состоянию резко уменьшается количество дескриптивных категорий, необходимых для описания социальной реальности, они не исчезают, но идеологизируются.

Социалистические и постсоциалистические сообщества Восточной Европы находились и находятся в ситуации, определяемой теоремой Ирвинга Гофмана: «Попробуйте определить ситуацию неверно, и она определит вас»²⁹. Неверное определение ситуации в сообществах Восточной Европы состоит в оценочном использовании дескриптивных категорий при анализе состояния структуры обществ. По сути, эта проблема оказывается главным препятствием протекания социальных и политических реформ в этой части света.

Последствия нормативизации дескриптивных категорий

Использование дескриптивных категорий в нормативном значении приводит дробление и упрощение социального порядка. В такой ситуации социальный порядок может быть основан на сколь угодно широком составе принципов, но среди них мы не найдем принципа толерантности³⁰. Толерантность основывается на признании реальности шкал с диапазонами значений, описывающих общество. Эти описания возможны, если мы изначально принимаем многообразие сообществ и социальных порядков и воздерживаемся от применения дескриптивных категорий в качестве нормативных. Если этого не происходит, мы можем наблюдать процесс дробления социального пространства, который, впрочем, не может продолжаться бесконечно, поскольку ограничен элементарными составляющими, и, собственно, косвенным своим результатом имеет выявление таких элементов. Например, когда СССР распался, оказалось, что помимо СССР, представлявшего целостной структурой, существуют просто отдельные люди, их семьи, хозяйственные общества, преступные группы, церкви, группы по интересам, политические и экономические группировки, отдельные государственные органы, сохраняющиеся вне зависимости от изменения политической системы, наконец, национальные республики. Иными словами, атомизация социальной структуры СССР не произошло. Тот принцип, который объединял эти разнородные элементы, отпал, но его исчезновение не отменило существования самих составляющих, а также вызвало к жизни новые явления и субъекты. Важным вопросом оказывается вопрос об основаниях поведения элементарных субъектов общества в ситуации распада целостной системы, а также вопрос об образовании новых социальных структур более сложного порядка, чем элементарный.

Можно утверждать, что существует всего два принципа такого объединения: на основе гомогенизации пространства и на основе признания его гетерогенности. В первом случае объединение происходит либо в условиях архаичного однородного пространства³¹, либо в условиях абсолютного доминирования определенной идеологии тех социальных групп, которые разнородность пространства переживают как помеху для объединения и потому стараются все различия в социуме сгладить и свести на нет³². Конечно, в этом случае совершенно некорректно ставить проблему гетерогенности пространства, речь идет о построении более или менее цельной системы, основанной на централизованном управлении. Во втором случае сама разнородность выступает условием и значимым фактором объединения.

Формирование социального пространства

Первая указанная модель объединения существует либо в архаических обществах, либо в обществах, которые характеризуются как тоталитарные, искусственно поддерживающие модель архаического устройства. Потому тоталитарным обществам приходится огромное количество сил тратить на обеспечение необходимой для их существования гомогенности, что оказывается решающим фактором их нестабильности³³. С распадом тоталитарных обществ происходит обнажение факта их действительной гетерогенности. Таким образом, вопрос о статусе элементарных социальных субъектов ставится естественным образом, самим фактом их наличия.

Восточноевропейское социальное пространство является, безусловно, гетерогенным. Но гетерогенность пространства не задается только тем параметром, что оно состоит из ряда более простых и разнородных элементов. Должно быть также обеспечено их объединение в это пространство. Такое объединение этого пространства – и в случае создания союзов, и в случае упрощения социальной структуры – протекает благодаря становлению нового суверена и формированию новых социальных структур. Вопрос о том, кто этот новый суверен и каков принцип формирования новых структур, – один из самых важных. Или этот суверен признает факт гетерогенности пространства и выстраивает его через разграничение власти и ответственности по всему социальному пространству, либо он пытается осуществить проект новой гомогенизации социума. Или он использует дескриптивные категории и совершает творческую работу по созданию новой публичной нормативной системы, основанной на консенсусе и легитимности социального порядка, либо использует дескриптивные категории в качестве нормативных категорий для построения такого социального порядка.

Потому дескриптивные категории могут возникать лишь в определенном дискурсе, в самораскрытии объекта. Описать социальный объект – значит вступить с ним в связь, в контакт, услышать от него его же историю. Но дескриптивные категории не должны нормативизироваться.

Для осуществления первой модели необходимы либо достаточно сильные социальные субъекты, могущие понести осуществление определенных полномочий и социальной ответственности наряду с сувереном, либо сильная политическая воля суверена, могущего осуществить проект утверждения и развития гетерогенного пространства при наличии слабых социальных партнеров³⁴. Важно заметить, что суверен может создавать мосты между реально существующими этажами в социуме, а также может создавать сами этажи³⁵.

Банальной является характеристика социальных субъектов в постсоветских обществах как слабых и неустойчивых, опирающихся на неустойчивые нормативные системы. Однако такое утверждение явно противоречит действительности. Скорее необходимо говорить о слабости пограничных механизмов, кото-

рые призваны осуществлять взаимодействие таких субъектов. Можно говорить о неразвитости сферы социальной этики, отсутствии корпоративной этики, периферийности нормативных систем, например периферийности канонического права даже для Церкви. Иногда возникает ощущение, что все дело – в идеологии, что для того, чтобы поменять социальное пространство, необходима новая идея. И вот в бывших республиках СССР всерьез на протяжении 15 лет искали эту новую идею. В Беларуси даже написали несколько учебников по идеологии. Но дело совсем не в идеологии.

Парадоксом может казаться то, что практически все субъекты, которые существуют в развитом гетерогенном обществе, существуют и в постсоветском: университеты, правовая система, суды, парламенты, корпорации... Но субъекты в постсоветском обществе вот уже 15 лет определяются понятием «кризис»: кризис семьи, кризис социальных ценностей, кризис промышленности, кризис собственности, кризис политических партий, кризис общественных объединений, кризис местного самоуправления и пр. И если приближаться к их проблемам, окажется, что в первую очередь речь идет не о кризисе самих учреждений, а об отсутствии каналов, связывающих их нормативные основания с публичным нормативным порядком. В такой ситуации у суверена существует сильное искушение игнорировать реальную гетерогенность обществ и осуществлять политику как будто бы в отношении гомогенного пространства. Навязывание в этом случае субъектам такого пространства некой идеологической схемы будет производить только увеличение разрыва между публичной и персональной жизнью, а также между внутренней и внешней жизнью людей.

Особенно заметен факт трудности репрезентации социальных субъектов на уровне принятия значимых решений. Трудной задачей при изменении стратегии является выработка вместо дескриптивных категорий, которые теряют свое нормативное значение, новых нормативных систем. Очевидно, что такие нормативные системы не могут возникать на пустом месте, но должны быть основаны на предпосылках тех нормативных систем, которые действуют в обществе, и предлагать принципы сочетания и согласования различных нормативных систем.

В этом случае происходит фрагментация социума. Существующие субъекты, производя некую границу, не могут с ее помощью выстроить внятную стратегию собственной презентации³⁶. Иными словами, их граница является границей с Ничто, благодаря чему субъекты в таком пространстве представляют собой изолированные черные дыры, не выпускающие свет, но его поглощающие. С этим связано и особое положение в таких системах интеллектуалов, а также процветание фундаменталистских настроений, базирующихся на практиках стигматизации другого.

Социальное учение

Надо отметить, что одним из первых субъектов в новой Восточной Европе, осмыслившим эту ситуацию, явилась Православная Церковь, принявшая в 2000 г. Социальное учение³⁷, в котором утверждается факт автономности Церкви и правовая природа основ ее сотрудничества с обществом, государством и отдельной личностью в самых разнообразных сферах. Также надо отметить, что Социальное учение Православной Церкви оказалось возможным только в контексте более подробно и тщательно разработанной социальной доктрины Римо-Католической Церкви³⁸. Социальное учение утверждает также факт автономности иных социальных субъектов, в том числе личности. Социальное учение объявляет о том, что Церковь видит иных субъектов социальных отношений и не диктует им условия становления с ними отношений, признает отсутствие априорно заданных условий и форм таких отношений.

Социальное учение является в первую очередь конституционным каноническим документом, исполненным юридикзма. Прочтение ее в ином ключе представляется некорректным. Учение открывает православным христианам факт социальной и политической гетерогенности и намечает конституционные основания их церковного участия в социальных процессах.

Факт принятия Социального учения удивителен тем, что даже принявшим участие в работе над Социальной концепцией составляет трудность усвоение ее языка. В марте 2004 г. один из разработчиков Социального учения проф. А.Б. Зубов на конференции, посвященной Социальной концепции Православной Церкви, проводимой фондом К. Аденауэра, так изложил суть ее раздела об отношениях Церкви и государства: а) народу свойственно стремление к целостности, что и отражает концепция; б) концепция написана только для Церкви и не может быть использована вовне; в) государство возникает для решения духовных проблем и помогает спасению, а потому Церкви не может быть безразлична форма государства. Выступление А.Б. Зубова является как раз примером некорректного перевода юридического языка концепции на философский язык политического учения, сужения универсализма юридического языка концепции³⁹. В этом случае происходит лишь одно: сворачивается гетерогенность и универсальность юридического языка и перед нами предстает гомогенный мир, в котором государство выполняет какие-то духовные функции, а Церковь пытается понять, что же остается за ней. Надо ли говорить о том, что в этом случае Социальное учение Церкви становится совершенно ненужным? Оно однозначно интерпретируется как некая политическая программа православных, каковой, она, конечно же, не является в действительности.

Еще одним примером попытки искусственного игнорирования факта гетерогенности социального пространства служит белорусский Закон «О свободе совести и религиозных организациях». Этот Закон пытается создать механизм

установления лояльных суверену субъектов правоотношений, тем самым идеологизируя право. Такое происходит от убежденности авторов закона в том, что государство должно выполнять духовные функции, т.е. функции по гомогенизации социального пространства, а также от неконкретности и неразвитости понятия государства в Восточной Европе. Это до сих пор еще не юридическая конструкция. Закон пытается в самом себе преодолеть юридические рамки, за что и подвергается критике международного сообщества и правозащитных организаций. Вместе с тем безусловно, что Закон в себе заключает и положительное значение, поскольку осуществляет несовершенно, но все-таки осуществляет новое видение Церкви и религиозных организаций как автономных субъектов социальных отношений.

Использование гетерогенности

Безусловно, что восточноевропейским сообществам понадобится достаточно длительная эволюция сознания к пониманию ситуации необходимости использовать в строительстве Восточной Европы именно гетерогенности своего пространства, задействуя в качестве средства коммуникации право и межсубъектные нецентрализованные коммуникации. Помощь в этом происходит как раз со стороны глобализации, потому глобализационные процессы влияют на автономизацию сильно.

Воспроизведение гомогенной структуры общества и политики в Восточной Европе бросает народы Восточной Европы в блуждание по кругу своей истории, обеспечивая их архаичный характер и недискурсивную политику. Ф. фон Хайек 50 лет назад описывал проблемы гомогенизированных централизованных иерархий в отношении информации и принятия решений: «Чтобы контролировать все в своих владениях, авторитарный правитель нуждается в информации и знаниях, необходимых, чтобы принимать решения. В сельскохозяйственном обществе, где лорды правили крестьянами, навыков верховой езды, владения мечом и некоторых знаний политики, а также благословения местного епископа было, видимо, достаточно для обеспечения монополии на власть. Однако с развитием и усложнением экономики информационные потребности управления растут экспоненциально. Современная власть нуждается в технологических знаниях, которыми ни один из правителей не может надеяться владеть в полной мере; таким образом, он должен во всем полагаться по крайней мере на технических экспертов – от создания оружия до управления налоговой системой»⁴⁰.

Но именно поэтому современные государства и общества не могут обходиться без разграничения власти внутри социальных гетерогенных систем, что не только не ослабляет государства и общества, но делает их гораздо более гибкими и сильными.

Без осознания гетерогенности современного мира невозможно создание эффективных социальных структур в Восточной Европе. В противном случае Восточная Европа обречена на постоянное раздваивание, обладая развитой гетерогенной структурой, примерять несвойственные для себя маски, скрывающие ее гетерогенность и раскалывающие общества на основе нормативизации дескриптивных категорий. Раскол – это симптом произошедшего процесса.

Гомогенизация Восточной Европы вымывает самое существенное условие ее органичного развития – социальный капитал и нормативные системы неправовой природы, нейтрализуя их. Социальный капитал не накапливается в гомогенно организованном социуме, в котором отсутствуют его держатели и конкуренция нормативных порядков. Гетерогенное общество не может быть основано на всеобщем недоверии и изолированных один от другого социальных институтах. Ф. Фукуяма замечает, что «картина ничем не ограниченного конкурентного индивидуализма в современных обществах опровергается многочисленными более детальными социологическими исследованиями истинной природы технологического развития... Под поверхностью кажущейся неограниченной индивидуалистической конкуренции скрывается широкий спектр социальных сетей... Эти социальные сети имеют различные источники – общее образование... и общее профессиональное прошлое...»⁴¹.

Именно на этот аспект социальной жизни следовало бы обращать большее внимание при изучении современных социальных процессов и их схожей природы на Востоке и Западе Европы.

Утверждение восточноевропейских сообществ как гетерогенных сложных систем актуализирует значение образа действия субъекта, значение субъекта, принимающего значимые решения: от избирателя до менеджера производства и чиновника. Но не только появление таких субъектов является условием составления эффективных социальных структур в Восточной Европе, но также и их утверждение – возможно только через становление пограничных практик. Такие практики являются антитезой понятию раскола. Раскол означает отсутствие механизмов взаимодействия и отсутствие всякой перспективы его отыскания.

Введение понятий гомо- и гетерогенности социального пространства позволяет адекватно описывать реалии стран Восточной Европы, не обращаясь к идеологическим понятиям «народ», «страна» и т.п. Возможным оказывается описывать первичный мир человека и связь повседневных практик с функционированием других структур, выделять особое значение пограничных взаимодействий, а также воздействие на процесс иных структур глобального уровня.

Артикуляты

Таким образом, для Восточной Европы актуальным продолжает оставаться вопрос о необходимости нахождения адекватного артикулята для субъектов, составляющих новую социальную реальность. В отсутствие подлинного общественного договора, легитимизировавшего бы изменения в современной экономической, социальной и политической жизни, складывающийся порядок обладает нестабильностью, поскольку каждый раз может быть оспорен элементами, из которых он складывается. Гомогенное социальное пространство использует в качестве артикулята идеологический или религиозный язык, легитимирующий иерархическое устройство и предлагающий систему ценностей и обоснований положению каждого из социальных субъектов в иерархии. При этом положение в иерархии диктуется самим языком, но не природой социальных субъектов и общества в целом. Потому в гомогенном пространстве существует только частное право, действие права никогда не распространяется на сферу публичных отношений⁴². Как правило, ни один из языков, употребляемых в гомогенном обществе, не является приемлемым для гетерогенного общества, для которого важна репрезентация субъектов на уровне принятия значимых социальных решений. Для создания новой структуры, состоящей из различных элементарных субъектов, необходим универсальный язык. Гетерогенное пространство в качестве артикулята выбирает юридический язык, лишенный всяких оценочных и ценностных категорий, и применяет его в публичной сфере. В постсоветской Восточной Европе для описания возникшего гетерогенного пространства совершенно адекватно в конце 80-х – 90-х гг. XX в. был выбран юридический язык, которым описывались публичные отношения. Во всех государствах Восточной Европы были приняты конституции, новые гражданские кодексы, законы о самоуправлении, о свободе совести, новое избирательное и хозяйственное законодательство. Юридический язык всех этих актов утверждает факт гетерогенности постсоветского общества и предоставляет инструментальный для использования гетерогенности в общих социальных и политических целях.

Существует следующий нюанс использования юридического языка в постсоциалистическом обществе. Носители гомогенного социального мировоззрения в юридическом языке, предлагающемся в качестве средства коммуникации разнообразных социальных субъектов, усматривают новую идеологию, которая навязывается им взамен прежней. И потому им очень трудно понять, в чем именно новая идеология лучше прежней. Именно в силу понимания юридизма как инварианта идеологии ему приписываются все беды кризисного периода. Юридический язык обвиняется в неэффективности, контрпродуктивности и неорганичности. И надо признать, что в отношении определенного числа социальных субъектов в посттоталитарной Восточной Европе это утверждение является действительным, поскольку достаточное количество субъектов не в

состоянии усвоить новый статус, – вне иерархии с определенной собственной самостоятельностью и ответственностью.

Как следствие, использование юридического языка является достаточно непривычным, неожиданным и наверняка дискомфортным для постсоветских обществ, привыкших к единственно возможной логике и безальтернативной политике. Совершенно естественно, что в постсоветских обществах продолжают попытки описания новой социальной реальности с помощью иных языков с целью преодоления дискомфортной гетерогенности и обеспечения гомогенности пространства: языка идеологии, политики, теологии, преступности, стремящихся стать универсальными и устранить значение права. Юридические нормы подвергаются критике в постсоветском обществе именно с позиций политики, идеологии, теологии, логики преступности. Юридические нормы осуждаются за «индивидуализм», «уравнение в правах», «внимание к меньшинствам» и пр.

Носители такой риторики не нуждаются в праве и в юридическом языке. Чтобы репрезентировать себя и свои идеи, им не нужен юридический статус. Они добьются всего силой, распространяя логику своей группы политическими методами на все иные группы и сообщества, и с готовностью поддержат политику, направленную на устранение гетерогенности социального пространства. Это очень серьезная альтернатива начатым в странах Восточной Европы в 1990-е гг. реформам.

Следующей проблемой, параметры которой требуют выяснения, является наличие/отсутствие действительных нормативных систем неправовой природы в постсоветских обществах Восточной Европы. Иначе: что может происходить в условиях реального гетерогенного общества при отсутствии таких норм и социального капитала в ситуации, когда сувереном становится субъект, проводящий политику гомогенизации? Или что может происходить, если общество гетерогенно, но суверен проводит политику гомогенизации, а субъекты общества обладают только проектами альтернативной гомогенизации? Свойством суверена является обладание правом определять своих партнеров. Суверен, проводящий политику гомогенизации, избавляется от социальных партнеров; суверен, признающий гетерогенный характер общества, защищает права своих партнеров, определенные их правовым статусом. Таким образом, основная проблема в странах Восточной Европы состоит в переходе от гомогенной общественной структуры к реальной гетерогенной и в способности новых сообществ к овладению новым для них юридическим языком социальных коммуникаций. Очень важно исследование вопроса о том, какие группы заинтересованы в развитии гомогенной структуры общества, а какие стремятся к созданию сетевой модели, опирающейся на гетерогенность социума.

Фронтир

Надо отметить еще один аспект возникновения Пограничья: презентации субъектов не бесцельны. Такие презентации являются формой борьбы за признание. Это значит, что граница, формирующаяся в результате процесса презентации, носит открытый, двусторонний характер, снабжается словарем и нормативной системой. Но такая граница также должна обеспечивать перемещение субъекта, его социальное движение и встречу с иным субъектом, что является оправданием для словаря. Фронтир – открытая граница, снабженная механизмами, обеспечивающими социальное движение, возможность перемещения и смены статусов при сохранении системной цельности. Так происходит процесс становления дифференцированных обществ при сохранении первичных структур. Так же может сохраняться и национальное государство. Над ним возникает не новое государство, а структуры иного порядка.

Примерами фронтиров являются христианизация, развитие права в средние века, колонизация, освоение новых земель, индустриализация, становление и функционирование системы образования, становление общества потребления. Современность демонстрирует замораживание фронтиров, превращение их в стены, потерю перспективы другого, а значит – потерю оснований для поддержания состояния противоположности по причине усложнения социального пространства, интенсификации международной торговли, туризма, обмена идей. Потому актуальной остается сама возможность создания пространства, основанного на традиционном гомогенном субстанциальном понимании. Примером может выступать появление метафоры Балкан как состояния, противоположного цивилизации, т.е. варварства. Другим примером может выступать знаменитый тезис С. Хантингтона о войне цивилизаций. Образу космоса обязательно в таком случае противопоставляется образ хаоса. И возникающие при этом границы – односторонни, поскольку невозможно, размыкая границы, находиться вне этого процесса. Если я строю стену, то я оказываюсь или внутри, или снаружи.

И в первом, и во втором случае можно наблюдать укрупнение территорий, которые формируются такого рода границами. Балканы могут находиться где угодно, и эта метафора может отделять целые континенты один от другого. Вместе с тем происходит и трансформация границы и ее инфраструктуры. Для того чтобы отделить не-Балканы от Балкан, уже недостаточно одной политической границы, речь идет о целом комплексе мероприятий, обеспечивающих нераспространение Балкан, а также их собственной трансформации в не-Балканы⁴³.

Фронтиры могут формироваться самими сообществами. Тогда возможна ситуация, при которой границы inferнальных мест и территорий словно бы выворачиваются наружу. Для подлинной трансформации необходимо центр вынести вне себя, вне собственного традиционного пространства. Тогда границы

собираются не вокруг собственной территории, но начинают стремиться к центру, вынесенному за эти территории. В истории бывали такие случаи. Так возник Константинополь как новая столица Империи, так Карл Великий перенес столицу из Ингельгейма в Ахен, так Петр Великий перенес столицу из Москвы в Петербург. Лотман говорит о такой ситуации так: «Прежде всего обостряется экзистенциальный код: существующее объявляется несуществующим, а то, что еще должно появиться, – единственным истинно сущим. Ведь и Святослав, когда заявляет, что Переяславец на Дунае находится в центре его земли, имеет в виду государство, которое еще предстоит создать, а реально существующую Киевскую землю объявляет как бы несуществующей. Кроме того, резко возрастает оценочность: существующее, имеющее признаки настоящего времени и “своего”, оценивается отрицательно, а имеющее появиться в будущем и “чужое” получают высокую аксиологическую характеристику. Одновременно можно отметить, что “концентрические” структуры тяготеют к замкнутости, выделению из окружения, которое оценивается как враждебное, а эксцентрические – к разомкнутости, открытости и культурным контактам»⁴⁴.

Для Восточной Европы сегодня таким фронтиром является ее граница с западным миром, которая определяет индивидуальные и коллективные стратегии. Лорд Актон пишет: «Громадное место, принадлежащее в государстве его народностям, определяется тем фактом, что на них покоится политическая дееспособность государства. Свойства народа в огромной степени определяют форму и жизненную силу государства. При этом разным народам свойственны разные политические идеи и обычаи, к тому же меняющиеся в ходе национальной истории. Народ, едва вышедший из дикого состояния или, наоборот, расслабленный избытком и роскошью своей цивилизации, не может обладать средствами для самоуправления; народ, приверженный идее равенства или идее абсолютной монархии, неспособен создать аристократию; народ, питающий отвращение к институту частной собственности, лишен первейшего элемента свободы. Каждый из названных народов может быть превращен в действительно свободное человеческое сообщество лишь путем соприкосновения с расой более высокой организации, в жизненной мощи которой заключены надежды будущей государственности. Система, не берущая этих вещей в расчет, не ищущая себе поддержки в свойствах и склонностях людей, вовсе не предполагает, что они сами должны управляться со своими делами, но ждет от них лишь слепого повиновения распоряжениям сверху. Поэтому отрицание национального своеобразия влечет за собою отрицание политической свободы»⁴⁵.

Во втором случае фронтиры формируются как эффект существования вне-национальных сообществ второго и последующего уровней социальной структуры. Такова система образования, или Церковь, или фирма. Эти институты работают как фронтиры. Фронтир движется в сторону, где находится действительный центр. Фронтир – это не граница, это зона перехода, когда субъект

выходит за пределы действия определенных статусов, чтобы приобрести новый статус. Фронтир – это социальный лифт. Очевидно, существует универсальная ситуация, обуславливаемая порядком возникновения *border*. В случае самостоятельного формирования границы тем или иным субъектом мы можем наблюдать состояние границы как фронта – линии, благоприятствующей для освоения и перехода, линии максимальной социальной динамики и институционализации. Статус является провоцирующим возникновение фронта явлением. Но одного статуса недостаточно. Показательно в этом плане переосмысление и преобразование значения фронта в США на исходе XIX в. Фронтир представляет собой первичную модель Пограничья, в которой субъект прилагает максимум усилий для обладания неким статусом, а фронтир выстроен таким образом, чтобы субъект мог использовать свои возможности, встречая минимум препятствий.

В Восточной Европе Пограничье оказывалось на протяжении XX в. не только не потенциальным, но и невозможным, поскольку в СССР тщательной регламентации и регулированию подвергалась в первую очередь публичная сфера, и не подлежало частное. В СССР отрицалось частное право как таковое. Таким образом, даже уровень первичного Пограничья был неактуальным: личность поглощалась ее статусом.

Личность в СССР подлежала исчерпывающему обозначению: советский гражданин, строитель коммунизма, ленинец, передовик, советский семьянин. Эти определения никогда не оставляют человека наедине с самим собой, они исключают какой-либо переход от личного к статусному. А Зиновьев называет такую систему Суперсистемой, нацеленной на максимально эффективное решение публичных задач. Но это состояние оказывается автаркическим и закрытым, оно никак не зависит ни от каких иных обстоятельств – экономики, хозяйства, психологии, свойств народов, природных условий. По отношению ко всем обществам и эпохам действует правило автаркической властной системы. Это механическое правило социальных структур. В них индивидуум всегда обнаруживает себя в меньшинстве, всегда обнаруживает дискомфорт, принуждающий его либо к героизму, либо к отступлению и растворению в этом большинстве.

Но в этой системе существовала всегда одна трудность – решение вопроса о фронтире, о зоне перехода, зоне успеха, задействовании личной мотивации и желаний. Это всегда была основная проблема в СССР. И пока такие фронтиры создавались (индустриализация или общество потребления), СССР развивался. А потом они закрылись – по разным причинам.

Фронтир способствует поддержанию в публичной сфере личного действия. Он, как и *border*-границы, не является элементом неких субстанций, но является элементом социального порядка, не указывая на присутствие какого-либо *одного субъекта*, но определяя пространственные контуры и конфигурацию политических, социальных, экономических и прочих систем статусов, делая их доступными для субъекта. Фронтир является эффектом взаимодействия

border- и *boundary-*границ, облегчая процесс презентации субъектов в *border-*пространстве. Сами же субъекты формируют *boundary*, которые, приходя во взаимодействие с публичной сферой, могут приобретать значения *border*, т.е. статуса.

Статус является формой институциализации индивида или группы. Дифференциация статусов осуществляется на основе того принципа, что субъект не может принадлежать одновременно к нескольким одноприродным порядкам. Например, нельзя быть, в подавляющем большинстве случаев, гражданином двух и более государств – государства всячески избегают введения принципа двойного гражданства, – но модно быть гражданином государства и Союза, в который оно входит. Так возникает необходимость в регулировании таких проблем. Это требует идентификации, выделения зоны свободы для такой идентификации, требует институтов и закрепления гарантий свободы таких институтов и правил функционирования публичной сферы.

Нельзя быть одновременно христианином и мусульманином. Так происходит не потому, что субъект не может желать такой ситуации, но именно в силу того, что он проходит процесс институциализации в определенном *border-*пространстве и не признается «своим» в других *border-*пространствах⁴⁶. Данный принцип можно обозначить как принцип совместимости статусов; согласно ему, статус субъекту может быть предоставлен только в определенном *border-*пространстве⁴⁷, что исключает предоставление одновременно ему такого же статуса в ином однотипном *border-*пространстве. Приобретение статуса субъектом протекает в контексте фронта. Так, Р. Брубейкер пишет: «Противопоставление реалистическому и субстанциональному восприятию народов не означает сомнения в реальности народной структуры. Означает это прежде всего реконцептуализацию ее реальности. Проявляется это в различении исследований народной структуры от исследований народов как субстанций, субстанциальных бытов, сообществ и коллективов. Принадлежность к народу – это концептуальная переменная, а не постоянная. Социальная структура является сугубо практической категорией, она указывает на существование определенных институциональных форм ее составляющих. Существование такой структуры – только возможно, но не обязательно»⁴⁸.

Принадлежность к определенной социальной структуре требует формализации. Такая формализация осуществляется через построение системы статусов, учитывающей существование реального социального пространства, состоящего из субъектов, обладающих свободой, проявляющейся в возможности составления презентаций субъекта в *border-*пространстве.

Именно фронт включает индивида в социальный порядок⁴⁹ не только посредством приобретения им неких прав и обязанностей, определяющих его положение, причем от субъекта зависит ровно столько, какие требования и критерии выдвигаются тем или иным институтом к кандидату. Требования эти изна-

чально имеют формальный характер, к примеру формальные требования к претенденту на приобретение гражданства. Фронтир делает процесс приобретения статуса субъектом двусторонним процессом, позволяя учитывать субъектное воздействие на статус.

Процесс социализации требует включения субъекта в социальный порядок на основании интериоризации им определенных социальных норм и ценностей. Невозможно представить незаконченный процесс институционализации: статус можно принять или же не принять; и напротив, мы постоянно сталкиваемся со случаями неполной социализации.

В виде фронтиров существуют университеты, судебная система, механизмы рынка – фирма и всякая иная система, которая основана на субъектной автономии, ответственности и свободе. Только в таком случае возможна конкуренция между нормативными порядками, поскольку конкуренция возможна между одноприродными явлениями. Альтернативной является отсутствие такой конкуренции и подчинение человека и индивидуальной этики монолитному этическо-правовому порядку, обнаружение себя в определенных границах, к формированию которых субъект не имел практически никакого отношения. В этом случае сами границы формируют субъекта, включают его в определенную социальную структуру, основанную на публичных статусах, наделяют его статусом. Эти действия совершаются как факты, лишённые основания в воле самого субъекта. Очевидно, что вне фронтиров личность не может влиять на социальные изменения.

В первичном пограничье определяются условия приобретения статусов, цели приобретения статусов, условия рекрутирования и замещения статусов. Если осуществлять анализ первичного пограничья, применяя категорию «субъектоспособность», то очевидно, что фронтир формируется только с участием субъектоспособных акторов. Фронтир работает не на основе власти, а на использовании социального капитала. Потому фронтиры возникают только в сфере обращения этого капитала и всевозможных трансакций, в которых участвует социальный капитал. Это требует размыкания границ нормативных порядков и их конкуренцию. Социальный капитал как сила, образующая фронтир, оправдывает персональное действие, дающее жизнь институтам и институтам, обеспечивающим развитие социальной этики. Фронтир позволяет преобразовывать прямое властное воздействие на субъекта формальной организацией сферы коммуникации.

Примечания

- ¹ За чертой поселения должны жить в деревне – колдун, мельник и (иногда) кузнец, в средневековом городе – палач. «Нормальное» пространство имеет не только географические, но и временные границы. За его чертой находится ночное время. К колдуну, если он требуется, приходят ночью. В антипро-

странстве живет разбойник: его дом – лес (антидом), его солнце – луна («воровское солнышко», по русской поговорке), он говорит на антиязыке, осуществляет антиповедение (громко свистит, непристойно ругается), он спит, когда люди работают, и грабит, когда люди спят, и т. д. (см.: Лотман, Ю. Внутри Мыслящих миров / Ю. Лотман. СПб., 2000. С. 323) .

- ² Бауман, З. Индивидуализированное общество / З. Бауман. М., 2005. С. 93.
- ³ Совершенно особняком стоит Речь Посполитая, а также Новгородская республика.
- ⁴ Steinberger Peter The Idea of the State. Cambridge University Press, 2004. S. 9–10.
- ⁵ Цит. по: Стиглиц, Дж. Куда ведут реформы? / Дж. Стиглиц // Вопросы экономики. № 7. М., 1999. С. 4–30.
- ⁶ Steinberger, P. The Idea of the State / P. Steinberger. Cambridge University Press, 2004. S. 14.
- ⁷ Спор о судьбах национального государства – это периферийный спор. Речь не идет о национальном государстве. Речь идет о новой конфигурации публичного, когда международные институты приобретают право на определение публичного.
- ⁸ Steinberger, P. The Idea of the State. P. XIII–XIV.
- ⁹ Становление как статусов, так и современных государств сопряжено с механизмом признания. Потому так важны принципы признания государств в современном мире, а также основания отношений между разнообразными субъектами внутри государства. Важным представляется акцентирование внимания на том, что признается именно тот или иной порядок, статус, а не тот или иной субъект.
- ¹⁰ Цит. по: Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. М., 1997. С. 41.
- ¹¹ В Восточной Европе трудно формируется представление о Пограничье, поскольку в публичной сфере все отношения рассматриваются как гомогенные и в свете концепции абсолютного суверенитета. Присутствует концепция дозволения и регулирования, а не признания.
- ¹² Цит. по: Зотов, А.Ф. Новый тип глобальной цивилизации / А.Ф. Зотов // Полит. исслед. 1993. № 4. С. 146–158.
- ¹³ З. Бауман в «Индивидуализированном обществе» пишет о процессе перетекания ответственности от общества к отдельному человеку, когда проблемы, создаваемые на социальном уровне, становятся проблемами отдельного человека. [...] когда человек не добровольно воспринимает социальные проблемы как свои собственные, но общество перекладывает на него свои проблемы. Бауман говорит о распаде некоторых связей, о невозможности коллективного действия, действия в больших формах, невозможности передачи личной ответственности. Однако эти доводы можно продолжить в ключе развития осознания такого положения и попытки составления новой солидарности, что возможно благодаря сложности человеческого устройства. Этические вопросы настигают человека в самый неожиданный момент.

- ¹⁴ Хабермас, Ю. Демократия, разум, нравственность. Лекции и интервью. Москва. Апрель 1989 / Ю. Хабермас. М., 1990. С. 17.
- ¹⁵ Etzioni, A. The Moral Dimension / A. Etzioni // *Toward New Economic*. N.Y.; L., 1989.
- ¹⁶ См.: Ильин, И. О сущности правосознания / И. Ильин. М., 1992.
- ¹⁷ Лотман, Ю. (см.: Лотман, Ю. Внутри Мыслящих миров / Ю. Лотман. СПб., 2000. С. 257, 262).
- ¹⁸ Сэлинджер, Д. Над пропастью во ржи. Повести / Д. Сэлинджер. М., 1983.
- ¹⁹ Лотман Ю. Указ. соч. С. 264.
- ²⁰ Лотман Ю. Указ. соч. С. 233.
- ²¹ См.: Latimore, O. *Studies in Frontier History* / O. Latimore. London, 1962; Piekarczyk, S. *Barbarynczy i chrześcijaństwo* / S. Piekarczyk. Warszawa, 1968.
- ²² Weber, M. *Gospodarka i społeczeństwo. Zarys socjologii rozumiejącej* / M. Weber. Warszawa, 2002. S. 490.
- ²³ Ibid. S. 490.
- ²⁴ В фильме А. Учителя «Космос как предчувствие» обозначен такой род границы, которую способны преодолевать только радиоволны.
- ²⁵ Но пока еще пересечь границу социалистической страны – это значит попасть в новый мир с другой постановкой проблем, в мир, где такие понятия, как демократия, выборы, парламент, федерализм, профсоюзы и другие политические институты, или такие юридические понятия, как собственность, договор, арбитраж, приобретают часто другой смысл (Давид, Р. Основные правовые системы современности / Рене Давид. М., 1999). Оригинальность советского права выражается также и в том, что советская доктрина отказалась от основного деления права, принятого в романо-германской правовой семье. Речь идет о делении на публичное и частное право, являющимся традиционным и основополагающим для этой семьи. Оно восходит еще к римскому праву и является основополагающим в том смысле, что в качестве сердцевины права в этих странах всегда рассматривалось частное право. В течение веков юристы по соображениям осторожности оставляли в стороне публичное право, переплетающееся с политикой и плохо отличимое от административной науки. Еще и сегодня ряд его отраслей пребывает в бесформенном, недоразвитом состоянии по сравнению с частным правом.
- ²⁶ В одной из своих песен А. Галич поет о жизни советской номенклатуры «за семью заборами, за семью запорами». Дикое и невозможное и неосмысливаемое в жизни номенклатуры именно то, что она протекала вопреки идеологической риторике и протекала словно бы исподтишка – скрываясь в некую «зону», отграниченную от всего мира забором.
- ²⁷ Фромм, Э. Человек для себя. Исследование психологических проблем этики / Э. Фромм. Минск, 1992. С. 34.
- ²⁸ Луман, Н. Дифференциация / Н. Луман. М., 2006.
- ²⁹ Goffman, E.P. *Rozważania o zranionej tożsamości* / E.P. Goffman. Gdańsk, 2005. S. 26.

- ³⁰ Этот принцип невозможно реализовать, даже если он и провозглашается, в условиях нормативизации дескриптивных категорий. Например, проблематичным оказывается соблюдение свободы совести, поскольку государство вмешивается в эту сферу, сужая, нормируя свободу совести оценочными категориями. Среди представителей церкви оказываются хорошие и нехорошие, тоталитарные сектанты и вносящие вклад в культуру и т.д. Оценочные категории оказывают прямое влияние на правовой статус субъектов (см.: Белая книга. Материалы по проекту Закона «О свободе совести и религиозных организациях». Минск, 2002).
- ³¹ Под архаическим следует понимать такое устройство общества, в котором все социальные функции выполняются одной социальной структурой, ведающей политикой, общественным порядком, экономикой, религией, нравственностью и пр., и где все социальные интеракции протекают в рамках одной нормативной системы. Классическим примером являются архаичные общества, основанные на родоплеменном принципе, каковы современные кочевники Крайнего Севера или племена Амазонии (см.: Рулан, Н. Юридическая антропология / Н. Рулан. М., 2000).
- ³² СССР был системой, классической для этого типа объединения. СССР воевал с обществом, не желая допустить каких бы то ни было различий в общественной структуре. Но ослабление политической власти в СССР с 1960-х гг. приводит к постепенной легализации гетерогенности социальной структуры. Идеологические установки КПСС мешали осуществлению этого процесса на всем протяжении советской истории. Идеологические установки мешают нормальному правовому реформированию и в настоящем, накладывая искусственные ограничения на процесс придания автономного правового статуса субъектам общественных отношений. Факт совершенно дикой приватизации, произошедшей в постсоветских государствах, также может быть объяснен только такой ситуацией: никто из принимавших значимые решения не верил в длительность происходивших изменений, реформы 1990-х воспринимались как короткий период очередной НЭП, после которой снова все примутся за строительство коммунизма. В процессе приватизации в постсоветских республиках не было предпринято никаких попыток заключения общественного договора, никаких попыток легитимизации права собственности.
- ³³ Р. Картье приводит следующие показания немецких военачальников периода Второй мировой войны, данные ими на Нюрнбергском процессе: «Ни один из политических шагов Третьего Рейха не подвергался предварительному обсуждению. Государственный Совет, которого номинальным президентом был Шахт, не собрался ни разу. Совещания собирались только по вопросам выполнения уже принятых решений, но не для обсуждения и решения проблем. Самые же решения принимались следующим образом: Гитлер призывал трех, четырех приближенных, ближе всего стоявших к данному вопросу, излагал им свой проект и говорил: “Вот чего я хочу. Что вы предлагаете?” В начале своей карьеры он еще выслушивал возражения. В конце ее он не слу-

шал уже ничего. Он не терпел, чтобы кто-либо имел общее суждение о его политике и его замыслах. Он говорил: “Каждый должен знать только то, что его непосредственно касается и только в нужный момент, т.е., вообще говоря, как можно позже”. Поэтому его дипломаты не имели понятия о его военных планах, а его генералы – о политических замыслах. Те, что ковали оружие, не знали, для чего это оружие предназначается. Кайтель свидетельствует, что ОКВ, т.е. Верховное командование вооруженными силами, не смело давать министерству иностранных дел хотя бы малейшие сведения о военных операциях. А Риббентроп заявляет, что министерству иностранных дел было запрещено давать Верховному командованию хотя бы малейшие сведения о ходе дипломатических дел. Шпеер, министр вооружения, член кабинета министров, утверждает, что он узнал о вступлении германских войск в Польшу только по радио» (Картье, Р. Тайны войны. По материалам Нюрнбергского процесса / Р. Картье. Б.м., 1948. С. 15).

³⁴ Существует следующий фокус социального сознания: с точки зрения прежней гомогенной структуры такие элементарные субъекты будут интерпретироваться как «остатки», «части» прежней структуры. Но самого субъекта такой интерпретации уже нет! В качестве субъекта такой интерпретации выступают сами объекты, осмысливающие себя именно как «остатки»: прежние функционеры, партийные структуры, субъекты социалистической экономики и пр., не имеющие возможности быть репрезентируемыми в гетерогенном пространстве, поскольку лишены по своей природе такой репрезентативности.

³⁵ Так было создано дворянство в России, что позволило продолжить рост национального государства, желающего контролировать всю территорию.

³⁶ Во всех звеньях хозяйственного механизма «на рынке капитала, на рынке труда, в отношениях между предприятиями, между предприятиями и государством, между различными ветвями и уровнями власти – неписанные правила и договоренности имеют перевес перед требованиями закона, условиями контрактов и другими формальными ограничениями. Даже те договоры, которые заключаются с соблюдением всех формальностей, воспринимаются участниками как некая условность и исполняются «по обстоятельствам». В терминах О. Уильямсона дело обстоит так, как если бы основные ресурсы, которыми располагает российская экономика, относились к разряду “специфических” и для трансакций с ними требовались исключительно “отношенческие” контракты» (Уильямсон, О. Экономические институты капитализма / О. Уильямсон. Спб., 1997). Это создает питательную среду для развития разнообразных «нестандартных» форм адаптации – платежей, бартера, нецелевого использования бюджетных средств, торговли налоговыми освобождениями, задержек заработной платы, неоплачиваемых административных отпусков, вторичной занятости, скрытой оплаты труда и т.д., которые оказываются вписанными в сложные неформальные отношенческие сети и не могли бы существовать вне них. Это указывает только на то, что первичные социаль-

- ные структуры доминируют по отношению к структурам более высокого порядка.
- ³⁷ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. М., 2000.
- ³⁸ Regum Novarum (1891) Льва XIII, Quadragesimo Anno (1931) Пия XI, Mater et Magistra (1961) Иоанна XXIII, Octogesima Adveniens (1971) и Populorum Progressio (1967) Павла VI, Laborem Exercens (1981), Sollicitudo Rei Socialis (1987) Centesimus Annus (1991) Иоанна Павла II, Резюме Социальной Доктрины Церкви (2004), Deus caritas est (2005) Бенедикта XVI.
- ³⁹ С принятием Декларации о правах и достоинстве человека Всемирного Русского Национального Собора 6.05.2006 в России произошла реакция на Социальную концепцию Русской Православной Церкви 2000 г.
- ⁴⁰ Hayek, F.A. The Fatal Conceit: The Errors of Socialism / F.A. Hayek. Chicago, 1988. P. 17.
- ⁴¹ Фукуяма, Ф. Великий разрыв / Ф. Фукуяма. М., 2003. С. 195.
- ⁴² Иоанн Грозный выражал это так: «До сих пор русские властители ни перед кем ни отчитывались, но вольны были жаловать и казнить своих подданных, а не судились с ними ни перед кем...» (Переписка Иоанна Грозного с Андреем Курбским. М., 1993. С. 146). Эта традиция, к сожалению, воспроизводится, в том числе и через периферийность конституционализма в развитии Восточной Европы (см. также исследование Янов, А. Россия и Европа 1462–1921 / А. Янов. М., 2005).
- ⁴³ ‘The Need for Trusted Borders’ Ian Leath – RUSI esentation, 29 June 05 http://www.raytheon.co.uk/news_room/speeches.html
- ⁴⁴ Лотман. Указ. соч. С. 322.
- ⁴⁵ Актон, Дж. Принцип национального самоопределения / Дж. Актон // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др.; пер. с англ. и нем. М., 2002. С. 22.
- ⁴⁶ Ибо что есть субъект без статуса? Это вопрос достаточно существенен для человека с древних времен до настоящего дня. Так происходило в античных полисах, проводивших процедуру изгнания, – так происходит и в современном ЕС, где, признавая все права за членами ЕС, государства выстраивают стратегию допуска субъектов новых членов на свой трудовой рынок.
- ⁴⁷ В Пограничье же не существует статусов. В транзите также не существует статусов, потому что в нем все направлено на становление самого пространства. Отсюда – то огромное значение, которое имеют межличностные связи в пространстве, лишенном Пограничья.
- ⁴⁸ Brubaker, R. Nacjonalizm inaczej. Struktura narodowa i kwestie narodowe w nowej Europie / R. Brubaker. Warszawa, 1998. S. 21.
- ⁴⁹ Таких социальных институционализированных порядков может быть множество. Множество таких порядков способствовало становлению концепции суверенитета на исходе эпохи Возрождения. Это попытка выяснения главной организационной структуры в публичном порядке.

ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИЙ КОНСТИТУЦИАЛИЗМ

*Сколько их, и все они прижимаются
друг к другу, сколько рук, и все они
переплелись, сплотились вместе,
сколько ног, и все они топчутся
вплотную одна к другой. Само собой,
все во фраках. Вот так мы и идем.
Ветер пробирается всюду, где
только между нами осталась щелочка.
Ф. Кафка «Прогоулка в горы»*

Новая легитимация политических отношений

Одним из важнейших индикаторов Пограничья является Конституция. Вернее, Конституция должна выполнять функцию такого индикатора по своей природе, поскольку определяет положение различных субъектов – от личности до государственного органа и международной организации – в публичной сфере. Характер действия Конституции, ее интерпретация и трудности с ее реализацией являются одним из самых важных показателей, по состоянию которого возможно оценивать суть процессов, реально происходящих в Восточной Европе.

Содержание новых конституций восточноевропейских государств оказалось обусловленным ситуацией, сложившейся после поражения СССР в холодной войне. Поражение повлекло за собой изменения в структурах власти, механизмах принятия политических решений и системе создания позитивного права постсоветских государств. Подобные трансформации поставили новую восточноевропейскую политику

перед необходимостью легитимации системы новых политических отношений. В обеспечение легитимации восточноевропейские страны осуществили рецепцию конституционной модели государств-победителей. В таком контексте уместно говорить о преобладающей системной эффективности западного конституционализма, выступившего моделью, легитимирующей новый политический порядок в Восточной Европе. Однако конституционализм не сводится к тексту Конституции, и принятие Конституции не исчерпывает проблемы легитимации самого конституционализма. В теории конституционного права много говорится о легитимирующей функции, которую выполняет Конституция по отношению к политической системе, но практически не рассматривается проблема легитимации самой Конституции¹. И если легитимацию политических институтов можно провести различными способами: идеологическим, властным, правовым, мифологическим, которые в этом случае подчиняют саму Конституцию своей логике, то легитимация Конституции неотделима от процесса ее реализации, а потому предопределяет фактическую модель политической системы. В зависимости от способа легитимации происходит оформление происходящих в Восточной Европе трансформаций и складывается определенная модель конституционализма (или не-конституционализма). Совершенно очевидно, что государства Восточной Европы в 90-е гг. XX в. не располагали изначально всей совокупностью способов легитимации Конституции, но Конституция выступала одним из основных средств легитимации новых политических институтов.

Субъекты легитимации новых конституций

Хотя поражение Восточной Европы в холодной войне является главным фактором, обусловившим появление в ее сообществах конституций, оно также создает определенный контекст мировосприятия народов Восточной Европы, в котором невозможным становится ценностное восприятие какой бы то ни было идеи, особенно новой идеи. Именно контекст исторического поражения идеократии, каковой был СССР, обуславливает восприятие сообществами Восточной Европы конституционализма в качестве отвлеченной, внешней по отношению к их собственным традициям идеологии, закрытой для ценностного переживания. Такое восприятие конституционализма образует проблему ограниченной легитимации конституционных институтов, и в особенности проблему ограниченной легитимации самой Конституции, стоящую для Восточной Европы в очень острой форме. Оказывается, что в Восточной Европе существует очень узкий круг субъектов легитимации Конституции, поскольку такими субъектами могут быть только наделенные субъектоспособностью акторы, заинтересованные в презентациях в публичной сфере. Фактически в качестве субъектов, долж-

ных легитимировать конституционные преобразования, выступает множество несубъектоспособных субъектов, к примеру, совокупность наделенных избирательным и прочими политическими правами граждан и множество социальных и политических структур, находящихся в изоляции от публичной сферы, но также наделенных статусом, позволяющим им влиять и участвовать в политике. Привести в движение эти совокупности не-субъектов может только государство, внося в такие множества импульсы, создавая подобие броуновского движения, сутью которого тем не менее является манипуляция такими не-субъектами.

Потому конституционные реформы в Восточной Европе приводят к парадоксальной ситуации: Конституция призвана придать фрагментированному обществу некоторое направление на становление новых институтов социализации и интеграции, но при этом Конституция не может опираться на репрезентацию самого общества в силу неспособности последнего к такой репрезентации. Эффективность конституционализма в этом случае измеряется степенью институционализации конституционной модели, которая определяется практически единственным дееспособным субъектом новых конституционных отношений – государством. Только государство в постсоветских странах может провести конституционные и институциональные реформы во всей их глубине². В условиях десоциализации, отсутствия органичных социальных связей, сообществ государство опирается для легитимизации политической системы на институты всеобщей демократии. В данном случае существует опасность подмены понятий и смыслов конституционализма: демократия может рассматриваться как ценность, отождествляемая с конституционализмом и могущая занимать место конституционализма³. В целях легитимации новой системы политических отношений, основанной на Конституции, используется демократия, вовлекающая в сферу политики огромные массы населения. Демократия выполняет функцию легитимизации настолько отчетливо, что в массовом сознании существует полное отождествление конституционализма и демократии. Именно всеобщее избирательное право является одной из основных ценностей в Восточной Европе, препятствуя становлению агоры в силу неспособности к публичным практикам множества субъектов, наделенных избирательным правом. При этом всеобщее избирательное право поощряет становление манипуляционных стратегий в обществах Восточной Европы – и, что парадоксально, влечет за собой ограничение политических прав членов таких сообществ, действительно отстраняемых от политики и исключаемых из публичной сферы. И если манипуляционные стратегии становятся преобладающими, то эффективность конституционализма в Восточной Европе больше не может определяться успехом, который достигается государством в построении системы автономных от него человеческих сообществ и связанных правом политических институтов. И если очевидно, что государство в процессе становления конституционного режима не должно зависеть от участников публичной сферы, неспособных к ответственному и ор-

ганизованному действию, то реальная репрезентация человеческих сообществ, входящая в сферу конституционных отношений, должна по мере конституционных реформ возрастать. Для такого роста необходима точка отсчета, которая может и не описываться в категориях всеобщего избирательного права. Однако если эффективность конституционализма оценивается степенью эффективности государственной политики, то избыточными оказываются такие категории, как «правоспособность», «свобода», «баланс интересов», которые являются основными конституционными категориями. В манипуляционной модели любой субъект конституционного права – от обычного гражданина до колхозов и политических и религиозных организаций – может рассматриваться как агент государства; такая модель не допускает существования автономных нормативных систем, не допускает возможности существования наряду с национальной системой права даже права канонического, а потому не допускает и существования корпораций, каждый раз пытаясь корпорацию представить как сумму составляющих ее субъектов. Подобная модель не допускает и существования локального права, основанного на иной, нежели государственная, юрисдикции, т.е. не допускает возможности существования таких субъектов, как локальные общности.

В данном случае можно утверждать, что все отношения, складывающиеся в правовой и политической сферах Восточной Европы, инициирует и обеспечивает лишь один субъект – государство, и в национальном пространстве существует только одна – государственная – юрисдикция. Если иные субъекты правоотношений обладают правовым статусом, право- и дееспособностью, то снова же этот статус становится значимым только в том случае, когда государство обеспечивает его реализацию, становясь, по существу, участником всех возможных в данном обществе правоотношений. Указанное обстоятельство означает, что только входящие в государственную юрисдикцию нормы могут становиться действительными нормами. В такой модели существует только один ограничитель государственной власти и государственного права – это власть и право иного государства.

Так происходит абсолютизация государственного суверенитета и ограничивается развитие теории народного суверенитета⁴, а также концепции суверенитета личности, что приводит к глубокому искажению значения конституционного права.

Государство в Восточной Европе несет на себе многие черты советской идеократии, претендующей быть универсальной формой социальной и политической жизни. Это крупнейший собственник, владеющий огромными «народными» ресурсами, как будто бы могущий справедливо этими ресурсами распорядиться. Вместе с тем это политическая конструкция, вызывающая мощные процессы отчуждения и потери локальной идентичности у своих граждан. Одновременно государство выступает как такая субстанция, которую очень сложно

отличить от народа. Как показали франко-российские исследования, проведенные в 1993–1996 гг.⁵, государство в постсоветских обществах практически не ассоциируется с политической властью и организацией, но связывается в общественном сознании с такими эмоциональными понятиями, как Родина, страна, сообщество людей. В таком контексте легитимность государства обуславливает и легитимность права, поскольку именно постсоветское государство создает право и исполняет его. Универсализация государства в советский период истории означает, что именно государство создало все новые формы общественной жизни в 80–90-х гг. XX в. и придало им правовое значение. Феномены государства и права все еще могут рассматриваться как тождественные. Граждане должны соблюдать законы потому, что эти законы справедливы, а справедливы они потому, что их издает государство, которое выражает и защищает интересы всех. Несоблюдение права в постсоветском государстве все еще может быть интерпретировано как неподчинение государственной политике⁶.

Государство в Восточной Европе – это феномен, который объясняется в первую очередь модернизацией организации советских политических институтов и только частичной модернизацией правовой доктрины, начавшейся в СССР еще в 1960-е гг., когда в трудах отдельных советских юристов постепенно, элемент за элементом, основные правовые понятия и категории, в том числе и принадлежащие сфере государственного права, начинают приближаться по смыслу к принятым в западной традиции⁷. Но произведенная в конце 80-х и начале 90-х гг. XX в. модернизация политической сферы была лишь несколько подготовлена процессом модернизации советской доктрины и правосознания, шедшим спонтанно уже несколько десятилетий. В целом реформы проводились самим государством, изначально для их объяснения и обоснования был выбран не правовой, а идеологический язык⁸. Потому реформы в политической сфере не были в должной мере артикулированы правовой доктриной. Изначально эти две сферы оказались в состоянии внутренней напряженности по отношению друг к другу: продвинутые реформы объяснялись на языке полунамеков советских юристов, в силу чего право не рассматривалось как серьезный инструмент и способ проведения начавшихся реформ. И здесь возник парадокс, заключающийся в том, что модернизация государства, которая должна была именно освободить место для права, стала мыслиться как самоценная сфера и проводиться силами самого государства. В результате праву в этом процессе уделяется почти то же место, что и в советский период. Феномен постсоветского государства и права возникает как эффект модернизации политических институтов, но подкрепленной должным образом соответствующими положениями правовой доктрины. В такой ситуации конституционный строй подвергается в процессе деятельности множественным интерпретациям, производимым как на основе права, так и без всякого соотнесения с ним. Именно потому право и государство все еще остаются тождественными феноменами, в результате чего, например,

неудовлетворительное развитие политических институтов влечет разочарование в правовых институтах.

Тем не менее наряду с государством в Восточной Европе существуют иные политические образования, элементы гражданского общества, ограничивающие универсальный характер и суверенитет государства. В правовой сфере данная ситуация означает превращение государственной юрисдикции из абсолютной в относительную за счет соотношения ее с иными юрисдикциями негосударственной природы. И вот здесь постсоветское государство оказывается в трудном положении, поскольку адекватными средствами для решения задачи установления органичных правоотношений в этой области оно не располагает.

Национальное государство и национальная юрисдикция

Все конституции постсоветских государств Восточной Европы содержат положения о суверенитете нации. Это одна из важнейших категорий конституционализма, позволяющая произвести принципиальное различие между государством и сообществом людей, где нация понимается как такое сообщество, которое создает Закон и избирает себе правительство. Нации присваивается две функции: правовая и политическая. Нация определяет пределы государственной юрисдикции, и нация является гарантом сохранения этой юрисдикции в установленных конституцией пределах. То есть доктрина национального суверенитета изначально утверждает ограниченность государственного суверенитета. В такой перспективе государство становится инструментом, механизмом, корпорацией, наделенной определенным правовым статусом⁹. На Западе эта новая форма государства была названа в XVI в. словом State. Объем государственной юрисдикции в этом случае определяется не самим государством, а нацией, и не теоретически, а сугубо практически – самим существованием гражданских институтов и гражданского правосознания. Возникновение нации кладет конец существованию субстанциальных концепций государства. Поскольку сила и активность гражданских институтов и ясность правосознания могут быть разными, именно потому государственная юрисдикция может расширяться, а может сужаться, но опять-таки не произвольно, и тем более государственная юрисдикция не является природной принадлежностью государства, но приобретает конвенциональным способом. Национальное государство оказывается таким образованием, которое достаточно чутко реагирует на реальное положение дел в социуме и политике. Юрисдикция государства не ограничивается пустой теорией или умозрением правоведов, но определяется самой структурой нации, в которой существуют такие союзы, которые могут иметь собственную юрисдикцию на основе конституционного права, и в лице которых государ-

ство находит достойных контрагентов в осуществляемой им политике. В этом случае рядом с национальной юрисдикцией возникают иные юрисдикции, например, местного самоуправления, международных организаций, глобальных корпораций, религиозных объединений, личности, семьи и, в конце концов, юрисдикция хозяйственных обществ. Взаимодействие между государством и этими общественными союзами, обладающими конституционным статусом, очевидно, не может выстраиваться с помощью политических и административных методов, – оно возможно только в рамках права с помощью правовых методов. При этом проводится работа по сочетанию юрисдикций и приведению их к состоянию, не противоречащему состоянию национальной юрисдикции. В этом случае мы видим снова единую систему, отвечающую принципам национального суверенитета, только намного более сложную и многообразную, нежели система, построенная на абсолютизации государственного суверенитета и унифицированной государственной юрисдикции.

Потенциал правовой модернизации

У Д. Родари есть сказка про мышку, которая ела кошек... напечатанных в книжках. Это была библиотечная мышка. И ела она этих кошек до тех пор, пока не повстречалась с кошкой настоящей. Та сказала бедной книгогрызке: «Я тоже очень люблю литературу... А не кажется ли тебе, что не мешает немного поучиться и у жизни?» Очень часто положение правовой доктрины и конституционной доктрины в постсоветском обществе напоминает эту несчастную библиотечную мышку. Она лишена необходимой жизненной силы, потому что является книжным знанием, но не живым правом и правосознанием. Конституционные положения о национальном суверенитете остаются во многом правовыми абстракциями, притом очень часто истолковываемыми в этническом смысле, что усугубляет их отвлеченность¹⁰. В таком случае конституционализм предстает всего лишь литературой, читателям которой следует учиться у жизни. Но если происходит такой переворот, и Конституция оставляется ради некоей практики, Восточная Европа отказывается от перспективы рационального планирования своего будущего, поскольку в практике нет никакого плана, поскольку такой план представляют сами институты, заимствованные постсоветской правовой системой из западной правовой традиции и позволяющие синхронизировать политическую и правовую модернизацию с социальной. Но этот ресурс не может быть использован государством, поскольку он принадлежит общественным структурам негосударственной природы, таким как Церковь, общественные и политические организации, территориальные сообщества, предприятия, т.е. всем тем субъектам, которые не могут обойтись в своей деятельности без собственных нормативных систем. Становление юрисдикции таких структур на основе

их правового статуса означает следующее. Если государственная юрисдикция в советский период допускала единственный источник ограничения государственного суверенитета – международное право и национальное право другого государства, то теперь она может допускать и способствовать становлению юрисдикций внутреннего порядка – юрисдикций личности, территориальных, общественных и религиозных союзов. По существу, образование этих юрисдикций и сочетание их с национальной юрисдикцией и означает становление конституционного государства в Восточной Европе. Такой процесс предопределяет ситуацию, при которой право перестает быть всего лишь функцией государства и литературой, и превращается в один из самых значимых регуляторов общественных и политических процессов, подчиняющий своей логике идеологию и политику и опирающийся не на государственную волю и юрисдикцию, но на национальные структуры, структуры гражданского общества. Важнейшим вопросом в этом случае является вопрос о статусе субъектов право- и политических отношений, их собственной юрисдикции и признания этой автономной юрисдикции со стороны постсоветского государства.

Телеологический характер Конституции и интеграционная функция Конституции

Если конституционная аксиология в постсоветских странах оказалась неразвитым и периферийным направлением исследований, то это указывает на периферийность конституционно-правовой проблематики в этих обществах. Вместе с тем состоявшийся факт появления конституций в целях легитимации нового политического порядка неизбежно обозначил необходимость объяснения его дальнейшего существования, развития, подчинения им реальной политики, экономических и общественных отношений. Конституция является в постсоветских государствах тем документом, который заключает в себе комплекс задач, стоящих перед восточноевропейскими сообществами, и одновременно сама является одной из таких задач. Задачи эти не ограничиваются модернизацией институтов Восточной Европы в соответствии с западной традицией, но включают в себя и обеспечение прав человека, либерализацию экономики, обеспечение плюрализма в общественных отношениях, становление конституционной модели государственной власти, т.е. модели ограниченной политической власти и институтов гражданского общества в условиях отсутствия самого гражданского общества. Никаких иных значимых моделей конституционного развития Восточной Европы в настоящее время попросту нет. В этом случае эффективность восточноевропейских конституций измеряется степенью достижения определяемых ею целей и степенью легитимности способов достижения этих целей, что предопределяется уже свойствами самого восточноевропейского общества.

В описанной выше ситуации конституционные нормы и институты образуют совершенно уникальную функцию в постсоветском обществе. Они призваны играть позитивную роль создания, структурирования и институционализации новых субъектов политики и права, новых политических и правовых отношений, новой модели экономических и социальных отношений. Такие цели не достигаются спонтанно, без государственной воли, доминирующей в постсоветских обществах. Вместе с тем государство не может решить такую задачу в ситуации нелегитимности Конституции.

Мы выяснили, что Конституция не может ограничиваться лишь одной функцией идеологического документа. В то же время реализация ее норм невозможна без легитимации конституционных институтов, которую может проводить только государство. И здесь мы как будто бы сталкиваемся с противоречием: только государство может произвести конституционные преобразования, что означает необходимость существования в Восточной Европе очень сильного или очень «большого» государства. Но в результате этих преобразований должна сложиться такая система отношений, в которой власть этого сильного государства должна быть ограничена, а компетенция государства – уменьшиться. Это противоречие поверхностно, оно существует, когда феномен конституционализма рассматривают как некую статическую данность (Конституция, институты, правовые статусы, гарантии и пр.); противоречие снимается, если конституционализм рассматривается как динамическое явление, представляющее собой процесс реализации конституционных положений, а также механизм согласования и баланса публичного и частного интересов. Тогда эффективность конституционализма может измеряться не эффективностью государственной политики, но степенью работоспособности таких механизмов. Очевидно, что в момент принятия Конституции такие механизмы еще отсутствуют, что существует временной зазор между принятием Конституции и созданием эффективной конституционной модели. Такой временной зазор образует парадокс, заключающийся в том, что прежде достижения конституционных целей государству требуется обеспечение параметров эффективности политики, не соотносимых с конституционными стандартами¹¹. Речь может идти о необходимой с точки зрения государства интеграции субъектов, сил и средств, обеспечивающих элементарные порядок и безопасность. Вот эта интеграционная функция государства, конечно, не являющаяся элементом конституционализма, выступает необходимым качеством самого государства. С точки зрения конституционализма это состояние или качество государства необходимо назвать режимом чрезвычайного положения. Необходимо понимать, что примирение этого качества государства с конституционализмом практически невозможно: государство пытается произвести самую широкую и глубокую интеграцию, конституционализм ограничивает это стремление. Специфика положения в этих процессах в Восточной Европе определяется тем, что государство в интеграционных целях

использует Конституцию, достаточно своеобразно истолковывая ее нормы и общее значение, стремясь смысл Конституции свести к легитимации своей интеграционной функции. Интеграционная функция Конституции обеспечивает становление такого порядка, при котором вопрос о легитимности самой Конституции становится периферийным. При этом в Конституции в качестве опорных выдвигаются те нормы, которые определяют статус государства и структуру органов власти. Статус человека сводится к его гражданскому статусу, а статус общественных, политических, хозяйственных и религиозных объединений обуславливаются статусом гражданина¹², волей которого общественные объединения создаются. Такой подход ослабляет положение корпораций в пространстве Восточной Европы.

Становление конституционной национальной юрисдикции в Восточной Европе и все сложности такого становления можно достаточно хорошо рассмотреть на примере взаимоотношений Церкви и постсоветской Беларуси, или проблемах отношений университетов и государства, или хозяйствующих обществ и государства. К примеру, в последнее десятилетие в постсоветских государствах были приняты новые законы о религиозных организациях¹³, которые имеют не теоретический, а сугубо прикладной характер. Их создание обусловлено и несомненным государственным интересом, и интересом самих религиозных организаций. Вместе с тем законы о религиозных организациях затрагивают, но не решают по существу проблем, связанных с модернизацией советской правовой доктрины, в частности с изменением общеправового понимания того, чем определяются границы юрисдикции конституционного государства.

Главной особенностью законодательства о религиозных организациях является его логика, наследованная от советской эпохи, основанная на признании универсальности и абсолютности государственного суверенитета и юрисдикции. И в силу практичности законодательства о религиозных организациях особенно ярко выраженная именно в законе о религиозных организациях. Именно универсальность государственной юрисдикции влечет за собой индивидуализацию религии, которая в рамках законодательства стран Восточной Европы рассматривается как свобода личности. Религиозные организации в этом контексте выступают сообществами, которые формируются личной потребностью человека, являются репрезентацией не человека даже, а человеческого интереса. Потому они лишены собственной репрезентации и юрисдикции, — деятельность религиозных организаций находится целиком в юрисдикции государства. Предметом регулирования выступает личная потребность, удовлетворяемая человеком в различных формах. Эти формы получают юридическое закрепление в виде религиозных организаций и объединений, регистрируемых государством. Религия определяется белорусским Законом «О свободе совести и религиозных организациях» как «мировоззрение и мироощущение, а также соответствующие им поведение и специфические действия (культ), основанные на вере в сверхъ-

естественное.» То есть религиозные организации по существу ничем не отличаются от общественных объединений: все они созданы «по интересам». Поэтому закон подтверждает позицию обывателей: дети – на дискотеку, я – на рыбалку, а жена – в Церковь, уравнивая по существу религиозность человека и его бытовые потребности. Но, принимая такую позицию, законодательство оказывается перед рядом вопросов: чем, в таком случае, религиозная организация отличается от, к примеру, общества филателистов? какие особенности, которыми обладает религиозная организация, обуславливают необходимость определять ее правовой статус отдельным законом? как связаны между собой свобода совести и статус религиозной организации?

Статья 16 белорусского Закона о свободе совести и религиозных организациях «Государственная регистрация религиозных организаций» устанавливает, что «религиозные организации подлежат обязательной государственной регистрации. С момента государственной регистрации религиозная организация приобретает статус юридического лица. Религиозные организации как юридические лица пользуются правами и выполняют обязанности в соответствии с законодательством Республики Беларусь и своими уставами». И вот возникает вопрос: а могут ли религиозные организации руководствоваться негосударственным правом, например каноническим правом? Существует ли религиозная организация до момента ее регистрации? Признает ли государство нормы канонического права?

Вообще, очень интересно, как государственная регистрация религиозных организаций воспринимается обывательным сознанием. Как-то одна чиновница Комитета по делам религий Республики Беларусь рассказывала нам, как в Комитете вручаются свидетельства о регистрации религиозных организаций: «Мы это делаем в торжественной обстановке, свидетельства вручает сам Председатель. И это такое событие для батюшек, для руководителей религиозных организаций!.. Ведь с этого момента образуется приход или братство!»

С точки зрения универсальной государственной юрисдикции чиновница оказывается совершенно права: до государственной регистрации не существует никакого юридического феномена – ни прихода, ни братства, ни, собственно, Церкви. Государственная регистрация в таком случае является актом, которым легализуется воля отдельных лиц, задумавших действовать «для удовлетворения своих религиозных потребностей». И сам Закон о свободе совести и религиозных организациях является в этом случае актом, который устанавливает государственную юрисдикцию в области форм реализации гражданами своей вероисповедальной свободы.

Но все же белорусский Закон «О свободе совести и религиозных организациях» рассматривает Церковь и иные религиозные и псевдорелигиозные организации в плане статутного права, а следовательно, признает Церковь в качестве особенного субъекта права. Кроме того, религиозные организации в связи

с особенностями того статуса, которым они наделяются в отношениях с государством, имеют два устава – гражданский (внешний) устав и церковный (канонический), против существования которого государство не возражает. Как наличие внешнего, так и наличие канонического устава позволяет предположить, что Церковь существует как корпорация, производная не только от интересов личности и имеющая правовую репрезентацию, не принадлежащую юрисдикции государства. В таком случае в суждениях чиновницы все оказывается неверным – не образуется приход с момента регистрации – он только получает право юридического лица в юрисдикционном пространстве этого государства. И регистрация оказывается не разрешающим, не правоустанавливающим актом, но актом признания, поскольку помимо государственной юрисдикции существует также юрисдикционное пространство и самого прихода, и Церкви. Именно от особенности понимания данной ситуации зависит очень многое, по существу, вся система отношений между государством и Церковью, а также иными корпорациями.

На деле, именно такое положение вещей утверждается знаменитой нормой об отделении Церкви от государства. Данная норма является следствием изменившихся в эпоху модерна функций Церкви и государства. И если Церковь отделяется от государства, что означает ее освобождение и становление в системе права в качестве корпорации, то и государство отделяется от Церкви и становится особой корпорацией, которая обозначается термином «светское государство».

Методы легитимации и оценка эффективности

Принятие Конституции создает начала конституционализма, включая элементы гражданского общества, элементы конституционного государства, элементы новой экономики. Поскольку это лишь начала, такая модель может развиваться как в конституционное государство, так и в идеократию, использующую конституционную риторику. Конституция в последнем случае призвана играть роль символа государства и не более того.

Однако на деле оказывается, что процесс легитимации новой политики невозможно провести, используя, например, лишь идеологические механизмы, столь активно задействованные в советском прошлом этих стран¹⁴. Идеологические механизмы, позволявшие произвести смену элиты и политики без конституционных преобразований, оказались в 90-е гг. XX в. не работающими, потому что были демонтированы как самим советским обществом, изолгавшимся в своих идеалах, так и врагами СССР, одержавшими безусловную цивилизационную и мировоззренческую победу. В результате конституции постсоветских государств реально, как правило, не являются ценностями социального порядка

и практически не выполняют идеологические функции. Потому эффективность Конституции в аспекте идеологического оформления режима оказывается минимальной. Вместе с тем Конституция выполняет функции учредительного характера, определяющие статус и взаимоотношения участников политических отношений. Поскольку наличие отдельных элементов конституционализма еще не образует феномен конституционализма в целом, постольку мы видим, что выбор движения от точки отсчета – конституционной модели – в сторону демократической псевдоконституционной идеократии (примером может служить Республика Беларусь) приводит к резкому снижению эффективности не только конституционных институтов, но и реальной политики.

Как в таком случае оценивать эффективность Конституции? Возможными являются два варианта.

1. Эффективность Конституции может оцениваться только в рамках, задаваемых самой Конституцией. В этом случае полития и Конституция оказываются едва ли не антагонистами: с точки зрения Конституции реальная полития, игнорирующая конституционные нормы, является нелегитимной, с точки зрения политии Конституция является нереальной и непрагматичной. Для всех субъектов Конституция при этом выступает более идеологическим документом, чем правовым и политическим. Государственная власть, не конституционная, но демократическая, берет на себя в Конституции некие обязательства перед населением. И выполнение этих обязательств является элементом процесса легитимации Конституции. В таком случае мы видим, как многообразные функции Конституции по существу сводятся лишь к одному – интегративному началу.

2. Эффективность Конституции может оцениваться по степени реализации интегрированным сообществом и государством конституционных целей, достижение которых в дезинтегрированном сообществе становится фикцией. Данный вариант требует существования не столько Конституции, цельной и реальной, сколько модели государственных конституционных реформ: последовательных и оправданных с точки зрения достаточной степени интегрированности. О конституционализме мы можем говорить в этом случае как об определенной форме, в которой протекает становление конституционных институтов и отношений на основе проводимой государственной политики. Безусловно, что политические отношения в любой контрольной точке такого процесса становления будут отличаться от конституционной модели, но тем не менее будут реальными конституционными отношениями.

Таким образом, легитимность Конституции может быть самой различной и в некоторых случаях не требующей внутренней согласованности норм и отношений, основанных на этих нормах... К сожалению, конституционная практика постсоветских государств избрала первый вариант, противопоставляющий реальную политию и Конституцию, делающий их непрозрачными для взаимного влияния. Потому в постсоветских странах не говорят о «конституционных

реформах», считается, что они закончились, раз на референдуме народ проголосовал за некий текст, названный Конституцией, и политический процесс оформляется демократической процедурой.

Конституционные реформы

Конечно, гораздо корректнее в отношении восточноевропейских государств было бы говорить не об их Конституции, даже если таковая и существует в виде документов и некой системы отношений, но о конституционных реформах. В этом случае можно избежать ситуации, при которой в процессе конституционных реформ Конституция выполняет главным образом функции элемента легитимации государственной власти. Тем самым вопрос об эффективности Конституции не подменялся бы вопросом об эффективности и легитимности государственной власти. Ведь достижение с помощью конституционных ценностей интегративных целей ведет к сворачиванию целей конституционных, поскольку достижение интегративных целей превращает государство в самоценный элемент политики, наивысшую степень интеграции, фокусирующую на себя и подчиняющую себе все процессы, протекающие в обществе. В таком случае Конституция как механизм Пограничья перестает работать. В Восточной Европе такая ситуация, если она является доминирующей и преобладающей, оказывается весьма губительной для конституционализма, а потому влечет неэффективность конституционных норм и институтов. Она превращает Конституцию скорее в идеологический документ, а значит, нелегитимный, т.е. лишенный эффективности. В рамках такой модели если и удастся добиться эффективности, то только эффективности политической власти с точки зрения самой политической неограниченной власти.

В интересах конституционализма надо было бы, наоборот, выделять конституционные цели, отделяя их от ценностей интегративных, но подчеркивая, что достижение конституционных целей возможно лишь при сохранении интегративных ценностей. Такой подход позволял бы бережно относиться к целостности и суверенитету государства и предлагал бы программу реальных конституционных реформ, модернизирующих государственность.

Конституционный персонализм

Задача по интеграции общества или обустройства конституционных институтов является безусловно важной и одной из приоритетных. Но конституционализм вносит в ее решение одно дополнительное условие: она не может решаться любыми методами и способами. Это ограничение определено не столько Конституцией, сколько персоной, человеческой личностью, наделенной свободной

волей и использующей свою свободу в общении с другими такими же личностями. Ни идеологические, ни властные методы не могут являться основанием конституционализма; таким фундаментом может быть только персонализм, понимаемый как действительная ценность и факт, а не как отвлеченная идеология.

Именно конституционный персонализм сообщает необходимую устойчивость политическим институтам и социальным структурам, в том числе и тем действиям политических институтов, которые направлены на достижение целей конституционных реформ. Именно персонализм как конституционный принцип способствует деидеологизации Конституции в странах Восточной Европы и придает Конституции универсальный и динамический характер, способность создавать баланс между интеграцией и индивидуальностью, единичностью и многообразием, свободой и обязанностью, приоритетом прав человека и чрезвычайным положением.

Может показаться, что западная традиция конституционализма государственной юрисдикции и государственному суверенитету противопоставляет единственный ограничитель – человеческую личность, наделенную естественными неотчуждаемыми правами. Эта личность, бесконечная и неисчерпаемая, в принципе, является невидимкой для конституционного государства. Конституционное государство «видит» не личность, но тот феномен, который образует личность в сфере права, – определенный правовой статус. Этот статус неотъемлем и априорен для личности, но в определенной перспективе и конкретном историческом контексте. Не государство наделяет личность ее статусом: государство встречается с этим статусом и его правовая политика обуславливается этим статусом. Западная традиция права разрабатывает в связи с этим доктрину народного восстания в случае несоблюдения государством этого условия. Не государство наделяет личность правоспособностью и правом на восстание – эта сила коренится в самой личности человека, и эта же сила ограничивает юрисдикцию государства. Но такое ограничение происходит первично не в политической, а в правовой сфере, что становится возможным лишь постольку, поскольку личность здесь обладает собственной репрезентацией – своим правовым статусом. Насколько правовая сфера оказывает влияние на политическую, настолько оказываются соотношенными и взаимообусловленными политические институты и статус личности. Но до каких пределов такое соотношение сохраняет силу? На первый взгляд, до тех пор, пока сохраняется зависимость государственной юрисдикции от концепции прав человека. И вот здесь мы снова как будто сталкиваемся с «литературой», подчиняющей политику государства высочайшему, но достаточно абстрактному для реальной политики предмету. Обусловленность реальной политики правом и концепцией прав человека невозможно понять без указания на факт сосуществования в конституционном государстве множества связанных и взаимообусловленных юрисдикций, каждая из которых принадлежит живому социальному феномену, являющемуся жизненно важным

и необходимым для самой личности. И если государство может, в принципе, игнорировать «права человека», то от социальных общностей оно оказывается в глубокой зависимости. Именно данное обстоятельство открывает политику для воздействия на нее права и формирует государственную юрисдикцию, которая часть вопросов априорно относит к ведению общественных образований негосударственной природы¹⁵.

Корпорация и государство

Существование автономных юрисдикций или, к примеру, такого принципа, как отделение Церкви от государства, имеет смысл только тогда, когда государство мыслится как политический институт, обладающий суверенитетом и относительной юрисдикцией. Только в таком случае можно отделить государство от иных политических, социальных, религиозных институтов. Принцип светского государства означает, что в ходе определения и реализации своих задач государство не может руководствоваться религиозными или атеистическими соображениями. Оно отказывается от дискриминации и предоставления привилегий какой бы то ни было религии. Оно не навязывает какой-либо религии или философии своим гражданам, представителям государства, школам, научным институтам или учреждениям культуры. При рассмотрении кандидатур на посты в органах государственной власти не могут приниматься во внимание религиозные и мировоззренческие критерии, никто не может подвергаться дискриминации или получать привилегии в соответствии с ними. Все представители светского государства обязаны при выполнении своих служебных обязанностей занимать нейтральные религиозно-мировоззренческие позиции¹⁶. Нейтралитет светского государства означает, что его органы и институты не руководствуются в своей деятельности определенной религиозной или философской доктриной. Однако это ни в коей мере не означает нейтрального отношения этого государства к исповедуемым обществом моральным ценностям. Государство, разрабатывая законодательство, руководствуется определенной системой ценностей. В клерикальном государстве это моральные ценности государственной религии. В атеистическом государстве ею является система морали, опирающаяся на материалистическую философию. В светском государстве эту систему создают моральные ценности, общие для граждан, придерживающихся различных религиозных и мировоззренческих убеждений. Светское государство должно создавать условия для проявления этих ценностей в общественной жизни и последующего выражения их в законодательстве, создаваемом демократическим путем. Такие условия невозможно создать, не придав Церкви и другим религиозным организациям автономный статус.

Принцип светского государства означает, что помимо государства существует также и Церковь как некая реальность, которая не производна от государства и не производна от человека, Церковь, которая является репрезентацией Личности Богочеловека и представляет потому совершенно уникальный правопорядок. Конечно, можно попытаться в политике игнорировать такую ситуацию, как можно пытаться игнорировать и репрезентацию личности, и современные вызовы глобализма. С точки зрения политики это, может быть, будет оправдано. Но какими бывают уродливыми в этом случае формы государственной жизни! И как страдает при этом правовая система, превращаясь, действительно, в литературу. Можно игнорировать правовую репрезентацию Церкви – каноническое право. Но тогда мы наблюдаем неизбежную чудовищную политизацию общественных отношений и политизацию правовых отношений – все становится политикой: и богослужение, и крестный ход, и Таинства, и сугубо личные решения человека. Очевидно, что от степени оформленности автономии Церкви – в праве, в правосознании, в политической практике – меняется смысл законодательства о свободе совести и религиозных организациях. По существу, смысл такого законодательства заключается в ответах, которые даются на несколько вопросов, таких как: а) с кем государство будет строить отношения в рамках данного Закона, б) в каких формах и с каким содержанием предполагаются отношения между государством и религиозными организациями? В зависимости от характера ответов определяется характер этого закона: будет ли он «ограждать общество от деструктивных религиозных идей»¹⁷ и формировать отношения или все-таки лишь определять правовые формы вхождения религиозных организаций в гражданское общество. Последнее возможно только в том случае, когда государство признает существование церковной юрисдикции, основанной не на актах государственной воли, а на каноническом праве. Автономия Церкви в этом случае является возможностью для Церкви руководствоваться при решении своих проблем внутренним правом. Это означает признание государством права церквей и вероисповедных союзов на выработку собственного законодательства и внесение в него изменений. Самоуправлением Церкви в этом случае будет являться свободное отправление духовной власти, в том числе юрисдикции, и независимое решение вопросов своей внутренней жизни. Оно предполагает также самостоятельное создание организационных структур, органов исполнительной власти и порядка их функционирования. Границу свободы самоуправления и, следовательно, прав государственных органов на вмешательство в нее определяют положения государственного законодательства, являющегося в этом случае составной частью конституционного права¹⁸. И вот здесь мы видим, что государство находится в таком положении, что или открывается для того, чтобы воспринимать Церковь в ее правовой репрезентации, т.е. признавать независимый, суверенный субъект права, не во всем подлежащий юрисдикции государства, либо продолжать рассматривать Церковь в качестве

субъекта государственного статутарного права. Представляется, что последний вариант является тупиковым, поскольку оставляет отношения между государством и Церковью в рамках гражданского права, в качестве конституционных отношений рассматривая отношения лишь между государством и личностью. Одновременно принятие первой модели ставит вопросы о способности корпорации к автономному управлению, а также вопросы об адекватности принципов государственного права и корпоративного права, а также об основаниях правовых интервенций государства для поддержания универсального порядка в пределах собственной юрисдикции корпорации.

Предмет регулирования законодательства о религиозных организациях

В силу вышеназванного новое законодательство в постсоветских государствах о свободе совести и религиозных организациях отличается противоречивостью, которая является чем-то большим, чем обычные недоработки в области юридической техники, и указывает на достигнутые постсоветскими государствами пределы государственного права и пределы использования государственной юрисдикции.

Статья 1 белорусского закона «О свободе совести и религиозных организациях» определяет задачи этого акта как обеспечение и гарантирование права каждого на свободу совести и свободу вероисповедания, на социальную справедливость, равенство, защиту прав и интересов независимо от отношения к религии и религиозной принадлежности, на свободу объединения в религиозные организации. То есть перспектива закона разворачивается от права личности, которое гарантируется государством, к праву личности создавать религиозные объединения. Сами религиозные объединения не выступают в этом случае субъектами конституционных правоотношений, они, по существу, являются объектом законодательного регулирования, побочным продуктом реализации личностью своего права на свободу совести.

Статья 6 рассматриваемого Закона «Равноправие религий» продолжает логику ст. 1, декларируя, что религии и вероисповедания равны перед законом и что идеология религиозных организаций не может устанавливаться в качестве обязательной для граждан. То есть перед законом равны «мировоззрения» и «мироощущения»... отдельных граждан. В Законе субъектом правоотношений становятся мировоззрения и мироощущения. Индивидуализация отношений в этой области, а также упоминавшиеся широко определенные критерии религии неизбежно влекут широкий диапазон отношений между религиозными организациями и государством на уровне административного права (т.е. исключительно в юрисдикции государства) и не влекут практически никаких от-

ношений в сфере конституционного права. И до тех пор, пока государство «не видит» особенных публичных корпораций, не входящих в сферу государственной юрисдикции, к которым принадлежит, конечно, и Церковь, оно не сможет установить систему таких конституционных отношений. Эта ситуация приводит к тому, что государство занято исключительно «правами человека» и, как следствие, надзором за «правильной» реализацией этих прав гражданами. Проблемы корпоративного права и локальных нормативных систем в этом случае попросту теряются, становятся производными от индивидуальных прав. Потому и выделение корпораций в качестве самостоятельных субъектов в рамках государственного права оказывается невозможным. Так, различение религиозных организаций и выстраивание с ними отношений проводится в сфере реальной политики и администрирования, где государство формирует систему предпочтений¹⁹. Но эта система предпочтений только повышает политизированность правовой сферы²⁰.

Только в случае более корректного и выверенного определения предмета регулирования Закона возможно создание такой ситуации, при которой государство различало бы Церковь как корпорацию, имеющую собственную репрезентативность, корпорацию, не производную от «права человека». Только в этом случае статус религиозных организаций предоставлялся бы не всем «поклонникам сверхъестественного», а действительно тем религиозным организациям, с которыми государство строило бы конституционные отношения на основе их автономного статуса и их действительной правоспособности. С членами тех религиозных организаций, которые не достигли степени автономности, отношения можно было бы выстраивать лишь в рамках гарантирования им основных личных прав в области вероисповедания. Отношения здесь находились бы в рамках гражданского законодательства. То есть государство в таком случае могло бы признавать только те религиозные организации, которые достигли уровня корпорации, т.е. необходимого уровня автономности. Но в таком случае статус религиозной организации должен быть действительной основой для партнерства религиозной организации и государства по целому ряду направлений их деятельности, одинаково важных и для религиозных организаций, и для государства, таких как: образование, воспитание, финансовое обеспечение и пр.

В противном случае статус религиозной организации является своеобразной резервацией для них и их членов, поскольку образует для религиозной организации лишь сферу ответственности и обязательств, а для государства – сферу контроля и игнорирования религиозных организаций как партнеров. Но если закон предполагает последнюю модель, то он неверно определен в предмете регулирования, являясь не актом о религиозных организациях, но о группах, которые по каким-то критериям не могут входить в гражданское общество (что является одной из интерпретаций отделения Церкви от государства). Во Франции

и Литве такие законы носят наименование «О тоталитарных сектах». Закон же о религиозных организациях предполагает определение субъектов, которые, по мнению государства, входят в гражданское общество, определение форм такого вхождения, форм сотрудничества между государством и религиозными организациями и т.д. То есть это закон позитивного, разрешающего регулирования.

Создание норм права на основе абсолютного государственного суверенитета обуславливает зыбкость создаваемой правовой системы. Так, например, ст. 7 белорусского Закона о свободе совести, носящая наименование «Равноправие граждан», содержит в себе очень опасный механизм возникновения конфликтов между государством и религиозными организациями. В некоторых случаях действие этой статьи, особенно ее ч. 4, гласящей, что «никто не может по мотивам своих религиозных убеждений уклоняться от исполнения установленных законом обязанностей» вступает или может вступать в противоречие как с каноническим правом Русской Православной Церкви, так и с международным правом. Социальная доктрина РПЦ в случаях, когда предписания светского закона идут в разрез с христианской совестью, призывает христиан к гражданскому неповиновению²¹. Совершенно очевидно, что достижение формального гражданского равенства всеми способами государственной политики ведет в этом случае к деструкции конституционно-правовых отношений между государством и религиозными организациями, имеющими правовую природу и суверенитет. В этой связи следует вспомнить как образцовый опыт регулирования церковно-государственных отношений в Веймарской конституции Германии. Веймарская конституция четко разграничивает индивидуальную свободу совести и корпоративную юрисдикцию, не связывая и не обуславливая их взаимным существованием. Ст. 136 указанной Конституции устанавливает, что «осуществление свободы религии не может ни обуславливать, ни ограничивать частные и публичные гражданские права и обязанности». Вместе с тем ст. 137 утверждает, что «гарантируется свобода объединения в религиозные общества». Объединение религиозных обществ в пределах имперской территории не подлежит никаким ограничениям. Каждое религиозное общество самостоятельно устраивает свои дела и управляет ими в границах обязательного для всех закона. Оно замещает свои должности без участия государства или гражданской общины. Религиозные общества приобретают правоспособность на основании общих предписаний гражданского права. Религиозные общества остаются публично-правовыми корпорациями, поскольку они таковыми уже были. Другим религиозным обществам должны быть предоставлены, по их ходатайству, такие же права, если по своему устройству и числу членов они дают гарантию длительного существования. Если несколько подобных публично-правовых обществ объединяются в союз, то такой союз также является публично-правовой корпорацией. Религиозные общества, являющиеся публично-правовыми корпорациями, имеют право взимать налоги на основании гражданских налоговых списков в соответствии

с положениями права земель. К религиозным обществам приравняются объединения, которые ставят своей задачей общественное поощрение какого-либо мировоззрения»²².

Корпоративный интерес

Но чтобы не уклониться в «литературу», необходимо задаться вопросом, в каком Законе «О свободе вероисповеданий и религиозных организациях» может быть заинтересована Церковь? Очевидно, что в таком, который бы учитывал ее каноническую природу, который бы определял ее права в области гражданских, конституционных, налоговых и прочих правоотношений, который бы конкретизировал место Церкви в системе национального воспитания и образования, т.е. Законе, который бы создавал определенное пространство, в котором могли бы совместно работать два порядка – церковный и государственный. Это теоретически. На практике Церковь может соработать с политическим порядком и встраиваться в модель, предлагаемую государством, наделенным универсальной юрисдикцией. В таком случае право оказывается невостребованной сферой, оно подменяется административными актами государства. Именно так часто воспринимается Закон: как акт, должный оградить, запретить, наказать, изгнать, поставить преграду. Но использование Закона только в таком смысле приводит к правовому нигилизму и складыванию нелегитимной системы отношений между Церковью и государством. Исчезновение права как основы и среды, в которой могут складываться такие отношения, превращает их участников в определенный ресурс по отношению друг к другу: государство может рассматривать Церковь как определенный идеологический ресурс, а Церковь государство – как ресурс той силы принуждения, которой Церковь сама не располагает.

Потому существование закона, легитимизирующего автономию Церкви, требует определенного состояния не только от государства, но и от Церкви. Церковь должна достигать целей в согласии с ее собственной природой и на правовой основе. Безусловно, что такой Закон наряду с Православной Церковью в качестве субъектов правоотношений определял бы и иные религиозные организации. Потому что в чем же еще может быть заинтересовано государство, как не в универсальном законе, который бы относился ко всем религиозным организациям, выделяя их по каким-то специальным критериям. Но заинтересовано ли в том государство? Ведь оно в своем юрисдикционном пространстве создает в лице этих религиозных организаций своих партнеров (в области культуры, образования, воспитания, семейной политики и т.п.), одновременно производя деполитизацию и деидеологизацию этих сфер общественной жизни, что должно, конечно, отражаться на содержании правового статуса религиозных организаций. Но такими партнерами могут быть, действительно, такие субъекты, кото-

рые имеют соответствующий потенциал и реальное социальное, историческое, цивилизационное значение. И государство имеет право выбирать себе таких партнеров. А Церковь должна настаивать на таком особом статусе. Вот в чем сходится политика Церкви и государства.

На деле в законодательстве и в реальной политике постсоветских государств часто наблюдается противоположная тенденция: Церковь, действуя вполне прагматично, с учетом реальности универсальной юрисдикции постсоветского государства, вместо преследования своего интереса в лоббировании законопроекта, который узаконил бы ее юрисдикцию, оказывается более заинтересованной в способствовании проведения такой государственной политики, которая была бы направлена не на урегулирование вопросов, связанных с собственным правовым статусом и положением в данном государстве, а на контроль за конституционностью реализации прав граждан в области религии, на «ограничение» иных религиозных течений, о чем, например, свидетельствуют многочисленные репрессивные нормы, присутствующие в белорусском законе. Церковь не занимается социальным реформированием, но тем самым отказывается и от правовых отношений с государством, целиком отдаваясь неустойчивой и относительной сфере реальной политики и личных отношений. А государство, коль оно делает выбор в пользу такой политики, создает в результате принятия такого закона не партнеров, а группу контролируемых и просвечиваемых объектов, которые характеризуются неопределенным правовым статусом и положением в данном государстве. В результате в условиях отсутствия надлежащего правового статуса отношения между Церковью и государством наполняются не правовым, а идеологическим содержанием, что, в свою очередь, предельно политизирует всю область отношений между государством и религиозными организациями.

Перспективы

Можно на основе рассмотренной ситуации в постсоветской Беларуси в отношениях между государством и Церковью сделать предварительное заключение о том, что в основе этих отношений лежат такие процессы, которые обусловлены изменением функций государства²³ в современном мире и определенной инерцией как государства, так и правовой системы в приспособлении к таким обстоятельствам, которые на некоторое время сохраняют абсолютный государственный суверенитет и универсальную государственную юрисдикцию. Но государство, не изменяющее логику управления и отправления власти при наличии сильнейших внутренних ограничителей абсолютного государственного суверенитета и юрисдикции в виде доктрины и практики прав человека и внешних – глобальных организаций и международного права, – оказывается не столь эффективным и адекватным по отношению к тем целям, ради которых

оно, собственно, существует. Тенденция советского времени абсолютизации государственного суверенитета приводит к ситуации, когда процесс политизации охватывает практически все социальные отношения, в результате чего государство оказывается неспособным к правовому союзу с социальными институтами по той причине, что оно может обходиться без таких союзов, предпочитая организовывать отношения со своими контрагентами не в сфере права, а в сфере администрации и политики. Тотальная политизация, однако, неминуемо предопределяет нестабильность общественных процессов, государство, проводящее такую политику, способствует процессам десоциализации личности, разрывая естественные социальные связи. Так, например, в рамках тотальной политизации для поддержания социальной стабильности государство нуждается в существовании государственной идеологии, восполняющей отсутствие органичных социальных связей и процессов. Такой процесс подмены органичных институтов искусственными создаст напряженность в самой политической системе и в социуме, которая неизбежно разрешается либо в деполитизации системы, либо в деградации ее. Церковь, как, впрочем, и иные социальные институты, заинтересована не в идеологии, не в идеологическом сотрудничестве с государством и социумом, а в праве, которое производит деполитизацию подобных отношений и упорядочивает социальные процессы. Для Церкви это принципиально важно, так как десоциализация личности не способствует существованию социальных структур, которые были бы заинтересованы в длительных отношениях, особенно правовых, простирающихся далеко за пределы жизни одного поколения и одного социального института.

Таким образом, ситуация, основанная на абсолютизации государственного суверенитета и юрисдикции, способна развиваться по множеству сценариев, среди которых нет одного, – в котором отношения между государством и корпорациями строятся как отношения между автономными субъектами, взаимодействующими в рамках национальной юрисдикции на основе конституционных статусов и обладающими в рамках этих статусов каждой своей юрисдикцией. Именно такая модель является лучшей гарантией соблюдения свободы совести и религиозной свободы, поскольку ставит личность вне сферы государственной политики в области вероисповедания, соотнося такую политику государства лишь с корпоративными субъектами вероисповедальной политики и права. Складывание такой модели зависит от степени и скорости синхронизации модернизации политики и права в постсоветских обществах и государствах.

Право в этих процессах имеет едва ли не главное значение, поскольку как самостоятельная сфера регулирования диктует необходимость синхронизации модернизаций политических и социальных институтов в рамках и на основе права. Выход из системного кризиса постсоветских государств и образующих их обществ не может быть обеспечен лишь экономическими мероприя-

тиями, – речь идет о деполитизации социальных процессов и упорядочении политических отношений с позиций права.

Примечания

- ¹ Безусловно, что без легитимизации Конституции конституционализм как реальный правопорядок не может состояться. Можно сколько угодно рассуждать о «свободе, которую мы завоевали», имея в виду единичный, локализованный столицей и очень скромный по масштабам и результатам общественный протест против ГКЧП в 1991 г., но нельзя в этом случае переоценивать собственные усилия советского общества по достижению этой свободы. Если и было оно, то представляло собой очень узкое движение, и если расширялось, то только за счет протестных настроений, приобретая неизбежно направление «против».
- ² На деле государство в своей деятельности пытается опереться на конституционную идеологию, к которой народы Восточной Европы относятся достаточно равнодушно. Следовательно, авторы конституций должны задаваться целями создания не только конституционных политико-правовых отношений, но и процедур социальной солидаризации, что обычно не входит в рамки конституционно-правовой проблематики. Проявляется это в первую очередь в интеграционных нормах Конституции, которые определяют многочисленные обязательства государства как перед гражданами, так и перед обществами этих граждан. Но тогда эффективность Конституции может определяться степенью выполнения государством своих гарантий. Можно ли рассматривать такого рода эффективность в качестве конституционной эффективности?
- ³ В этом случае конституционные правоотношения приобретают очень специфические черты: они существуют не благодаря тому, что являются результатом взаимодействия различных субъектов, наделенных правовым статусом, но потому, что один субъект определяет конституционность складывающихся отношений, принимая на себя конституционно-правовые обязательства. Те конституционные гарантии, которые даются личности в области культуры, религии, экономики, институционализируются через определенные социальные институты. Эти отношения неизбежно подвергаются политизации. В результате – в области политики выделяются и усиливаются демократические процессы и ослабляются конституционные, в области экономики – государственное планирование и вмешательство в сферу хозяйственных отношений при одновременном декларировании либеральных ценностей, в области культуры – идеологизация многих общественных отношений, профсоюзных, национальных. При этом все эти социальные образования приобретают статус, оказывающий самостоятельное влияние на государство и на личность. В этих отношениях усиливается интегративная функция конституций, выступающая и как форма легитимации, и как форма построения определен-

ного конституционного правления, опирающегося не на дилемму отношений между личностью и государством, а на отношения между государством и социальными институтами, выступающими в качестве агентов государства. Безусловно, что такая модель преобразует смысл Конституции, Конституция более не мыслится как рациональная модель, обеспечивающая личности свободу. Такая ситуация имеет параллель в опыте Веймарской Германии, который наглядно показывает, что может происходить с нацией, которая живет в состоянии жажды эффективной интегративной политики и ситуации нелегитимной Конституции.

- ⁴ В советский период управление, в том числе и местное, рассматривалось как один из видов деятельности государства наряду с законодательной, судебной и др. Принцип разделения властей, действующий во всех современных демократиях, подменялся принципом разделения труда в сфере осуществления государственных полномочий. В результате народный суверенитет и государственный оказывались отождествленными. Ср., напр.: Шевцов, В.С. Государственный суверенитет / В.С. Шевцов. М., 1980.
- ⁵ Курильски-Ожвэн, Ш. Образы права в России и Франции / Ш. Курильски-Ожвэн [и др.]. М., 1996. С. 49–50.
- ⁶ Давид, Р. Основные правовые системы современности / Р. Давид, К. Жоффре-Спинози. М., 1999. С. 150.
- ⁷ Ср., например, работы Н.М. Алексеева, Н.С. Бондаря, А.А. Мишина, Б.А. Страшуна, В.Е. Чиркина.
- ⁸ См., например: Материалы Пленума ЦК КПСС 25–26 июня 1987 года. М., 1987.
- ⁹ Наименование европейцами и американцами в XVII–XIX вв. своих держав «State» или «Staat» отражает этот перелом в восприятии государства. Оно становится «штатом», т.е. сводится лишь к органам, которые выполняют функции публичной власти. Эти органы находятся в рамках национальной юрисдикции. Государственная юрисдикция приобретает относительный характер и ограничивается рядом иных юрисдикций.
- ¹⁰ Ср.: Популярный учебник по конституционному праву утверждает, что «в наиболее обобщенном виде в число субъектов конституционно-правовых отношений обычно включаются: 1) социальные и национальные общности (народ, являющийся источником власти, нации и иные этнические группы, имеющие право на самоопределение...» (Чиркин, В.Е. Конституционное право зарубежных стран / В.Е. Чиркин. М., 1997. С. 16). В русском языке слово «нация», употребляемое в этническом смысле, производит путаницу в правовой доктрине, поскольку в этом случае оказывается, что в конституционных правоотношениях представлены: 1) государство, 2) народ, 3) нация. Таким образом можно говорить о государственном, национальном и народном суверенитете, что не имеет с точки зрения конституционной теории никакого смысла. Между тем, по свидетельству словаря Ожегова, в русском языке является совершенно допустимым употреблять слово «нация» не в этническом,

а в политико-правовом смысле. Говорим же мы об Организации Объединенных Наций.

- ¹¹ Конечно, замечательно, если принятию Конституции предшествует некий подготовительный период, обеспечивающий приближение общества и политической системы к конституционным параметрам, как то было, например, в послевоенной Японии, Италии или Германии. Но страны Восточной Европы находятся в иной ситуации – здесь Конституция предшествует такому подготовительному периоду.
- ¹² Например, религиозные организации рассматриваются как нечто, что образовано реализацией права человека на свободу вероисповедания.
- ¹³ Например: ФЗ Российской Федерации «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 9 сентября 1997 г. с изм. и доп. от 23 февраля 2000 г.» // СЗ РФ. 1997. №39. Ст. 4465; 2000. № 14. Ст. 1430; Закон Республики Беларусь от 29 ноября 2002 г. «О свободе совести и религиозных объединениях» // Электронная база нормативных документов Республики Беларусь «Консультант-Плюс».
- ¹⁴ Пройсс, У. Модели конституционного развития и перемены в Восточной Европе / У. Пройсс // Полис. 1996. № 4.
- ¹⁵ К таким организациям принадлежат не только сообщества, находящиеся внутри государства, но и глобальные сообщества. Процесс глобализации и заключается, собственно, в совершенно новых связях и отношениях, которые возникают между национальным государством и глобальными организациями, взаимодействующими с рядом национальных институтов, минуя государство. Суть такого процесса заключается в перераспределении экономической и политической власти, при котором государство становится важнейшим, но не единственным обладателем власти и суверенитета. То есть процесс глобализации продолжает те же изменения в природе государства, которые начались в эпоху модерна и ограничили государственный суверенитет. Новое в этом процессе представляют только его масштабы, захватывающие общества, не вошедшие еще и в первые стадии модерна.
- ¹⁶ Suchocka, H. Nauczanie religii w szkole w swietle konstytucyj i ustawodawstwa wybranych panstw europejskich / H. Suchocka // Nauczanie religii w szkole w panstwie demokratycznym. Lublin, 1991. S. 85–99.
- ¹⁷ Тем самым неизбежно привносит в конституционно-правовую материю законодательства о религиозных организациях уголовный смысл.
- ¹⁸ Pietrzak, M. Prawo wyznaniowe / M. Pietrzak. Warszawa, 1995. S. 227.
- ¹⁹ Положение Закона Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях», устанавливающее такую систему предпочтений, сформулировано следующим образом: «Настоящий Закон регулирует правоотношения в области прав человека и гражданина на свободу совести и свободу вероисповедания, а также определяет правовые основы создания и деятельности религиозных организаций исходя из признания определяющей роли Православной церкви в историческом становлении и развитии духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа: духовной, культурной

и исторической роли Католической церкви на территории Беларуси; неотделимости от общей истории народа Беларуси Евангелическо-лютеранской церкви, иудаизма и ислама...». Данное положение, помещенное в Преамбулу Закона, конечно же, не является нормой права, а лишь декларирует, что государство отдает дань чести тем структурам, которые повлияли и продолжают оказывать влияние на историю Беларуси. По существу, эта декларация не закрывает ни перед кем пути нового влияния на историю Беларуси в будущем. Между тем именно эта декларация привлекает внимание членов организаций, «не вошедших в список», и правозащитников, которые оценивают Преамбулу исходя из влияния ее декларации на правовые нормы Закона и их интерпретацию в ходе его реализации.

²⁰ См.: Белая книга. Материалы по проекту Закона «О свободе совести и религиозных организациях». Минск, 2002.

²¹ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. М., 2001. Раздел «Церковь и государство». С. 26.

²² Конституции зарубежных государств. М., 1999. С. 163.

²³ Эти изменения никак не могут ставить под сомнение значение государства и его чрезвычайно важную роль во всех политических и правовых процессах.

СВОБОДА КАК ПРЕДПОСЫЛКА И НАЗНАЧЕНИЕ ПОГРАНИЧЬЯ

*Лошадь можно завести в воду,
но нельзя заставить пить.*

Ботинки и Шекспир

Исайя Берлин в своей работе о свободе вспоминает сильный аргумент против свободы, выдвинутый «одним русским радикальным писателем»: «бывают ситуации, когда ботинки намного важнее Шекспира»¹. То есть существуют обстоятельства, когда пропитание, безопасность, теплое жилье оказываются намного более важными, чем свобода, мораль, принципы и ценности². Потому нельзя к разным субъектам применять универсальные критерии оценки степени их свободы, степени их культурности, порядочности. Берлин говорит, что существует свобода египетского крестьянина, для которого важнее всего – это обеспечение пищей и кровом, и существует свобода оксфордского профессора, который может позволить роскошь размышлять над своими ценностями и иметь принципы. Проблема заключается вовсе не в том, что профессор имеет принципы, а крестьянин их не имеет.

Тем более не может ставиться под сомнение существование у «крестьянина» представлений о свободе. Литература XIX в., и особенно российская литература, по преимуществу представляет собой удивление, вызванное взглядом, направленным эпохой романтизма на холопа, – у холопа обнаруживаются все те же черты, что и у благородного человека. В этом случае совершенным примером являются «Записки охотника» Тургенева – замечательный опыт «туристского» перехода границ. То есть обусловленность ценностей уровнем потребления совсем не очевидна. Напротив, очевидно, что ценности и

материальное благополучие связаны отнюдь не прямыми связями. По крайней мере, в жизни каждого человека могут вставать вопросы, связанные с вопросом о положении человека, о его назначении и о соблюдении неких принципов и правил поведения, соответствующих такому положению.

В Восточной Европе переход, начавшийся в конце 80-х гг. XX в. был обусловлен как экономическими причинами, поиском расширенных свобод «крестьянина» (потому что в основном свободой крестьянина Восточная Европа располагала), так и свободой «профессоров», подлинной публичной свободой. Именно свобода и связанная с ней система ценностей, а не экономические проблемы оказываются главным двигателем перемен в Восточной Европе.

Антропология может заниматься отдельными особенностями ценностей, принятых у разных народов, но объединять их будет эта общая для них всех проблема вопросов о назначении человека. Потому Исайя Берлин более всего защищает тезис о том, что существует универсальная природа свободы: «Египетский крестьянин прежде всего и больше всего нуждается в одежде и медицинской помощи, а не в личной свободе, но та минимальная свобода, которая нужна ему сегодня, и то расширение свободы, которое понадобится ему завтра, – это не какая-то особая для него разновидность свободы, а свобода, тождественная свободе профессоров, художников и миллионеров».

Сам по себе субъект может быть свободным и даже абсолютно свободным. Так, свободным может быть назван узник, приговоренный к смерти³, или сохраняющий достоинство, бедняк, затиснутый со всех сторон непреодолимой нуждой, но живущий надеждой и странной радостью. «Идеже Дух Господень, ту свобода»⁴, – говорит апостол о таких людях. И это безусловное основание свободы, ее предпосылка, которую правильно было бы называть независимостью, – желание и постоянное направление на обозначение собственной границы, – вне которого невозможным оказывается и достижение свободы в публичном порядке, даже если твоя воля не в состоянии обозначить свободу в границах твоего тела. Но тем не менее публичный порядок и объективное положение такого лица в обществе необходимо называть несвободой. Поруганная внутренняя свобода или независимость может проявляться вовне в виде бунта, восстания, неповиновения и пр. Бунт – это всегда индивидуализированное движение, ничего не изменяющее в социальной системе. Но бунт является провозвестником становления институтов, рассчитанных не на чрезвычайную ситуацию, а на длительное существование и воспроизведение определенного социального порядка, учитывающего границы индивидуальной свободы.

Проблема на самом деле заключается в загадке перехода от внутренней свободы-независимости к публичным свободам, обеспечиваемым организацией особых институтов, поддерживающих принципы личной свободы в публичном порядке⁵. Потому свобода действительно не имеет определенного размера. Она ситуативна настолько, насколько публичная сфера воспринимает

концепцию свободы и насколько личность может поддерживать режим публичных свобод. Потому уместно было бы ввести третий термин – вольность, – для обозначения процесса проявления публичной свободы. Если публичная свобода является только возможностью, которая обеспечивается институтами и нормативным порядком, то основанием вольности является воля субъекта, направленная на осуществление публичной свободы. Мы вводим понятие «вольность» для того, чтобы составить бинарную пару понятий «свобода – вольность». Свобода означает действие без каких-либо препятствий. Вольность – осмысленное действие по претворению воли. В основании свободы можно и не находить воли субъекта. В основании вольности мы всегда находим волю. Русские писатели XVIII и XIX вв. замечательно чувствовали значение понятия «вольность», когда писали именно о вольности как об идеале социального устройства. Вольность – устройство, связанное с волей, дающееся только через волевое усилие. Свобода – пассивна и зависит от внешних обстоятельств более, чем от внутренних. Но между свободой и вольностью необходимо установление связи. Вот эта связь и является предметом изучения при анализе Пограничья.

Для каждого субъекта свобода на определенном уровне – очень конкретна и насущна. Существуют какие-то крайние пределы свободы, где она сливается с самой личностью, и где потеря свободы означает для личности потерю своих оснований и потерю себя. В том случае, когда публичная сфера воспринимает концепцию свободы личности, свобода расширяется до публичных масштабов. Такую свободу можно определять через некоторые значения и величины, чем занимается, к примеру, Freedom House, исчисляя индекс свободы⁶.

Однако свобода связана с волевыми актами и не поддается только абстрактному или институциональному описанию⁷. И хотя свобода градуируется, тем не менее она каждый раз означает проблему моральной ответственности личности за собственное положение и собственные основания. Свобода обладает определенными границами, ее область может быть большей или меньшей, но само присутствие границ много важнее, чем определение масштабов их присутствия. И в этом позиции крестьянина и профессора совпадают. Даже личная независимость требует проведения определенной статусной границы. Разница между свободой крестьянина и свободой профессора заключается только в том, что границы свободы крестьянина могут не выходить за пределы его тела или его семьи и, таким образом, оставаться частными границами, в то время как границы свободы профессора проходят через публичный порядок. Также обстоит дело и с несвободой: профессор оказывается гораздо более чувствительным к несвободе, чем крестьянин, поскольку свобода связана для профессора с бесконечно большим количеством вещей и обстоятельств и потому является более хрупкой. И профессор и крестьянин, однако, несут ответственность за состояние тех сообществ, которые они образуют, поскольку их свободы осуществимы только через вольность – приводящую состояние свободы в динамическое со-

стояние. Так, необходимо говорить о свободе, к примеру, на уровне локальных первичных сообществ, о свободе в локальных, национальных сообществах, корпорациях, а также о свободе на международном и глобальном уровнях, равно как и о свободе определенного субъекта. Не обеспеченная на индивидуальном уровне свобода не может обеспечивать свободу на иных уровнях социальной организации. Крестьянин, не чувствительный к политическим свободам, наверное, не может быть хорошим гражданином, хотя может быть очень хорошим отцом и мужем. Потому существует проблема того, что именно из внутренней свободы крестьянина может пригодиться ему в публичной жизни и каковы основания для включения его в публичную сферу в качестве субъекта. Профессора, как правило, входят в историю, крестьяне – нет, но крестьяне воздействуют на историю самым непосредственным образом, являясь ее важнейшими анонимными участниками.

Внутренняя свобода-независимость, а также связанная с ней система ценностей или гражданской активности, очевидно, никак не зависят от материальных условий жизни. В истории каждого народа существуют периоды такого необычайно интенсивного творчества, прямо не связанного с материальными условиями жизни. Так, в самом недавнем прошлом можно вспомнить об очень странном явлении польской Солидарности, в которой участвовало 1/4 населения Польши, и отнюдь не по материальным мотивам. Крестьянин может обладать не только принципами, но и чрезвычайно интенсивной интеллектуальной жизнью, которая недоступна очень многим академическим профессорам. Клиффорд Гирц приводит такой пример: «На Яве, где я работал в 50-х годах XX века, исследовал малое, нищее, провинциальное местечко; две неприметные улицы магазинов и контор в домах из побеленного дерева, а за ними – в беспорядке нагроможденные, еще менее солидные бамбуковые халупы, и все это, окруженное густым полукругим деревушек, близко жмущихся друг ко дружке, как рисовые чашечки. Земли было немного, не хватало работы, политика была нестабильной, состояние здоровья хуже некуда, цены постоянно росли, а жизнь – если все взять вместе, – не имела никакой перспективы – она была безнадежной стагнацией, в которой, как когда-то определил (думая о дивной мешанине заимствованных фрагментов современности и изжитых элементов традиции, характеризующих это место), – будущее выглядит столь же отдаленным, как и прошлое. Однако в такой депрессивной обстановке существовала удивительная интеллектуальная жизненность, реальная и широко распространенная страсть к философии, направленная на совершенную разгадку жизни. Нищий селянин дискутировал вопросы свободной воли, неграмотный ремесленник рассуждал о признаках Бога, простые работники имели теории, касающиеся связи между разумом и стремлениями, природы времени или соответствия смыслов. И что является более важным – природы бытия, – его природы, функции, способов проявления, – и это

исследовалось в таком напряжении мысли, который можно встретить только в наиболее научных кругах»⁸.

Публичные свободы, напротив, связаны с материальным состоянием и общественным благополучием. Это подтверждает и тот факт, что в ситуации чрезвычайного положения, угрожающего жизни и безопасности, социальный порядок обеспечивается за счет публичных свобод⁹. Однако проблемой становится вопрос о том, может ли материальное положение человека и публичный порядок обеспечиваться за счет личной свободы и достоинства – минимальных свобод крестьянина, а также на основании каких критериев производить разграничение между публичными и частными свободами. Для конституционной теории и конституционного права Восточной Европы существенной проблемой является четкое разграничение области «внутренней свободы» и публичных свобод¹⁰. Эти свободы не различаются теми правительствами Восточной Европы, которые заявляют, что соблюдение прав человека в их странах сводится к обеспечению трудовых прав и минимальных стандартов качества жизни¹¹.

Задача догоняющего развития, поставленная в Восточной Европе, содержит в себе опасное противоречие между достижением определенного уровня потребления и обеспечением публичных свобод. Перед политической властью потому словно бы возникает строгая последовательность задач, одни из которых обладают приоритетом: сначала необходимо накормить, обути, напоить, а только затем задумываться о свободе и ценностях, как того требует логика героев народных сказок: «Накорми, напои, спать уложи, а затем и спрашивай». На деле правительства этих стран никогда не соблюдают такой последовательности, поскольку занимаются не только ботинками, но куда чаще и охотнее – Шекспиром, вторгаясь в свободы не только профессоров, но и в незатейливые и малые свободы крестьян, и особенно – в область свободы совести¹². Так может возникать ситуация, когда как будто существует «внутренняя свобода» и независимость и существуют институты, поддерживающие публичные свободы, но субъекты лишены вольности, лишены возможности реализации публичных свобод на основании собственной независимости. Одновременно с задачами социального обеспечения возникает проблема удержания власти, и потому проблемы свободы, ценности, достоинства человека, равенства переносятся в повестку правительства в неопределенное будущее. Ботинки и Шекспир оказываются связанными куда более крепко и сложно, чем это может показаться на первый взгляд. И может так случиться, что проблема свободы может формулироваться как достижение все большего уровня потребления или увеличение занятости населения.

Транзит различных обществ Восточной Европы происходил в разных перспективах относительно задач улучшения материальной жизни и задач, обусловленных достижением публичных свобод. Если эта последняя задача стояла перед польской Солидарностью¹³, а также отчасти – перед чешскими и словац-

кими оппозиционерами, отчасти – перед правительствами Венгрии¹⁴, – то в обществах Советского Союза она решалась только на индивидуальном уровне. Проблемы материальной жизни в СССР способны были заслонять проблемы свободы, принципов, совести и ценностей. В перспективе грандиозных задач, стоящих перед страной, исчисляемых и измеряемых, свобода выглядит как абстракция. Шекспиром человек в Восточной Европе мог заниматься только через посредника в лице государства и разного рода воспитательных органов – от тюрьмы до Литературного института.

Транзит в Восточной Европе предусматривал преобразования в первую очередь в макроэкономической и макрополитической областях. Предполагалось, что в этих сообществах налицо все предпосылки для успешной работы макроэкономических и политических институтов. Программы шоковой терапии, 400 или 500 дней выстраивались именно на основе твердой уверенности в наличии предпосылок или же вопрос о предпосылках вовсе не ставился¹⁵. Однако в реальности Восточная Европа в период транзита столкнулась с дефицитом государственной власти и организованности, а также с дефицитом личного участия. Оказалось, что заимствуемые институты обладают двойными функциями – статусными и практическими. И если статусную функцию они могут выполнять всего лишь благодаря своему присутствию, то практические функции зависят от тех предпосылок, на которых возникает тот или иной экономический или политический институт¹⁶. Так свобода профессора оказывается безусловно связанной со свободой крестьянина; обладание публичными свободами оказывается возможным только на основании обладания частной свободой и возможностью проявления своей волиности. Свобода профессоров не может существовать, если отсутствует свобода крестьян, хотя одной крестьянской свободы недостаточно для организации сложнодифференцированного общества. И это не теоретические вопросы, которые могут ставиться и разрешаться в кабинете, это вопросы социальной коммуникации и социального взаимодействия, сводящиеся к тому, как может субъект покидать собственные границы, входить в иные пространства, организовывать новые сообщества и при этом оставаться самим собой, привнося в новые сообщества собственные основания. В таком случае важным оказывается не просто абстрактное обеспечение свободы или определенного уровня свободы, а возможность для субъекта составления собственных презентаций в доступном для него публичном пространстве.

Опыт преграды и признание границы

В так обозначенной перспективе ситуация границы является универсальной. Граница обозначает истощение действия субъекта и определяет, по выражению Исайи Берлина, «область, в рамках которой субъекту – будь то человек

или группа людей, – разрешено или должно быть разрешено делать то, что он способен делать, или быть тем, кем он способен быть, не подвергаясь вмешательству со стороны других людей»¹⁷. Ситуация границы ставит вопрос и о внутренних основаниях социального действия субъекта, а также о пределах, в которых это действие может осуществляться. Если внутренние основания социального действия субъекта нарушаются, то индивидуальная воля входит в рамки слишком узкие даже для минимального развития природных человеческих способностей, а без этих способностей субъект не может сформулировать задачу и осуществить социальное действие. Граница и особенности ее функционирования ставят вопрос о «субъектном» или «бессубъектном» социальном взаимодействии.

Граница являет истощение действия субъекта, но является и условием возможности его коммуникации и содействия с иными субъектами. Граница представляет собой опыт субъекта, входящего в соприкосновение либо с иным субъектом, либо с неким порядком, либо со средой, лишенной какой-либо упорядоченности, но оказывающей субъекту сопротивление. И в первом, и во втором, и в третьем случае субъект не может более расширять свое действие на основе собственных сил и ресурсов и потому вынужден проводить работу по признанию преграды и включению ее в собственное устройство в качестве одного из элементов. Признание границы – вызов, обращенный к каждому субъекту. Эта ситуация исполнена неопределенности, субъект подвергается рискам дальнейшего существования в качестве самого себя, входя в соприкосновение с другими порядками, практиками и логиками. Обнаружение внешней границы представляется испытанием для внутреннего порядка и внутренних оснований предела, а также испытанием на способность субъекта организовать границу как область коммуникации, т.е. Пограничья, обеспечивающего пребывание субъекта в качестве субъекта в сложной социальной структуре.

Так внешнее может соединяться с внутренним. Пограничье обеспечивает возможность дискурсивного действия такого субъекта, общения и сотрудничества, протекающих первоначально в форме внутреннего согласования различных реальностей и затем институционально оформляемых (что также является только вероятностью). Потому нельзя организовать собственную границу, не будучи внутренне организованным, но и организовать коммуникацию невозможно только на собственных основаниях¹⁸. Собственная организация не может выступать единственным критерием и рамками коммуникации, не может предопределять ее. То есть в коммуникации от субъекта требуется нечто большее, чем следование собственной логике и воспроизводство принципов собственной организации. Это условие означает необходимость для всякой коммуникации свободы, т.е. возможности поступать, не будучи определенным ни одной из собственных предпосылок и оснований.

Связь между субъектами в социальном пространстве часто неочевидна. Между различными субъектами, входящими в одну структуру, часто находится пустота, и ничто как будто не связывает их воедино. К примеру, N может иметь представление о том, что нечто его связывает с иным субъектом, а также что нечто его связывает с сообществом, однако действительность такой связи зависит не только от ощущения субъекта (будь он даже уверен в этом), но и от сообщества – признает ли оно в качестве своего этого субъекта¹⁹. Нередкой является ситуация, когда механизмы признания не складываются и организация, целое сообщество выстраиваются только на основании субъективных представлений своих членов о том, что они принадлежат к некоторому сообществу²⁰. Часто случается, что действительность сообщества теряется по причине отсутствия механизмов признания. С этой проблемой сталкиваются любые социальные образования, претендующие на власть над человеком. Это история всех государств, но более всего с вопросами признания сталкивалась Церковь на всем протяжении своей истории²¹. Там, где появляются сообщества, основанные не только на власти, но также и на некоторых качествах и свойствах входящих в сообщество субъектов, а следовательно, признающие свободу за участниками социального взаимодействия, возникает проблема участия и признания. Возможна инверсия такой ситуации: сообщество для субъекта реально настолько, насколько субъект признает это общество. Так может происходить, когда субъект становится настолько автономным по отношению к сообществу, что может рассматривать сообщество как внешнее для себя обстоятельство. Так исчезли в XX в. большие семьи, так все очень важные в прошлом родственные связи оказались внешними и непонятными обстоятельствами. Так происходит во всех сообществах, подвергающихся процессу глобализации, где субъект получает возможность составлять альтернативные системы отношений²².

Но проблема свободы не относится к обстоятельствам игнорирования сообществом личности или личностью сообщества. Проблема свободы возникает, когда встают проблемы признания и участия. Субъект может иметь множество субъективных ощущений своей принадлежности, но свобода не является ощущением, она представляет собой ряд практик, позволяющих субъекту участвовать во внешних отношениях, оставаясь самим собой и не претендуя на заполнение собой всего пространства взаимодействия. И данное обстоятельство актуализирует значение границы, выступающей важнейшим механизмом взаимодействия. Граница не позволяет складываться дихотомии «или/или», она выстраивает отношения «или/и».

Граница является условием возникновения публичного пространства как среды взаимодействия. Эта пространство может быть более или менее широким; его масштабы зависят не от одного из субъектов, даже если какой-то из них обладает абсолютной властью, а от того, насколько субъекты способны выстроить ту или иную границу. Такие лица лишены возможности активного публичного

действия, но даже в таком состоянии являются субъектами публичного дискурса. Узники ГУЛАГа, узники концлагерей, пациенты психиатрических клиник времен позднего СССР являются участниками публичного дискурса, хотя принадлежат к самым незначительным его участникам с точки зрения своих возможностей. Жак Маритен в связи с таким парадоксом участия говорит о сильных и слабых средствах, которыми могут располагать участники публичных отношений. «...Чем больше... труды и их светские средства отягощены материальным, тем больше у них собственных требований и собственных условий и тем более они тяжелы. И еще, согласно закону, который мы здесь только что назвали, определенная мера светского успеха закономерно диктуется ими. Кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее, говорил Христос. Он не сказал: кто потеряет свое королевство, тот спасет его. Св. Людовик был хорошим правителем своего королевства, он приумножил его силу и благосостояние. Пока сильная рука держала в чистоте вечные установления, надо было, чтобы римский солдат подчинил мир силе своего оружия, подготовив, сам того не зная, арену, на которой Церковь провела свои первые битвы. Если взглянуть еще глубже, сколь весома для светского мира история библейских патриархов и долгой мирской подготовки Воплощения! Творение времени непреходящего значения, в малейшей частичке которого заинтересован сам Бог лично, парадигма естественного здоровья и, если можно так сказать, всякого хорошо исполненного и удавшегося труда.

Мы можем назвать *богатыми временными средствами* те, которые, будучи погружены в толщу материи, требуют для себя определенной меры осязаемого успеха. По этой причине даже евангельский закон ниспровержения ценностей и жертвоприношения, высший закон духовного, достигает их не в полной мере; тогда на них ложится тень креста... Было бы бессмысленно презирать или отвергать их, они необходимы, они составляют часть естественной ткани жизни человеческой. Религия должна допускать принятие помощи от них. Но для здоровья мира следует, чтобы сохранялись иерархия средств и их относительно верные соотношения.

Имеются – и это то, из чего я хотел бы исходить, – другие светские средства, собственно духовные средства. *Это – бедные светские средства.* Крест – в них. И чем они менее материальны, чем они невесомее и незримее, тем они эффективнее. Ибо это чистые средства во славу духа, это средства, свойственные мудрости, ибо мудрость не нема, она кричит в публичных местах, и это мудрость – кричать так, ведь надо же заставить услышать себя. Ошибочно думать, что лучшими средствами для нее будут самые сильные, самые мощные... Когда Рембрандт писал свои картины, когда Моцарт или Сати сочиняли свои произведения, когда св. Фома создавал свою “Сумму”, а Данте “Божественную комедию”, когда писал свою книгу автор “Подражания”, апостол Павел – свои послания, когда Платон и Аристотель вели беседы со своими учениками, когда пели Гомер

и царь Давид, когда пророчествовали пророки, – все это были бедные временные средства.

Мир гибнет под гнетом тяжести. Омолодиться он сможет только через нищету духа. Желание начать спасение духовного мира с поиска для этого самых мощных средств, мощных в материальном смысле, это не столь уж редкая иллюзия»²³.

Появление множества границ, значимых для существования власти, и потребность власти в согласовании их логик могут восприниматься как слабость власти, как ее истощение. Критика демократических процедур, права, прав человека, правозащитных организаций ведется с позиции сильной власти, силы и эффективности²⁴. И если такая критика перевозмозгает, может разворачиваться политика по игнорированию или уничтожению границ, а также механизмов их поддержания и внешнего согласования. Такая политика может быть эффективной на каком-то этапе, но всегда оборачивается сворачиванием внутренней и внешней коммуникации, заменой коммуникации манипуляцией и лишением свободы тех субъектов, которые способны актуализировать и поддерживать собственные границы как границы свободы.

Путь конвенционального способа ограничения значения границ и свобод является предпочтительным с точки зрения сохранения сложности социальной организации и сохранения в нем места для действия субъекта. В Восточной Европе в последние 15 лет можно было приобрести опыт того, что свобода – это не просто отсутствие какого бы то ни было принуждения; что важное значение имеет оправданность той или иной границы действиями самого субъекта, который ее определяет. И если понятие свободы является достаточно абстрактным для Восточной Европы, стоящей перед грандиозными задачами упорядочения и обеспечения социальной и индивидуальной жизни, то ситуация согласования различных границ и разных логик является практической задачей, весьма значимым взаимодействием с другими субъектами, а также с властью.

Свобода не имеет некоего универсального содержания; она ставит вопрос о внутренних основаниях социального действия субъекта – о том, насколько субъект может быть самим собой в публичном порядке. И она же ставит вопрос о качестве публичного порядка – насколько он способен принять автономию субъекта и выделить область собственной ответственности субъекта от прямого силового вмешательства и манипуляции. Разрушение публичного порядка ликвидирует границы и возможность достижения свободы. Именно потому личная свобода зависит от качества публичного порядка. Так возникает проблема Пограничья, обозначаемая через категории *достоинства* – как внутреннего измерения каждого субъекта и *правопорядка* – как рамочного условия действия субъекта в публичной сфере.

Свобода личности является результатом самодисциплины, самообразования, но достижимой она становится с помощью институтов. Свобода требует

самоконтроля, а также религиозного и духовного воздействия: образования, знания и благосостояния. Сама свобода является возможностью, потенциалом, который каждый может достичь, работая над собой, образовывая свою личность, пользуясь помощью иных людей и сообществ. Это внутреннее измерение свободы, гораздо больше ее внешнего негативного измерения, понимаемого как свобода от чего-то. Свобода – это состояние внутренней зрелости, состояние ответственности за себя и, может быть, за других людей. Свобода неотделима от процесса цивилизации. Свобода является плодом цивилизации и зависит от состояния цивилизации. На пути к свободе человечество неизбежно осуществляет множество ошибок. Но именно в силу того, что свобода достигается упорным трудом, она не дается даром, но является только результатом усилий и проявления воли. В основе свободы лежит идея о возобладании личности над своей природой.

Свобода не является абстракцией и привилегией. Ее невозможно добиться силой и властью. «Свобода является таким положением, когда человеку гарантируется возможность действовать согласно с им самим понимаемой личной обязанностью, несмотря на чужую волю, власть, государство, обычай или мнение»²⁵. То есть свобода является обязанностью. Каждый раз, когда мы поступаем свободно, это тренирует нашу совесть и наш разум, способность различать добро и зло. Обратное действие ослабляет способность различения добра и зла и способствует варваризации, закабалению человека. Чем больше правит страх, тем меньше свободы. Но чем больше чувство обязанности, тем человек свободнее. Свобода – это дело нравственности, а не политики. Нельзя все вопросы разрешать только с помощью политики, а также с помощью экономики или потребления. Свобода возникает из разделения Церкви и государства, из разделения государства и других институтов, свобода является эффектом становления Пограничья. Государство было врагом свободы, совести, ответственности, Церкви. Вместе с тем само государство является элементом цивилизации, без которого немислима и свобода: государство выступает как стабилизатор, как то, что защищает слабых перед сильными, меньшинства перед большинством, государство обеспечивает необходимый для возможности свободы уровень безопасности. Только в рамках хорошо устроенного государства может существовать на этом свете свобода. Государство, в котором свобода охраняется перед государством и перед народом, является идеальным.

Именно свобода дает нам возможность исполнения обязанностей без столкновения с препятствиями, которые воздвигаются государством, обществом, преступлениями и ошибками. Потому хорошее общество является обществом, устраняющим препятствия для свободы. Хорошее общество должно было бы быть целью реформ в Восточной Европе.

Существует очевидная связь между свободой, понимаемой как обязанность, и совестью, принуждающей человека жить по правде, жить согласно со своими

обязанностями. Именно совесть является фундаментом свободы. Совесть не является чем-то неизменным: мы поставлены в ситуацию необходимости тренировки совести, ее постоянного развития, служащего для все более четкого и связанного с Правдой истолкования своих обязанностей. Потому свобода возрастает в меру развития нашей совести. Этот вопрос в настоящее время для Восточной Европы является важнейшим, поскольку обозначает границы и формы пребывания государства, сообществ и личности в современном мире.

Пограничье ставит вопрос о пространстве Восточной Европы, построенном не на едином принципе, а на системе процедуральных принципов коммуникации. Границы могут воздействовать на субъекта всей своей ограничительной мощью, но только они и могут служить реализации интересов субъекта. Они дают возможность презентации, и они же выводят субъект к другому. Нельзя представить себе мир без границ, поскольку он был бы скучен и однообразен, но такое же тяжелое зрелище представляет собой мир, разорванный границами. В первом случае теряется всякая индивидуализация, во втором – всякая индивидуальность подавлена, поскольку не в состоянии раскрыться и переступить отведенные ей границы. Потому Пограничье – состояние, в которое приходят границы, обеспечивающие взаимодействие субъектов.

Здесь оказывается, что проблема свободы не обусловлена только лишь состоянием государственных институтов или государственной политикой. Граница является двусторонней. И правовая система не складывается только лишь из правовых норм, но активно взаимодействует с нормами иной природы. Сформулировать проблему свободы может только субъектоспособный субъект, оказавшийся в ситуации Пограничья.

Таким образом, именно граница является условием возможности коммуникации и содействия одного субъекта с иными субъектами. Обнаружение внешней границы представляется испытанием для внутреннего порядка и внутренних оснований предела, а также испытанием на способность субъекта организовать границу как область коммуникации, т.е. Пограничья, обеспечивающего пребывание субъекта в качестве субъекта в сложной социальной структуре. Так внешнее может соединяться с внутренним.

И нет, по-видимому, никакого противоречия между личной свободой и существованием корпораций и государства. В XIX в. лорд Актон обосновывал отсутствие противоречий в этой области. Так, собственно, для самого Актона не было никакого противоречия между Церковью, верностью Церкви и личной свободой. В такой перспективе первыми либералами, согласовавшими проблемы личной обязанности, свободы и публичной свободы, являлись христиане первых веков. В книге «Пастырь», приписываемой Ерму и пользовавшейся у первых христиан первых веков большим уважением, тайновидец рассказывает о бывшем ему видении строительства квадратной каменной башни: «Камни, извлекаемые из глубины, прямо клали в здание, потому что они были гладки и

спайками своими хорошо приходились к другим камням, и так плотно прилеплялись один к другому, что соединения их нельзя было заметить. Таким образом, здание башни казалось построенным как будто из одного камня. Из прочих камней, приносимых из земли, одни были откладываемы, другие полагались в здание, а некоторые были рассекаемы и отбрасываемы далеко от башни. Из таких камни были полагаемы около башни и не употреблялись для здания, потому что некоторые из них были шероховаты, другие с трещинами, а другие были светлы и круглы и не годились для здания башни»²⁶.

Этот сюжет задает измерение человеческой свободы и условия составления человеческого общества. В здание идут только такие камни, которые хорошо прилегают к другим камням, иными словами, дают другим камням место. Это чрезвычайно важная метафора для понимания проблемы свободы. Эта метафора позволяет обнаружить связь между личной жизнью и благочестием человека и публичной жизнью, которая связана с личным поведением человека, укоренена в нем.

Потому граница ставит также проблему субъекта как существа, имеющего внутренние основания для социального действия, обладающего достоинством, существа, определяемого не только материальными потребностями. И также Пограничье ставит проблему институтов, устроенных для поддержания публичных свобод, устроенных так, чтобы личность могла действовать в публичном пространстве. На тезис о Шекспире и ботинках нельзя ответить, если не обращаться к аргументу достоинства личности. Лорд Актон отвечает в ситуации такого выбора так: если бы не религия, если бы не крайние вопросы о сущности человека, то мы не могли бы ничего ответить на этот тезис. Потому что если счастье, т.е. довольство, изобилие ботинок и каши, – является смыслом общества, то свобода является лишним элементом. Но мы добиваемся свободы не только потому, что ощущаем ответственность перед ближним или перед самим собой, но и потому, что чувствуем свою крайнюю ответственность. Свобода не только делает человека зрелой личностью, но связывает его с Богом, связывает человека с его конечным назначением и смыслом. В XX в. приблизительно на эту же тему рассуждали Умберто Эко и кардинал Мартини²⁷. Не в состоянии договориться по вопросам веры, они тем не менее поддерживали диалог и приходили к согласию относительно этических оснований социального действия.

Но насколько утверждение об этических основаниях социального действия является актуальным и значимым для отдельного человека вне зависимости от обстоятельств его жизни, настолько оно является проблематичным для сообществ, которые составляет человек, а также для властных порядков, претендующих на человека. Возрастание свободы непременно влечет за собой возрастание ответственности. Если властные порядки, претендующие на человека, исходят из цели обеспечения потребностей этого человека и могут в определенной степени достигать такой цели, то они не в силах предоставить ему свободу без уча-

ствия самого человека. Будучи сосредоточенными на макрорегулировании политики и экономики, такие порядки способны упустить важность свободы, хотя проблемы свободы их настигают. Так, к примеру, в современном государстве возрастает потребность в управлении очень сложными процессами, а также обеспечения интеграции этих сложнейших систем, но одновременно – уменьшается способность государства к непосредственному и прямому управлению такими процессами, поскольку подсистемы с трудом поддаются прямому регулированию. Здесь спотыкаются как рынки, так и государство и обнаруживается значение субъекта²⁸.

Свобода в какой-то степени может заменять для субъекта значение иных важных для него условий и обстоятельств – традиций, семьи, сообществ и является главным основанием его идентификации – с самим собой и главным условием создания новых сообществ. Это очень трудный урок, который не только не все сдают, но и не все проходят. Субъект, лишенный свободы, лишается собственной границы и возможности коммуникации. Одновременно всякая атака на публичный порядок является посягательством на свободу человека. По-иному эту проблему можно обозначить как проблему ограничения субъекта и принятия им на себя неких обязательств: либо добровольного на основании коммуникативных практик, либо насильственного и манипуляционного, по выражению Макинтайра²⁹. То есть Свобода требует Пограничья, а Пограничье создает условия для становления свободы.

В Восточной Европе субъект оказывается в отношении с определенным объективным политическим порядком, с которым он имеет очень слабые институциональные связи. В какой бы среде мы ни рассматривали субъекта – в религиозной, семейной, экономической, производственной, даже политической, – всюду он в разном положении относительно публичной сферы. Употребить понятие «отчуждение» в этом случае означает только затемнить суть дела. И если учесть, что положительное отношение субъекта и границы выстраивается как признание, а публичный порядок выступает предельным пространством, в котором организуется социальное взаимодействие, то в ситуации проблематизации вхождения субъекта в публичную сферу необходимо выяснять, как устроен и обустроен механизм признания существующих границ³⁰. Это означает, что граница может не выполнять свою функцию по сведению несколько логик и стратегий, обеспечивая их действительность, даже если они взаимно противоречат одна другой. В таком случае, субъект оказывается на границе, к примеру, одновременно в логике статуса и в логике личности, будучи лишенным инструмента согласования логик этих разных ситуаций. Потому он лишен возможности найти правильный ответ на такой проблемный вопрос, как, к примеру, «должен ли чиновник руководствоваться при отправлении дел логикой нравственности и порядочности или же находиться в рамках должностных

инструкций, либо действовать в интересах своей семьи?» В таком случае даже уголовное преследование коррупции не решает проблему.

Вне признания границ невозможными оказываются всякое публичное взаимодействие и формирование публичного пространства. Статус, на котором основано публичное пространство, рассчитан на понимание, осмысление и принятие. Минимальная система статусов образует пространство организации, обеспечивающее единство и уникальность властного порядка. Потому наряду с проблемой действия субъекта существует проблема существования организующего пространства, которую образует ряд вопросов о возможности возникновения устойчивой системы статусов и нормативизации принципов их взаимодействия, о разграничении порядков взаимодействия субъектов и порядка взаимодействия статусов.

Новые обстоятельства

Именно границы оказываются для обществ Восточной Европы одним из самых новых и важных обстоятельств и преобразований в 90-е гг. XX в. Опыт Восточной Европы после 1990 г. основан на усложнении социальной структуры и связан с проблемой сохранения организованности и управляемости социальными пространствами в условиях умножения числа субъектов, образующих социальное пространство. Когда «железный занавес» упал, внутри себя восточноевропейские сообщества обнаружили бесконечное разнообразие субъектов, равно как и бесконечное количество границ. Политическая система нашла свои пределы не только на внешних границах, но также во множестве внутренних границ, представляющих собой статусы или претензии на статусы субъектов. Сложившаяся конфигурация границ и определила облик новых сообществ. Реформы, протекавшие в Восточной Европе, имели дело не с идеальными сообществами, а с сообществами, состояние которых определялось этой реальной конфигурацией границ.

Проблема новых границ в Восточной Европе указала на необходимость формирования публичного пространства как пространства социального взаимодействия, в которое открываются разнообразные границы. Очевидно, что непризнание существования собственных пределов дезорганизует самого субъекта, но также ведет к невозможности публичного взаимодействия. Само публичное взаимодействие протекает в сфере Пограничья, обращающего предел в еще одну возможность расширения мира субъекта, но на ином основании, чем экстенсивная экспансия субъекта или властного порядка.

Пограничье обусловлено свободой, поскольку свобода нуждается в реализации, она не является статичным обстоятельством. Она, как вода, ищет пути и находит их – невзирая ни на какие препятствия. Проблемы, создаваемые воз-

никновением новых и новых границ в социальном мире, касаются как состояния самих социальных систем, так и вопроса свободы и положения субъекта относительно других субъектов, границ и хаоса.

Заявленный в начале 90-х гг. XX в. переход восточноевропейских обществ от коммунизма оказался обусловленным не только появлением новых границ, но также дефицитом ресурсов по их согласованию. Политическая власть была не в состоянии справиться с ситуацией появления множества субъектов – сначала религиозных, общественных, затем экономических, затем политических, – посредством манипуляции или прямого управления ими. Так складывалась ситуация, которую можно назвать протопубличной, система власти впервые за многие десятилетия открывалась, ограничивалась, и появлялась возможность возникновения публичного пространства. Этот процесс был очень опасным для социальной организации и сопровождался повсеместно регрессом и дезинтеграцией³¹. Само по себе возникновение новых субъектов определяло только возможность складывания нового социального и публичного пространства и было лишено каких-либо гарантий того, что публичное пространство действительно возникнет.

Отсутствие публичного пространства является важнейшим обстоятельством трансформаций в Восточной Европе. В таких обстоятельствах происходит либо дезинтеграция общества, его распад на отдельные фрагменты, либо сверхцентрализация, подавляющая дифференциацию и всякие публичные свободы. Лорд Актон так описывает модель такого пространства: «Для сохранения своей целостности они должны вступать в конфедерации с другими государствами, участвовать в союзах, образованных близкими народами, входить в состав более крупных держав, тем самым теряя нечто от своей независимости, они склонны изолировать свое население, препятствовать контактам жителей с внешним миром, сужать их горизонт, мешать нормальному росту их мысли. Общественное мнение не в состоянии поддерживать свою свободу и чистоту в столь стесненных границах; и волны течений, зародившихся в общинах более просторных, прокатываются поверх этих ключков земли. В среде малочисленного и однородного населения нет должного простора естественному расслоению общества, негде развернуться группам, объединенным общностью интересов и тем самым связывающим верховную власть. Правительство и подданные сражаются между собою заемным оружием. Средства первого и устремления вторых восходят к неким внешним источникам, и следствием является то, что страна становится одновременно орудием и ареной столкновений и споров, в которых она все не заинтересована. Такие государства, как мелкие средневековые княжества, сыграли известную роль, содействовали возникновению, самоутверждению и безопасности небольших общин в составе более крупных государств, но они являются помехой общественному развитию, определяемому смешением рас и племен, живущих под властью одного и того же правительства»³².

Также новым опытом для всех сообществ Восточной Европы явилось обнаружение собственных пределов властью и иными субъектами, видение ими собственного предела как приглашения к расширению через взаимодействие. В таких обстоятельствах смогли сформироваться государства, народы которых не располагали никакими шансами на государственную жизнь³³. Границы же поставили важнейший вопрос перед новыми сообществами о возможности их взаимодействия с новым властным порядком, сформировавшимся внутри вновь возникших границ. Именно границы задают для этих сообществ проблемы идентичности, собственных оснований и организации. Признание этих границ требует овладения искусством согласования различных логик и взаимодействия. Самой поверхностной проблемой в этом контексте, к примеру, выступает проблема демаркации государственной границы. В процессе демаркации участвуют только представители соответствующих государственных органов. Но даже вопрос демаркации вызывает множество вопросов, и его разрешение занимает достаточно продолжительное время. Поскольку же границы в большинстве случаев не являются географическими или политическими и чаще функционируют как статус или система статусов, проблема согласования множества таких границ является невероятно сложной, отчего не всякая граница является индикатором дифференциации общества и усложнения тех функций, которые несет в обществе субъект. Более того, не всякая граница выводит субъекта к другому субъекту. Исследование границ в таком контексте оказывается исследованием структуры общества, а также выяснением вопроса о свободе, допустимой в той или иной модели, о способности субъекта к постановке вопроса о свободе и к социальному взаимодействию. Именно границы позволяют увидеть социальный мир дискретным, а не целостным, а также зафиксировать проблемы, свойственные данному социальному порядку.

Социум состоит из различных сообществ, которые соотносены один с другим в разной степени, а также из отдельных лиц, соотносённых друг с другом еще более причудливыми способами. Граница ставит главный вопрос: возможен ли переход границы для субъекта, возможно ли продолжение свободы субъекта вне собственных границ, которые в силах обеспечить субъект самостоятельно. Как может субъект совершить переход собственной границы и остаться собой? Такие вопросы имеют двойное измерение. Первое – это возможность самого перехода. Второе – действительность потребности субъекта в таком переходе.

Фактически в любом порядке возникает ограничение некоторых стратегий субъекта в ситуации необходимости обеспечения порядка, безопасности и стабильности, но никакой порядок не может гарантировать невозникновения процесса согласования границ или предотвращать появление таких вопросов.

Избавиться от границы субъекту невозможно. Его самоизоляция и погружение во внутренние миры только актуализирует внешнюю границу, контроль над которой переходит от субъекта к иным. Если субъект перестает контролировать

эту границу, за него эту работу производят другие³⁴. Когда же предпринимается переход границы с целью выйти из-под воздействия границ и ограничений, он выводит субъекта за пределы его границ, однако только для того, чтобы субъект обнаружил новые границы³⁵. И чем больше границ он будет покидать, тем большее число новых границ он будет встречать перед собой³⁶. Так переход может стать бесконечным, устремляясь за все новые границы только для того, чтобы еще более ограничить субъекта. По мере продвижения у субъекта будет возникать понимание – шокирующее и цепящее – того, что в становлении этих границ ты сам не принимал никакого участия и освободиться от их действия ты не в состоянии. Власть, новые вещи, товары, люди, приходящие откуда-то извне, в конце концов ограничивают субъекта и делают проблематичным его идентичность, существование и самостоятельность в коммуникации. Так, невозможным оказывается расширение области субъекта вне коммуникации, вне образования Пограничий. Стратегии, направленные на достижение абсолютной независимости, приводят к изоляции и абсолютному одиночеству. В европейской мифологии существует образ корабля, «Корабля Господнего» и «Корабля дьявола», олицетворяющих доброе и злое начала, разграничивающих этот мир. Но такие образы требуют и третьего – корабля, устремленного в неизвестность и не принадлежащего ни одному миру, не определяющего ничего в этом мире, не касающегося в своем диком путешествии даже морской пены, но утверждаемому всеми мирами в своей оставленности. На корабле дураков Босха нет ни праведников, ни грешных. Дураки не вмещаются ни в одно место в этом мире. С кораблем дураков имеет некую странную связь и Летучий Голландец. Летучий Голландец являет собой тотальное игнорирование границ и вместе с тем тотальную определенность своего статуса границами, не им составленными, абсолютными границами.

Проблема тигра в клетке

Так, покидая пределы границ, ты вдруг сталкиваешься с тем, что дальше двигаться не можешь, не решив проблему границы. Просто оставить ее нельзя, нельзя ее игнорировать. Эта проблема может быть обозначена как ситуация тигра в клетке. К примеру, естественный ареал тигра – территория диаметром 50 км. Но в зоопарке, будучи помещенным в вольер, тигр оказывается ограниченным пространством с вполне четкими границами, сжавшими его мир до площадки в 50 м в диаметре. Можно ли говорить о свободе тигра в клетке? Что может выступать границей? Клетка – искусственная граница, ничем не напоминающая природные просторы. И поскольку тигр никак не может принимать участие в обустройстве новой границы, не может выдвигать аргументы в пользу того, какая, по его мнению, должна быть его территория в предельно допусти-

мом исчисления, а ученым нет нужды ему объяснять, что при гарантированном снабжении тигра мясом вовсе нет нужды в площади в 250 кв. км, достаточно 250 кв. м, то тигр будет страдать и протестовать – отсутствием аппетита, может быть, смертью. Но если он привыкнет – он сможет жить в вольере и быть довольным. Однако является ли данная привычка выражением его свободы? И может ли вообще тигр, вступающий в контакт с человеком, быть свободным? Очевидно, что разрешение этой проблемы находится в области изменения природы тигра, внешние границы должны стать внутренне мотивированными. Иначе, может ли тигр возлечь рядом с козленком, освободив для него место в пределах своего мира?

Клетка для тигра – всего лишь метафора. Нормы, страх, сила, власть, то-вары – выступают в человеческом обществе вместо клетки; именно такие границы, которые мы постоянно встречаем в публичной жизни. И именно такие границы задают нам вопрос о нашей свободе: ограничивают ли они ее или же являются условием для ее обретения? Отказ от принятия такого вопроса, уход от рационального решения такой проблемы выстраивают стену и клетку на месте границы, границу обращая в предел. Тогда субъект, как бессловесный тигр, оказывается в окружении непонятных, произвольных и абсурдных норм и правил, связывающих его и делающих несвободным и несчастным. Норберт Элиас показал, как вилка и нож в руках человека, сидящего за обеденным столом, могут в разных ситуациях быть и символом его свободы, и символом его несвободы, в зависимости от того, кто этот человек и что заставляет его пользоваться столовыми приборами. Процесс цивилизации протекает как постепенное образование конгломерата границ³⁷, взаимообусловленных и взаимодействующих, определяющих сферу личной ответственности субъекта. Границы цивилизации возникают как коммуникационные инструменты, освобождающие субъекта, предоставляющие ему поле для маневра и внутреннее пространство свободы³⁸, только опираясь на которое субъект может заключать конвенции с себе подобными.

Догоняющая модернизация каждый раз производит заключение «тигра в клетку»³⁹: происхождение институтов в модернизирующихся обществах – внешнее, – каждый раз задающее вопросы о предпосылках институциональных изменений.

Для субъекта, находящегося вне публичного порядка, не включенного в Пограничье, многое, что происходит с ним, имеет характер события, являющегося ниоткуда. Всякая граница в Восточной Европе отчасти отстранена от субъекта, потому что субъект, как тигр в клетке, не формировал эту границу, никак не участвует в ее образовании и ее жизни. Цивилизация и демократия – «объективно данная реальность», нечто совершенно постороннее человеку и сообществам. Потому и публичная сфера строится как нечто внеположное по отношению к субъекту. Границы появляются ранее субъектов, субъекты должны дорастать до

отведенных им границ, включать их в свою жизнь. Судьба этих институтов зависит тем не менее от активного действия субъекта либо от игры в признание⁴⁰. В случае пассивности субъектов институты могут быть выброшены из истории, потому что связаны не с инструментами, а с живыми субъектами, их практиками, с реальной обстановкой.

Особенностью Восточной Европы является всеобщая включенность в трансформационные процессы, включенность всех субъектов – от крестьян до профессоров – в ситуацию «тигра в клетке», когда они вынуждены взаимодействовать со все новыми границами, значимыми для их дальнейшего существования, но часто оказываются неспособны к восприятию границ как шанса на развитие, видя в границе только ограничение и источник несвободы. Такой вариант развития в конце концов вызывает разрывы в социальной структуре и изоляцию отдельных групп и целых сообществ.

Именно потому любую клетку необходимо рассматривать как порождение в первую очередь несвободы самого субъекта. Он не может контролировать себя и выстраивать коммуникационные практики, а потому оказывается в изоляции, окруженный непроницаемыми преградами. Если граница в определенной степени является зеркалом, обращающим внимание субъекта на самого себя, на свои возможности, ресурсы и состояние, то в отсутствии коммуникации границы превращаются в стены и глиняные зеркала. Глиняное зеркало дает самое фантастическое представление о себе и о собственном порядке, оно дробит публичное пространство на ряд изолированных один от одного сегментов.

Обустройство субъектом границы – это признание им собственного бессилия⁴¹, признание им потребности в других. Для тигра возводят клетку, поскольку тигр не желает возлечь с ягннком, а также относиться к людям, не рассматривая их в качестве своего пропитания. Но в какой-то степени клетка распространяет свое действие и на тех, кто ее возводит для тигра. Они осторожны, они предусмотрительны, они трезвы. Однако они также бессильны выстроить иные отношения с тигром, кроме как построить непреодолимую границу, зафиксировать эту разницу⁴². Осмеливающиеся вступать в контакт с тигром без посредства клетки – дрессировщики – выступают в цирках, сами будучи ограждены от зрителей клеткой. Они входят в мир тигра, но могут в нем задержаться лишь на 15 минут своего выступления. Возможна, пусть и только теоретически, иная ситуация, предполагающая преобразование клетки – только внешней и только насильственной – в границу, внутренне обусловленную, осознаваемую самим субъектом. Такая граница является необходимым условием свободы, но она требует от тигра становления как свободного существа.

В Восточной Европе у государств нет четко обозначенной стратегии выстраивания границ – как внешних, так и внутренних. Значение границы в международных делах и в Восточной Европе схоже с ситуацией тигра. Даже на обустройство собственных границ страны Восточной Европы склонны просить

у своих соседей ресурсы. В такой перспективе расширяющийся Евросоюз выделяет деньги на обустройство границ, поскольку видит собственные пределы и не располагает необходимыми ресурсами для расширения своего действия вне коммуникации и четко обозначаемых целей, ценностей и перспектив для Восточной Европы⁴³. Страны Восточной Европы находятся к контексте действий Европейского Союза, в котором важным являются не внешние границы, определяющие Восточную Европу, а ее внутренние границы, определяющие состояние публичного порядка, способное к взаимодействию со сложной системой ЕС. Ситуация повторяется во внутренней политике государств Восточной Европы, которая часто выстраивается в перспективе повышения эффективности, особенно экономической, но без создания Пограничья оборачивается дискриминацией и отчуждением целых сообществ.

Восточноевропейское общество потребления

Надо назвать еще два обстоятельства, которые в Восточной Европе обеспечивают трудности становления Пограничья. Это традиция советского общества потребления и массовая политика, основанные на господстве факта, никак не связанного с волей человека, в контексте которого субъект сам становится еще одним фактом.

Восточноевропейские сообщества состоят из бесконечного разнообразия субъектов, каждый из которых претендует на собственное пространство и каждый из которых так или иначе склонен обозначать границы своего влияния, границы своего мира. И это справедливо по отношению к новым государствам, к новым корпорациям и сообществам. Опыт согласования этой множественности в условиях дефицита власти, рассеиваемой между множеством субъектов, и дефицита личного участия (поскольку для личности, как мы выяснили, покидать круг первичного сообщества, к которому она принадлежит, всегда представляет трудность) – это подлинно новый опыт в жизни Восточной Европы, может быть, гораздо более важный, чем макроэкономическая стабилизация ее экономик. Именно этот опыт является ядром транзита, и неовладение им приводит к кризису идеи транзита в целом. Институциональные реформы не решают главной задачи согласования множественности.

Именно в силу неверного определения существа сообществ Восточной Европы часто контекст транзита задается не совсем верно, в результате чего исследователи не выходят из экономических или политических дисциплинарных рамок, что не позволяет видеть комплекс проблем, возникающих в транзите, и использовать реальные, а не воображаемые предпосылки транзита. Так, советское общество иногда определяется как традиционное, иногда – как абсолютно коллективистское, основанное на «соборности» (в беларуском варианте – та-

лаке), обладающее «общинным духом» и пр. Между тем постсоветские общества сформированы главным образом воздействием на них массовой политики, а потому являются не только не традиционными, но – сверхсовременными, достигшими апогея как массовости, так и атомизации. Массовая политика всегда обуславливает дефицит личного участия: по причине периферийности понятия «свободы» ей противостоит не только отсутствие традиции свободы в этих обществах, сколько весь комплект современных проблем, стоящих перед массовыми сообществами. А Зиновьев называл советское общество Сверхобществом, определяя его через построение суперинститутов, проводящих действительно массовую политику, охватывающую практически все стороны жизни человека⁴⁴. Потому страны советского блока никогда не относили к третьему миру, и именно потому транзит для них, соединение с первым миром представлялся возможным и осуществимым. Но это означает, что к восточноевропейским сообществам нельзя применять, к примеру, инструменты анализа, разработанные в рамках постколониальных исследований или антропологии. Это также означает, что перемены в них невозможно сводить только к переменам в экономической сфере. В этих обществах отсутствует диктат традиций и обычных норм. Транзит в Восточной Европе относится к вполне современным сообществам, особенностью которых является фрагментированность и отсутствие либо несовершенство механизмов согласования публичного и частного. Постсоветское общество – это массовое общество, общество потребления, в котором потребители получают свободу в условиях дефицита инструментов, ее обеспечивающих, и в условиях дефицита личной свободы. Беларускому писателю Василю Гигевичу принадлежит блестящая легенда трансформации беларуского селянина в потребителя, произошедшая после Второй мировой войны, определившая основные трансформации общества⁴⁵. Легенда обширна, однако настолько хороша, что требует подробного цитирования: «Калісьці Марфа была не такой – было тое пасля вайны, калі жыціўцы жылі беднавата, электрычнасці ў хатах не было, а пра тэлевізары яшчэ ніхто і не чуў. Тады, адразу пасля вайны, словы “сват”, “кум”, “хрэснік” добра цаніліся, і калі да жыціўцаў заходзіў госьць, то ён абавязкова садзіўся за стол, хоць, бывала, самому гаспадару не заўсёды смачна ўдавалася паабедзець. Дзеля госьця жыціўцы кідалі пачатую работу, выкрывалі з тых калгасных заробкаў капейку на гулянку, на адзенне для выхаду ў госьці».

Слова «кум», «сват», «крестник» указывают на традиционную культуру и традиционную модель социального взаимодействия. Эти слова используются для описания реальных связей, существовавших в традиционном сообществе. Принятие гостя в этом мире – один из существенных его атрибутов. Мир еще состоит из первичных примордиальных сообществ. Границы этого мира – это границы семьи или большой семьи, связанных кровными узами. «А потым, як жыціўцаў далучылі да маякоўцаў, неяк памалу перасталі хадзіць старцы, і жыціўцы памалу пачалі забываць іх песні – нейкі дзіўны спляў чалавечага болю і жалю. Патроху

сталі дабаўляць грошы на зароблены працадзень, патроху лепшала жыццё – лягчэйшым потам даставаўся кавалак хлеба...»

В этом фрагменте Василий Пигевич переходит на описание того, что случилось с житивцами. Эти перемены происходят не изнутри этого сообщества, но вызываются внешними силами. Исчезает постепенно значение кровного родства – житивцев соединяют с другим сообществом, а через него – еще с одним – большим. Так они превращаются из житивцев в советских людей, колхозников. Перестает работать то, что происходило испокон веков, но к этим переменам житивцы не прилагают никаких усилий. Они живут, как жили, но постепенно многое прежнее из жизни уходит и умирает. Они остаются только наблюдателями, не в силах повлиять на ход событий. «Антоля Хвядоскава цяпер магла ўжо ўздыхнуць спакойна. Ды і цыганкі, якія дагэтуль штогод, як па раскладу, наязджалі ў Жыцвіва і варажылі амаль у кожнай хаце, цяпер таксама сталі паказвацца ўсё радзей і радзей – хадзілі па Жыцвіве чуткі, што яны пасяляюцца ля самюсенькага Бярозава ў акуратных белых цагляных доміках. Адоля, дык тая адкрыта казала, што яны, цыганкі, хочучь прадказаць усім бярозаўцам іх лёс і таму іх штодня можна сустрэць у Бярозаве на рынку, дзе яны бралі бярозаўцаў і прыезджых за рукаў і гаварылі, пільна глядзячы ў вочы: “Давай пагадаю, усю праўду скажу”. І яшчэ адну справу рабілі цыганкі: прадавалі на тым вядомым рынку гліняных арбаваных катоў і мядзведзікаў – туды трэ было кідаць капейкі, і праз нейкі час не заўважыш, як багатым станеш. Адоля казала, што Антоля Хвядоскава першая ў Жыцвіве *кутіла тых катоў і мядзведзікаў* – па пары і тых і тых, на ўсе падаконнікі выставіла».

Керамические коты и медведи – символ накопления, изменения стратегии жизни, когда будущее начинает зависеть не от Бога и судьбы, а от отложенных и скопленных денег. Цыганки – вещатели судеб – словно бы передают свою функцию копилкам. И обычный житивец начинает поступать согласно этой новой логике – в которой он должен гарантировать свою жизнь, что он, в чем существует уверенность, – может преуспеть. «Відаць, тою парою ў Жыцвіве *перасталі пасвіць свіней на выгане*: ці то дзецi паразумнелі і не захацелі больш тых свіней глядзець, ці то свінні параспускаліся,— так ці інакш, але з той пары амаль усё сваё кароткае жыццё свінні праводзілі ў хлeўчуках, так і не паглядзеўшы злeнага выгану, так і не атрымаўшы найвышэйшай асалоды – паваліяцца ў спякотны дзень у балотнай гразі. На жыцўскай вуліцы стала пуставата і няўтульна, а калі і з’яўлялася якое свінчо, тут жа за ім вяцела баба з дубцом у руцэ: “Аюс, каб цябе пранцы! Яшчэ машына раздавіць...”»

Изменяется отношение к внешнему миру. Житивец поступает не как хозяин и господин своих свиней, а как их потребитель. Свины теперь рассматриваются как исключительно продукт потребления и заточаются – ради гарантии их сохранности – в хлев, откуда выйти они могут лишь однажды – когда их будут колоть. «*Услед за рутарам праз нядоўгі час правялі электрычнасьць, лямпы, у якіх*

штогвечар пальцамі ці паперай прыходзілася праціраць закуранае шкло, жыціўцы пахавалі далей. І тады, у яркім святле лампачак-сотак, жыціўцы *ўбачылі голья сцены пустых і вялікіх хат, нефарбаваную падлогу, доўгія, з кута на кут, лавы, а дзе ў каго дык яшчэ стаялі і кросны – усё гэта жыціўцы ўбачылі ў нязвыклым яркім святле. І тады ім стала чагосьці сорамна...»*

В электрычэском свеце жыць жывітвев выглядыт іначэ. І для того, чтобы это «иначе» могло случиться, потребовался взгляд извне, взгляд из другого мира. Лампочка – снова же, – пришедшая в село из другого мира, не придуманная самими жителями, стала таким «глазом», обладавшим крайне невыгодным для жителя взглядом. «Спачатку Марфа першая ў Жыціве *купіла шафу*. Але, на злосьць Марфе, праз пару тыдняў Антоля Хвядоскава прывезла з Бярозава “трымо” – вялікае, да столі, люстра, якое мацуецца да паліраванай тумбачкі.

Не паспелі жыціўцы апамятацца ад “трымо”, як *Марфа навькідала з хаты драўляныя ложкаі, а замест іх паставіла жалезныя, нікеляваныя, з белымі бліскучымі спінкамі. І яшчэ купіла мяккія матрацы, а сеннікі, напхнутыя саломаю, распарала...* Але і гэтага Марфе было мала – яна першая ў Жыціве вынесла фікусы на сметнік, а вокны завесіла гардзінамі. Не тымі, папяровымі, а сапраўднымі гардзінамі з белай у сетачку “мацеры”, якая пасля мыцця дужа “садзілася”. Таму яе на вокны Марфа набрала з запасам – тыя прыгожыя гардзіны віселі ажно да падлогі.

Здавалася, што цяпер ужо Марфе можна жыць спакойна – жыціўцы па чарзе хадзілі і пыталіся: “Марфачка, дык колькі ж ты на вокны набірала гэтых гардзінаў?” А пасля яны разам з Марфаю лічылі вокны і варушылі вуснамі. Але Марфіна шчасце цягнулася нядоўга, як казалі Адоля: ты на гару, а чорт за нагу...»

Как жывітвцы іспользуют свіней, так они могут использовать и тот мир, репрезентации которого возникают в их деревне по воле внешней силы. Вслед за общественными тракторами, рупором, электричеством жывітвцы начинають осваивать частные предметы. Эти предметы являются действительно новыми в их мире, поскольку являются избыточными. Спать можно и на сеннике, но Марфа покупает матрасы, есть можно и деревянными ложками, как ели до этого десятки поколений, но металлические – краше, окно можно и не занавешивать, но появляются гардины как символ достатка и вхождения в новый мир. Это мир частной жизни, в которой главным критерием является не жизнь, не выживаемость человека, а потребление – жизнь как можно более лучшего качества. «Бо нарэшце настаў той дзень, калі ў жыціўскай хаце з’явіўшы першы тэлевізар. Гэта, безумоўна, была падзея з падзей. І самае крыўднае для Марфы было, што тэлевізар купіла гэта... Хвядоскава Антоля ўвалакла ў хату тэлевізар, агледзела хату, як чужую, і завагалася: куды, куды яго паставіць? Трэ было знайсці самы найлепшы кут. Падумаўшы, Антоля панесла ў чыстую палавіну хаты – у залу.

Зала была заслана роўнымі дарожкамі дамацканых палавікоў, стаялі ў кутках у вялізных, аднаму не падняць, кадушках зялёныя фікусы. Ля адной сцяны, дзе

віселі ў драўляных фарбаваных рамачках карткі самой Антолі, Хвядоскі – яшчэ маладых, а таксама дзяцей, радні, як блізкай, так і далёкай, мясцілася шафа, у куце ля яе – вядомае ўсяму Жыццёву “трымо”. Процілеглую сцяну займалі жалезны бліскучы – самая мода – ложка з гарою падушак і канапа, якую нядаўна купіла Антоля на зайздрасць жыціўцам. На сцяне ля канапы вісеў папяровы дыван. Антоля яго купіла ў Бярозаве на рынку – на ім красаваліся лебедзі, што плавалі на возеры. І лебедзі, і вада ў возеры, і трава, і прыгожыя будынкі, якія выгортваліся з-за дрэў, былі намалюваны густымі бела-чырвона-зялёнымі фарбамі, аж зайздрасць брала... Самы лепшы кут быў у зале, але была адна прычына, з-за якой Антоля пакутавала: у тым самым лепшым куце вісела ікона – паблісквала пазалотаю...

Калі Хвядоска прыйшоў з работы абедаць, Антоля, ставячы на стол яду, ласкава запыталася:

– Хвядоска, дзе ж мы цяпер цялявізар паставім? Як ахрысціла Антоля тэлевізар, так называлі яго ў Жыццёве і надалей.

Хвядоска, чалавек праставаты, узяў у рукі лыжку і, не задумаючыся, кінуў галавою ў кут: Вунь туды і паставім – што ты лепшае вымергуеш... Прыйду з работы, разуюся, грубку зімою выпала, лягу на ложка і глядзець буду, пакуль не засну.

– Хвядоска, дык там жа – іконка вісіць, – далікатна ніапомніла Антоля.

– Ну, дык і што, калі ікона? – спытаў Хвядоска, пачынаючы сёрбаць з міскі.

– Ай, Хвядоска, як гэта: цялявізар і ікона ў адным куце. Неяк не так будзе.

– Дык выкіні, – каротка параіў Хвядоска, не падымаючы галавы – сёрбаў лыжка за лыжкаю.

– Це-ля-ві-зар? – у Антолі ад здзіўлення і нечаканасці вочы на лоб палезлі.

Хвядоска перастаў есці – лыжка так і застыла ў ягоных руках. Ён доўга і пільна паглядзеў на Антолю, а тады спакойна сказаў:

– Я скарэй за ўсё цябе з хаты выкіну, чым гэты цялявізар.

Пасля такіх слоў Хвядоска паклаў лыжку, выцер рукою вусны, падняўся з-за стала і пайшоў з хаты пад паветку за сякераю, каб управіцца да вечара схадзіць у лес і высечы на антэну жардзіну».

Телевизор в этом фрагменте, безусловно, больше самого себя. Он появляется, чтобы обозначить апогей перемен. Он – репрезентирует внешний для жителей мир, который постепенно становится их миром. Он сам по себе – потребительская ценность, он сообщает своим хозяевам более высокий статус по сравнению с соседями. Однако это еще и символ новой организации социального пространства. Икона смещается со своего центрального места. И самое удивительное – как легко это происходит. Люди не мучаются, не мечтают, у них не болит голова, они не страдают и не устраивают публичных дискуссий. Так, решение принимается между двумя ложками похлебки. И нет ни одного слова, ни укоризненного взгляда. Это решение уже давно созрело – когда на окошко поставили глиняного кота с прорезью для монеток. В новую жизнь не берется из старой

ничего – все выбрасывается на свалку – как ненужное. И прежний мир испаряется – от него не остается и следа. В новый мир житивцы входят поодиночке. И это самое важное обстоятельство трансформаций в Восточной Европе. «Вечарам, калі мужчыны пад кіраўніцтвам Гаеўскага паставілі ў двары антэну, у хату да Антолі першай забегла Марфа, якая жыла ад Хвядоскавых хат за дзесяць:

– Здароў вам. Солі не пазычыце? Соль у мяне ўся выйшла, а купіць забылася...

– Здароў-здараў... Праходзь, садзіся, Марфачка. Целявізар паглядзі. Можна, сягоння і кіно пакажуць. Кіно з канцэртамі, кажучь, штодня паказваць будуць.

– Штодня? – не паверыла Марфа. Ад здзіўлення яна так і прыліпла да парога.

– Ага, штодня. І ў клуб хадзіць не прыйдзецца, і грошы кіншыкам плаціць не трэба. Сядзі во ў сваёй хаце, ногі задраўшы, і цялявізар глядзі колькі душа захоча, – Антоля гаварыла, расцвітаючы, і ў той жа час думала: «Гэта ж табе, Марфачка, не шафа, не ложкі жалезныя і нават не гардзіны з мацерыі, гэта ж – це-ля-ві-зар, не абы-што...»

Марфа, вылупіўшы вочы, не слухаючы болей Антолю, нешта ўсё лічыла – варушыла і варушыла вуснамі. Потым, падлічыўшы, выдыхнула:

– Гэта ж столькі грошай сэканоміш.

– Ага, і Хвядоска мой паглядзіць, і дзетачкі. Не толькі ж я адна глядзець буду.

Марфа тады толькі неяк разгублена войкнула – пра мужа і дзяцей яна забылася. Тут адчыніліся дзверы, і, выціраючы ў парозе ногі, у хату заваліліся Марыля Сярэдзінская і Адоля. Адоля адразу ж, з парога, не здароўкаючыся нават, пачала з галоўнага, дзеля чаго яна і прыйшла:

– Антоля, у Жыціве кажучь, у цябе цялявізар, як у Бярозаве.

– Ага, сягоння прывязла, сягоння і паставілі, каб час марна не траціць – кіно будзем глядзець. Бясплатна.— Антоля расцвітала – вось калі жыціўцы добра ўведаюць, хто такая Антоля Хвядоскава.

Праз гадзіну ў Хвядоскавай хаце было не павярнуцца.

...Цярпела Антоля жыціўскае нашэсце тры дні. На чацвёрты, успомніўшы даўнюю звычку, заперла вароты і сабаку з ланцуга спуściла».

Телевизор, утверждая связь житивцев с внешним миром, отделяет их друг от друга, индивидуализирует их жизнь. Вернее, происходит это волей самих житивцев, выстраивающих стратегии своего поведения в том внешнем мире, который является к ним и определяет их жизнь. Если и можно говорить об основаниях свободы в таком мире, то это свобода потребления, у которой отсутствуют всякие внутренние основания. Для такой свободы необходима главным образом волшебная действительность, из которой проникают волшебные новые вещи. Потеря контроля за миром вещей – это еще одна особенность трансформаций в Восточной Европе. Этот внешний мир, окружающий каждого отдельного человека остается магическим миром. «Пасля таго вечара, калі ў

Хвядоскавай хаце засвяціўся блакітным святлом тэлевізар, ноччу Марфа шагтала мужу на вуха: “Ну вот, Антоля Хвядоскава дык і цялявізар купіла. Кожны дзень кіно глядзіць, на вуліцу дык і не паказваецца – усё ніяк не наглядзіцца. Калі ўсёй сям’ёю – столькі грошай сэканоміш”. А муж адказваў Марфе: “Не ўсім жа, як той Хвядоска, кладаўшчыкамі рабіць”. А разумная Марфа вучыла: “А ты на штатную работу ідзі. Што ты ля коней круцішся, як прывязаны, што ты з імі заробіш? Мужчын вунь набіраюць вучыцца на трактарыстаў і на шафёраў, абы ахвота толькі была, а тэхнікі цяпер хапае. А калі ты на трактарыста ці на шафёра вывучышся, тады мы о-о-го-го-о заживём”. А муж, на тое ён і муж, спрабаваў адбрыквацца: “А мо лепей подсвінка падгадуем і здадзім у Бярозава – глядзіць, і цялявізар будзе новенькі. Кажуць, жывой вагою цяпер прымаюць – па два рублі за кіло, толькі здавай. Выгадна, мусіць, калі многія здаюць”.

Праз год Антоля Хвядоскава ўжо магла не зашчэпліваць вароты ад “цялявізаршчыкаў” – амаль у кожнай хаце засвяціўся свой тэлевізар».

Стратегія спажывання диктуе выбар того или иного образа жизни, занятий, выбора профессии и пр. Они и выстраиваются в зависимости от выгоды с точки зрения индивидуального или семейного потребления. Внешнее не объединяет житивцев, но разъединяет. Вхождение во внешнее возможно для них только через некие индивидуальные усилия. Житива, как сообщество, остается в прошлом. Его жителям нечего взять из него в новую жизнь и мир. «І тады Марфе нічога не заставалася рабіць назло Антолі, як купіць першай халадзільнік...

І шафы, і нікеляваныя ложка, і “трымо”, і фікусы, што выкідваліся на сметнікі, і тэлевізары, і халадзільнікі – цераз усё гэта кожная жыццёвая сям’я павінна была прайсці. І хто можа сказаць, колькі сіл і здароўя аддавалі жанчыны, каб прайсці ўсё гэта: ад фікусаў, кроснаў, папяровых гардзін да тэлевізара і дывану, што вешаюць на сцены?»

Этот риторический вопрос Пигевич задает, но ответ на него – не только «много». Платой за шкафы и холодильники являются не только силы и здоровье. Работали и ранее, и наверное, не меньше. Платой за потребление является индивидуализация, с одной стороны, и с другой стороны – безболезненное и безропотное подчинение массовой политике. В этой точке сбивается довод И. Берлина о ботинках, которые важнее Шекспира. У житивцев давно уже не стояла проблема сапог, но не возникала для них и проблема Шекспира, будучи замеченной проблемой расширенного потребления. «Праўда, тут ужо было не да сватоў і не да кумоў. Нават на любімыя кірмашы пачалі забывацца жыццёўцы – не было калі іх спраўляць з-за работы. Кажуць, што ўсё пачалося з той жа Антолі Хвядоскавай – яна заўсягды з Марфаю ў Жыціве моду задавала, – калі на кірмаш да яе завярнулі госці, дык яна, доўга не думваючы, павяла іх не за стол, застаўлены ядою і чаркамі, а на агарод, бульбу капаць – баялася вельмі, што да халадоў не паспее выкапаць, хоць дагэтуль, бывала, пакуль жыццёўцы кірмаш не адгуляюць, пра бульбу і не думалі... Ды і выгадна было Антолі, жыццёўцы гэта адразу скумекалі: за

адзін дзень у Антолі ўсю бульбу выкапалі.. Не дзіва – гэтулькі гасцей прыйшло.. Праўда, пасля той восні гасцей да Антолі і вярочынай было не зацягнуць: ні на кірмаш, ні на выселле... Дарэчы, выселлі ў Жыцiве з нейкага часу таксама стала выгадна спраўляць, бо на іх з'явілася новая завядзёнка: у час дараў на стол перад маладымі ніхто меней дзесяткі і не кідаў, хоць даўней хапала і траячкі. Увогуле, жыцiўцы палюбілі гэтае ёмкае слова: выгада...»

Эти строки неправильно было бы прочитывать как критику или осуждение порядка, возникавшего в Житиве. Речь главным образом не о нормативной оценке происходящего, а о действительно происходящей смене рациональности, о смене социального порядка. Житива требует от внешнего мира одного – рынка или магазина, в котором они могли бы удовлетворять свою потребность в потреблении. Проблемой становится то, что сами житивцы могут внести в этот новый для них мир, и отзовется ли этот мир как-то на их появление в нем. Самым сильным впечатлением советского человека, вынесенного из времен СССР, было не отсутствие политической или экономической свободы, а отсутствие свободы потребления, выражавшейся одним понятием – дефицит. «Цяпер усё былое здавалася жыцiўцам нецікавым, болей цікавейшым для іх быў вось гэты новы занятак, якім яны захапіліся ад усёй душы. І тут ужо, здавалася, не было ніякага стрыму. Нават новая машына, тая легкавая бліскачая машына, якая калісьці была неда-сягальнай зоркаю для жыцiўцаў, пачынала іх цікавіць. Бо калі Антоля Хвядоскава, як казалі бабам Адоля, сама змагла націснуць дрыжачымі пальцамі на піпікалку, перад тым як ехала па Жыцiве перад Марфінай хатаю, то, безумоўна, гэтае ж самае магла зрабіць і любая другая жыцiўская баба.

І можна быць упэўненым – не горш за тую Антолю».

Социальная среда в такой перспективе оказывается средой конкуренции, в которой соревнование происходит относительно количества, качества, престижа и эксклюзивности потребления. Цель определяет дефицит средств ее достижения. Субъект, как правило, лишен таких средств, потому что они являются публичными.

И если соревнование за потребление происходит между потребителями, которые лишены политических и экономических прав, складывается особое общество, которым являлось советское общество и которым продолжают во многом оставаться общества постсоветские. Картина общества Пигевича обладает достоверным сходством с тем, как описывает советское общество А. Зиновьев в «Зияющих высотах». Такие общества могут быть устойчивыми только в ситуации, когда государство сдерживает потребителей в их политических, и особенно – в экономических амбициях, когда потребители не способны к взаимодействию между собой, и когда государство предоставляет потребителям гарантии определенного уровня потребления на основе распределения. Государство в этом случае должно заниматься не только вопросами экономическими, но и очень активно – культурными и пропагандистскими, компенсующими

неспособность самих потребителей формулировать и разрешать сложнейшие вопросы, связанные с трансформациями, происходящими внутри общества потребления, а также с сопутствующими вопросами справедливости, должного, этического. Эти трансформации не являются экономическими, но относятся в первую очередь к нормативной среде регулирования жизни новых сообществ.

Опасность для такого рода сообществ представляет ситуация, которую Ханна Арендт определяла так: когда все потребности удовлетворены, а потребность потреблять не находит удовлетворения⁴⁶. Надо четко представлять, что в таком обществе изменения, связанные с технической и научной революцией, протекают анонимно. Электричество «проводится», вода «подается», движение общественного транспорта «организуется», школы и больницы «строятся», пенсии «выплачиваются» и пр. Но к этим универсальным проблемам общества потребления в Восточной Европе добавляется проблема мнимой авторизации таких процессов в лице государства. Оттого, когда происходит деволуция государственного управления, потребитель находится в состоянии «вне игры», оказывается непричастным к происходившему и непричастен к происходящему. Так вслед за любыми изменениями возникает дефицит организованности, поскольку субъекты, получившие власть и обладающие компетенцией по решению публичных проблем, не решают их. Потому в постсоветских обществах одной из главных проблем оказывается поддержание публичной власти, а главным дефицитным ресурсом – личная ответственность.

В таком обществе категории «бедный», «богатый» почти лишены содержания, а потребление означает явление гораздо более глубокое, чем эгоистическое присвоение товаров и услуг. Потому что, по выражению Ханны Арендт, бедные – это не обязательно те, которые «объективно» живут в бедности и борются за свое биологическое выживание, без всякой уверенности в том, что у них будет тот минимум питания и защита от холода, что ставит их в положение между жизнью и смертью. Некоторые из них действительно бедны. Но есть также множество других, которые являются бедными и должны оставаться таковыми, потому что то, чем они обладают, является жалким по сравнению с тем, что предлагает им мир, и потому, что все пределы удалены от их желаний. Они бедны, потому что то счастье, которое они преследуют, выражено в определенном количестве имущества и постоянно убегает от них, никогда не будучи достигаемым. Бедность в таком контексте перестает быть личной проблемой и становится проблемой в самом полном и глубоком смысле – социальной. Кроме того, капитал в сложнодифференцированном обществе измеряется отнюдь не только деньгами или имуществом, а социальное положение определяется не всегда в соответствии с финансовым капиталом субъекта⁴⁷. Потому что человек не может войти в мир, куда хотел бы войти по причине то ли иллюзорности такого мира, то ли по причине отсутствия самих инструментов вхождения в него. Житивцы приобретают гардины, шкафы, копилки, телевизоры. Затем должно наступать – и

наступало – потребление образования, статусов, финансовых активов и пр. Затем – потребление коммуникаций и пр. Это включение в бесконечный мир потребления, который вдруг однажды оказывается лишенным всякой привлекательности без обращения к вопросам его основания – ценностей и свободы, которую предоставляет потребление, а также тех новых форм социальной организации, которую требует общество потребления. Формы являются необходимым элементом общества потребления и самым главным капиталом, который создается в процессе развития такого общества.

В таком смысле бедными и несвободными могут быть не только подавляемые, но и обладающие властью. Такие потребители бедны и потому не заинтересованы в свободе, но заинтересованы в капитале. Вместо входа в публичную сферу они ищут выхода, освобождения от нее, гарантий собственного положения.

К такого рода эффектам приводит смешение уровней общественной системы, разрушение границ, образующих структурные связи сообществ. В результате те, кто ранее и не думал о другом положении, о другом образе жизни, теперь начинают его добиваться – сначала в индивидуальных стратегиях, затем – в коллективных. Лорд Актон пишет: «До 1789 года восстания провоцировались частными несправедливостями и оправдывались определенными жалобами и апелляцией к общечеловеческим принципам. В ходе борьбы порою выдвигались новые теории, но в целом они были случайны, так что величайшим поводом против тирании была верность древним законам. После перемены в умах, произведенной Французской революцией, вызванные к жизни пороками социального устройства, устремления превратились во всем цивилизованном мире в постоянно действующие силы. Не нуждающиеся ни в пророке для их провозглашения, ни в выдающемся поборнике для их защиты, эти порывы самопроизвольны и агрессивны, они идут от низов, безрассудны и почти непреодолимы. Революция осуществила перемену в умонастроениях частью через свои доктрины, частью через косвенное влияние, оказанное ходом событий. Она научила людей рассматривать их желания и нужды как верховный критерий права»⁴⁸.

Восточную Европу необходимо обозначать как пространство с разнообразием границ, помещенных в зыбкое публичное пространство, т.е. с недостаточно организованным Пограничьем, с непрочными формами общества потребления и нестабильными формами солидарности. Восточноевропейские теории социального развития лишены проблематика свободы, проблемы ее развития рассматриваются на уровне макрорегулирования, в котором исчезает представление об отношении «субъект – граница – субъект». Свобода воспринимается как состояние бесстатусности, состояние выключенности из социального, как состояние независимости. Такой подход не формирует оснований агоры и переходов от личной независимости к публичной свободе. Сами ло-

кализированные субъекты не могут проблемативировать границу в силу своей лишенности публичного статуса. В пространстве власти субъекты стремятся к доминированию безальтернативному и безраздельному. Складывание государства и публичного порядка в этой части мира сопровождается фактическим лишением прав тех, кто не может выполнять публичные функции, что порождает две параллельные реальности: формальную правовую и реальную, складывающуюся на основании спонтанного согласования статусов. В публичной сфере происходит лишение статуса тех, кто не может непосредственно влиять на события, быть в числе распределителей событий. Зыбкость такого пространства не дает гарантий для частных локальных пространств. Именно потому публичное пространство приватизируется, колонизируется, используется как ресурс, эксплуатируется частными пространствами. По отношению к публичному пространству субъекты используют стратегию выжженной земли. Именно в силу такого состояния публичного пространства в восточноевропейских сообществах достаточно трудно воспринимать тезис о переходе, требующем как раз четкой системы статусов. В отсутствие четко обозначенных субъектов такого перехода переход оказывается анонимным, и его эффект определяется в соответствии со степенью расширения личного потребления.

И хотя всякий публичный порядок является уникальным, и с этой точки зрения – суверенным и незаменимым, – однако он оспаривается – со стороны других порядков, а также других субъектов. Потому публичное пространство Восточной Европы, оставаясь зыбким, подвергаясь интервенциям со стороны частных порядков, испытывает конкуренцию других публичных порядков, которые сами в состоянии организовывать публичную жизнь Восточной Европы или некоторых секторов восточноевропейских сообществ. И если существуют публичные пространства более высокого уровня, чем локальный и национальный, то следует задаваться вопросом об условиях презентации одного пространства в другом и об условиях презентации в тех и других пространствах субъектов.

Локализация – вторая особенность публичного пространства. Локализация – условие Пограничья. Пограничье исключается изоляцией локального. Возникают никак не связанные между собой сообщества. В таком пространстве нет смысла задаваться вопросами о свободе или о добродетели, о героизме или смелости. В одной немецкой сказке жил был бесстрашный Ганс. Он не боялся, потому что не знал, что такое страх, был не способен к этому чувству. К нему не совсем корректно применять понятие «бесстрашный» или «смелый». Смел тот, кто преодолевает страх и прочие обстоятельства. Так же как и свободным можно назвать не того, кому принадлежит всевластие, но кто усилием приобретает свободу как состояние, при котором границы хотя и существуют, но не целиком определяют тебя и, более, того, являются твоими органичными частями.

Массовая политика

Для интеллектуальной традиции в Восточной Европе проблемы свободы и субъекта не являются центральными. С либерализмом в Восточной Европе знакомы более в том виде, в котором он существует во французской традиции, с так называемым интеллектуальным либерализмом, связанным с именами Гольбаха, Дидро, Руссо и якобинской доктриной⁴⁹. Суть якобинского либерализма заключается в признании неразрешимым конфликта, существующего между правящей кастой и теми, кто из нее исключен, но кто также хочет иметь возможность решать собственные проблемы в публичной жизни. Свобода понимается в этой традиции как освобождение от диктата правящей касты, от институтов цивилизации и возвращение к некоему «естественному состоянию». Создание нового общества в этой традиции всегда связано с уничтожением правящей касты. Сам революционный акт уничтожает причины зла в человеческом обществе. В революции сметается весь слой цивилизации, в который обличено общество. Якобинство рассматривает цивилизацию как элемент зла, который также должна уничтожить революция. Французские энциклопедисты разработали своеобразную антропологию, опираясь на модель так называемого «естественного человека». «Желаете ли вы, – вопрошал Дидро, – познакомиться с краткой историей того, как мы дошли до столь плачевного состояния? – Вот она. Существовал однажды естественный человек, и вот этому человеку привили некоего искусственного человека, отчего внутри его возникла гражданская война, длящаяся на протяжении всей его оставшейся жизни... Если же вы предполагаете стать над ним в качестве тирана... постарайтесь насколько возможно отравить его теорией о противоположности морали природе: заключите его во всевозможные оковы, создайте тысячи препятствий всякому его движению, окружите его пугающими фантомами. Желаете видеть его счастливым и свободным? – Тогда не вмешивайтесь в его дела... я обращаюсь ко всем гражданским, религиозным и политическим институтам; изучите внимательно все это, и, если я не ошибаюсь, вы обнаружите, что век за веком род человеческий оставался под игом, взваленным на него ничтожной кучкой негодяев... опасайтесь того, кто стремится установить порядок; расположить от имени порядка – значит получить господство над другими, поставив их в сложное положение»⁵⁰.

С точки зрения англосаксонской либеральной традиции эти строки писал нигилист, ниспровергающий все общественное устройство, противопоставлявший цивилизованному порядку некоего «естественного человека», который обладает нравственностью «по природе». В этом состоит главное противоречие между французским и английским либерализмом. Алексис де Токвиль заметил в XIX в., что между английской и американской традицией либерализма, с одной стороны, и французской моделью, с другой стороны, существует громадное различие. Например, американцы, называя короля Георга III тираном и узурпато-

ром, не утверждали, что не существует вообще никого, кто не мог бы занять его место и управлять свободным народом. Американские революционеры руководствовались английскими представлениями, что правящий класс должен делиться своими прерогативами и допускать в свои ряды новых членов. Высшей целью для американцев было не свержение правящего режима, а собственное управление. Напротив, Руссо и якобинцы, провозглашая возврат к естественному человеку и отказ от достижений цивилизации, не привнесли в природу человека ничего нового, но лишь усугубили существующие страсти и использовали их для достижения политических целей. Если, согласно цивилизованной жизни и христианской традиции, вторая – цивилизованная – натура человека (личность), должна поставить под свой контроль «естественного человека», стихийную человеческую природу, то якобинский либерализм отказывается от цивилизованности, его действующей силой являются развязанные природные импульсы человека. Этот отказ является основанием идеи о приходе масс к власти. Массы, пришедшие к власти, начинают войну как против отдельных людей, выставляющих личные конечные цели, так и против совести, против моральных ценностей, против свободы, против порядка хорошо устроенного общества и хорошо устроенной организации, а именно против безопасности для меньшинства, против рационального устройства порядка, против нормативных оснований действия личности, согласно которым, к примеру, обязанности перед Богом не отменяются человеком, против принципа властвования права над силой.

В ситуации общества потребления возможными становятся стратегии индивидуального действия и пребывания в своем мире – от рождения до смерти, когда внешние обязательства воспринимаются как абсолютно внешние, когда субъект никогда не переходит свои границы как субъект и как личность. И потому не возникает взаимодействия ни между личностью и ее статусами, ни между миром личности и публичным порядком. Тогда и любые социальные формы являются весьма относительными. У такого субъекта существует одна стратегия и желание, выражающееся в усиленном требовании к событиям: желание того, чтобы события продолжались. При этом у субъекта не возникает «длинных стратегий», нуждающихся в нормативном регулировании, его стратегии могут характеризоваться только как «короткие».

И в Восточной Европе существует еще одно важное обстоятельство ее реформ – массовость проводимой в ней политики, включающая в публичную сферу огромное число несубъектоспособных субъектов. Публичная политика в таком случае с большой вероятностью может приобретать «короткую» форму, будучи направляемая на ближайший успех и достижение, достигаемые – с большой долей вероятности – посредством манипуляции несубъектоспособными субъектами.

В публичную сферу государств Восточной Европы изначально включено все взрослое население непосредственно, минуя корпорации семьи и сообще-

ства. В свете грандиозной задачи по сохранению и наращиванию определенного уровня потребления и макроэкономической стабилизации несущественными могут выглядеть вопросы о свободе или демократии⁵¹. Как показывает опыт стран транзита, одной из самых острых проблем для них оказалось обеспечение не свободы, а равенства.

Для манипуляционных стратегий наиболее живительной средой являются всеобщие выборы. И это так по отношению ко всем странам региона – и членом ЕС, и стран, входящих в СНГ, – от Сербии до Польши и Беларуси. Манипуляции выстраиваются как потребительское отношение в публичной сфере. Манипуляции приводят к исключенности субъекта из публичного пространства и сжимают публичное пространство, как это ни парадоксально, до его естественных размеров, определяемых субъектоспособными акторами. К примеру, такие странские режимы, как режим Лукашенко, возможны только потому, что их авторитаризм простирается на достаточно узкое пространство, из которого фактически исключено население всего государства. Однако правила и процедуры в таком узком пространстве лишены характера демократичности и описываются как политика клики. Авторитарные вожди действуют в сфере своего влияния, используя массу в качестве ресурса. Подобные вожди замыкаются именно в узкой сфере своего влияния, потому что расширение публичного пространства означало бы для них политическую смерть, а распространение того режима, который утверждается в действительном публичном пространстве, невозможно оттого, что требует громадного количества энергии. В результате именно тираны добиваются исключения из политики несубъектоспособных, сводя взаимодействие с ними исключительно к манипуляции. Однако авторитарная политика не допускает становления действительной репрезентативной системы и препятствует развитию и дифференциации публичного пространства. Манипуляционная политика создает множество фиктивных границ, не производящих необходимой дифференциации.

Здесь уместно вспомнить о двух концепциях несвободы в интерпретации З. Баумана⁵². Одна изображается О. Хаксли⁵³, вторая – Д. Оруэллом⁵⁴. И в первом и во втором случаях несвобода сопровождается пассивностью населения. У Хаксли люди поработены беспечностью и поиском удовольствия и не желают протестовать. У Оруэлла люди не протестуют, потому что борются за выживание и боятся. И Оруэлл и Хаксли высказывают одну и ту же идею: потребительская свобода оказывается изначально конвертируемой в различного рода компенсации и гарантии. В Восточной Европе реализовались одновременно два сценария. И если мы желаем в таком контексте заняться поиском свободы, то это будет процесс образования новых границ, а также механизмов Пограничья – фронтиров, словарей, статусов. Тогда мы можем увидеть какие-то социальные движения внутри большого сообщества, процессы автономизации – территориальной, отраслевой, личной, процессы локализации, наше внимание привлечет все, что уве-

личивает потребность людей в управлении, рационализме и взаимодействии. Так, Пограничье является пространством, которое возобновляет движение к автономии и свободе, выводя людей за пределы проблемы потребления – ради потребления на ином уровне и экспансии.

Источники свободы

Некоторые социологи как на альтернативу процессу расширенного потребления указывают на многочисленные социальные движения, включающие людей в процесс управления их местными делами, в процедуры разрешения жизненных проблем. Именно с реформ местного управления начинались реформы в Польше, Венгрии, Чехии и, как это ни выглядит странным, – политические перемены в Китае. З. Бауман утверждает, что именно индивидуальная автономия взламывает волшебный круг потребления и бюрократии, обеспечивающей это потребление. Индивидуальная автономия требует формирования форм коммунального сотрудничества и публичной сферы. В таком контексте свобода снова может быть представлена в том же смысле, который закладывали в него основатели американской Конституции – как абсолютное и универсальное участие в общественных делах. Эта точка является исходной, с которой следует видеть Восточную Европу, в которой в XX в. массовое идеологическое производство вышло на уровень государственного строительства и совпало с ним, производя катастрофические последствия в виде сворачивания публичной сферы и публичной свободы. В Восточной Европе, испытывающей дефицит автономных организаций, отчетливо можно понимать ценность, какую имеют и устойчивые формы сотрудничества людей, не освобождающие человека от труда быть человеком, становиться человеком – через определенные поступки и работу мысли, через тренировку воли и труда мысли, через постоянное разрешение конфликтов публичного и частного, национального и локального, корпоративного и индивидуального.

Трансформационные процессы, протекающие в Восточной Европе, умножают количество границ и количество обращений таких границ к субъекту. Субъекту труднее держать в такой ситуации нейтралитет и оставаться в своей области, в мире, где неизвестны источники, откуда приходят события. Умножение границ уменьшает количество фактов в мире, уменьшает количество событий. Это взаимодействие и образует основу преобразований. Совокупность потребителей, руководствующихся индивидуальными стратегиями в своей жизни и лишённые множества механизмов, облегчающих их коммуникацию, стоят на пороге того открытия, что границы не могут игнорироваться, что они даже в процессе потребления находятся в процессе взаимодействия со множеством границ.

Процессу цивилизации, реформы, коммуникации, развития противостоит непонимание и игнорирование. Нежелание понимать превращает любую границу в непроницаемую преграду. Тогда реферат папы римского вызывает только возмущение и протест, протянутая рука воспринимается как рука, поднятая для удара. Тогда судебный процесс превращается в кошмар Кафки. Отказ от рациональности разрушает систему статусов и уничтожает доверие в обществе. Неумение мыслить границу, обозначать ее, использовать ее приводит к отсутствию осмысления отношения между субъектом и границей и делает невозможным пребывание субъекта в состоянии свободы. За несвободой же каждый раз скрывается безответственность, отсутствие логики и смысла.

Рациональность Пограничья остро ставит вопрос о категориях – государство, нация, право, норма, доверие, – которые помогают понимать социальный мир и задавать его, каким он должен быть. В Пограничье происходит работа по называнию мира. Отсутствие должных категорий для осмысления публичного порядка является одной из основных причин для его разрушения.

В этом плане смысл европейской традиции и смысл трансформационных процессов, протекающих в Восточной Европе, заключается в обретении сознания того, что все, что происходит в мире, зависит от твоих личных усилий, что «ты не можешь жить в мире, где неизвестными остаются источники, откуда к тебе “приходят” события...». Также этот опыт можно обозначить как обнаружение ценности границы. Все, что происходит, может входить к тебе, в твой мир через границы, создаваемые тобой и для тебя. Дифференцирующееся общество подобно бриллианту, который, подверженный огранке, подверженный усложнению, становится все более сверкающим и привлекательным.

В Восточной Европе источниками свободы могут быть только те субъекты, которые испытывают потребность в публичном статусе или организуют протопубличную сферу. Это университеты, Церкви, общественные организации, глобальные организации, локальные сообщества – все те субъекты, которые нарушают целостность безальтернативного бессубъектного пространства. И если Макинтайр обозначает кризис модерна как кризис этики, то это вопрос как раз о месте субъекта в современном мире, а также вопрос о той концепции субъекта, который действует в социальном мире. И надо учитывать, что ни один из субъектов, даже тех, что назывались нами, не может обеспечить состояние свободы, ни своей собственной, ни публичной свободы. Только переход, действительное взаимодействие субъектов, а также нормативное регулирование такого взаимодействия может обеспечивать такую свободу. Иначе субъект полностью ассоциируется, к примеру, с Шинелью, поглощается своим статусом, и тогда смерть статуса вызывает смерть человека⁵⁵.

Восточная Европа стоит перед уроком того, как могут быть и существовать свободный человек в публичных структурах и того, как может быть эффективная политика в условиях многообразия. Восточная Европа постоянно ощущает

свою альтернативность. Восточной Европе представляется образец Запада. Однако Восточная Европа не может повторить опыт Запада, поскольку он уникален. А у Восточной Европы есть своя история, которую нельзя отменить. И потому ценности и принципы Восточная Европа должна мыслить в собственном контексте – не для оправдания собственных мерзостей, но для прорастания принципов и ценностей, на основе которых возможным становится хорошее общество – т.е. общество, не противоречащее индивидуальной свободе. И составление публичного пространства и пространства Пограничья является приоритетным, не позволяющим снимать с повестки дня вопрос о свободе и вопрос о человеке.

Сумма

Во введении мы указывали на то, что всякий переход, и в частности – переход целого сообщества, – таинственен, он заслоняется началом, исходным положением и целью. И цели и начала – ярки и реальны, в то время как переход – размыт и не акцентирован. Мы выяснили, что транзитология в своей сути изучает не столько процесс перехода, сколько цели перехода и инструменты перехода. Кроме того, транзитология задает некоторые условия и обеспечивает программу развития сообществ. Вне ее внимания остаются вопросы состояния субъектов перехода, а также сам переход как реальный процесс. Мы начали свое исследование с макроанализа процессов, происходивших внутри транзитологии. Однако в процессе нашего исследования мы в каждой главе приходили к необходимости учитывать состояние субъекта перехода и необходимость выстраивания коммуникативных связей между субъектами в процессе перехода.

Мы обнаружили, что переход – не безличен, и что его нельзя описать, используя набор однозначных категорий. Переход не открывается с точки зрения одного субъекта. Переход фиксируется как граница. Мы обнаружили это при описании проблемы границы, когда приходится вводить пару «*border – boundary*», что позволяет учитывать сложность сообщества, учитывать разные стратегии интеграции социума. Граница имеет смысл только в случае, когда по обе ее стороны находятся субъекты, приходящие во взаимодействие. Граница и возникает как эффект такого взаимодействия.

Эффект появления новых границ проявляется как увеличение степени свободы. Однако так происходит только в том случае, если социальная реальность не понимается субстанциально. Субстанциальное понимание социальной реальности нивелирует границы и позволяет выстраивать стратегии интеграции и развития как бессубъектные. Мы обнаружили это при обращении к существу субъектов, участвующих в переходе, поскольку нам пришлось вводить категорию «субъектоспособность» для обозначения субъектов, которые

в состоянии участвовать в процессе трансформации, и категорию «несубъектоспособность» – для тех, кто не могут понести такой работы. Несубъектоспособный субъект – это нонсенс – некое лицо (или, скорее, факт), наделенное статусом, однако не способное самостоятельно поддерживать актуальность статуса, обеспечивать взаимодействие статуса с иными аспектами своей жизни. Как следствие, несубъектоспособные субъекты способствуют растождествлению частных и публичных ценностей, норм и реальных отношений, создают абсолютно изолированные от любого социального взаимодействия области, потворствуют становлению социальных практик, основанных на несвободе. Несубъектоспособность – это эффект отсутствия публичного пространства, эффект закрытия субъекта и появления социальных фикций. Решение проблемы несубъектоспособности – одна из основных задач, стоящих перед Восточной Европой. За этой проблемой скрывается также вопрос об оппозиции «субъект (индивидуум) – персона (Я)», а также проблема дискретности социального пространства, которое не может быть представлено как субстанциальная сущность, а также проблема существования локальных структур, усиливающих в процессе перехода дискретность пространства своим неучастием в переходе.

Мы пришли к необходимости утверждения значения субъекта и локальных структур, не входящих в универсальные проекты и исследования, и остановились на возражениях, направленных на совершенно неправильное противопоставление публичного порядка и прав человека и его свободы. Свобода задает необходимый контекст исследования социальных изменений, поскольку только в таком случае мы можем поставить вопрос о том, что происходит с отдельным человеком, и только в таком случае мы можем учитывать изменения в социальном мире, представляющем собой дискретную систему.

Примечания

- ¹ Писарев, Д.И. Сочинения: в 6 т. / Д.И. Писарев. 1894.
- ² Berlin, I. Two Concepts of Liberty / I. Berlin // Four Essays on Liberty. London, 1969. P. 121–134, 162–172. Цит. по: Современный либерализм: Ролз, Берлин, Дворкин, Кимлика, Сэндел, Тейлор, Уолдрон / пер. с англ. Л. Б. Макеевой. М., 1998. С. 23.
- ³ Как был свободен, к примеру, Джон Лильберн (John Lilburne, 1615–1657), треть жизни проведенный в тюрьме, не признававший юрисдикции королевских частных судов. Каждый раз, когда его выпускали, он снова совершал какое-нибудь преступление, подобное тому, за которое его посадили изначально, и он снова оказывался в тюрьме. / www.british-civil-wars.co.uk/biog/lilburne.htm The English Levellers: political works / edited by Andrew Sharp. p. cm. – Cambridge University Press, 1998. / www.constitution.org/lev/levellers.htm

- ⁴ 2 Кор. 3–17.
- ⁵ Это проблема очень тонкая и вместе с тем чрезвычайно объемная и масштабная, ее по-настоящему осознала только антропология XX в. В этой проблеме невозможно выделить какой-то отдельный элемент и рассмотреть его изолированно от других. «...Antropologia, to znaczy praca, która zakłada zawieszenie własnych norm, osądów i nałogów mentalnych, moralnych i estetycznych, aby przeniknąć tak daleko, jak to możliwe, w pole widzenia innego i przyswoić sobie jego sposób percepcji...» (Kořakowski, L. Czy diabeł może być zbawiony i 27 innych kawałków / L. Kořakowski. Kraków, 2006. S. 16–17).
- ⁶ См.: <http://www.freedomhouse.org/> Пример отчета за 2005 год: <http://www.infoplease.com/ipa/A0930918.html>
- ⁷ Ханне Арендт принадлежит исследование исторического развития идеи о связи воли и свободы: от отождествления воли с «я могу» до формулы воли как «я хочу» (Arendt, H. The Life of the Mind: 2. Willing / H. Arendt. Harourt, Inc. 1978). Отдельной темой является употребление понятия «свобода» в русском языке.
- ⁸ Geertz, C. Wiedza lokalna. Dalsze eseje z zakresu antropologii interpretatywnej / C. Geertz. Kraków, 2005. S. 67.
- ⁹ Домрин, А.Н. Конституционный механизм чрезвычайного положения. Правовое регулирование и практика применения в Великобритании и Индии / А.Н. Домрин. М., 1998. См. http://www.auditorium.ru/p/index.php?a=presdir&c=sendForm&t=resIndex&nowrap=1&id_res=188&PHPSESSID=8db38308980913dce4c0bf792010f7bb
- ¹⁰ Ошибкой было утверждение того, что субъекты в чрезвычайных обстоятельствах, в ситуации кризиса публичной власти, приобретают свободы и действуют на основании свободы. Милтон Фридман учитывал эту ошибку и, к примеру, настаивал на том, чтобы вместо термина «рынок» использовали выражение «свободный рынок, участниками которого являются частные предприятия». Он утверждал, что «слова «свободный» и «частные» являются даже более важными, чем слово «рынок»» (Фридман, М. Рынок как средство развития общества / М. Фридман // www.cato.ru/pages/69?idcat=179).
- ¹¹ На сайте Президента Беларуси в разделе «Государственная политика» нет ни одного упоминания ни о правах человека, ни об обеспечении свобод белорусских граждан как о приоритетных направлениях государственной политики. Фактически проблема индивидуальных свобод полностью заменена проблемой обеспечения социальных гарантий: «Важную роль в реализации планомерного курса на обеспечение благополучия людей играет выполнение в социальной сфере минимальных государственных стандартов, предусматривающих снабжение граждан продовольствием, теплом, коммуникациями, транспортом, бытовыми услугами, нормальную работу учреждений образования, здравоохранения, культуры. В Беларуси сложилась эффективно действующая система справедливого распределения вознаграждения за труд, социальной защищенности малоимущих граждан и повышения социальной защиты населения в целом. Задача сейчас ставится так: законы Республики

Беларусь о человеке, его нуждах должны быть эталоном социальной справедливости. Ведущей социальной установкой белорусской государственности и ее идеологической платформы, гуманистической по своей направленности, является оптимальное сочетание централизованных гарантий и индивидуального трудового вклада в процветание государства. Только эффективный труд может быть источником экономического и социального успеха личности и государства (<http://www.president.gov.by/press10663.html>).

¹² Примеры этих нарушений фиксируются наиболее четко и последовательно Keston Institute. Целью института Кестон (вначале он носил название «Центр изучения религии и коммунизма», а потом «Кестон Колледж») был сбор достоверной информации о положении верующих различных вероисповеданий в Восточной Европе и Советском Союзе, распространение этой информации через информационные бюллетени, ее анализ в серьезных академических статьях, а также опубликование полученных документов. Институт ставил перед собой задачу защиты прав каждого человека на исповедание и выражение своих религиозных убеждений, на свободу от религиозных преследований в любой их форме. См.: <http://www.keston.org/>.

¹³ См. *Demokracje Europy Środkowo-Wschodniej w peerspektywie porównawczej / pod red. A. Antoszewskiego, R. Herbuta. Wrocław, 1998.*

¹⁴ Реформаторские тенденции в праве Венгрии нашли свое место уже в 1983 г., когда законом о выборах избирателям было предоставлено право выражения предпочтений на выборах, что давало шанс оппозиционным силам. Венгрия стала первой страной в советском блоке, осуществившей такой шаг (*Demokracje Europy Środkowo-Wschodniej w peerspektywie porównawczej. S. 86*).

¹⁵ Сегодня факт допущения множества ошибок, связанных с игнорированием предпосылок реформ, признают сами авторы указанных программ. Так, на официальном сайте Г. Явлинского можно прочитать такие признания экспертов аппарата партии «Яблоко»: «В решающей степени программа 500 дней недооценила действие важнейших факторов, формирующих социальную картину России в любой исторический период» (<http://www.yabloko.ru/Publ/500/500-today.html>).

¹⁶ «Współdziałanie i przewidywalność zachowań innych ludzi są to dwa fundamentalne czynniki przesądzające o kształcie stosunków politycznych i gospodarczych. Przewidywalność zachowań jest funkcją sposobu ich uregulowania przez kulturę» (Hryniewicz, J. *Polityczny i kulturowy kontekst rozwoju gospodarczego / J. Hryniewicz. Warszawa, 2004. S. 24*).

¹⁷ Berlin Isaiah. *Op.cit.* P. 31.

¹⁸ Именно потому, как правило, в социальных отношениях, складывающихся между свободными личностями, не работают механизмы родовой этики. Именно эта проблема возникает перед всеми модернизирующимися обществами, не разработавшими нормы социальной этики. Личностная мораль и родовая мораль потому находятся в глубоком конфликте друг с другом. Ср.:

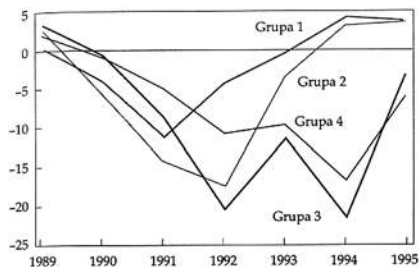
Костюк, К. О православном фундаментализме / К. Костюк // Полис. № 5. 2000.

- ¹⁹ Развитие социального мира, его дифференциация делают неактуальными многие практики признания, а также практики отчуждения. Так, постепенно исчез из публичной жизни ostracism, хотя в СССР до конца 1980-х гг. лишали гражданства, а с помощью «психиатрии» добивались по отношению к инакомыслящим того же, но только более радикальными средствами – через признание не только «чужим», «стоящим вне закона», но «ненормальным». Антропология, углубляющаяся в познание иного, часто встречается в традиционных обществах нечто подобное. Так, К. Гирц рассказывает об истории туземца с острова Бали, который был изгнан соплеменниками в 1953 г., лишен всего имущества и общения. Для человека, укорененного в своем племени, связанного с ним намного сильнее, чем это может представить себе европеец, изгнание означало медленное умирание – полную беззащитность перед голодом, стихией, дикими животными и другими племенами (см.: Geertz, C. *Wiedza lokalna. Dalsze eseje z zakresu antropologii interpretatywnej* / C. Geertz. Kraków, 2005. S. 180–186).
- ²⁰ Один из самых вдумчивых канонистов РПЦ, священник Павел Адельгейм приводит такой пример: «Девушка из Пскова уезжает со своим женихом в Грецию. Там они хотят венчаться и просят дать справку, что они не венчаны. Греки серьёзно относятся к Таинствам. Там невозможно совершить венчание в чужом приходе. Каждый христианин принадлежит к конкретному приходу, в котором его крестят, причащают, венчают и хоронят. Сознание грека не вмещает, что в России можно повенчаться в любом из 20 000 приходов. Чтобы честно выполнить требование, девушке придется отвезти в Грецию 20 000 справок. Только постоянное членство в конкретном приходе актуализирует пребывание христианина в Церкви (Адельгейм, Павел, священник. Догмат о Церкви в канонах и практике / Павел Адельгейм. Псков, 2002. С. 93).
- ²¹ Г. Берман приводит пример нескольких практических вопросов, которые обсуждались в XI–XIII вв. в судебных процессах и были связаны с разрешением проблемы признания: «Должен ли глава корпорации советоваться с членами корпорации, прежде чем принять решение подать в суд? Может ли корпорация совершать преступления? Можно ли учредить корпорацию без разрешения публичной власти? Если корпорация лишается всех своих членов, продолжает ли она свое существование? Если нет, могут ли ее возродить один или два заявителя, соответствующие критериям членства?» и т.д. (Берман, Г. *Западная традиция права* / Г. Берман. М., 1998. С. 212).
- ²² А. Макинтайр замечает: «Социальное определение Я часто, почти всегда, осуществляется через конфликт... Я, как оно представлено в эмотивизме, не может быть просто и безусловно отождествлено с любой конкретной моральной установкой или точкой зрения... уже потому, что его суждения в результате лишены критерия. Конкретно, современное Я, названное мною эмотивистским, не обнаруживает пределов, которые бы служили вердиктом суждениям, потому что такие пределы могли бы быть производными от ра-

- циональных критериев для оценки, а эмотивистское Я не обладает никакими такими критериями. Я может принять любую точку зрения, с высоты которой критике может быть подвергнуто все, включая выбор точки самим Я...» (Макинтайр, А. После добродетели / А. Макинтайр. М.; Екатеринбург, 2000. С. 46–47).
- ²³ Маритен, Ж. Религия и культура / Ж. Маритен. М., 2000. С. 84–85.
- ²⁴ Ф. Шмиттер (Philippe C. Schmitter) в большом исследовании «Угрозы и дилеммы демократии» анализирует ряд таких позиций, с которых ведется критика демократии. Он различает внутренние и внешние дилеммы. К внешним относятся: а) олигархия, б) самоустранение в политике, в) цикличность в политике, г) функциональная автономия (все демократии для выживания должны зависеть от специальных недемократических институтов: от вооруженных сил и центрального банка, к примеру), д) взаимозависимость; к внешним – а) границы и идентификация, б) капиталистическое производство, накопление и распределение, в) перегрузка и неуправляемость, г) коррупция и разложение, д) терпение и разочарование (Шмиттер, Ф. Угрозы и дилеммы демократии / Ф. Шмиттер // <http://evrika.tsi.lv/index.php?name=texts&file=sho w&f=282>).
- ²⁵ Цит. по: Rzegocki, A. Wolność i sumienie. Fenomen liberalnego katolicyzmu w myśli lorda Actona / A. Rzegocki. Kraków, 2004.
- ²⁶ Писания мужей апостольских. Пастырь Ерма. Рига, 1994. С. 168–169.
- ²⁷ Эко, У. Мартини, кардинал. Диалог о вере и неверии. М., 2000.
- ²⁸ Так, к примеру, программа реформы права в Восточной Европе отталкивается от того, что существуют в обществе автономные подсистемы с собственной нормативной системой, благодаря чему право может развиваться. Таковую ситуацию описывает теория аутопоэтических систем, созданная в 1970-е гг. чилийскими биологами Матурано и Варели. Это теория функционирования живых организмов. На почву социальных наук ее перенесли Лукман, Тюбнер и Вильке. И это одно из самых вызывающих явлений современной юриспруденции. Теория вызывает возмущение в традиции права и составляет огромные трудности в ее интерпретации. Но эта одна из наиболее адекватных новейшему времени теорий права (Autopoietic Law / ed. G. Teubner. Berlin-New York, 1988).
- ²⁹ Макинтайр говорит о двух типах использования другого: коммуникативном и манипуляционном: «Для Канта... различие между человеческими отношениями, не сформированными моралью, и отношениями, сформированными ею, в точности представляет различия между отношениями, в которых каждый человек использует других людей главным образом в качестве средства для своих целей, и отношениями, в которых другие люди рассматриваются им в качестве цели. Рассматривать других людей в качестве цели – это значит предлагать им те или иные добрые резоны для того или иного поступка, и вместе с тем предоставлять им возможность для оценки этих резонов» (Макинтайр, А. После добродетели / А. Макинтайр. М.; Екатеринбург, 2000. С. 36).

³⁰ По сути, это предпосылка общественного договора как конституирования новой общности. Ф. Шмиттер о таком процессе говорит так: «Если вообще есть единая общая политическая предпосылка для осуществления демократических преобразований, то таковой является предшествующее существование легитимной политической общности. Прежде чем действующие лица займутся привычным делом конкуренции и сотрудничества, они должны иметь некое надежное представление о других игроках в границах игрового поля. Преобладающим принципом при установлении этих границ и при проведении такой идентификации является принцип “гражданства”. К сожалению, не всегда ясно, что составляет нацию до, во время и даже после демократизации... всегда остаются элементы оппортунистического выбора и коллективного энтузиазма. С уверенностью можно утверждать только одно: чувство национальной идентичности и границ есть результат тайных и сложных исторических процессов, поддающихся тем не менее манипулированию... Для лозунгов самоопределения народов, плебисцитов и референдумов вообще не существует вопроса о праве голосования и о законности навязывания воли победившего большинства побежденному меньшинству» (Шмиттер, Ф. Угрозы и дилеммы демократии / Ф. Шмиттер // Век XX и мир. 1994. 7—8. С. 146).

³¹ За цифрами падения ВВП стоит картина разрушения структур прежнего порядка. Всегда существует зона «прогиба», хорошо иллюстрируемая графиками Группы Мирового Банка:

World Bank. From Plan to Market, World Development Report, Oxford 1996. S. 26.

³² Актон, Дж. Принцип национального самоопределения / Дж. Актон // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др.; пер. с англ. и нем. М., 2002. С. 24.

³³ Г. Грасс ввел понятие «подаренная свобода» в своей речи, произнесенной 8 мая 1985 г. в Берлинской Академии изобразительных искусств (Le Nouvel Observateur, 13-05-2005 // <http://www.inosmi.ru/translation/219576.html>).

³⁴ Наиболее радикальный пример — это история купальных костюмов XIX—XX вв. Постепенно происходит переход от раздельного купания мужчин и женщин, обряженных с головы до пят в одежды, скрывающие тело, — к топless. Однако эволюция купальных костюмов не сопровождается увеличе-

нием распушенности людей. Вступают в действие другие границы, обеспечивающие дистанцию между людьми.

35 На линиях органического пересечения художника с местом его жизни и творчества возникает новая, неведомая прежде реальность, которая не проходит ни по ведомству искусства, ни по ведомству географии (Вайль, П. Гений места / П. Вайль. М., 2006. С. 3).

36 «Преступление и наказание» Достоевского представляет собой опыт перехода одних границ ради того, чтобы повстречать другие, более сильные и выразительные, которые становятся значимыми для героя. Преступник входит во взаимодействие именно с пределами, логическим завершением чего является его изоляция от общества.

37 См.: Элиас, Н. Процесс цивилизации / Н. Элиас. М.; СПб., 2001.

38 В послании апостола Павла к Коринфянам есть такие загадочные для обычного понимания слова: «Каждый оставайся в том звании, в котором призван. Рабом ли ты призван, не смущайся; но если и можешь сделаться свободным, то лучшим воспользуйся. Ибо раб, призванный в Господе, есть свободный Господа; равно и призванный свободным есть раб Христов» (1 Кор. 7: 20–22). Эти слова понимались в Церкви на протяжении всей ее истории однозначно: лучшее здесь – оставаться в рабском звании, не пытаться освободиться. В толковании бл. Феофилакта Болгарского на послания апостола Павла, представляющего собой обширную компиляцию толкований Отцов Церкви, говорится следующее: «...в каком чине и состоянии ты уверовал, в том и оставайся, ибо под призванием понимает приведение к вере. Рабом ли ты принял веру? не беспокойся и не смущайся; ибо рабство вовсе не вредит тебе, так, что, если бы ты мог сделаться свободным, – тем больше поработи себя, жертвуй собой для пользы другим» (Феофилакт Болгарский, архиепископ. Толкование на послания св. апостола Павла. СПб., 1993. С. 144). Возникает вопрос: тогда почему человек приходит в Церковь, если, по-видимому, обращение не меняет ничего во внешнем течении его жизни, – более того, человеку настоятельно предписывается ничего не менять самостоятельно во внешнем течении своей жизни? На это, вероятно, и указывает призыв апостола, – на что-то, что является самым важным и значимым, что здесь не называется прямо и что, можно предположить, составляет суть личности.

39 И сопровождается ограничением свободы ряда субъектов. По словам Ф. Шмиттера, «главное состоит в том, чтобы сделать обязывающий и коллективный выбор (или отказ от выбора) между альтернативными институциональными мероприятиями, совместимыми с существующими социально-экономическими структурами, и культурными реалиями... те государства, которые осуществили демократические преобразования и одновременно быстрые перемены в правах собственников, распределении богатств, в равновесии между властью частных лиц и общественных учреждений и т.д., обычно терпели неудачу и при этом значительно затрудняли консолидацию демократии. Португальцы научились этому на горьком опыте в 1974–1975 гг. Их соседи испанцы усвоили этот урок и решали свои крупные внешние про-

блемы поочередно. Чилийцы острее, чем любая другая страна, столкнувшись с преднамеренно навязанными “ограничивающими условиями”, продвигались очень осторожно и постепенно к их ликвидации. К сожалению, в Восточной Европе и республиках бывшего Советского Союза неизбежен выбор градуализма. Эти страны стоят перед целым комплексом дилемм практически во всех областях политической, социальной, культурной и экономической жизни. Отклик на эти внешние дилеммы может повлечь за собой различные степени “размышления и выбора”. “Классическая” модель (лучше всего иллюстрируемая Филадельфийской Конвенцией 1787 года) представляет учредительное собрание. В Испании этот учредительный опыт использован наиболее эффективно. Наоборот, в некоторых странах ключевые фигуры договорились об отказе от выбора путем простого оживления прежде применявшихся институционных форм либо потому, что наступивший затем авторитарный период был коротким и обошелся относительно без последствий (как в Греции в конце 70-х гг.), либо потому, что некий старый учредительный документ был признан все еще адекватным (как в Аргентине и Литве совсем недавно). На Филиппинах выбор промежуточных процедур был совершен комитетом экспертов. В Чили продолжает действовать документ, навязанный бывшим диктатором Аугусто Пиночетом. Бразилии и некоторым восточноевропейским странам потребовалось долгое время, прежде чем они попытались формально «адеквировать» свои институты. Россия выступает как крайний случай неспособности демократии выбрать какую-либо систему самоограничения институтов» (Шмиттер, Ф. Угрозы и дилеммы демократии // <http://evrika.tsi.lv/index.php?name=texts&file=show&f=282>).

⁴⁰ Необходимо заметить, что игра становится в таком случае жизнью, поскольку невозможно играть «понарошку», невозможно поставить социальный эксперимент без социальных последствий. Невозможно просто сыграть в любнвинок – отношения входят в жизнь через игру.

⁴¹ В романе «Сто лет одиночества» Маркес описывает поиск человеком нового пространства и нахождение в результате этого поиска только новых границ, вызывающих каждый раз приступ ненависти у героя: «Вот так и случилось, что они затеяли поход через горный хребет к морю. Несколько друзей Хосе Аркадио Буэндиа, такие же молодые, как и он, охваченные жадной приключений, покинули свои дома и отправились с женами и детьми искать землю... необетованную. Урсула взяла с собой только сундук с подвенечным нарядом, кое-что из домашней утвари и сундучок с отцовским наследством – золотыми монетами. Никто не позаботился обдумать заранее, какими путями лучше двигаться. Просто решили идти в направлении, противоположном тому, где находится Риоача, чтобы не встретить никого из знакомых и бесследно исчезнуть. Более нелепого путешествия не знал мир. Через год и два месяца, окончательно испортив себе желудок обезьяньим мясом и супом из змей, Урсула произвела на свет сына, все части тела у которого были вполне человеческими. Из-за того, что ноги у нее опухли, а вены на них вздулись, как пузыри, ей пришлось пролежать добрую половину похода в гамаке, под-

вешенном к палке, которую двое мужчин тащили на плечах. Ребятишки переносили тяготы пути лучше, чем их родители, и большую часть времени беспечно резвились, хотя вид у них был жалкий – глаза запали, животы вздулись. Однажды утром, после почти двухлетних скитаний, путника довелось стать первыми смертными, увидевшими западный склон горного хребта. С покрытой облаками вершины они созерцали необъятное, изрезанное реками пространство – огромную долину, расстилавшуюся до другого края света. Но к морю они так и не вышли. ...Ночью Хосе Аркадио Буэндиа приснилось, будто на месте лагеря поднялся шумный город и стены его домов сделаны из чего-то прозрачного и блестящего. Он спросил, что это за город, и услышал в ответ незнакомое, довольно бессмысленное название, но во сне оно приобрело сверхъестественную звучность: Макондо. На следующий день он убедил своих людей, что им никогда не удастся выйти к морю. Приказал валить деревья и расчистить в самом прохладном месте возле реки поляну, на ней они и основали селение» (Маркес, Г. Сто лет одиночества / Г. Маркес. М., 1997).

⁴² В настоящее время строительство клеток – подлинных клеток вокруг сообществ – предпринимают США, Израиль и Китай. США – на границе с Мексикой, Израиль – на границе с Палестиной, Китай – на границе с Северной Кореей.

⁴³ Хотя внешние границы Союза остаются в ведении национальных государств, ЕС создает специальные группы экспертов-пограничников. Они будут помогать рубежным государствам в охране протяженных и трудных участков, особенно там, где возможны осложнения или сильно давление миграционных потоков. К концу 2006 г. будет создан союзный фонд для финансирования охраны внешних рубежей. В 2006 г. был осуществлен еще один шаг по институционализации охраны границ. В конце 2006 г. в Варшаве будет размещено Агентство ЕС по охране границ. Проблема нелегальных мигрантов является весьма острой для ЕС, и границы принимают на себя функции защиты европейского пространства от нелегальных мигрантов. Существует определенный набор мер по достижению такой задачи, наиболее радикальные можно наблюдать в Испании. Под контролем Мадрида находятся две небольшие африканские территории – городки Сеута и Мелилья на марокканском побережье Средиземного моря. Нелегалы давно атакуют эти «заморские владения», пытаясь таким образом проникнуть в Европу. Испанцы были вынуждены огородить Сеуту и Мелилью высокими заборами из колючей проволоки и установить вооруженное патрулирование (на каждую стену ЕС потратил порядка €30 млн) (Журнал Европейского Союза. N 45, декабрь, 2004).

⁴⁴ Зиновьев, А. Постсоветизм. Лекция прочитанная 16 сентября 2005 года в клубе «Улица ОГИ» в рамках проекта «Публичные лекции “Полит.ру”» (<http://www.polit.ru>).

⁴⁵ Гігевіч, В. Карабель / В. Гігевіч. Мінск, 1989.

⁴⁶ Цит. по: Ознобкина, Е. «Начало совершилось, человек сотворен был...» / Е. Ознобкина // Новый Мир. 1997. №5.

- ⁴⁷ Конкуренция капиталов и их взаимная конвертация – еще одна важная тема Пограничья, которую мы не рассматриваем в данной работе.
- ⁴⁸ Актон, Дж. Указ. соч. С. 29.
- ⁴⁹ См.: Классический французский либерализм. М., 2001.
- ⁵⁰ Taine Hippolyte The Anciente Regime. London, 1888. P. 220.
- ⁵¹ Центральные произведения – программные произведения в Восточной Европе сосредоточены вокруг темы национального суверенитета и народной темы (язык, этнография). К примеру, для «Нашай Нівы» тема свободы и тема личности является периферийной. Потому у белорусской или украинской интеллигенции не было инструментов критики политики БССР. И практически отсутствуют основания критики современной политической власти. А коммунисты могли играть с нацменьшинствами, поскольку с легкостью могли воспроизводить их политику (беларусизация, украинизация и пр.), а потому с такой же легкостью сворачивать эти программы. Программа польской «Культуры» имеет множество отличий, поскольку рассматривает судьбы Польши через судьбу поляка и сосредотачивается на теме свободы – не национальной, но личной.
- ⁵² Bauman, Z. Freedom / Z. Bauman. University of Minnesota Press, 1988.
- ⁵³ Хаксли, О. О дивный новый мир / О. Хаксли; пер. с англ. О. Сороки, В. Бабкова; примеч. Т. Шишкиной, В. Бабкова. СПб., 1999.
- ⁵⁴ Оруэлл, Д. «1984» и эссе разных лет / Д. Оруэлл. М., 1989.
- ⁵⁵ «Шинель» Гоголя, «Москва-Петушки» Ерофеева, «Как я съел собаку» С. Гришковца – словно бы о маленьком человеке, но их нельзя рассматривать как памфлеты на чиновничью жизнь, на жизнь советского интеллигента или военного моряка. Это вопли о судьбе свободного человека, детерминированного странными причинами. Это повести о приключениях свободы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Alanen, I. Ristiriitainen Transition (Contradictory Transition) / I. Alanen // Blom R., Nikula. J. Plussat ja Miinukset – Yhteiskuntatutkimuksen Arviointia (Plusses and Minuses – Evaluations on Social Research). Tampere: Lumikki-kustannus, 2004.
- Alexander, J.C. Modern, Anti, Post and Neo: How Social Theories Have Tried to Understand the “New World” of “Our Time” / J.C. Alexander // *Zetschrift für Soziologie*. 1994.
- Almond, G.A. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations / G.A. Almond, S. Verba. Princeton: Princeton University Press, 1963.
- Almond, Gabriel A. The Civic Culture Revisited: An Analytical Study / G.A. Almond, S. Verba. Boston: Little, Brown, 1980.
- Arendt, H. The Life of the Mind: 2. Willing / H. Arendt. Harourt, Inc. 1978.
- Arzeni, S. The End of Globalism / S. Arzeni // *The International System after the Collapse of the East-West Order* / ed. by Clesse A., Cooper R., Sacamoto Y. Dordrecht, 1993.
- Aslund, A. How to Stabilize: Lessons from Post-communist Countries / A. Aslund [et al.]. *Brooking Papers on Economic Activity*. 1996. No.1. P. 217–313.
- Autopoietic Law / ed. G. Teubner. Berlin; New York, 1988.
- Bauman, Z. Freedom / Z. Bauman. University of Minnesota Press, 1988.
- Bauman, Z. Postmodernity, or Living with Ambivalence / Z. Bauman // *A Postmodern Reader*. P. 9–24.
- Benjamin, W. Baudelaire: A Lyric Port in the Era of High Capitalism / W. Benjamin. London, 1973.
- Berger, P. The Homeless Mind. Modernization and Consciousness / P. Berger [et al.]. N.Y., 1971.
- Berlin, I. Two Concepts of Liberty / I. Berlin // *Four Essays on Liberty*. London: Oxford Univ. Press, 1969.

Список литературы

- Bova, R. Political Dynamics of the Post-Communist Transitions / R. Bova. *World Politics* (October), 1991.
- Bratton, M. Neopatrimonial Regimes and Political Transitions in Africa / M. Bratton, N. Walle. *World Politics* (July). 1994.
- Brubaker, R. Nacjonalizm inaczej. Struktura narodowa i kwestie narodowe w nowej Europie / R. Brubaker. Warszawa: Wydawnictwo PWN, 1998.
- Bunce, V. Should Transitologists Be Grounded? / V. Bunce. *Slavic Review*. Vol. 54. № 1.
- Carothers, Th. The End of the Transition Paradigm / Th. Carothers // *Journal of Democracy*. Vol.1. No.1. 2002.
- Claude, Rawson. God, Gulliver, and Genocide. Barbarism and European Imagination, 1492–1945 / R. Claude. Oxford University Press, 2001.
- Colović, I. Polityka symboli / I. Colović. Kraków, 2001.
- Davies, N. Europe / N. Davies. London, 1996.
- Demokracje Europy Środkowo-Wschodniej w perspektywie porównawczej / pod red. A. Antoszewskiego, R. Herbuta. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1998.
- Di Palma, Guisepppe. To Craft Democracies. Reflections on Democratic Transitions and Beyond / G. di Palma. Berkeley: University of California Press, 1990.
- Dworkin, R. Taking Rights Seriously / R. Dworkin. Harvard University Press, 1977.
- Easter, Gerald H. Preference for Presidentialism. Postcommunist Regime Change in Russia and the NIS / G. Easter. *World Politics* (vol. 49, № 2, January). 1997.
- Eralp, A. Turkey and the European Community. Finding New Identities Along Old Lines / A. Eralp // *Toward a European Nation? Political Trends in Europe. East and West, Center and Periphery*. N.Y.; L., 1994.
- Eslund, A. How Russia Became a Market Economy / A. Eslund. Washington, DC: Brookings Institution Press, 1995.
- Eslund, A. Post-Communist Economic Revolutions: How Big the Bang? / A. Eslund. CSIS/Westview, 1992.
- Etzioni, A. The Moral Dimention / A. Etzioni // *Toward New Economic*. N.Y., L., 1989.
- Exploring Individual Modernity / ed. by A.Inkeles. N.Y., 1983;
- Giddens, A. The Consequences of Modernity / A. Giddens. Stanfort, 1990.
- Eyal, G. Making Capitalism Without Capitalists. Class Formation and Elite Struggles in Post-Communist Central Europe / G. Eyal [et al]. London: Verso, 1998.
- Fairbanks, Ch. H., Jr. The Feudalization of the State / Ch. Fairbanks. *Journal of Democracy*. 1999. vol. 10, 2, April.
- Featherstone, M. Globalization, Modernity and Spetialization of Social Theory: an Introduction / M. Featherstone, S. Lash // *Global Modernities* / ed. by M.Featherstone, S. Lash, R.L. Robertson. Thousand Oaks; New Delhi, 1995.
- Fischer, S. The Transition Economies After Ten Years / S. Fischer. IMF, Working Paper WP/00/30, Wash., DC. 2000.

- Fish, M. St. Democracy from Scratch: Opposition and Regime in the New Russian Revolution / M. Fish. Princeton: Princeton University Press. 1995.
- Frisby, D. Fragments of Modernity. Theories of Modernity in the Works of Simmel, Kracauer and Benjamin / D. Frisby. Cambridge, 1986.
- Gajda, E. Wybór źródeł do nauki prawa wyznaniowego / E. Gajda. Toruń, 2004.
- Geddes, B. Challenging the Conventional Wisdom / B. Geddes. Journal of Democracy (October). 1994.
- Geertz, C. Wiedza lokalna. Dalsze eseje z zakresu antropologii interpretatywnej / C. Geertz. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2005.
- Gellner, E. Nations and Nationalism / E. Gellner. Oxford, 1983.
- Giddens, A. Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age / A. Giddens. Stanford. California, 1991.
- Giddens, A. The Consequences of Modernity / A. Giddens. Stanford, 1990.
- Gleick, J. Chaos: Making a New Science/ J. Gleick. New York: Viking, 1987.
- Goffman, Erving. Piętno. Rozważania o zranionej tożsamości / E. Goffman. – Gdańsk: Gdańskie Towarzystwo Psychologiczne, 2005.
- Goldman, M. The Pitfalls of Russian Privatization / M. Goldman. Challenge, 1997. May–June.
- Greenfeld, L. Nationalism: Five Roads to Modernity and Different Worlds / L. Greenfeld. Boston, 2001.
- Hall, E.T. The Hidden Dimension / E.T. Hall. N.Y.; L.; Toronto; Sydney; Auckland. 1990.
- Kohn, H. Nationalism: Its Meaning and History, 1955 / H. Kohn // <http://www.traditio.ru/holmogorov/library/k/kohn/4.htm>
- Hatch, Mary Jo. Teoria organizacji / M. Hatch. Warszawa: Wydawnictwo PWN, 2002.
- Hayek, Friedrich A. The Fatal Conceit: The Errors of Socialism / F. Hayek. Chicago: University of Chicago Press, 1988.
- Heffen, Oscar van. Governance in modern societies: Effects, change and formation of government institutions / O. Heffen, W. Kickert. Kluwer, 2000.
- Hryniewicz, J. Polityczny i kulturowy kontekst rozwoju gospodarczego / J. Hryniewicz. Warszawa, Scholar, 2004.
- Huntington, S. How Countries Democratize / S. Huntington. Political Science Quarterly (vol. 106, № 4. 1991–1992.).
- Huntington, S. The clash of Civilization / S. Huntington // Foreign Affairs. 1993. Vol. 71. № 3. Summer. P. 43.
- Huntington, S. The Third Wave Democratization in the Late Twentieth Century / S. Huntington. Norman, 1991.
- Inglehart, Ronald. The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles Among Western Publics / R. Inglehart. Princeton: Princeton University Press. 1977.
- Inglehart, Ronald. The Renaissance of Political Culture / R. Inglehart. American Political Science Review (vol. 82, № 4, December. 1988).

Список литературы

- Jameson, F. Excerpts from Postmodernism, or the Cultural Logik of Late Capitalism / F. Jameson // *A Postmodern Reader* / ed. by Y. Natoly and L. Hatcheon. N.Y., 1993.
- Janos, Andrew C. Social Science, Communism, and the Dynamics of Political Change / A. Janos. *World Politics* (October). 1991.
- Janowski, M. Podstawowe założenia reformy ustrojowej w Polsce / M. Janowski // *Podstawowe wartości i założenia reformy ustrojowej w Polsce*. Warszawa: Kancelaria Prezesa Rady Ministrów, 1999.
- Stiglitz, Joseph. The Roaring Nineties: seeds of destruction / J. Stiglitz. London, 2003.
- Jowitt, Ken. New World Disorder. The Leninist Extinction / K. Jowitt. Berkeley; Los Angeles; Oxford: University of California Press. 1992.
- Karl, Terry L. Democratization Around the Globe: Opportunities and Risks / T. Karl, P. Schmitter. Klare, Michael T. and Thomas, Daniel C. (eds.). *World Security. Challenges for a New Century*. N.Y.: St. Martin 's Press. 1994.
- Kay, A. Path Dependency and System Memory / A. Kay // Paper to Policy and Politics Conference „Policy and Politics in a Globalising World. Bristol, England 24–26 July, 2003.
- Kołodkowski, L. Czy diabeł może być zbawiony i 27 innych kawałków / L. Kołodkowski. Kraków: Wydawnictwo Znak, 2006.
- Lapidus, Gail W. State and Society: Toward the Emergence of Civil Society in the Soviet Union / G. Lapidus // Seweryn Bialer (ed.). *Politics, Society and Nationality: Inside Gorbachev 's Russia*. Boulder : Westview Press, 1989.
- Larsen, Stein Ugelvik. Introduction. The Democratic Latecomers. Transition to Democracy in Portugal, Spain and Greece / S. Larsen // Larsen, Stein U. (ed.). *Modern Europe after Fascism. Social Science Monographs*. Colombia University Press, 1997.
- Lasch, R. Bunt elit / R. Lasch. Kraków: Platan. 1997.
- Latimore, O. *Studies in Frontier History* / O. Latimore. London, 1962.
- Leath Ian The Need for Trusted Borders – RUSI esentation, 29 June 05 (http://www.raytheon.co.uk/news_room/speeches.html).
- Leimgruber, Walter. Between global and local: Marginality and marginal regions in the context of globalization and deregulation / W. Leimgruber. Ashgate, 2004.
- Lijphart, Arend. *Democracy in Plural Societies. A Comparative Exploration* / A. Lijphart. New Haven and London: Yale University Press, 1977.
- Lind, M. In Defence of Liberal Nationalism / M. Lind // *Foreign Affairs*. 1994. Vol. 73. # 3. May–June.
- Linz, Juan J. The Breakdown of Democratic Regimes: Crisis, Breakdown, and Reequilibration / J. Linz. Baltimore: The Johns Hopkins University, 1978.
- Linz, Juan J. Transitions to Democracy / J. Linz. *The Washington Quarterly* (vol. 13, № 3). 1990.
- Linz, Juan J. Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America and Post-Communist Europe / J. Linz, A. Stepan. Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press, 1996.

Lipset, S.M. *The Third Century. America as a Post-Industrial Society* / S.M. Lipset. Stanford, 1979.

Lipset, S.M. *Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy* / S.M. Lipset. *American Political Science Review* (№ 53). 1959.

Lipset, S.M. *The Social Requisites of Democracy Revisited* / S.M. Lipset. Inkeles, Alex and Sasaki, Masamichi (eds.). *Comparing Nations and Cultures. Readings in a Cross-National Disciplinary Perspectives*. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1996.

Local Government in Turkey. Covering Greater Istanbul / ed. by Heper M.L. Ankara, 1989.

Mahoney, James. *Rethinking Agency and Structure in the Study of Regime Change* / J. Mahoney, R. Snyder. UC Berkeley (Unpublished manuscript), 1995.

Maravall, Jose Maria. *Regimes, Politics, and Markets. Democratization and Economic Change in Southern and Eastern Europe* / J.M. Maravall. N.Y.: Oxford University Press, 1997.

Markoff, John. *The Great Wave of Democracy in Historical Perspective* / J. Markoff. Ithaca: Cornell University, 1994.

McFaul, Michael. *Post-Communist Politics* / M. McFaul. Washington: Center for Strategic and International Studies, 1993.

Motyl, A. *The Modernity of Nationalism. Nations, States and Nation. States in the Contemporary World* / A. Motyl // *Journal of International Affairs*. 1992. Vol. 45. № 2. Winter.

Mussa, M. *The IMF Approach to Economic Stabilization* / M. Mussa, M.A. Savastano // *IMF Working Paper WP/99/104*, Wash., DC. 1999.

Nation and Identity in Contemporary Europe / ed. by B.Jenkins and S.Sofos. London, 1996.

North, D. *Understanding Economic Change*. 1999 // <http://www.nap.edu/reading-room/books/transform/sec-1.htm>

Nye, Joseph. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*, 2004.

O'Donnel, Guillermo. *Transitions from Authoritarian Rule. Tentative Conclusions About Uncertain Democracies* / G. O'Donnel, Ph.Schmitter. Baltimore: The Johns Hopkins University Press. 1986.

O'Donnel, Guillermo. *Delegative Democracy* / G. O'Donnel. *Journal of Democracy* (vol. 5, № 1). 1994.

O'Neil, Patrick H. *Revolution from Within. Institutional Analysis, Transitions from Authoritarianism, and the Case of Hungary* / P. O'Neil. *World Politics* (July). 1996.

Piekarczyk, S. *Barbarzyńcy i chrześcijaństwo* / S. Piekarczyk. Warszawa, 1968.

Pierson, Christopher. *The modern state* / C. Pierson. Routledge, 1996.

Pietrzak, M. *Prawo wyznaniowe* / M. Pietrzak. Warszawa, 1995.

Politics of the Territorial Identity / ed. by S.Rokkan. Oslo, 1982.

Postkomunistyczne transformacje / pod. red. T. Buksińskiego. Poznań, 2002.

Przeworski, Adam. *Democracy and the Market. Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America* / A. Przeworski. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

Список литературы

- Przeworski, Adam. Modernization, Theories and Facts / A. Przeworski, F. Limongi. World Politics (January). 1997.
- Reisinger, William. Establishing and Strengthening Democracy / W. Reisinger. Grey, Robert D. (ed .). Democratic Theory and Post-Communist Change. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1997.
- Rzegocki, Arkady. Wolność i sumienie. Fenomen liberalnego katolicyzmu w myśli lorda Actona / A. Rzegocki. Kraków: Ośrodek myśli Politycznej, Księgarnia Akademicka, 2004.
- Rona-Tas, A. Path-Dependence and Capital Theory: Sociology of the Post-Communist Economic Transformation,. 2002 ([www. hi.rutgers.edu/szelenyi60/rona-tas.html](http://www.hi.rutgers.edu/szelenyi60/rona-tas.html)).
- Rustow, Dankwart. Transitions to Democracy / R. Rustow // Comparative Politics. 1970. № 2.
- Sachs, J. Poland's Jump to the Market Economy / J Sachs. Cambridge: MIT Press, 1993.
- Sartori, G. Rethinking Democracy: Bad Polity and Bad Politics / G. Sartori // International Social Science Journal. 1991. V. 129.
- Schmitter, Philippe C. Neo-Corporatism and the Consolidation of Neo-Democracy / Ph. Schmitter. Paper presented at "The Challenges of Theory Symposium" (Moscow, June 17-21, 1996).
- Schmitter, Philippe C. The Conceptual Travels of Transitologists and Consolidologists: How Far to the East Should They Attempt to Go? / Ph. Schmitter, T. Karl // Slavic Review (vol. 53, № 1). 1994.
- Scruton, R. Intelektualiści nowej lewicy / R. Scruton. Poznań: Zysk i S-ka Wydawnictwo, 1999.
- Shin, Don Chull. On the Third Wave of Democratization. A Synthesis and Evaluation of Recent Theory and Research / D. Shin. World Politics (October). 1994.
- Stark, D. Postsocialist Pathways. Transforming Politics and Property in East Central Europe / D. Stark, L. Bruszt. New York: Cambridge University Press, 1998.
- Starr, Frederick S. Soviet Union: A Civil Society / F. Starr. Foreign Policy (Spring). 1988.
- State formation, nation building, and mass politics in Europe: The theory of Stein Rokkan. / Peter Flora ed. Oxford, 1999.
- Steinberger Peter The Idea of the State. Cambridge University Press, 2004.
- Stepan, Alfred (ed.). Democratizing Brazil. Problems of Transition and Consolidation / A. Stepan. N. Y.; Oxford: Oxford University Press, 1989.
- Stiglitz, Joseph E. The Roaring Nineties: seeds of destruction / J. Stiglitz. London, 2003.
- Storper, Michael. The regional world: Territorial development in a global economy / M. Storper. Guilford, 1997.
- Suchocka, H. Nauczanie religii w szkole w swietle konstytucyj i ustawodawstwa wybranych panstw europejskich / H. Suchocka // Nauczanie religii w szkole w panstwie demokratycznym. Lublin, 1991.

Sztompka, P. Civilizational Incompetence: The trap of post-communist Societies / P. Sztompka // Zeitschrift fur Soziologie. 1993.

Taine Hippolyte The Anciente Regime. London, 1888.

Terry, Sarah M. Thinking About Post-Communist Transitions: How Different Are They? / S. Terry // Slavic Review (vol. 52, № 2). 1993.

The English Levellers: political works / ed. by Andrew Sharp. p. cm. Cambridge University Press, 1998 (www.constitution.org/lev/levellers.htm).

Weber, M. Gospodarka i społeczeństwo. Zarys socjologii rozumiejącej / M. Weber. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe WAM, 2002.

Weber, M. Gospodarka i społeczeństwo. Zarys socjologii rozumiejącej / M. Weber. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe WAM, 2002.

Weil, Simone. The need for roots. Prelude to a Declaration of Duties Toward Mankind / S. Weil. NY, 1992.

What Washington Means by Policy Reform / in John Williamson, ed. Latin American Adjustment: How Much Has Happened? Washington: Institute for International Economics, 1990.

Wolfensohn, J.D. A Proposal for a Comprehensive Development Framework / J.D. Wolfensohn. Mimeo, Wash., DC: World Bank. 1999.

World Bank. From Plan to Market, World Development Report, Oxford 1996.

Абдзіраловіч, І. Адвечным шляхам / І. Абдзіраловіч // Вобраз-90. Мінск, 1990.

Авдашева, С. Турция: национальная модель либеральной экономики / С. Авдашева // Общественные науки и современность. 1993. № 3. С. 50.

Адельгейм Павел, свящ. Догмат о Церкви в канонах и практике. Псков, 2002.

Актон, Дж. Принцип национального самоопределения / Дж. Актон // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др.; пер. с англ. и нем. М.: Праксис, 2002.

Алексеев, Н. Советский федерализм / Н. Алексеев // Общественные науки и современность. 1992. № 1.

Андерсон, Б. Воображаемые сообщества / Б. Андерсон. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково Поле, 2001.

Андерсон, Б. Национализм, идентичность и логика серийности / Б. Андерсон // Логос. № 2. 2006.

Антанович, И. После современности / И. Антанович // ARCHE. 1999. № 1.

Арендт, Ханна. Истоки тоталитаризма / Х. Арендт; пер. с англ. И. Борисовой, Ю. Кимелева, А. Ковалева, Л. Седова, Ю. Мишкенене. М.: ЦентрКом, 1996.

Барт, Р. Избранные работы / Р. Барт. М., 1994.

Бауман, З. Индивидуализированное общество / З. Бауман. М., 2005.

Бауэр, О. Национальный вопрос и социал-демократия / О. Бауэр. СПб., 1909.

Белая книга. Материалы по проекту Закона «О свободе совести и религиозных организациях». Минск, 2002.

Бенедикт XVI. Deus caritas est. 2005.

Список литературы

- Бенхабиб, С. Притязания культуры / С. Бенхабиб. М.: Логос, 2005.
- Бердяев, Н. Смысл истории. Новое средневековье / Н. Бердяев. М.: Канон+, 2002.
- Берк, Э. Размышления о революции во Франции / Э. Берк // <http://www.conservator.ru/lib/berk/index.shtml>.
- Берман, Г. Западная традиция права / Г. Берман. М.: Издательство МГУ, 2001.
- Бетмакаев, А.М. Идентичность за Берлинской стеной: восточные немцы и «режим СЕПГ» в 1961–1989 гг. / А.М. Бетмакаев.
- Бобков, И. Вместо предисловия. / И. Бобков, П. Терешкович // *Перекрёстки. Журнал исследований восточноевропейского пограничья*. 2004. № 1–2.
- Боден, Жан. Метод легкого познания истории / Ж. Боден. М., 2000.
- Бредникова, О. Интерпретируя приграничье: метафоры «окна», «зеркала» и «витрины» / О. Бредникова // *После империи: исследования восточноевропейского Пограничья*. Вильнюс: ENU-International, 2005.
- Бреский, О. Соединяя разорванное / О. Бреский // *Брестские епархиальные ведомости*. 2000. № 19.
- Бродель, Ф. «Что такое Франция?» Книга первая: Пространство и история / Ф. Бродель; пер. с фр. М., 1994.
- Бурдые, П. Поле экономики / П. Бурдые // *Социальное пространство: поля и практики*. СПб.: Алетей, 2005.
- Бурдые, П. Социальное пространство: поля и практики / П. Бурдые. М.: Алетей, 2005.
- Вайль, П. Гений места / П. Вайль. М., 2006. С. 3.
- Вебер, М. Город / М. Вебер. М., 2002.
- Вишневская, А.В. Конфликтология. Лекция 3: Теория агрессии Конрада Лоренца / А.В. Вишневская. [Электронный ресурс] <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/46613>
- Вульф, Л. Изобретая Восточную Европу / Л. Вульф. М.
- Вульф, Л. Переписка / Л. Вульф, А. Янов // *Неприкосновенный запас*. 2002. № 6(26).
- Гельман, В.Я. Региональные режимы: завершение трансформации / В.Я. Гельман // *Свободная мысль*. 1996. № 9.
- Гельман, В.Я. Трансформация в России: политический режим и демократическая оппозиция / В.Я. Гельман. М., 1999.
- Геродот. История. [Электронный ресурс] <http://ancientrome.ru/antlitr/herodot/-herodot6.htm>
- Гидденс, Э. Устроение общества / Э. Гидденс. М.: Академический проект, 2005.
- Гігевіч, В. Карабель / В. Гігевіч. Мінск: Мастацкая літаратура, 1989.
- Гофман, И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта / И. Гофман; под ред. Г.С. Батыгина, Л.А. Козловой. М., Институт социологии РАН, 2003.

Гофф ле, Ш. Цивилизация средневекового Запада / Ш. ле Гофф. М.: Прогресс, 1992. С. 270–271.

Грасс, Г. Le Nouvel Observateur, 13-05-2005 // <http://www.inosmi.ru/translation/219576.html>

Давыдов, Ю.Н. Укрощение Левиафана, или социальные потенции обычного согласия / Ю.Н. Давыдов // Полит. исслед. 1994. № 2, 3.

Девятова, И.С. Понятие нации: очерк становления и перспективы развития / И.С. Девятова // Философские дескрипты. Вып. 2. Алтайский государственный университет, 2003.

Домрин, А.Н. Конституционный механизм чрезвычайного положения. Правовое регулирование и практика применения в Великобритании и Индии / А.Н. Домрин. М.: Московский общественный научный фонд, 1998 (http://www.auditorium.ru/p/index.php?a=presdir&c=sendForm&r=resIndex&nowrap=1&id_res=188&PHPSESSID=8db38308980913dce4c0bf792010f7bb).

Дюверже, М. Политические партии / М. Дюверже. М., 1998.

Ерофеев, В. Москва–Петушки / В. Ерофеев // Весть. М., 1991.

Зиновьев, А. Постсоветизм. Лекция прочитанная 16 сентября 2005 года в клубе «Улица ОГИ» в рамках проекта «Публичные лекции “Полит.ру”» / А. Зиновьев // [Электронный ресурс] <http://www.polit.ru>

Зиновьев, А. Зияющие высоты / А. Зиновьев. М., 1991.

Злыднева, Н.В. Художественная традиция в пространстве балканской культуры / Н.В. Злыднева. М., 1991.

Зотов, А.Ф. Новый тип глобальной цивилизации / А.Ф. Зотов // Полит. исслед. 1993. № 4.

Ильин, И. О сущности правосознания / И. Ильин. М., 1992.

История древнего мира: в 3-х т. / под ред. И.М. Дьяконова. М.: Главная редакция восточной литературы, 1989. Т. 1.

Йоас, Х. Креативность действия / Х. Йоас. Санкт-Петербург: Алетея, 2005.

Кант, И. Сочинения / И. Кант. Т. 6.

Картье, Р. Тайны войны. По материалам Нюрнбергского процесса / Р. Картье. Б.м., Посев, 1948.

Кахраман, Х. Исторический тупик турецких интеллектуалов / Х. Кахраман // Неприкосновенный запас. 2003. №1.

Кельзен, Г. Чистое учение о праве / Г. Кельзен. М., 1988. Т. 2.

Кин, Д. Демократия и гражданское общество / Д. Кин. М.: Прогресс-Традиция, 2001.

Классический французский либерализм. М.: РОССПЕН, 2001.

Козлов, В.И. Национализм, национал-сепаратизм и русский вопрос / В.И. Козлов // Отечественная история. № 2. 1993.

Кокошин, А.А. Реальный суверенитет в современной мирополитической системе / А.А. Кокошин. М., 2005.

Конституции зарубежных государств. М.: «Издательство БЕК», 1999.

Список литературы

- Коппитерс, Б. Европеизация и разрешение конфликтов: конкретные исследования европейской периферии / Б. Коппитерс [и др.]. М.: Весь мир, 2005.
- Костюк, К. О православном фундаментализме / К. Костюк. Полис. № 5. 2000.
- Крижанич, Ю. Политика / Ю. Крижанич. М.: Новый свет, 2001. С. 329–335.
- Курильски-Ожвэн, Ш. Образы права в России и Франции / Ш. Курильски-Ожвэн [и др.]. М., 1996.
- Лев XIII Regum Novarum (1891).
- Левандовский, В. Украина в геополитических концепциях первой трети XX столетия / В. Левандовский // Политическая мысль. Киев, 1994. № 3.
- Лейпхарт, А. Демократия в многосоставных обществах. Сравнительное исследование / А. Лейпхарт. М., 1998.
- Леонтьев, К. Записки отшельника / К. Леонтьев. М., 1993. С. 59.
- Лесік, Я. Аўтаномія Беларусі / Я. Лесік. Мінск, 1990.
- Липман, У. Публичная философия / У. Липман. М., 2004.
- Лосев, А.Ф. Античный космос и современная наука / А.Ф. Лосев // Бытие. Имя. Космос. М., 1993.
- Лосев, А.Ф. Бытие. Имя. Космос / А.Ф. Лосев. М., 1993.
- Лотман, Ю. Внутри мыслящих миров / Ю. Лотман. СПб.: «Искусство-СПБ», 2000.
- Лотман, Ю. Культура и взрыв / Ю. Лотман. М., 1991.
- Лукин, А.В. Демократизация или кланизация? Эволюция взглядов западных исследователей на перемены в России / А.В. Лукин // Полис. 2000. № 3.
- Луман, Н. Дифференциация / Н. Луман. М.: Логос, 2006.
- Макинтайр, А. После добродетели / А. Макинтайр. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000.
- Мамардашвили, М. Как я понимаю философию / М. Мамардашвили. М.: Издательская группа «Прогресс», 1992.
- Манаеў, А. У Беларусі ёсць сацыяльная база для вяртаньня ў Эўропу [Электронный ресурс] \ <http://www.svaboda.org/textarticles/features/politics/2006/5/73352983-4235-4736-9DD2-7935C01CD5C8.html>
- Маритен, Ж. Религия и культура / Ж. Маритен. М.: Христианская Россия, 2000.
- Маркес, Г. Сто лет одиночества / Г. Маркес. М.: Локид, 1997.
- Мельниль, А.Ю. Демократические транзиты (теоретико-методологические и прикладные аспекты) / А.Ю. Мельниль. М., 1999.
- Мид, М. Мир культуры и мир детей / М. Мид. М., 1983.
- Миллер, А. Западные окраины Российской империи / А. Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2006.
- Монсон, П. Лодка на аллеях парка // [Электронный ресурс] / <http://www.politnauka.org/files/monson.rar>.
- Мрый, А. Записки Самсона Самосуя / А. Мрый. М.: Советский писатель, 1991.

От транзитологии к теории Пограничья

Мюллер, К. Смена парадигм посткоммунистической трансформации / К. Мюллер // Социологические исследования. 2002. № 9.

Назарчук, А.В. Язык в трансцендентальной прагматике К. Апеля. [Электронный ресурс] // http://i-e.ru/biblio/archive/nasarchuk_ja.

Наим, М. Вашингтонский консенсус или вашингтонское замешательство? // [Электронный ресурс] <http://old.russ.ru/politics/econom/20010326naim.html> <http://www.foreignpolicy.com/> Spring, 2000.

Науманн, Ф. Срединная Европа / Ф. Науманн. Пг., 1918.

Наумова, Н.Ф. Социальная политика в условиях запаздывающей модернизации / Н.Ф. Наумова // Социол. журн. 1994. № 1.

Неф, Р. Да здравствует нон-централизм! / Р. Неф. М.: Фонд «Либеральная миссия», 1995.

Новак, М. Дух демократического капитализма / М. Новак. Минск: Лучи Софии, 2000.

Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. М.: Фонд экономической мысли «Начала», 1997.

Носевич, В. Традиционная белорусская деревня в европейской перспективе / В. Носевич. Мн.: Технология, 2004.

Ноув, Алек. Какой должна быть экономическая теория переходного периода? Критический обзор *Revue européenne des sciences sociales*. Т. XXXI, 1993, № 96. P. 133–141. 16 / А. Ноув // Вопросы экономики. 1993. № 11.

Ознобкина, Е. Начало совершилось, человек сотворен был... / Е. Ознобкина // Новый мир. 1997. № 5.

Окунет, Л.С. Политическая мысль современной Бразилии: теории развития, модернизации, демократии / Л.С. Окунет // Феномен пост-авторитарного развития: опыт Бразилии и его значение для России. М., 1994.

Оруэлл, Д. «1984» и эссе разных лет / Д. Оруэлл. М.: Издательство «Прогресс», 1989.

Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. М., 2000.

Осорина, М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых / М.В. Осорина. СПб.: Питер, 2000.

Парсонс, Т. О социальных системах / Т. Парсонс. М.: Академический проект, 2002.

Переписка Иоанна Грозного с Андреем Курбским. М., 1993.

Пий XI *Quadragesimo Anno* (1931).

Писания мужей апостольских. Пастырь Ерма. Рига: Латвийское библейское общество, 1994.

Писарев, Д.И. Соч.: в 6 т. / Д.И. Писарев. 1894.

Покровский, И.А. История Римского Права / И.А. Покровский. СПб., 1917 (Allpravo.Ru - 2004. file:///library/doc2527p0/instrum3503/).

Поппер, К.Р. Нищета историцизма / К.Р. Поппер; пер. с англ. М., 1993.

После империи: исследования восточноевропейского Пограничья. Вильнюс, ENU-International, 2005.

Список литературы

- Поспеловский, Д. Православная Церковь в истории Руси, России и СССР / Д. Поспеловский. М.: ББИ, 1996.
- Пройсс, У. Модели конституционного развития и перемены в Восточной Европе / У. Пройсс // Полис. 1996. № 4.
- Рансимен, С. Восточная схизма. Византийская теократия / С. Рансимен. М.: Наука, 1998.
- Рацингер, Й., кардинал. Введение в христианство / Й. Рацингер. М. 2001.
- Рено, А. Эра индивида. К истории субъективности / А. Рено; пер. с франц. С.Б. Рындина; по ред. Е.А. Самарской; статья Б.В. Маркова. СПб.: «Владимир Даль», 2002.
- Риккерт, Г. Границы естественнонаучного образования понятий. Логическое введение в исторические науки / Г. Риккерт. СПб.: Наука, 1997.
- Розанов, В. Около церковных стен / В. Розанов. М., 1999.
- Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология / сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М.: Новое издательство, 2005.
- Роуз, Р. Сравнительный анализ массового восприятия процессов перехода стран Восточной Европы и бывшего СССР к демократическому обществу / Р. Роуз, и Кр. Харпфер // Информационный бюллетень мониторинга (№ 4, июль – август). 1996.
- Рулан, Н. Юридическая антропология / Н. Рулан. М.: Норма, 2000.
- Рын, К. Дэмакратыя і этычнае жыццё / К. Рын. Мінск: Беларускі Фонд Сораса, 1996.
- Самуэльсон, П.А. Экономика / П.А. Самуэльсон, В.Д. Нордхаус. М.: Лаборатория Базовых Знаний, 2000.
- Сийес, аббат. Что такое третье сословие? / аббат Сийес. М., б.г.
- Сили, Дж. Британская империя / Дж. Сили, Крэмб. М., 2000.
- Сміт, Э. Нацыяналізм у XX стагодзі / Э. Сміт. Мінск: Беларускі Фонд Сораса, 1995.
- Современный либерализм: Ролз, Берлин, Дворкин, Кимлика, Сэндел, Тейлор, Уолдрон / пер. с англ. Л.Б. Макеевой. Москва: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1998.
- Солженицын, А.И. Один день из жизни Ивана Денисовича / А.И. Солженицын. М., 1999. [Электронный ресурс] <http://lib.ru/PROZA/SOLZHENICYN/ivandenisych.txt>
- Сото, де Э. Иной путь. Невидимая революция в Третьем мире / Э. де Сото. М.: Catalaxu, 1995.
- Степан, А. Различные типы конституционного устройства и укрепление демократии / А. Степан, С. Скэч // Демократия 1990-х. Спецвыпуск журнала «Глобальные проблемы переходного периода». 1998. № 6.
- Стиглиц, Дж. Куда ведут реформы? / Дж. Стиглиц // Вопр. экономики. М., 1999. № 7. С. 4–30.
- Сумм, Л. Римский стык / Л. Сумм // Новый мир. 2000. № 11.

От транзитологии к теории Пограничья

Сэлинджер, Д. Над пропастью во ржи. Повести / Д. Сэлинджер. М.: Художественная литература, 1983.

Тоффлер, Э. Третья Волна / Э. Тоффлер. М.: АСТ, 2002.

Требиш, Р. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? / Р. Требиш. М., 1992.

Троицкий, А. Рок в СССР. Неприукрашенная история / А. Троицкий. М., 1991.

Федотов, Г. Стихи духовные / Г. Федотов. М.: Гнозис, 1991.

Федотова, В.Г. Модернизация Другой Европы / В.Г. Федотова. М., 1997.

Филиппов, А. Карл Шмитт. Расцвет и катастрофа. Послесловие к изд. / А. Филиппов // Политическая теология. М.: Кучково Поле, 2000.

Флоровский, Г. Пути русского богословия / Г. Флоровский. Вильнюс, 1991.

Фридман, М. Четыре шага к свободе / М. Фридман // Общественные науки и современность. 1993. № 3.

Фридман, М. Рынок как средство развития общества. www.cato.ru/pages/69?idcat=179.

Фромм, Э. Человек для себя. Исследование психологических проблем этики / Э. Фромм. Минск: КЛЛлегиум, 1992.

Фукуяма, Ф. Великий разрыв / Ф. Фукуяма. М., 2003.

Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма. М.: Издательство АСТ, 2004.

Хабермас, Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории / Ю. Хабермас. СПб.: Наука, 2001.

Хабермас, Ю. Демократия, разум, нравственность. Лекции и интервью. М. Апрель 1989 / Ю. Хабермас. М., 1990.

Хабермас, Ю. Модерн – незавершенный проект / Ю. Хабермас // Вопр. философии. 1991. № 4.

Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. СПб: Наука, 2001.

Хабермас, Ю. Политические работы / Ю. Хабермас. М.: Практика, 2005.

Хайдеггер, М. Отрешенность / Разговор на проселочной дороге / М. Хайдеггер. М.: Высшая школа, 1991.

Хаксли, О. О дивный новый мир / О. Хаксли; пер. с англ. О. Сороки, В. Бабкова; примеч. Т. Шишкиной, В. Бабкова. СПб.: Амфора, 1999.

Харитонов, Оксана. Генезис демократии (Попытка реконструкции логики транзитологических моделей) / О. Харитонов. Полис. № 5. 1996.

Хомский, Н. Неолиберализм и глобальный порядок. [Электронный ресурс] http://www.old.russ.ru/politics/econom/20010326_naim

Цьвікевіч, А. «Западно-руссизм»: нарысы з гісторыі грамадскай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX в. / А. Цьвікевіч. Менск: Навука і тэхніка, 1993.

Черутти, Симона. Скорый суд / С. Черутти // Неприкосновенный запас. 2005. № 5.

Честертон, Г.К. Вечный человек / Г.К. Честертон. М., 1993.

Список литературы

- Чиркин, В.Е. Конституционное право зарубежных стран / В.Е. Чиркин. М., 1997.
- Шевцов, В.С. Государственный суверенитет / В.С. Шевцов. М., 1980.
- Шматко, Н.А. «Социальное пространство» Пьера Бурдьё / П. Бурдьё // Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетейя. 2005.
- Шмитт, К. Политическая теология / К. Шмитт. М., Кучково Поле, 2000.
- Шмиттер, Ф. Угрозы и дилеммы демократии / Ф. Шмиттер // Век XX и мир. 1994. 7–8.
- Шмиттер, Ф. Угрозы и дилеммы демократии / <http://evrika.tsi.lv/index.php?name=texts&file=show&f=282>
- Шпарага, О. О необходимости субъективации Пограничья / О. Шпарага // После империи: исследования восточноевропейского Пограничья / под ред. И. Бобкова, С. Наумовой, П. Терешковича. Вильнюс: ЕГУ-International, 2005.
- Шыбека, З.В. Гарды Беларусі (60-я г. XIX – пачатак XX стагоддзя) / З.В. Шыбека. Мінск, 1997.
- Эйзенштадт, Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / Ш. Эйзенштадт. М., 1999.
- Эко, У. Средние века уже начались / У. Эко // Иностранная литература. 1994. N 4.
- Эко, У. Мартини, кардинал. Диалог о вере и неверии. М.: Христианская Россия, 2000.
- Элиас, Н. Общество индивидов / Н. Элиас. М.: Праксис, 2001.
- Элиас, Н. Процесс цивилизации / Н. Элиас. М.; СПб.: Университетская книга, 2001.
- Эллюль, Ж. Политическая иллюзия / Ж. Эллюль. М.: Nota Bene, 2003.
- Янов, А. Россия и Европа. 1462–1921 / А. Янов. М.: ОГИ, 2005.

Научное издание

Бреский Олег

Бреская Ольга

**ОТ ТРАНЗИТОЛОГИИ
К ТЕОРИИ ПОГРАНИЧЬЯ**

Очерки деконструкции концепта «Восточная Европа»

Ответственный за выпуск *Л.А. Малевич*

Корректор *Е.В. Савицкая*

Технический редактор *О.Э. Малевич*

Издательство

Европейского гуманитарного университета

г. Вильнюс, Литва

www.ehu.lt

e-mail: office@ehu.lt

Подписано в печать 03.04.2008. Формат 60x90¹/₁₆.

Бумага офсетная. Гарнитура «GaramondNarrow».

Уч.-изд. л. 21,09. Усл. печ. л. 21,25. Тираж 300 экз.

Отпечатано «Petro Ofsetas»

Žalgirio g. 90, LT-09303 Vilnius